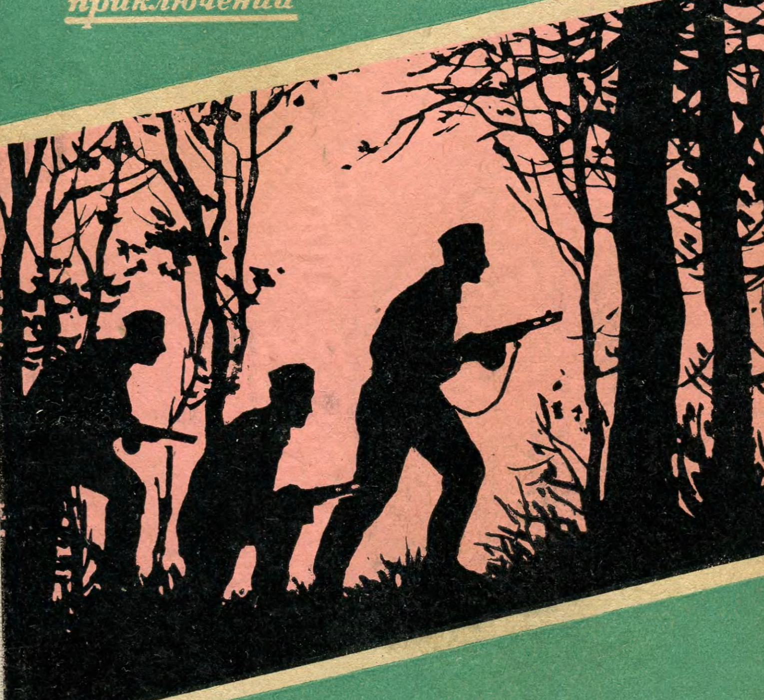
Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

ИВАН СТАДНЮК

Место происшествия — фронт

Скан и обработка:
krestik

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИВАН СТАДНЮК

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ — ФРОНТ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Иван Фотиевич Стаднюк родился в 1920 году в селе Кордышевке, Вороновицкого района, Винницкой области.

Окончив десятилетку, поступил в Украинский Коммунистический институт журналистики (г. Харьков), откуда зимой 1939 года призван в армию. Весной 1941 года окончил Смоленское военно-политическое училище и был назначен секретарем дивизионной газеты.

Великую Отечественную войну встретил в Западной Белоруссии. С первого и до последнего дня войны находился в действующей армии. Был трижды ранен. Награжден четырьмя орденами и семью медалями.

С 1940 года И. Стаднюк член КПСС.

После войны, продолжая службу в армии, получил военно-историческое образование, а в 1957 году закончил редакторский факультет Московского заочного полиграфического института.

За последние годы И. Стаднюк опубликовал следующие произведения: повесть в рассказах «Максим Перепелица» и литературный сценарий для одноименного художественного фильма, повести «Человек не сдается», «Следопыты», «Это не забудется», «В Пинских болотах», книжку рассказов «На родной земле», сборники повестей и рассказов «Сердце солдата» и «Люди с оружием».

И. Стаднюк — член Союза советских писателей.

В настоящий сборник входят повести «Человек не сдается», «Следопыты», «Перед наступлением», рассказы «Своими руками», «Лейтенант Вернидуб», «Пан» Печерица и лопатка».

ЧЕЛОВЕК НЕ СДАЕТСЯ

1

Вагон мягко вздрагивал на стыках рельсов и дробно пристукивал колесами. За окном стелилось зеленое с сизыми проседями тумана поле. Затем поплыли отцветшие сады, среди которых белели под соломенными замшелыми крышами мазанки. Под самым окном замигал крынками и горшками на кольях хворостяной плетень, где-то внизу тускло блеснула взлохмаченная ветром заводь с раскоряченными ветвями затонувших верб.

Петр Маринин был в купе один. Час назад он проснулся, и первая мысль, пришедшая в голову, заставила его радостно засмеяться. Ведь не надо, как было два года подряд, суматошно вскакивать с постели, торопливо одеваться, чтобы успеть через три—четыре минуты после подъема встать в строй. Можно лежать, сколько душе угодно, не боясь грозного окрика старшины или замечания дежурного по роте. И тем не менее Петр вскочил с постели быстро, как по тревоге, оделся, умылся и только позволил себе не сделать физзарядку, хотя отдохнувшие за ночь мышцы сладко ныли, требуя разминки.

И вот он, накинув на плечи плащ, сидит у от-

крытого окна, наблюдая, как там, за вагоном, разгорается утро, как по земле рассыпается под первым лучом солнца росное серебро.

Не верилось, что это он едет в поезде — вчерашний курсант военно-политического училища, что это на нем шуршит при каждом движении пахнущий резиной новый плащ, что это на его гимнастерке, если поднять руку и потрогать петлицы, холодят пальцы два квадратика, а на рукаве горит красная звезда с золотым серпом и молотом... Да, теперь он уже не рядовой, а политработник, младший политрук. И не будет больше для него казармы, строгого старшины, не будет привычных и так надоевших команд «Подъем», «Строиться», «Шагом марш» и многого другого не будет, без чего немыслима курсантская жизнь и вполне мыслима жизнь младшего политрука, самостоятельного человека, назначенного на солидную для двадцатидвухлетнего парня должность секретаря газеты мотострелковой дивизии.

Петр с благодарностью вспомнил старшего лейтенанта Литвинова — своего командира роты в училище. Это он выхлопотал у начальства для него, Маринина, разрешение сделать по пути к месту службы короткую остановку в Киеве, чтобы повидаться с Любой...

При мысли о Любе, о скорой встрече с ней гулко забилось сердце, стиснутое безотчетно-тревожной радостью и нетерпеливым желанием быстрее оказаться там, в Киеве... И чем ближе встреча, тем беспокойнее, что окажется она не такой, какую видел в мечтах. Ведь сколько раз уже так бывало: задумает одно, а получается все наперекор. Вроде судьба, если есть она, испытывает его сердце, его мужское самолюбие и делает

все так, чтобы не Люба страдала по нему, а он терзался от того, что счастье, казавшееся таким близким, вдруг исчезало, как мираж, и снова манило к себе откуда-то издалека...

Они вместе с Любой кончали десятилетку... Маринин мыслями уносится в родной Тупачев (есть такое село на Украине), вспоминает, как все было.

...После десятилетки условились продолжать учиться в Харькове: она в институте иностранных языков, он в институте журналистики. Уехал Петр из Тупачева к брату в Чернигов, где и готовился к поступлению в институт. Переписка с Любой прервалась. Но это не беда, раз они скоро должны были встретиться в Харькове.

Однако в Харьков Люба не приехала. Только потом узнал Петр, что мать уговорила ее поступить в Киевский медицинский институт: и к дому ближе и родичи в Киеве живут.

Но и с этим можно было смириться: существовала же почта, летние каникулы. Верил Петр в скупые — вполнамека, стыдливые девичьи заверения... Дружба продолжалась.

Из института Петра Маринина призвали на военную службу. Располагая неделей свободного времени, он не мог удержаться, чтобы не съездить в Киев. Да и зачем удерживаться? Должен же он повидаться с Любой перед уходом в армию!

И поехал... Лучше было бы ему не ездить. Разыскивая общежитие мединститута, Петр на улице случайно увидел Любу. Или это не она? С парнем под руку?.. Стройная, тонкая, в знакомой ярко-зеленой кофточке, Люба хохотала, поигрывая дугами бровей, когда парень наклонялся к ней и что-то говорил. Смеялись ее губы, глаза, вся она светилась и смеялась — весело,

самозабвенно. Все это Петр отметил сразу и в короткое время успел перечувствовать многое: недоумение, сомнение, обиду от того, что Любе может быть так весело, когда его, Петра, нет рядом с ней, и, наконец, ревность — мучительную, злую.

Петр хотел было свернуть в переулок, но Люба заметила его. Остановилась, перестала смеяться и потускнела, точно не обрадовалась Петру. Ее ясные, всегда доверчивые глаза источали тревогу. Она быстро высвободила свою руку из-под руки парня.

Петр подошел к ней, холодно поздоровался и, будто ему очень некогда, тут же попрощался: «Уезжаю в армию, счастливо оставаться...» — и стремительно зашагал по тротуару.

Ждал, что вот-вот раздастся голос Любы, что она остановит его, скажет слово, объяснит... Ведь он, Петр, уходит, уходит совсем, а она... с другим... О, как он ждал ее оклика!

Итак, Маринин уехал и нашел в себе силы ни разу не написать Любе.

...Прошел год. Петр учился в военно-политическом училище в одном из южных городов Украины. Неожиданно его постигло несчастье. Пришла телеграмма, сообщавшая о смерти отца. В тот же день, получив двухнедельный отпуск, Маринин уехал домой.

Через десять дней возвращался в училище. Когда поезд остановился в Киеве, Петр вышел на перрон, чтобы отправить Любе заранее написанную открытку: все же они были друзьями, школу вместе кончали. Дважды прошелся мимо почтового ящика и точно не замечал его: открытку опускать не хотелось.

Раздались звонки отправления. Маринин бросился в вагон, схватил свой чемоданчик и сошел уже на ходу поезда.

В общежитии Любу не застал. Пошел в институт. Слонялся у входа, пока, наконец, на ступеньки широкого парадного не вывалила из дверей пестрая толпа студентов. И снова почти сразу же увидел Любу. С замирающим сердцем шагнул ей навстречу. Но вдруг остановился: Люба опять шла с тем же парнем...

Петр повернулся спиной к журчавшему говором и смехом потоку студентов и полез в карман за папиросой. Когда зажег спичку, возле него остановился студент, чтобы прикурить.

— Простите, вы Любу Яковлеву случайно не знаете? — неожиданно для самого себя спросил у него Петр.

— Знаю. Вон она Диму повела в общежитие.

— Какого Диму?

— Студент наш. Он плохо видит, почти слепой... По очереди его в общежитие водим.

— Слепой? — переспросил Петр, чувствуя, как запылало его лицо.

— Угу, — и парень громко позвал: — Яковлева! Люба!

Сколько затем пришлось Петру умолять Любу, чтобы она простила его, дурака...

Воспоминания Петра вспугнул задорный, с наглецой голос, раздавшийся в раскрытых дверях купе.

— О чем так глубоко и обстоятельно думаем, товарищ младший политрук?

Петр оторвал взгляд от окна и повернул голову. Перед ним стоял...

— Морозов! Виктор! Ты откуда?! — радостно удивился Маринин.

— Оттуда же! — глухо хохотнул Морозов.— Мы с Гарбузом к поезду чуть не опоздали. В соседнем купе загораем...

— Гарбуз тоже здесь? Куда же вас назначили?

— Повезло однокашникам! В одно место едем, в танковую бригаду...

Виктор Морозов — высокий костистый парень с худощавым лицом спортсмена — славился в курсантской семье своим неутомимым аппетитом (в столовой всегда требовал добавки) и ворчливым характером (он был недоволен всем на свете: частым посещением бани и редким увольнением в город, придирками старшины в казарме и чрезмерной заботой преподавателей о том, чтобы курсанты конспектировали лекции). Сейчас это был совсем другой Морозов — довольный собой и всеми, сияющий и не в меру разговорчивый.

Не дав Петру раскрыть рта, он подхватил его чемодан и понес в свое купе, где сидел томимый бездельем третий их товарищ по роте, такой же свежеиспеченный политработник — младший политрук Гарбуз...

Говорили о том, кто куда назначен, вспоминали командира роты старшего лейтенанта Литвинова. Литвинов, прощаясь со своими бывшими подчиненными, то ли в шутку, то ли всерьез советовал не спешить с женитьбой. «Послужите, осмотритесь,— напутствовал бывалый армеец,— может, в академию кто надумает поступить. А женитьба не уйдет...»

— Видать, горький урок получил наш командир роты; — глубокомысленно рассуждал сейчас Морозов.

Младший политрук Гарбуз — вислоносый чернобровый кубанец, — сверкнув глазами, стукнул своим огромным кулачищем по острой коленке и категорически заявил:

— А я все равно женюсь! В первый же отпуск.

И Гарбуз, тая в уголках губ счастливую усмешку, нарочито грубовато стал рассказывать, что в Краснодаре ждет не дождется его девушка, да такая девушка, что по ней хлопцы всей Кубани сохнут.

Маринин слушал товарища и улыбался. Улыбался своим мыслям. Нет, он, Маринин, никогда не сумел бы так просто и открыто рассказать кому-нибудь о своей любви. Да и зачем рассказывать?

За разговорами и воспоминаниями не заметили, как поезд сбавил ход и за окном поплыли привокзальные здания.

— Подъезжаем! Подъезжаем! — заволновался Петр, бросив на стриженую голову фуражку и надвинув ее на крутой лоб. Схватив чемодан и плащ, он в волнении кинулся к дверям купе, но здесь ему преградил дорогу Гарбуз.

— Не спеши, хлопец. Так не годится, — Гарбуз деловито вырвал у Петра из рук чемодан и, сдвинув черно-смоляные брови, приказал Морозову: — Бери, Виктор, его плащ! Проводим жениха с музыкой.

— Не надо, ребята!.. Не выходите на перрон, неудобно,— смущенно отбивался Петр.

— Ха! Ему неудобно! — басовито рокотал Гарбуз, направляясь к выходу.— Сейчас познакомлюсь с твоей Любой. Имей в виду, и отбить могу...

И вот они все трое, одетые в новое, с иголочки, командирское обмундирование и хромовые сапоги, стоят на людном, говорливом перроне. Из глубокой сини неба поднявшееся солнце лило слепящие потоки света, в которых клубилась станционная гарь, искрились вокзальные окна и смеялись на перронном асфальте лужицы воды.

Петр Маринин — тонкий, подтянутый, с литыми плечами и крепкой грудью, — пламенея румянцем под смуглой кожей лица, взволнованно и нетерпеливо оглядывался по сторонам.

— Где же твоя Люба? — скрывая за беспечным тоном тревогу, удивлялся Гарбуз.

— Видать, телеграмму не получила. Это точно, — высказал догадку Морозов, стараясь не встретиться взглядом с Петром.

А Петр все надеялся. Напряженно всматривался он в людскую сутолоку, и чем больше перрон пустел, тем грустнее делались его глаза.

— Ну, я пойду, хлопцы, — наконец выдохнул он. — Оставайтесь.

— Проводим! — категорически заявил Гарбуз, все еще делая вид, что ничего не случилось. — Наш поезд больше часа простоит здесь.

— Не надо, — устало попросил Маринин.

2

Нельзя сказать, что Виктор Степанович Савченко не нравился Любе. Ей было приятно ощущать на себе во время практических занятий по хирургии пристальный, чуть насмешливый взгляд его серых цепких глаз. Она замечала в них иногда горячий блеск, немой вопрос и таила в своих глазах и уголках губ улыбку. Было любопытно, как это такой взрослый человек (Савченко —

за тридцать), перед которым на экзаменах трепещут все студенты, и вдруг пытается за ней, девчонкой, ухаживать. Однажды он даже приглашал ее на спектакль в театр русской драмы. И хотя ей очень хотелось пойти в театр, она отказалась.

Отказалась потому, что однокурсницы, уловившие необычное отношение хирурга Савченко к студентке Яковлевой, уже шептались по углам, снедаемые ненасытным девичьим любопытством.

И сегодня Люба, выбежав из дверей общежития, ничуть не удивилась, что ее окликнул Савченко. Он стоял напротив, на бульваре, в белом элегантном костюме, соломенной шляпе, высокий, широкоплечий, красивый той определившейся мужской красотой, которая приходит после тридцати лет при налаженном ритме жизни и устоявшемся характере.

— Здрасте, Виктор Степанович! — шустро поздоровалась Люба, скользнув по точеному лицу хирурга озорными глазами.

— Вы куда-то спешите, — не отвечая на приветствие, не то спросил, не то утвердительно произнес Савченко.

— Да. На вокзал, поезд встречать, — Люба неспокойно мотнула кудряшками выбившихся из-под синего берета волос.

— Положим, не поезд, — дрогнули в короткой усмешке резко очерченные губы хирурга. — Мне очень надо поговорить с вами. Сейчас же...

Они разговаривали и медленно шли по бульвару. Во всю мочь цвела акация. В напоенном солнцем воздухе первого июньского дня вился тополиный пух.

— Какой вы непонятливый, Виктор Степанович, — Люба уже поборола смущение, охватившее ее при неожиданной встрече, отогнала тре-

вогу, сообразив, о чем хочет говорить с ней Савченко.— Я ведь могу опоздать!

Виктор Степанович остановился, взял Любу за руку и испытующе посмотрел в ее улыбающееся лицо с большими зеленоватыми глазами, которые в тени густых ресниц казались темными.

— Неужели вы верите, что ваша привязанность к школьному другу — это любовь?.. Ведь улетучится она!.. Поверьте мне, — убеждал он.

— Нет, — тихо отвечала Люба. — Не улетучится,— в глазах ее полыхнул жаркий огонек девичьего упрямства.

Савченко горько усмехнулся и отпустил Любину руку. С чувством превосходства взрослого над ребенком сказал:

— Удивляюсь еще, как это вы вдвоем не оказались в медицинском институте.

— А вы угадали! — Люба вдруг засмеялась звонко — так, что умолкли свиристевшие в белой кипени акации воробьи. — Петя, верно, хотел вместе со мной идти в медицинский.

— И чего же не пошел?

— А я ему не разрешила! Велела в военное училище поступать, чтоб мужчину там из него сделали, — и Люба снова засмеялась звонко и самозабвенно.

— И он послушался? — безразлично спросил Савченко.

— А меня все хлопцы слушаются!

Савченко помолчал, вздохнул и с грустью промолвил:

— Я бы тоже был счастлив вас слушаться...

— Пожалуйста! — Люба, крутнувшись на каблучках, резко повернулась к Савченко и озорно

повела глазами.— Исправьте на нашем курсе все тройки на пятерки!

— Не удастся, Люба,— устало улыбнулся Савченко.— Меня призвали в армию... Завтра уезжаю в Гродно и сейчас хотел бы...

— А кто у нас будет вести практику по хирургии? — встревожилась Люба.

— Да не об этом речь! — морща лицо, с досадой махнул рукой хирург. — У меня очень, очень важный разговор... — и как человек, решившийся на все, вдруг выпалил: — Люба... выходите за меня замуж!

Люба с изумлением смотрела в лицо Савченко, в его застывшие в ожидании, полные страсти глаза, не зная, что ответить. Чувствовала, как горели ее щеки и навертывались слезы. Ей стало мучительно жалко его и почему-то нестерпимо стыдно. Отвернувшись и потупив взгляд, она срывающимся голосом произнесла:

— Я вам не давала повода, Виктор Степанович... Но я понимаю: вы уезжаете... Я... я вам очень благодарна...

Савченко молчал, выжидая. А Люба, вдруг овладев собой, посмотрела на него ясными, честными глазами и очень будничными, как ей показалось, слишком простыми, не подходящими для такого случая словами досказала:

— Благодарю вас... Многим кажется, что я лишь хохотушка. Даже на комсомольском собрании прорабатывали. А вы поверили, поняли, что я не только озоровать умею...

— Все это понимают! — воскликнул Савченко. — Вы же умница, лучшая студентка! — И лицо его оживилось, посветлело, в глазах загорелись трепетные счастливые огоньки.

— А мне кажется — меня забавным ребенком считают, — продолжала Люба, волнуясь от того, что Виктор Степанович не понял, к чему она клонит. — Благодарю вас... Только зря вы... Я действительно очень люблю Петю. А вот сказать ему все стесняюсь. Но сегодня скажу...

Петр Маринин, держа в одной руке чемодан, а на другую перекинув плащ, стоял у подъезда вокзала и сумрачно смотрел на шумную, наполненную перезвоном трамваев и гудками автомобилей привокзальную площадь. Захлестывала обида, подступая к горлу твердым комом и медной звенью стуча в виски. Не пришла... Не нашла времени встретить его. А может, случилось что?..

И вдруг губы его задрожали в улыбке: Петр увидел, как с подножки подошедшего трамвая легко спорхнула... она, Люба!.. Быстро ступая по каменным плитам, Люба, запрокинув голову, озабоченно смотрела куда-то вверх. Петр догадался — смотрела на часы, что схлестнулись стрелками высоко на фасаде серого вокзального здания. Окликнул.

— Петенька-а! — звонко крикнула Люба, увидев Маринина.

Вихрем налетев на Петра, чмокнула его в щеку, обдав ароматом недорогих духов.

— Петенька, извини! Только на десять минут опоздала... Ой, какой смешной! — тараторила Люба, со всех сторон рассматривая Маринина. — А важный!.. И взаправду командиром стал!

— Младшим политруком, — осторожно поправил ее Петр, смущенно улыбаясь и не отрывая сияющих глаз от Любы.

— А почему не старшим?.. Ну, ладно, — смилостивилась Люба, — ты мне младшим еще больше нравишься. Не будешь нос задирать.

— А я и не собираюсь задирать.

Люба вдруг перестала смеяться и тихо проговорила:

— Ты бы хоть поцеловал меня, Петя...

Румянец на щеках Маринина погустел. Он поставил чемодан, оглянулся на сновавших вокруг людей и с досадой проговорил:

— Народу кругом пропасть...

— Ну и пусть! — счастливо засмеявшись, Люба стала на цыпочки и коротко прильнула своими губами к губам Петра. Затем, смутившись, тоже оглянулась на людей и взяла его чемодан. — Пойдем, а то опоздаю. Через сорок минут у меня консультация, а завтра экзамен по анатомии.

— Люба! — Петр испуганно посмотрел на девушку. — Я ведь только на три часа. Следующим поездом на Сарны должен уехать.

— Никуда ты не поедешь! Я договорюсь с нашими мальчиками, переночуешь у них в общежитии.

— Нет, нет. Ты пойми: не имею права опаздывать. Лучше не ходи на консультацию... В загс пойдем!

— Куда?! — Люба смотрела на Петра смеющимися, во влажной зелени, глазами, высоко подняв тонкие брови.

— Пойдем распишемся... Мы же договорились: кончу училище — и ты выйдешь за меня замуж.

Люба вдруг затряслась от смеха, запрокидывая голову и обнажая иссиня-белые мелкие зубы.

— У меня сегодня урожай на женихов!

— Ну, знаешь... Ничего смешного!.. — Петр, обиженно взглянув на девушку, отвернулся.

— Не дуйся, Петух! — все еще смеясь, говорила Люба. Взяв его под руку, она заглянула ему в глаза. — Разве так сразу можно? Что мне мама скажет? И тебе со своими поговорить надо... Пойдем, а то я опаздываю.

— Никуда ты не пойдешь.

— Сумасшедший! Хочешь, чтоб я завтра на экзамене провалилась?

— А ты хочешь, чтоб я начал службу с опоздания в часть?

— Ну, тогда уезжай! — в голосе Любы зазвенели металлические нотки, хотя в глазах продолжал теплиться смешок.

— И уеду! — Петр взялся за чемодан. — Поезд еще не ушел.

— Уезжай... Только не забудь, что консультация заканчивается у меня через три часа, а потом я свободна.

— Люба, я не шучу... Уеду.

— Уезжай, уезжай. Чего ж стоишь?

И снова знакомая обстановка вагона, снова татакают под полом колеса. У дверей купе митинговал, размахивая длинными руками, младший политрук Морозов:

— Правильно сделал, что уехал! Вот дурак только, что переживаешь!

Петр Маринин, к которому обращены эти слова, дугой согнув спину, сидел у столика, уставив неподвижный взгляд в окно, где томился в июньском зное день. Напротив Петра — младший политрук Гарбуз.

Сдвинув черно-смоляные брови, Гарбуз стучал кулаком по своей острой коленке и не соглашался с Морозовым:

— А по-моему, надо было растолковать ей, что и к чему, — скрипел его хрипловатый голос. — Ты же сколько этой встречи ждал! А она — консультация! Плевать на консультацию! Сдала бы экзамен в другой раз.

— Не верила, что уеду, — с грустью и оттенком виноватости заметил Петр. — Раньше я ее всегда слушался.

— Ну и дурак! — гаркнул Гарбуз и, сердито засопев, достал папироску.

— Оба вы тюфяки! — безнадежно махнул рукой Морозов.— А еще политработники... Ведь война может грянуть! А вы?.. Только и разговоров, что про женитьбу. Приспичило!.. Я б на твоем месте, Петро, года три послужил бы, а потом в Военно-политическую академию. Женитьба не уйдет!

— Постой, постой! — Гарбуз, подбоченившись, дьяволом посмотрел на Морозова. — А что это за студенточка провожала тебя на вокзале?

Морозов заморгал глазами, облизал сухие губы.

— Ну, я — другое дело, — развел он руками.— Во-первых, я на целый год старше вас. А во-вторых...

Что «во-вторых», трудно было услышать, так как Гарбуз загромыхал раскатистым смехом. Не выдержав, рассмеялся и Петр.

— Хватит ржать! — рассердился Морозов. — Давайте лучше «козла» забьем.

После пересадок в Сарнах и Барановичах приехали в Лиду. Здесь Маринин распрощался с Морозовым и Гарбузом, которые поехали

в Гродно, и, разыскав в городишке автобусную станцию, направился от Лиды на восток — в Ильчу.

И вот — небольшое местечко Ильча, о существовании которого Петр раньше и не подозревал. Узкие, пыльные улицы со щербатыми мостовыми, островерхие черепичные крыши домов, заросшая камышом речушка — приток Немана. За речушкой на горе — костел. Его долговязое серое тело тянулось высоко в небо и бросало угловатую тень на плац, раскинувшийся между костелом и казармами. В этих казармах размещались штабные подразделения и сам штаб молодой мотострелковой дивизии, в которой предстояло служить Петру Маринину.

Дивизия только формировалась. Рождение ее и подобных ей частей означало тогда рождение нового рода войск Красной Армии — моторизованной пехоты. Части дивизии пополнялись только что призванной в армию, необученной молодежью. Командиры — одни переводились из разных частей Западного особого военного округа, другие, как и младший политрук Маринин, приходили из военных училищ.

Старший батальонный комиссар Маслюков — начальник политотдела формирующейся мотострелковой дивизии — сидел в своем кабинете за непокрытым канцелярским столом и листал личное дело младшего политрука Маринина Петра Ивановича. Сам Маринин был здесь же. Он уселся на уголке табуретки и со смешанным чувством любопытства, робости и удивления рассматривал Маслюкова. Близко встречаться

с таким большим начальником ему приходилось впервые.

Погасив беспричинную улыбку, Маринин снова стал рассматривать лицо старшего батальонного комиссара — полное, чуть румяное, с ямочкой на подбородке. Неопределенного цвета глаза — внимательные, задумчивые, взгляд прямой и требовательный. В Маслюкове угадывался властный, настойчивый характер, выработанный трудной армейской службой.

— Учились в институте журналистики? — нарушил вдруг тишину старший батальонный комиссар.

В его взгляде и в голосе, каким был задан вопрос, Петр уловил нечто такое, что заставило его встревожиться...

— Да. Из института призван на действительную.

— Хорошо-о, — протяжно вымолвил Маслюков, и это «хорошо» усилило неизъяснимую тревогу Маринина.

— Вы, конечно, знаете, — начал издалека старший батальонный комиссар, — что вас рекомендуют секретарем дивизионной газеты.

— Знаю.

— А не лучше ли вам месяца два поработать политруком роты? Посмотрите, чем живут солдаты, как складывается их служба в условиях нового рода войск... Потом будет легче в газете...

— Я готов, — облегченно вздохнул Маринин.

— Очень хорошо. Идите представьтесь редактору и работайте пока. А как только поступят бойцы в дивизионную разведроту, пойдете туда политруком.

3

Уже прошло полмесяца с тех пор, как Петр Маринин прибыл после окончания училища к месту службы. Успел обвыкнуть в редакции маленькой дивизионной газеты, подружился с инструктором — организатором газеты младшим политруком Гришей Лобом, а дивизионная разведрота еще не комплектовалась...

— Кто же за тебя в редакции будет работать, если уйдешь в роту? — удивлялся Лоб. — Это не дело...

Гриша Лоб — стройный, собранный, невысокий парень с черной жесткой шевелюрой, острым, суровым взглядом и побитым оспой лицом. Не в меру горячий и резкий, Лоб вначале не понравился Петру.

Недавно, когда приехал вновь назначенный редактор политрук Немлиенко, Маринин и Лоб вместе вышли в поле, где мотострелки занимались тактикой. Нужно было написать «гвоздевую» статью для первого номера газеты. Не надеясь на Маринина — новичка в газетном деле, Лоб суетился, записывал фамилии солдат, фиксировал в блокноте каждое их действие. Часто подбегал к командиру взвода, засыпая его вопросами.

Петр же, когда отделенные командиры производили боевой расчет, только записал их фамилии и фамилии солдат. После, в течение двух часов, не вынимал блокнота из кармана, ограничиваясь наблюдением. Лоб посматривал на Маринина с недоброй усмешкой. А когда Петр, заметив, что один сержант неправильно поставил задачу ручному пулеметчику и употребил неуставную команду, поправил его и попросил

взводного командира указать на это другим сержантам, Лоб резко бросил:

— Не вмешивайся не в свое дело!

Маринин смутился, ибо действительно не знал, правильно ли поступил.

По пути в редакцию Маринин спросил:

— Как будем писать?

— Почему ты говоришь «будем»? — едко заметил Лоб. — Ведь тебе нечего писать — блокнот пуст.

Петр с удивлением посмотрел на товарища и ничего не ответил. Придя в редакцию, он сел за работу. А через несколько часов явился к политруку Немлиенко, редактору газеты, с готовым материалом. Но редактор уже читал корреспонденцию, которую написал Лоб.

Не замечая растерянности Маринина, Немлиенко взял его рукопись.

Затаив дыхание Петр следил, как глаза редактора бегали по строчкам. Кончив читать, редактор сказал:

— Ничего. Начало статьи — о подготовке к занятиям — возьмем у Лоба, а ход занятий — у Маринина...

После работы Лоб подошел к столу Петра:

— Идем, хватим по кружке пива.

Когда вышли на улицу, он спросил:

— Обижаешься?

— Нет, — ответил Маринин.

— И правильно делаешь. Не стоит.

С тех пор они и подружились. Петр узнал, что Гриша, несмотря на резкость характера и внешнюю суровость, добрый, отзывчивый парень. Он все время тревожился о своей беременной жене Ане, боялся, что не успеет вовремя отвести ее в родильный дом.

Петр видел Аню только мельком, когда она приносила Грише в редакцию забытую дома планшетку. Запомнилось простое, полногубое, чуть курносое лицо, светлые, гладко причесанные с пробором волосы, застенчивые, добрые глаза. Несмотря на беременность, которая портила фигуру, от Ани веяло домашним уютом и располагающей простотой.

Сегодня Гриша Лоб был особенно насторожен. Ждал, что вот-вот прибежит за ним соседка. Надо было бы совсем не ходить на службу, но редактор — политрук Немлиенко — уехал в Смоленск за своей семьей, и Лоб замещал его.

В маленькой комнатке-клетушке, где располагалась редакция, было жарко и накурено. В раскрытое окно, из которого виднелся широкий унылый плац между казарменными зданиями, лениво тянулся табачный дым.

Лоб сидел за столом и с сердитым видом правил написанную Марининым статью. Перед ним — чугунная пепельница с горой окурков.

За соседним столом — Петр. Гранки, тиснутые на длинных лоскутах бумаги, уже вычитаны, и Петру нечем заняться. Он делал вид, что снова читает корректуру, а на самом деле рассматривал фотографическую карточку, на которой был изображен он сам. Это первый фотоснимок, где Петр Маринин выглядел солидно — в командирской форме, по два кубика в петлицах, сверкающая портупея через грудь. А взгляд!.. Глаза Петра смотрели со снимка строго, с достоинством и, нечего скрывать, самодовольно. Жаль только, что волосы не успели отрасти. А без них коротко остриженная голова казалась совсем мальчишеской.

Петр думал над тем, стоило ли посылать

Любе фотоснимок или дождаться ответа на письмо, которое он послал ей недавно. Что она ответит? Обиделась? Ну и пусть! У него тоже характер. А вообще-то зря он тогда уехал. Ничего бы не случилось, если б задержался на сутки. И все было бы по-иному. А теперь?.. Если б Люба приехала в Ильчу!

Маринин посмотрел вокруг себя, и ему стало горько. Уж слишком скромно размещена редакция — в одной комнатке, а во второй — типография.

Очень захотелось, чтоб Люба увидела его за каким-нибудь важным делом, в строгой, солидной обстановке или во главе танковой разведроты на параде, чтоб поняла, что он уже не тот Петька, которому она столько попортила крови.

Но это мечты. Люба не такая, чтобы приехать. Прислала бы хоть письмо...

В распахнутое окно Маринин вдруг заметил, что через плац идут полковник Рябов — командир дивизии — и старший батальонный комиссар Маслюков.

Маслюков — тучный, с широкими, немного вислыми плечами, полногубым, распаренным от жары лицом. Рябов по сравнению с могучим Маслюковым казался мальчишкой — сухощавый, невысокого роста, но собранный, стройный, что называется — военная косточка.

— Долго что-то формируют нас, Андрей Петрович,— вытирая платком смуглую шею, говорил Маслюков Рябову. — Только наименование — мотострелковая дивизия. Вместо полков номера одни: людей мало, а транспорта вовсе нет.

— Брось ты говорить о том, что мне и без тебя известно,— с усмешкой ответил Рябов.— Новый же род войск рождается. Через какой-нибудь месяц будут и машины, и людьми полностью укомплектуемся.

— Вообще-то неплохими ребятами нас комплектуют,— сказал Маслюков и улыбнулся.

— Чего смеешься?

— Больно расторопные работнички попадаются. Младший политрук Маринин есть у меня в редакции... Только приехал, а следом за ним уже невеста мчится... Даже не посоветовался...

Лоб и Маринин настороженно следили в окно за начальством. Вдруг они заметили, что Маслюков, отдав честь и пожав руку Рябову, направился к их домику.

— Наводи порядок! — взволнованно кинул Маринину Лоб и начал быстро складывать на своем столе бумаги.

Маринин, схватив в углу веник, принялся торопливо разметать на полу во все стороны сор. Лоб бросил в пепельницу недокуренную папиросу и заметил, что там окурков уже целая гора. Высыпал их на лист бумаги, завернул. Поискал глазами, куда бы бросить, и сунул сверток в карман.

Когда зашел старший батальонный комиссар Маслюков, Лоб и Маринин были «углублены» в работу. Лоб, словно невзначай, заметил ухмыляющегося начальника политотдела, вскочил на ноги и громко скомандовал Маринину:

— Смирно! — Затем начал докладывать: — Товарищ старший батальонный комиссар, редакция газеты «За боевой опыт» занимается...

— Вольно, вольно,— махнул крупной рукой Маслюков.— Вижу, что горите на работе... Что это?..

Из брючного кармана, в который Лоб спрятал окурки, струился дым. Лоб перепуганно хлопнул обеими руками по карману и, бросив полный страдания взгляд на начальство, вылетел в коридор.

Несколько минут не утихал в комнате басовитый хохот Маслюкова. Затем старший батальонный комиссар обратился к Маринину:

— А вы, товарищ младший политрук, извольте свой домашний адрес девушкам давать. Чтоб на штаб депеш не слали,— и он подал Маринину телеграмму.

Петр, растерянно захлопав глазами, развернул телеграфный бланк.

«Еду к тебе. Встречай поезд в Лиде воскресенье в 12 часов дня. Люба»,— прочитал вполголоса.

— Это значит — завтра, — глубокомысленно констатировал Лоб, незаметно возвратившийся в комнату.— А говорил — холостой. Или только женишься?

— Не знаю,— еле проговорил ошарашенный Петр.— Ничего не знаю.— На его сиявшем радостью лице блуждала глупая, блаженная улыбка.

Тут же встал перед Петром до неприятного будничный вопрос: как с квартирой? А вдруг Анастасия Свиридовна — хозяйка дома, в котором он снимает комнату, заупрямится? Одинокому же сдавала!

И Маринин, взволнованный, побежал домой.

От радости не чуял под собой ног. Ведь было чему радоваться. Кто бы мог поверить, что все так хорошо устроится! Любаша едет к нему. Та

самая Любаша, которая когда-то не разрешала взять себя под руку, которая насмехалась над Петькой Марининым, заставляла его мучиться и ревновать. А теперь едет! И они поженятся. А вообще-то Люба, конечно, дуреха. Пошла учиться в киевский, а не в харьковский институт. И зачем столько крови попортила Петру? Может, потому он так и любит ее?

Над узким тротуаром, выложенным из каменных плит, томились в полуденном зное ветвистые молодые клены. Со стороны недалекой речки слабый ветерок доносил пряный запах скошенного, привядшего разнотравья. В мари синеблеклого, без единого облачка неба плавилось солнце. Так же безоблачно было на душе у Петра Маринина. Вот только квартира...

За поворотом улицы он увидел высокого чопорного военврача второго ранга Велехова и его дочь Аню — стройную и гибкую, как хворостина краснотала. Замедлил шаги, чтобы не догнать их и дольше побыть наедине со своей радостью.

Но мысли переметнулись к Ане. Петр познакомился с ней на второй день после приезда в Ильчу, когда блуждал по местечку в поисках квартиры. Он стоял у калитки тенистого двора и расспрашивал у сидевших на скамейке женщин, где бы можно снять комнату. Мимо проходила девушка. Услышав, о чем идет речь, она остановилась и непринужденно вступила в разговор.

— Наша соседка ищет квартиранта,— сказала она, окинув Маринина смелым, дружелюбным взглядом. — Пойдемте, я вас провожу.

И они пошли вдвоем. Это была Аня Велехова — дочь начальника санитарной службы дивизии. Она рассказала Петру, что приехала из

Москвы к отцу погостить и ужасно скучает в этом тихом городишке. В прошлом году Аня окончила десятилетку, поступала в Московский театральный институт, но не прошла по конкурсу и теперь снова готовится к экзаменам.

Сейчас Петру вдруг захотелось поделиться с Аней радостью. Он нащупал в кармане хрустящий телеграфный бланк и ускорил шаги. Вот уже совсем рядом дробно перестукивают по каменным плитам каблучки Аниных туфель и размеренно, со скрипом ступают сапоги военврача Велехова. Доносится знакомый, трогающий задушевностью звонкий голос Ани:

— Папочка, ты не спеши отправлять меня в Москву... Знаешь, мне здесь так хорошо отдыхается.

— А по маме не скучаешь? — спрашивал густой, уверенный голос Велехова.

— Чуточку, но это ничего.

— Ой, смотри, дочка. Не влюбилась ли ты в нашего молодого соседа?.. Как этого младшего политрука фамилия?

Петр почувствовал, что в лицо ему будто плеснули горячим. Замедлил шаги, растерянно озираясь, куда бы спрятаться: боялся, что Аня сейчас оглянется и увидит его.

— Папочка! И тебе не стыдно? — доносился между тем ее ласково-негодующий говорок.— Он такой застенчивый, этот Маринин, смешной. Я еле уговорила его вчера пойти со мной на танцы.

Что Аня говорила дальше, Петр не слышал. Он, с опаской глядя ей в спину, нырнул в первую попавшуюся калитку. На удивленный взгляд бравшей из колодца воду молодицы спросил:

— Квартира не сдается?

— Одинокому ай семейному? — женщина взвела дуги густых черных бровей, с любопытством оглядывая ладную фигуру младшего политрука.

Петр потоптался, раздумывая над вопросом, затем сказал:

— Женатому,— и, не дожидаясь ответа, вышел со двора.

Аня и ее отец успели отойти за перекресток. Маринин, облегченно вздохнув, поплелся следом. Со смущением раздумывал над невольно подслушанным разговором, припоминал вчерашний вечер.

...В клубе было людно. Он замечал, что на Аню и на него устремлены взгляды многих, и ему было приятно, что она, такая красивая — какая-то по-особому светлая—занята только им, запросто держит его под руку, непринужденно, вроде они знакомы уже много лет, ведет разговор. Петр танцевать не умел, и они вскоре ушли из клуба. Долго бродили над речкой, вдыхая в дремотной тишине густой аромат разнотравья и запах болотной плесени. В сонной воде купались звездная россыпь неба и рожок луны. Аня читала стихи Есенина, а Петр молчал и боялся, как бы она не догадалась, что он ничего не знает на память из Есенина. Аня как бы угадала его мысли и спросила, кого он любит больше всего из поэтов. Он назвал Тараса Шевченко и Степана Руданского и очень обрадовался, когда Аня созналась, что о Руданском даже не слышала. Тогда Петр по-украински начал читать его великолепные юморески, и над речкой долго звенел Анин смех.

А сегодня ему удалось раздобыть потрепанный томик Есенина...

Петр вспомнил о приезде Любы и подумал, что ее надо будет обязательно познакомить с Аней. Они наверняка подружатся...

«Едет Люба! Едет Люба!» — билась в голове мысль, и радость с необыкновенной силой захлестывала его всего.

Не заметил, как оказался возле своего дома. Увидел, что у калитки напротив стоит Аня и с приветливой улыбкой глядит на него.

— Вы почему такой сияющий, Петр Иванович? — спросила она через улицу.

— Вас увидел,— смутился Маринин.

— Подойдите-ка сюда.

Когда перешел улицу, Аня, потупив взор, тихо проговорила:

— Петя, что вы будете завтра делать? Выходной ведь...

— Я с утра еду в Лиду.

— Чего вы там не видели?.. В лес лучше пойдем.

— Не могу. Мне поезд надо встретить,— и Петр, утопив свой взгляд в глубокой сини Аниных глаз, почему-то не сказал, кого едет встречать.

Отвел взгляд, остановив его на ромашке, выглядывавшей на улицу сквозь забор. Бездумно сорвал ее, подал Ане и молча зашагал через улицу в свой двор.

Предстояло объяснение с квартирохозяйкой — Анастасией Свиридовной. Как она отнесется к приезду Любы?

Анастасия Свиридовна — крупная, дородная женщина с властным голосом и рябым мясистым лицом. Своим квартирантом она распоряжалась,

как собственностью: «Столуйся у меня, дешевле обойдется». — «Не сиди вечером дома. Молодость прохлопаешь».— «Смотри, чтоб Сонька Кабанцова из соседнего дома не окрутила тебя. Поганые они люди».

Анастасию Свиридовну он застал дома. Она сидела на широкой скамейке у окна и, зажав в коленях огромную глиняную миску, терла большим деревянным пестом размоченный горох. Завтра воскресенье, а по воскресеньям Анастасия Свиридовна печет пироги с горохом.

Хозяйка встретила Петра хитроватым взглядом; догадался, что она видела в окно, как он разговаривал с Аней. Молча подал телеграмму и с замирающим сердцем уселся на топчан. Хозяйка читала телеграмму медленно, потом подняла на Маринина гневные глаза:

— Чего ж раньше молчал?

— Полная неожиданность... — развел руками Петр.

— Рассказывай! Какая дура так ехала б? — Анастасия Свиридовна отставила в сторону миску, спустила ноги на пол и посмотрела в окно. У калитки все еще стояла Аня и медленно срывала с ромашки лепестки...

— Неразумный ты хлопец,— покачала головой Анастасия Свиридовна и снова покосилась на окно. — Вон твоя судьба! Як ягодка дивчина, и отец начальник большой. Думаешь, я не вижу, как она караулит тебя, когда на службу идешь или домой возвращаешься?

— Да не выдумывайте! — испуганно махнул рукой Петр, чувствуя, как у него загорелись уши, лицо.— Знали бы вы Любу...

— А-а, заладил: Люба, Люба! — сердилась

хозяйка: — Комната у меня тесная! Как вы там вдвоем поместитесь?

Петр захлопал глазами:

— Почему вдвоем? Я буду спать на чердаке сарая или на службе...

Анастасия Свиридовна с изумлением смотрела на своего квартиранта...

4

Вот-вот должно было выглянуть из-за покрытого лесами горизонта солнце. Об этом возвещали ярким, кровянистым цветом облака.

Наступил еще один день на земле, еще раз Земля-планета, вращаясь в вечном своем движении, показывала солнцу необъятные, наполненные живой жизнью просторы.

Прошла минута, и слепящий поток солнечных лучей, скользнув по земле, высек мириады неугасающих искр на белесых росных травах, на колосьях желтых разливов хлебов, на листве буйно-зеленого лесного половодья. Ясным взглядом смотрело солнце на Белоруссию, и румяная улыбка его отражалась в светлых, живых водах Немана и Березины.

Даже малая речонка Ия, над которой в зеленом паводке молодого сосняка маячили паруса брезентовых солдатских палаток, щурилась в усмешке, тихо перешептываясь с берегами, радуясь солнцу и птичьему разноголосому щебету в березовой рощице, что прильнула к молодому сосняку.

Сладко зоревал лагерь танковой бригады; мирно спали под парусиной палаток солдаты; на фланге лагеря, куда убегали ровные линейки,

задернутые тонким покрывалом желтого песка, дремотно стыл в ожидании дневного тепла танковый парк.

Бодрствовал только суточный наряд. Топтались у грибков дневальные, другие подметали между палатками, прибирали у закрытых пирамид с оружием, звякали ведрами, наполняя питьевой водой бачки в глубоких погребках, вылавливали окурки из вкопанных в землю бочек. Все делали неторопливо, с ленцой: сегодня воскресенье — выходной день, и команду «Подъем» горнист заиграет на целый час позже, чем обычно.

В эти сутки дежурным по лагерю был младший политрук Виктор Морозов. Уже третью неделю служит он вместе с Гарбузом в этой части. Оба — политруки танковых рот.

Возвращаясь после проверки постов в свою палатку, Морозов услышал, как в кустах за передней линейкой затрещали сучки. Он замер на месте, прислушался. Кто бы это мог перемахнуть через переднюю линейку? Посмотрел на желтое покрывало песка: ни одного следа... Еще прислушался. Тишина. Доносилось только журчание родника на берегу речушки, да в парке хлопал брезент, слабо натянутый на танке.

«Показалось»,— вздохнул Морозов и тихо двинулся по линейке вперед. У грибка, под которым застыл дневальный — щупленький, с облупившимся носом солдат,— остановился и, когда тот, вдохнув воздух и смешно выпучив глаза, намеревался по всем правилам отдать рапорт, махнул рукой.

— Порядок? — тихо спросил у дневального.

— Полный, товарищ младший политрук! — бодро рубанул солдат.

Морозов зашагал дальше вдоль линейки в направлении видневшегося впереди резного деревянного постамента. На нем стояло под ажурным навесом зачехленное боевое знамя бригады. Поравнявшись с постаментом, Морозов отдал честь знамени, придирчивым взглядом скользнул по ладной фигуре часового — грудастого спортсмена со значком ГТО на гимнастерке. Часовой, держа приклад у ноги, откинул винтовку на вытянутой руке в сторону, приветствуя «по-ефрейторски на караул» дежурного и шельмовато улыбаясь — «не придерешься, мол».

Хотелось хоть где-нибудь заметить непорядок, чтобы проявить власть дежурного, но как назло солдаты несли службу исправно и придраться было не к чему. Морозов, поеживаясь от утренней прохлады, постоял у огромного фанерного щита, лениво перечитал знакомые объявления: «В воскресенье, 22 июня, состоится концерт артистов эстрады» — «Выезд на рыбалку в 5 часов утра. Сбор у клуба...» — «Сегодня в пионерском лагере родительский день...»

Из ближней палатки послышался приглушенный говор. Морозов узнал бубнящий голос младшего политрука Гарбуза и вспомнил, что сегодня Гарбуз уезжает в свой первый отпуск — на Кубань. Вздохнул с завистью, подошел к палатке и, увидев откинутый полог, нырнул под парусину.

На пирамидальной верхушке палатки играли блики только что взошедшего солнца, и изнутри казалось, что парусина источает мягкий желтый свет. При этом свете Морозов разглядел в палатке трех офицеров, среди них — Гарбуза. В одних трусах и тапочках на босу ногу они занимались кто чем, беззлобно переругиваясь.

— Уже поднялись, краса и гордость танковых войск? — насмешливо спросил Морозов, присаживаясь на табуретку.

— А я почти не спал,— ответил Гарбуз, откусывая нитку, которой пришивал к гимнастерке свежий подворотничок.— Попробуй усни: три года дома не был... Эх, и погуляю! На всю Кубань свадьбу отгрохаю!

— Зря командир бригады отпускает тебя сейчас,— недовольно заметил чистивший на гимнастерке пуговицы белоголовый лейтенант.

— Ты насчет футбола?—насторожился Гарбуз.

— Угу. Продуем без тебя артиллеристам как миленькие.

Гарбуз, сверкнув своими глазищами, помолчал, сердито посопел, раздумывая, как бы поядовитее ответить, и, видать, ничего не придумав, приглушенно зашипел:

— Знаешь что, хлопче?.. Я родился человеком, а не футболистом. Вот вернусь с молодой женой, тогда и в футбол будем играть.

— С женой? — изумился Морозов, хитро щуря глаза.

Молодежь грохнула смехом. Густо захохотал и Гарбуз.

— Тише, черти! — затряс кулаками Морозов.— Лагерь разбудите!

И вдруг, словно в насмешку над его словами, прокатился тяжелый, стонущий гул. Мелко задрожала земля от артиллерийских ударов.

В стороне границы, от края до края, полыхали вспышки орудийных залпов, отражаясь в широко раскрытых встревоженных глазах выскочивших из палатки Морозова, Гарбуза, белоголового лейтенанта.

— Братцы, война! — выкрикнул лейтенант.

— Война! — хрипло повторил Гарбуз.

— Война! — шепнули побелевшие губы Морозова.

Умолкли птицы в недалеком березняке, стыдливо спряталось за багровую тучу взошедшее солнце. А на западе бухало и гремело; серая ветошь редких курчавых облаков озарялась кровавыми отсветами.

Младший политрук Морозов вдруг вспомнил, что он дежурный. Опрометью бросился к штабной палатке. Влетел туда вихрем, чуть не сбив с ног заспанного сержанта — помощника дежурного, который уже тянулся к зеленой коробке полевого телефона.

Опередив сержанта, Морозов схватил трубку, ожесточенно крутнул ручку:

— Неман! Неман! Алло!.. Неман.

Штаб бригады не откликался.

Морозов рванул трубку второго телефона:

— Застава!.. Погранзастава! Алло! Погранзастава!

На лбу младшего политрука выступили крупные капли пота: не отвечала и ближайшая пограничная застава. Чья-то рука уже успела перерезать все провода. Молчал и квартирный телефон полковника — командира танковой части. Он жил в местечке Свинеж, где находились зимние квартиры танкистов. Там же размещались штаб, склады, парк не выведенных в лагерь боевых и транспортных машин.

Морозову ничего не оставалось, как объявить тревогу.

Вдоль палаток, от дневального к дневальному, перекатывалась холодящая душу, разноголосая команда:

— Тревога! Тревога!.. В ружье!..

Где-то на краю лагеря рассыпал серебряную трель горнист.

Лагерь ожил. Танкисты и шоферы, чьи машины находились в лагерном парке, стремглав мчались туда. Все остальные, захватив оружие, бежали на тыльную линейку, где уже раздавались команды к построению.

...С дороги, ведущей к лагерю, на переднюю линейку свернула легковая машина и на большой скорости подъехала к палатке дежурного. Из машины выскочил моложавый полковник с заспанным, небритым лицом — командир бригады.

Морозов, подав собравшимся здесь офицерам команду «Смирно», кинулся к нему с рапортом, но полковник, нетерпеливо махнув рукой, коротко спросил:

— Приказы есть?

— Никак нет. И связь почему-то не работает.

Измерив Морозова суровым взглядом, точно он, дежурный по лагерю, чего-то недоглядел, командир бригады задумался, нервно потирая ладонью небритую щеку.

В стороне, в просветленной сини неба, плыла на восток еле различимая армада бомбардировщиков. Проводив ее глазами, в которых гнездились тревога и желчная горечь, полковник обратился к командирам:

— Обстановка неизвестна. Приказов никаких. Надо полагать, немцы напали без объявления войны... А это значит... Сами понимаете: до границы тридцать километров.

Он еще с минуту прислушивался к артиллерийской пальбе, отчетливо доносившейся с запада, а затем отдал распоряжение:

— Действовать по плану боевой тревоги! Майор Новиков!..

— Я! — отозвался из группы командиров щеголеватый майор.

— Поставьте мотоциклистам задачу на разведку.

— В наличии только два экипажа, товарищ полковник,— доложил Новиков.— Остальные на соревнованиях мотогонщиков.

— Какие там мотогонщики? Ах, да...— полковник зло сплюнул, почесал затылок и приказал:— Пошлите два экипажа и бронеавтомобиль.

— Есть!

— Первому батальону...— командир бригады выжидательно смотрел на офицеров, кого-то искал глазами.— Командир первого батальона!

— Майор Бабинец с вечера уехал на зимние квартиры, к семье,— доложил Морозов.

Негодующе поведя глазами, полковник спросил:

— Капитан Волков здесь?!

— Я! — раздалось из группы командиров.

— Приготовить батальон к бою...

— А как с боеприпасами? — послышался чей-то, похожий на бабий, голос.— В лагере ни одного снаряда!

— Знаю! — зло прервал полковник говорившего.— Командиру автороты (—Я! — и один из офицеров взял под козырек) доставить личный состав второго и третьего батальонов на зимние квартиры. Потом загрузиться боеприпасами и прибыть сюда.

— Есть доставить людей на зимние квартиры и привезти в лагерь боеприпасы!

— Второму и третьему батальонам — на зимних квартирах снять с консервации танки, получить боеприпасы и выдвинуться к месту сосредоточения бригады согласно плану боевой тревоги.

— Есть! — в один голос произнесли два командира.

— Штабной автобус на месте? — повернулся полковник к младшему политруку Морозову.

— Никак нет. Ушел в Гродно за артистами... Сегодня концерт...

— Концерт... — полковник кивнул головой в сторону границы, где бушевала война.

5

В лагере ждали снарядов с таким напряженно-тревожным нетерпением, с каким ждут врача, уже одно появление которого может спасти жизнь умирающему человеку — беспредельно дорогому всем.

Солнце поднималось выше и выше, синева неба блекла, делалась белесо-голубой; в ней непрестанно гудели моторы, уносившие косяки крестатых бомбардировщиков на восток. На западе же, там, где находилась государственная граница, вскипал грохот канонады...

А снарядов не было.

Примчались из разведки мотоциклисты. Сообщили, что немецкие танки пересекли границу, достигли Августовского шоссе и движутся одной колонной на Гродно, другой на Домброво. Не позже чем через двадцать минут они будут здесь, в лагере...

А снарядов нет.

Нет и танковых батальонов, которые должны прибыть с зимних квартир сюда — в район лагеря, к поросшим непролазным мелколесьем оврагам, что раскинулись за недалекой березовой рощей. Там — место сосредоточения по тревоге.

Полковник — командир бригады — хотел было

отдать приказ единственному танковому батальону, который находился в лагере, выдвинуться к оврагам с тем, чтобы там, рассредоточившись, загрузиться снарядами, как только подоспеют грузовики. Но вспомнил, что автомашинам не пробиться сквозь одичалые кустарники к оврагам... Приказал вывести танки из парка и разбросать в сосняке — на случай бомбового удара.

В воздухе вдруг послышался надсадный нарастающий свист. За речушкой Ия ухнули, всколыхнув землю, разрывы тяжелых снарядов. После небольшой паузы, зазвеневшей тишиной, снаряды легли за речкой целой серией. Два взрыва взметнулись среди палаток, кинув в небо обломки нар, обрывки парусины и солдатских постелей. По лесу пополз приторный запах гари.

У полковника между бровями врубилась складка, тугими узлами заходили на скулах под кожей желваки. Стало ясно, что лагерь — под непосредственным ударом. Надо действовать.

Но снарядов нет.

Нет потому, что по инструкции они выдаются со склада только для боевых стрельб на полигоне. Полковник со злостью отшвырнул незажженную папиросу и с горечью подумал:

«А инструкции о боеготовности?.. Почему я не имел права держать в лагере хоть по одному боекомплекту на танк?..»

И все надеялся, что вот-вот появится офицер связи с приказом из штаба армии, в котором будет сказано, какая стоит перед танковой бригадой задача и что ему, командиру бригады, надо делать сейчас...

С зимних квартир примчались, наконец, груженные снарядами и патронами машины.

В лагере закипела работа. Торопливо разгружали автомобили и тащили тяжелые ящики к открытым люкам танков. Загрузившись боеприпасами, танки один за другим уходили сквозь сосняк и березовую рощу к оврагам.

Артиллерийский обстрел внезапно прекратился. Было явственно слышно, как где-то близко трещали пулеметные очереди и ревело множество моторов.

В лагерь примчался еще один мотоциклист.

— Фашисты близко! — взволнованно сообщил он, вытирая со лба холодный пот.

Командир части уже не нуждался в докладе разведчика. Он отчетливо видел, как далеко за пересохшей речушкой Ия по болотистому полю ползли широко развернутой цепью танки, похожие на дымящиеся копны. Скоро они нырнут в зеленое половодье мелколесья, раскинувшегося за Ией, и вынырнут у самого лагеря...

— Товарищ полковник,— вдруг взволнованно заговорил мотоциклист, часто моргая покрасневшими глазами.— Что же это такое? Может, недоразумение? Может, поговорить надо с немцами? Как же это? Мы же никого не трогали... Неужели сразу стрелять?..

— К бою! — хрипло скомандовал полковник экипажу своего командирского танка.

Легко скомандовать к бою, не трудно зажечь сердца людей, готовых сделать все, чтобы победить лютого врага. Но как, не имея приказа, завязать этот бой, как победить врага, не зная его численности, не видя, как широк фронт, на котором развернулись его силы, не имея поэтому замысла боя и главное — при наличии всего лишь одного танкового батальона и двух батальонов где-то там, в тылу, спешащих из местечка Сви-

неж и уже явно опаздывающих и ускоряющих этим опозданием неминуемую трагическую развязку.

По мнению полковника, оставалось только одно: скопив батальон на склонах большого, поросшего ивняком оврага, ощетиниться жерлами пушек и бить по тем фашистским машинам, которые, выйдя к оврагу, попадут под прямой выстрел, а затем атаковать на узком участке, надеясь, что у оврагов окажется фланг стальной армады. А потом? Что потом?.. Как воевать без линии фронта, не чувствуя ни справа, ни слева локтя?.. Ответственность за жизнь многих людей, за дорогостоящую материальную часть легла на плечи одного человека тяжелым грузом...

Случилось так, что фашисты не вышли к оврагу, а, перемахнув через мелководную Ию, левым крылом проутюжили линейки опустевшего лагеря, обстреляли неизвестно для чего безмолвные парусиновые палатки, ударили из пушек по деревянному зданию столовой и, подминая скрежетавшими гусеницами молодые сосенки, устремились в сторону огромного изумрудно-зеленого квадрата клеверного поля и желтых хлебных массивов. Фашисты спешили вперед, на восток, туда, где за лесом, за железнодорожной насыпью, пролегали из Осовца и Белостока дороги на Гродно.

...Танк младшего политрука Морозова стоял на пологом скате оврага так, что из его забросанной срубленными ветвями башни можно было наблюдать за просвечивающейся насквозь березовой рощей, разделявшей овраг и лагерь. Не отрываясь от бинокля, Морозов, высунувшись из люка, сумел разглядеть несколько танков с

черными на тускло-желтоватой броне крестами. Что за люди сидят в железных внутренностях этих машин, чего они хотят и что думают?.. С ненасытным любопытством и острым чувством опасности смотрел, как танки, выбрасывая тучи перегоревшей солярки, пофыркивая, со стальным равнодушием кромсали молодой лес, прокладывали себе дорогу вперед.

«Почему с открытой грудью встречаем врага? — обжигали мозг страшные мысли.— Почему все так неожиданно?..»

И было странно, что там, в лагере, где он только сегодня, совсем недавно ходил по линейкам как хозяин, там уже все стало недоступным, чужим. Туда уже нельзя запросто вернуться...

В груди шевельнулся страх. Стало страшно оттого, что все случилось вот так непонятно, когда он и его товарищи почти бессильны, когда можно погибнуть, ничего не успев сделать и даже толком не узнав, что же произошло... Нет места для разбега, нет времени для раздумий. Неизвестно, что ждет через минуту, что будет через час... Не хотелось смириться со всем случившимся, не верилось, что это не дурной сон...

Училище... Сколько раз на тактических занятиях разыгрывались жаркие бои, атаки, засады. Но там не было ничего похожего на все это.

Кажется, Морозов только сейчас по-настоящему ощутил страшную опасность, всем существом почувствовал, что действительно пришел враг — грозный, неумолимый и пока непонятный...

Из оцепенения вывела команда полковника:

— В атаку!.. Пристраиваться в хвост и бить без команды!..

— Вперед! — крикнул Морозов, ныряя в башню.

Механик-водитель, томившийся от неизвестности, резко включил скорость, и машина рванулась с места.

Фашистская танковая колонна широким фронтом шла вперед. Немцы стремились к дороге, чтобы там свернуться в походный строй. Видать, были уверены фашисты, что впереди никто не посмеет оказать сопротивление.

Не заметили гитлеровцы, как вслед им из лесу вышли десятки чужих машин. Да где там заметить! От пыли и копоти, казалось, солнце потемнело. А гитлеровцев и при хорошей видимости до этого никто еще не учил оглядываться назад. А если бы оглянулись? Разве разберешь в таком угаре, чьи машины замыкают строй?

Под гусеницы часто попадали твердые кочки, пни — здесь когда-то был лес. Танк клевал носом, бодался, устремляясь всем своим бронированным телом вперед. В смотровую щель, в прицел попадал косой, ослепляющий луч солнца. Морозов щурился, стараясь разглядеть цель, чтобы верно послать снаряд.

— Стоп!

Младший политрук увидел, как над башней одного вражеского танка поднялась крышка люка. Над люком показалась голова гитлеровца. Морозову почудилось, что он встретился с ним взглядом. Мучило желание поймать голову фашиста в перекрестие прицела. Немец, видимо узнав чужие машины, нырнул в люк. И тотчас рявкнула пушка танка Морозова. Снаряд высек из вражеской машины столб огня. Из клубов дыма вынырнула сорванная башня и, описав дугу, грузно рухнула под гусеницы проходившего невдалеке танка. Танк вздыбился и замер.

— Огонь! — скомандовал Морозов, уступая место у прицела наводчику...

Справа и слева от танка Морозова выползали из зарослей тридцатьчетверки, и из стволов их пушек вырывались грозные вспышки. Резко ахали выстрелы. Снаряды легко прошивали тыльную броню немецких машин...

6

Виктор Степанович Савченко двадцать дней тому назад получил назначение в танковую бригаду. Прибыв в лагерь, принял от уезжавшего на учебу врача санчасть и включился в размеренную, однообразную жизнь. В этом высо-

ком, плечистом военном с цепкими серыми глазами — военвраче третьего ранга — трудно было узнать того Виктора Степановича, который совсем недавно предлагал руку и сердце Любе Яковлевой.

Канонаду у границы он услышал, когда был на кухне, где следил за закладкой в котлы продуктов. Сбросив халат, он выбежал из кухонного помещения и направился к палатке дежурного по лагерю.

Савченко был свидетелем, как примчался в лагерь взволнованный командир бригады, как авторота отправилась на зимние квартиры за снарядами, увозя с собой экипажи тех танков, которые находились на консервации в местечке Свинеж. Хотел было подойти к полковнику за указаниями, но подумал, что тому не до него, и начал заниматься тем, чем должен был заниматься войсковой врач в подобном случае.

Созвал санинструкторов батальонов и санитаров рот, приказал получить индивидуальные пакеты и раздать их танкистам, напомнил, что медпункт организуется в отроге ближайшего оврага и что раненых, если они появятся, надо эвакуировать в Свинеж после оказания первой помощи на медпункте.

Виктор Степанович понимал: это довольно общие указания; но что скажешь более конкретное, если пока не ясно, какую задачу и где будет решать танковая бригада.

Так было шесть часов назад.

А сейчас... Сейчас — кругом грохот снарядов и визг пуль. Он уже потерял счет раненым, которым оказывал помощь. Сбились с ног санинструкторы и санитары. Из оврага они тащили

раненых на опушку березовой рощи, где стояли машины, и грузили их в кузовы.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Танковый батальон, вырвавшись из оврагов, вклинился в боевые порядки немецкой танковой колонны, нанес врагу огромные потери, но и сам лишился больше половины танков. Он был бы уничтожен полностью, потому что немецких танков было во много раз больше. Но из Свинежа подоспели еще два батальона. Они с ходу атаковали врага в направлении лагеря... Это был первый в этой войне танковый бой. На зеленом квадрате клеверного поля, в разметах ржи темными дымящимися копнами стояли десятки подбитых и сгоревших танков.

Немцы откатились за речушку Ия. Сейчас подоспела их мотопехота и артиллерия. Наблюдатели сообщили, что много танков обходят овраги с юга, пытаясь окружить бригаду.

Виктор Степанович стоял возле вернувшейся из боя тридцатьчетверки командира бригады, переступая в нерешительности с ноги на ногу. Он сам не замечал того, что держал в руках черноталовую хворостину и ломал на мелкие кусочки. Сейчас только Савченко перевязывал тяжелую рану полковника. Осколок раздробил его правую ключицу, задел легкое. Надо срочно эвакуировать раненого. А полковник, бледный, обессиленный, расстелил на земле топографическую карту и лежа смотрел в нее, точно надеясь найти там выход из положения, труднее которого даже на войне быть не могло.

— Вы почему не уезжаете? — сурово спросил полковник у Савченко, морщась и глядя на него помутневшими от боли глазами.

— Я должен вас эвакуировать. Рана очень

серьезная,— твердо произнес Виктор Степанович и невольно убрал голову в плечи от взвизгнувшей над ухом пули.

— Сколько у вас раненых?

— Четыре машины нагрузил. Легкораненых не берем...

— Пробивайтесь с ними на Гродно,— ослабевшим голосом произнес полковник.— А может... может, и дальше... санинструкторов и санитаров в машины не брать...

— Я не могу вас оставить,— Савченко беспомощно развел руками, понимая свою правоту и не имея власти над этим суровым человеком.

— Выполняйте приказ!..

Взяв под козырек, Виктор Степанович повернулся кругом и с тяжелым чувством направился к машинам. Где-то справа загрохотала целая серия разрывов, и он подумал о том, что и ему с ранеными вряд ли удастся вырваться из этого пекла...

Когда Савченко был уже далеко, к командиру бригады подбежал с окровавленным лицом младший политрук Морозов.

— Товарищ полковник, знамя в опасности!..— взволнованно доложил он.

Услышав это, полковник, ухватившись левой рукой за гусеницу своего танка, с трудом поднялся на ноги, уставив на Морозова мутные, точно хмельные глаза, в которых одновременно томились боль, тоска и испуг.

— Немцы прорвались в соседний овраг, окружили знаменный взвод. Командир взвода погиб, танк подбит,— задыхаясь, продолжал докладывать Морозов.— Красноармейцы отбиваются гранатами...

— Третью роту к бою! — тихо скомандовал

полковник.— Садитесь в мой танк, младший политрук!.. Знамя... Знамя...— полковник не договорил. Лицо его покрылось крупными с горошинку, каплями пота, побледнело вдруг, и он, потеряв сознание, упал на землю, ударившись головой о гусеницу танка.

7

В это воскресное утро Маринин поднялся в шесть часов, хотя автобус уходил в Лиду в девять. Было не до сна.

День предвиделся жаркий. Но Петр надел суконную гимнастерку, синие галифе, до черного огня начистил хромовые сапоги. К ремню пристегнул портупею, нацепил кобуру с наганом.

В комнату вошла Анастасия Свиридовна. Сложив руки на большом животе, она, скупо улыбнувшись, залюбовалась бравым видом молодого квартиранта.

— Почему железную дорогу к вашей Ильче не проведут? — обратился к ней Петр, расправляя под ремнем складки гимнастерки.

— А ты меньше спрашивай. Плащ лучше захвати, а то на дождь гремит,— добродушно ворчала хозяйка.

— Какой там дождь! — махнул рукой Петр, прислушиваясь, как от далекого гула мелко дрожат стекла в окне.— Летчики бомбить учатся.

И, робко осведомившись, все ли Анастасия Свиридовна приготовила к приезду Любы, он вышел из дому, хотя до отхода автобуса оставалось больше часа.

Заметив, что девушки, собравшиеся у ворот поболтать, с любопытством провожают его взглядами, Маринин деловито перешел на левую

сторону улицы и правой рукой взялся за портупею, чтобы была виднее новенькая кобура нагана.

...Десять часов утра. На узком, мощенном плитами тротуаре, у телеграфного столба, на котором был прибит фанерный щит с надписью: «Остановка автобуса Лида — Ильча — Лида», томилась группа пассажиров. Автобус опаздывал, и Маринин озабоченно посматривал на ручные часы. Не хватало еще не поспеть к поезду!..

Мимо проходил строй солдат. Над строем жаворонком взмывал звонкий тенорок запевалы:

...Артиллерией, танками, конницей
Мы дорогу проложим вперед.

Солдаты дружно, сильной, стоголосой глоткой подхватили песню:

Белоруссия родная,
Украина золотая.
Ваше счастье молодое
Мы штыками, штыками оградим!..

В плывущей над улицей песне утонули все звуки, даже рубленый шаг кованых солдатских сапог по булыжнику.

К старшине, шедшему во главе колонны, вдруг подбежал красноармеец с противогазом через плечо и тесаком на ремне.

«Посыльный»,— догадался Маринин.

Посыльный что-то взволнованно зашептал старшине, а тот, сбившись с шага, смотрел на него ошалелыми глазами, затем резко повернулся к строю и отрывисто скомандовал:

— Отставить песню!.. Правое плечо вперед, бегом, марш!..

Оборвалась на полслове песня. Часто и размеренно затопали солдатские сапоги...

Петр с недоумением смотрел вслед повернувшему назад и удаляющемуся строю. Вдруг обратил внимание: то тут, то там снуют по местечку посыльные, спешат в направлении штаба командиры.

Мимо, запыхавшись, пробегал младший политрук Лоб. На его покрытом оспинками лице — раздражение и недовольство.

— Что случилось, Григорий Романович?! — кинулся к нему Маринин.

Сверкнув потемневшими от негодования глазами, Лоб сокрушенно махнул рукой:

— Штаб не успели сформировать, а уже тревогу затеяли! Да еще в выходной! А у меня жена на боевом взводе: вот-вот в роддом надо...

— А мне как? Ведь я в Лиду еду,— Петр с надеждой и опаской ждал ответа Лоба, а тот, поразмыслив, оглянулся вокруг и зашептал:

— Ну и давай бог ноги! Я тебя не видел. Ясно?

Скользнув насмешливо-удивленным взглядом по нарядной форме Петра, Лоб уже на ходу спросил:

— Чего вырядился, как на свадьбу?

— Как чего? — конфузливо улыбнулся Маринин.

— Чудак! Ты бы попроще. Прилизанный можешь не понравиться,— и, невесело засмеявшись, Лоб побежал в направлении мостка через речонку, за которой размещались казармы и штаб мотодивизии.

А автобуса из Лиды все не было.

Петр подумал уже о попутной машине, как вдруг рядом, скрежетнув тормозами, остановилась, сверкая черным лаком, «эмка».

— Петр Иванович! — раздался из нее звонкий

голосок Ани Велеховой.— Поехали с нами, мы тоже в Лиду — гулять едем.

Маринин растерянно глядел на Аню — нарядную, улыбающуюся, светлую, на военврача Велехова, важно восседавшего рядом с шофером, и не знал, как поступить. Он догадался, что Аня ради него уговорила отца ехать в Лиду, и его охватило чувство неловкости. Ведь не знала Аня, что он, Петр, едет встречать другую девушку — невесту свою...

С надеждой посмотрел вдоль улицы: не покажется ли автобус, и уже собирался было шагнуть к машине Велехова, как вдруг у «эмки» остановился распаренный солдат-посыльный. Скороговоркой, взволнованно, проглатывая слова, он затараторил, обращаясь к Велехову:

— Тва... иш воэ... вач вто... ого ...анга!.. В штаб...

Последние слова посыльного были заглушены нарастающим непонятным грохотом. Неожиданно скользнули по земле и замелькали на островерхих черепичных крышах размашистые тени; это откуда-то из-за недалекой рощицы вырвались на бреющем полете три бомбардировщика с черными крестами на желтовато-пепельных крыльях. Всколыхнулся от взрыва бомб воздух, брызнули стеклянной звенью окна домов, застонала земля. Железной дробью отчетливо заклекотали пулеметы, над соседним домом вскинулись в небо клубы рыжего дыма. Ошалело метались по улицам и дворам люди...

Ошеломленный Петр так и остался стоять на тротуаре, не сообразив, что случилось, и не успев испугаться. Напряженно смотрел вслед самолетам, по которым из расположения казарм яростно ударили счетверенные пулеметы и откуда-то

из-за речки начала бить зенитная артиллерийская батарея. Бомбардировщики круто набрали высоту и стороной начали обходить местечко.

Петр оглянулся вокруг. Увидел, что из кювета поднимаются, отряхиваясь, военврач Велехов и солдат-посыльный. Велехов, кривя полные губы, жалко улыбнулся дочери, которая так и осталась сидеть в «эмке». Потом, словно очнувшись, со сдержанным волнением заговорил:

— Аня! Собирайся в Москву. Немедленно!..

Затем к шоферу — строго, внушительно:

— Довезите ее до Минска... Посадите в поезд.

Тон, каким говорил Велехов, был строгим, деловым, и лишь глаза... глаза Велехова выдавали его смятение.

Впрочем, ничего в этом удивительного не было. Душевная сумятица охватила и Петра. Он силился собраться с мыслями и ответить себе на какой-то очень важный вопрос, томивший его.

В это время рядом с ним оказался солдат-посыльный.

— Товарищ младший политрук, война. Немцы напали,— «по секрету» шепнул он на ухо Маринину, со страхом следя глазами за самолетами, которые уже снова бороздили над онемевшим от ужаса местечком глубокую синь неба.

8

В штабе дивизии Маринин узнал, что всем приказано прибыть с личными вещами и приготовиться к отъезду.

Чтобы сократить путь, он бежал на квартиру по берегу речушки, через огороды. В сенцах встретил Анастасию Свиридовну и не узнал ее.

Рябое лицо хозяйки — красное от слез, толстые губы стали еще толще, и вся она, большая, полнотелая, была сейчас беспомощной, растерянной, совсем не похожей на ту властную и твердую Анастасию Свиридовну, которую знал раньше Маринин.

— Беда!.. Ох, беда!..— стонала она.— Неужто придут хвашисты?..

— Пускай просят бога, чтобы помог им унести ноги от границы! — ответил Петр и, как бы в неопровержимое доказательство этого, вынул из кобуры револьвер и, невольно заставив притихнуть Анастасию Свиридовну, с деловитым видом протер его тряпочкой. Маринин, походивший сейчас на молодого задиристого петушка, нисколько не сомневался в том, что так именно и будет, что фашисты не пройдут дальше границы. Он был убежден, что, хотя их дивизия еще не сформировалась, ее все равно немедленно бросят в бой.

Мысли о том, что ему, Петру Маринину, возможно сегодня или завтра придется участвовать в настоящем бою с врагами, наполняли его чувством нетерпеливости, торжественной приподнятости. Фантазия рисовала необыкновенные подвиги. Петр даже позабыл, что он занимает скромный пост секретаря редакции дивизионной газеты и что не ему поручат вести солдат в атаку на штурм вражеских позиций.

Хозяйка, несколько успокоенная, вдруг опять заголосила:

— Сыночек мой несчастный, не дождался ты своей голубки!.. Как ей-то, бедненькой? Куда она денется одна? Что же ты не встречаешь ее? Ищи голубку и присылай ко мне. Как родненькую приму...

Причитания хозяйки вернули Петра к суровой действительности.

«Эх, Люба!.. Хоть на один бы день раньше!» Ему представилось, как на вокзале выходит из вагона Люба и смотрит на пылающие дома, ищет его, Петра...

Где выход? Как попасть в Лиду? Как отлучиться из части, когда, может, сейчас прикажут идти в бой?

Война... Она где-то у границы, малоощутимая еще, а большое горе Петра было уже здесь, рядом с ним — в его мыслях, в сердце, в его комнате. Маринин, подавленный им, собирал свои вещи, укладывал книги, снова протирал револьвер...

С двумя чемоданами, с плащом под мышкой, через огороды, по берегу речки, он бежал, задыхаясь, к штабу — в редакцию.

Возле домика, в котором размещалась редакция дивизионной газеты, стояли два грузовика с откинутыми бортами кузовов. Шла спешная погрузка. По двум бревнам втащили в кузов печатный станок, два рулона бумаги. Погрузили кассы со шрифтами, запас бензина и прочее имущество. Чемоданы уже некуда было класть. Пришлось часть личных вещей вместе с подшивками газет, свертками корректуры оставить под замком в помещении типографии.

— Никуда не денутся. Всыплем фашистам и вернемся,— говорил Маринин, оставляя один свой чемодан в типографии.

Лоб, который тоже здесь бросал половину вещей, заметил:

— Тебе; Петро, болтать — точно воде с горы бежать...

Жители с тревогой смотрели вслед машинам,

уходящим с войсками к границе. По местечку полз слух, что гитлеровцы придут не сегодня-завтра и будут расстреливать тех жителей, у которых квартировали командиры Красной Армии, что с фашистами идут польские паны и будут отбирать бывшие свои владения. Со стороны Лиды навстречу автоколонне штаба мотострелковой дивизии ехали грузовики с женщинами, ребятишками, с домашним скарбом.

...День был погожий, жаркий. Дорожная пыль, поднятая машинами, почти неподвижно висела в воздухе, прилипая к разгоряченным, потным телам людей, оседая на их одежду, оружие. На диск солнца можно было смотреть сквозь серую пелену, не прищуривая глаз. Он казался багрово-красным. А по сторонам от дороги, на которой клубилась пыль и кипел людской поток, стояли дозревающие хлеба. Налившиеся ядреные колосья скорбно склонялись к разомлевшей под солнцем земле, словно прислушивались к тому, что происходит вокруг.

Маринин примостился в кузове на рулоне бумаги и всматривался вперед. Надеялся попасть в Лиду: дорога лежала туда; не свернули б только в сторону.

Впереди зеркальной поверхностью блеснул приток Немана — Гавья. У Петра внутри словно все оборвалось: броневик, шедший в голове колонны, не доезжая реки, повернул к лесу, а за ним потянулась вся длинная вереница машин.

...Машины были быстро замаскированы в молодом ельнике. Штабные командиры готовились к работе в непривычных условиях — без прочной связи с полками, в неведении, где противник.

День клонился к исходу — незабываемый, длинный день. Сколько впечатлений, чувств, сколько передумано и пережито в это жаркое воскресенье!

9

Второй день войны...

На опушке леса стоял командир дивизии полковник Андрей Петрович Рябов. Его невысокая фигура подалась вперед, серые внимательные глаза были устремлены на дорогу, бежавшую к Лиде через Липнишки, затем одним рукавом — в Суботники, вторым — в Ильчу.

Худощавое, гладко выбритое лицо полковника не то опечалено, не то озабочено. Он обдумывал каждое слово, услышанное вчера днем от командующего армией.

Андрей Петрович Рябов был знаком с командующим — моложавым пехотным генералом с посеребренными висками — многие годы. Когда-то Рябов служил в его полку, затем в дивизии.

Генерал встретил полковника, как всегда, радушно. Но в глазах его Рябов уловил тревогу и напряженное раздумье.

— Полки дивизии на марше? — спросил генерал.

— Так точно, товарищ командующий. Но полки-то... Номера одни. Нечего сосредоточивать...

— Знаю...— генерал сочувственно посмотрел на Рябова, потом, растягивая слова, точно сам прислушиваясь к ним, заговорил: — Постараемся держать вас подольше в резерве. Продолжайте формирование и готовьте личный состав к бою. Ждите пополнения. И учтите, что привилегия вам дана ненадолго. Противник может лишить вас этой привилегии, может навязать бой.

— Все понятно, товарищ генерал.

— Если понятно, то и с богом... Ознакомьтесь у начальника штаба с приказом.

— Какие последние новости с фронта? — спросил Рябов, прежде чем уйти.

Генерал помолчал, потом, не отрывая глаз от стола, где лежала карта, сказал:

— Могу сообщить вам, что бывшая ваша танковая часть нанесла немцам сильный контрудар. Сейчас ее непрерывно бомбят. На других участках тоже туго. Словом, хорошего мало. Напали же тайком... По-бандитски!.. А как удержаться на границе, если войска мы не подтянули? Не было приказа.— Командующий зло усмехнулся и продолжал: — Придется отступать... Но забудьте это слово, полковник. Никто из ваших подчиненных не должен услышать его от вас.

Лицо генерала покрылось нездоровым румянцем. Он на минуту замолчал, вытирая платком испарину со лба.

— Забудьте это слово! — повторил командующий.— Нужно сдерживать врага, гибнуть, но сдерживать, пока наша армия не отмобилизуется и не примет полную боевую готовность. Иначе... катастрофа...

Вспоминая вчерашний разговор с командующим, полковник Рябов глядел на дорогу. Там все чаще появлялись беженцы, группами и в одиночку — пешие, на подводах, машинах. Многие везли свой скарб на тележках, в детских колясках. Среди этой пестрой, распыленной толпы нередко можно было увидеть красноармейцев — раненых и здоровых, с оружием и без оружия. В поблекшем небе часто на восток и запад проходили немецкие бомбардировщики.

Андрея Петровича Рябова беспокоила полученная шифровка. В ней сообщалось, что еще вчера вечером немцы мелкими танковыми группами прорвались на рокадную дорогу Гродно — Белосток и с юга и с севера пытаются обойти Гродно и оседлать шоссе, идущее на Скидель и Лиду. В любую минуту здесь можно ожидать появления прорвавшихся танков врага.

К Рябову подошел начальник штаба подполковник Седов, пожилой, с бледным, несколько измятым годами, но еще красивым лицом.

— Что нового? — обратился к нему командир дивизии.

— Без изменений.

— Мотоциклисты задержались в разведке... Почему, как думаете?

— Видать, случилось что-то.

— Нужно послать броневик по тому же маршруту,— приказал полковник и, немного помедлив, добавил: — И предупредите по радио командиров полков, чтоб тоже о разведке не забывали. Вот-вот с гитлеровцами встретятся.

Два грузовика, в которых размещалась типография дивизионной газеты, стояли среди зарослей ельника. В одном со звоном хлопала печатная машина. В другом над шрифтовыми кассами склонились наборщики. Петр Маринин, примостившись на пне, вылавливал ошибки в приготовленной к печати газетной полосе.

Рядом, устроившись под кустом орешника и положив на планшетку лист чистой бумаги, страдал младший политрук Лоб: хмурил брови, грыз кончик карандаша, чесал им за ухом. Он сочинял листовку.

Раздвинулись кусты — и на полянку вышел старший батальонный комиссар Маслюков.

Заметив начальника политотдела, Маринин и Лоб проворно вскочили на ноги, расправили под поясными ремнями гимнастерки и отдали честь.

— Что нового по радио? — спросил Маслюков.

— Сводка та же, товарищ старший батальонный комиссар,— отчеканил Лоб.

Маслюков потоптался на месте, потом полез рукой в карман за папиросами, устремив на младшего политрука Маринина вопрошающий взгляд.

Прикурив от зажженной спички и глубоко затянувшись табачным дымом, Маслюков спросил:

— Удалось вам встретить вчера свою девушку?..

Начальник политотдела ждал ответа, а Петр не находил слов. Ему почему-то было совестно. Совестно оттого, что он столько думает о Любе, что ночью почти не сомкнул глаз.

— Война же... Не до этого,— наконец произнес Маринин, отводя в сторону ввалившиеся за ночь глаза, в которых светились тоска и боль.

— Это верно,— вздохнул Маслюков. Помолчав, добавил: — Плохо, что девушка оказалась ближе к фронту, чем мы с вами... Вот что! — вдруг оживился старший батальонный комиссар.— Пойдем к комдиву. Он сейчас броневик посылает в разведку. Доедете до Лиды и ищите там свою невесту. Если разыщете — везите на попутных машинах в Ильчу. Там эвакуируются сейчас наши семьи; отправьте и ее в тыл...

Броневик мягко катился по шоссейной дороге. Тесно стоять, высунувшись из башни, рядом с

плечистым сержантом-пулеметчиком, но Петр предпочитал тесноту духоте. В броневике, там, где сидели командир машины лейтенант Баскаков и водитель, от накалившегося под солнцем металла нечем было дышать, а здесь, над башней, лицо обвевал свежий поток воздуха.

Впереди уже виднелась Лида. Над ней поднимались столбы дыма, образуя в небе сплошное серое облако.

Броневик миновал одинокий двор. В щепы был разнесен фугаской сарай, перевернута взрывной волной цементная надстройка колодца, а от дома осталась куча пепла с высившейся посредине порыжевшей трубой. Во дворе лежала корова с раздутым брюхом. Нигде ни души.

...Въехали в местечко. Машина медленно пробиралась по улицам, местами заваленным обломками. У стыка дорог на Гродно и Ораны броневик остановился. Еще в лесу, ориентируясь по карте, Маринин и лейтенант Баскаков условились здесь расстаться.

Баскаков, невысокий крепыш с широким смуглым лицом, разминая затекшие ноги, сказал Маринину:

— Поеду в сторону Ораны километров двадцать. Через час вернусь. Дорогу на Скидель и Гродно разведаем вместе. Если же задержишься или уедешь — приди и переверни вон тот камень,— лейтенант указал на небольшую известковую глыбу у ворот ветхого домишки.

Маринин с потемневшим от бессонной ночи лицом побежал на вокзал, а Баскаков, заметив, что по дороге, ведущей из Радуни, едет несколько грузовиков, решил подождать их здесь, на перекрестке, чтобы расспросить у шоферов и си-

дящих в кузовах людей об обстановке под Гродно.

Петр Маринин шагал вдоль железнодорожных путей, забросанных обломками вагонов, кирпичом, грудами земли. Местами зияли огромные воронки, и от их закраин дыбились в небо рельсы. Где-то за водокачкой бушевал пожар.

Среди рельсов заметил распластанное тело. Сжалось сердце, по спине побежали мурашки. Приблизившись, увидел девушку. Раскинутые руки, растрепанные белокурые волосы, лицо, покрытое ровным слоем пыли, будто густо напудренное. Ни царапины, ни следов крови.

С запада явственно донесся гром, а затем глухие, тяжелые удары. Казалось, что где-то далеко по щербатой мостовой перекатывают громадную пустую бочку.

Навстречу шел старик-железнодорожник.

— Папаша,— обратился к нему Маринин,— посоветуйте, пожалуйста, как мне быть?

— Небось уехать побыстрее хочешь? — со злой усмешкой спросил старик.— Много вас таких. Дорога не работает! — И, нахмурив брови, пошел дальше.

— Постойте! — кинулся вслед за ним Петр.

Железнодорожник остановился.

— Ко мне вчера днем должна была приехать... сестра. Я не мог встретить ее... Где теперь искать?

Старик внимательно посмотрел в усталое лицо молодого офицера, уловил в напряженно-ожидающих глазах затаенную боль и, вздохнув тяжело, уже мягче ответил:

— И не ищи, сынок. Не пришел вчера этот поезд. Разбомбили его на последнем перегоне...

10

Грузовики, шедшие из Радуни (их оказалось четыре), были битком набиты ранеными. Лейтенант Баскаков, стоя на перекрестке у броневика, энергично махнул рукой шоферу передней машины. Небольшая колонна остановилась. и из кабины переднего автомобиля вышел измученный, запыленный военный. Это был военврач третьего ранга Савченко Виктор Степанович.

Баскаков, рассмотрев по одной шпале в петлицах военврача, лихо откозырял и попросил разрешения обратиться. Савченко окинул его усталым, безразличным взглядом и, повернувшись к остановившимся на дороге машинам, хриплым голосом скомандовал:

— Пополнить запасы воды, залить радиаторы!..

Только после этого стал отвечать на вопросы лейтенанта.

К недалекому колодцу суматошно бежали с ведерками в руках шоферы, спешили с флягами и котелками «ходячие» раненые. Через борт кузова заднего грузовика с трудом перевалил младший политрук Морозов, держа на весу перебинтованную левую руку и болезненно морща отекшее желтое лицо; на голове Морозова, охватывая затылок и лоб, сидела огромная, порыжевшая от пыли и проступившей крови, похожая на шапку-ушанку повязка. Морозову подали из кузова котелок, и он тоже побрел к колодцу.

К остановившимся грузовикам со всех сторон устремились беженцы. Угадав в военвраче Савченко старшего, дружно атаковали его.

— Товарищ начальник, подвезите,— с моль-

бой и надеждой в голосе просила красивая большеглазая женщина, держа на одной руке запеленутого ребенка, в другой — узелок.

— Сынок, умаялась я совсем,— молила немощная старуха, вытирая слезящиеся глаза,— ноги не несут...

Подошла пожилая женщина с «цепочкой» детей. Шесть ребятишек, примерно от пяти до двенадцати лет, еле ковыляли, широко расставив руки. Оказывается, их рукава пришиты друг к дружке, чтоб не растеряться в дороге. Самый маленький — пятилетний мальчишка, как только «цепочка» детей остановилась, сел прямо в дорожную пыль, и его поднятая рука, прикрепленная к руке сестренки, как бы молила о помощи, а глаза — большие, умные и печальные — смотрели на людей, на мир с немым укором.

Савченко, увидев детей, точно впервые ощутил всю глубину людской беды, которую принесла война. Встретился с грустным взглядом мальчика, свалившегося с ног от недетской усталости, и почувствовал, что ему нечем дышать, что к горлу подступило, кажется, само сердце...

— Родные... куда же я вас? — с трудом выговорил он.— У меня раненых полно... Иные стоя едут.

И все-таки жалость взяла верх. Из кузова передней машины столкнули на обочину дороги бочку из-под бензина, бочку, которую так надеялись наполнить. Подсадили в кузов пожилую женщину. Коренастый шофер в замусоленном комбинезоне начал разрезать ножом нитки на сшитых рукавах, дробить «цепочку» детей и по одному ребенку подавать в кузов.

— Товарищи, идите! — устало уговаривал Савченко остальных беженцев, столпившихся у ма-

шин.— Ни одного человека не могу больше взять...

Вдруг Виктор Степанович, словно почувствовав на себе еще чей-то особенный взгляд — пристальный, напряженный, — повернулся лицом к проулку, выходившему к перекрестку, и увидел девушку с чемоданом в руке... Запыленная, усталая и... такие знакомые глаза! Недоумевающие и скорбные...

— Люба?.. — прошептал Савченко.

Это была действительно Люба Яковлева — невеста Петра Маринина... И никакой случайности. Впрочем, конечно, случайность... Но на войне ничему удивляться не приходится. Тебя случайно может задеть шальная пуля; или ты пройдешь по минному полю и случайно не наступишь на мину; в людской сутолоке ты случайно столкнешься с братом или совсем случайно не встретишься с ним, хотя, может быть, ночь и ненастье загнали вас под одну крышу...

Был поражен и Виктор Степанович Савченко. Он протолкался сквозь толпу беженцев к Любе и, все еще не веря своим глазам, спрашивал:

— Яковлева?.. Как?.. Как вы сюда попали?

Люба горько улыбнулась потрескавшимися губами и почти шепотом ответила:

— К Петру своему ехала... А теперь иду... после бомбежки... Со вчерашнего дня иду,— обессиленная, она села на чемодан, облокотилась на колени, закрыла руками лицо.

— Куда? Зачем в такое время?

— В Ильчу, — сквозь слезы ответила Люба.

— Куда же вас посадить? — Савченко озадаченно посмотрел на свои машины.

— Ишь, для девки найдется небось место!..

— Совести никакой! — раздались из толпы голоса.

Савченко нахмурился и повернулся к Любе:

— Идемте, я вас посажу...

Люба отрицательно покачала головой.

— Мне в Ильчу, к Пете...

— Товарищ Яковлева! — повысил голос хирург. — Вы же медик! Смотрите сколько раненых!.. К тому же я на Ильчу еду...

Неторопливо возвращался Петр Маринин к перекрестку дорог, где должен был встретить броневик лейтенанта Баскакова. Последняя надежда разыскать Любу потеряна...

Увидев, что броневик до сих пор стоит на оживленном перекрестке, Петр ускорил шаг и вдруг узнал в раненом, несшем в руке котелок с водой, младшего политрука Морозова.

— Виктор!..

— Маринин!.. Петька!..

Хотя не прошло и месяца с тех пор, как расстались друзья, встретились они, словно после предолгой разлуки. С любопытством смотрели друг на друга, стараясь уловить новое во взгляде, в улыбке, в движениях, в манере говорить. Первые два дня войны, казалось, на несколько лет отбросили те недавние времена, наполненные радостным стремлением в будущее, когда Маринин, Морозов, Гарбуз заканчивали училище, когда они впервые надели офицерскую форму...

— Уже воевал? — с некоторой завистью спросил Маринин, глядя на забинтованную голову, перевязанную руку Морозова.

— Пришлось, — устало улыбнулся Морозов.

— И Гарбуз?..

— Убили Гарбуза... В танке сгорел...

Не хотелось верить, что нет больше в живых Гарбуза — того самого Гарбуза, который собирался ехать в отпуск на Кубань, чтобы жениться...

В один — два дня все перевернулось! Мечты, радость жизни, близкое счастье, да какое счастье... И все сразу рухнуло. Все стало не так... Гарбуза убили, Морозов ранен... Разбомбили поезд, в котором ехала к нему Люба...

А Морозов тем временем рассказывал о боях на границе, о беспримерном танковом сражении, в котором он участвовал.

— Большое дело — победа в первом бою, — заканчивал свой рассказ Морозов. — Хоть маленькая, с птичий нос, но победа. Черт возьми! И сказать не знаю как. Понимаешь, солдата она рождает. Вот мы... Растрепали танковую колонну немцев. А потом нас растрепали. Но первыми набили фашистам морду мы! А это большое дело. Каждый понял, что можно бить фашистов в хвост и в гриву.

Морозов умолк, поправил повязку на своей раненой руке и задумался. Маринин вынул блокнот, но записывать ничего не хотелось. И без этого помнился до мельчайших подробностей рассказ Морозова, живо представлялась вся картина танкового боя.

— Как же теперь? — спросил Маринин. — Неужели не остановим их на границе?

Морозов снисходительно засмеялся:

— Эх, Петр, Петр, ты еще не веришь, что фашисты перешагнули границу. Мы на этих машинах из-под самого носа немцев выскользнули, а от бригады нашей почти ничего не осталось.

— Вся бригада погибла?! — Петр вскинул брови.

— Почему погибла? Живет бригада! — и Морозов, поставив на землю котелок, сдвинул вперед сумку от противогаза, расстегнул ее. Маринин увидел там сверток красного атласа.

— Что это?

— Боевое знамя. Комбриг приказал в штаб армии доставить.

— Знамя бригады?! — шепотом произнес Петр, благоговейно притрагиваясь к свернутому полотнищу и изумленно глядя на Морозова.

С неба донесся грозный гул бомбардировщиков.

— Воздух! — послышался чей-то взвинченный голос.

Друзья поспешно распрощались...

11

Через несколько минут броневик мчался по дороге на Скидель. Петр занимал то же самое место — в башне, рядом с сержантом-пулеметчиком.

Навстречу все чаще среди беженцев попадались группы красноармейцев с посеревшими от усталости и пыли лицами, воспаленными глазами.

— Где немцы? — спрашивали у них.

Толкового ответа ни от кого нельзя было добиться. Но из рассказов можно заключить, что танки противника далеко углубились в нашу территорию. Нужно быть готовыми к встрече с ними.

Чем больше удалялись от Лиды, тем заметнее пустело шоссе. Люди, шедшие на восток, сворачивали на проселочные дороги, а то и напрямик через леса и поля дозревающей пшеницы брели

на восток. Нередко, заметив катившийся по дороге броневик, они вдруг исчезали, словно проваливались сквозь землю. А на том месте, где только что шли люди, спокойно колыхались белесые хлеба, переливаясь волнами, которые бесшумно разбивались об опушки лесов, обступивших зреющие нивы.

Маринину казалось, что пустынная дорога таила в себе какую-то опасность. Он напряженно всматривался вперед, вопросительно глядел на лейтенанта Баскакова, когда тот останавливал машину, вываливался из-за бронированной дверцы и, низкорослый, плотный, расставив ноги и подав корпус назад, подносил к глазам бинокль.

Миновав неширокую речку Лебеду, заметили на дороге двух людей. Один — красноармеец, другой — в гражданском платье. Боец, угрожающе направив на гражданского винтовку, что-то требовал от него. Когда бронеавтомобиль приблизился, Маринин расслышал резкий голос:

— Руки вверх! Застрелю!..

Броневик остановился, и Баскаков с Марининым, выскочив на дорогу, торопливо подошли к неизвестным.

— В чем дело?..

Не успел Баскаков произнести эти слова, как боец и гражданский мгновенно направили на него и на Маринина оружие:

— Руки вверх!

Человек в красноармейской форме четырехгранным штыком прикасался к груди Баскакова. В лицо Петра смотрел пистолет коренастого мужчины в рыжем поношенном костюме.

Это случилось так неожиданно, что Маринин, не успев ничего сообразить, машинально сделал

шаг к своему так внезапно появившемуся противнику.

— Приехали, комиссары. Ни с места! Машина под прицелом, на водителя не надейтесь... — И человек в гражданском, чуть скосив глаза в сторону придорожных кустов, крикнул по-немецки:

— Schnell hierher[1]!

В эту долю секунды перед глазами Петра встало родное училище, спортивный городок и старший лейтенант Иванов — преподаватель физподготовки. Два года учил он курсантов рукопашному бою, твердя на каждом уроке: «Нападай, соображай, парируй и снова нападай...» Будущие политработники восхищались его искусством и добросовестно учились владеть штыком, прикладом, лопатой, кинжалом...

И в это мгновение, когда Петру впервые в жизни глянул в глаза вражеский пистолет, из которого вот-вот могла вырваться пуля, он вдруг отчетливо увидел своего преподавателя...

Миг — и Маринин носком сапога резко ударил своего противника в пах, схватил и вывернул правую руку. Мужчина в рыжем костюме заскрежетал от боли зубами, свалился на пыльную дорогу. Его пистолет отлетел далеко в кювет.

Лейтенант Баскаков тоже сделал движение, но оглушительно грохнул выстрел, и он, ухватившись руками за штык винтовки, начал медленно оседать на землю. Петр метнулся к лейтенанту и, позабыв, что при нем наган, цепко ухватился за цевье винтовки. Баскаков выпустил штык и

---

[1] Скорее сюда! (нем.)

затих на нагретой солнцем дороге, словно стараясь прижаться раной к земле.

Справа, из кустарника, к месту схватки и к броневику спешила группа людей. Пепельного цвета мундиры, засученные рукава, пилотки набекрень, черные автоматы. Так вот какие они, фашисты!

По бегущим неожиданно хлестнули пулеметные очереди из броневика. Это вступил в бой сержант — башенный стрелок бронеавтомобиля. О его присутствии враги, видимо, не подозревали, так как было известно, что экипаж броневика состоял всего лишь из трех человек.

Маринин крепко держался за винтовку, отводя ствол в сторону. Не выпускал ее и человек в красноармейской форме. Секунду, может меньше, они смотрели друг другу в лицо. Глаза фашиста — холодные, чужие, напуганные. Заметив страх врага, Петр с силой потянул к себе оружие. Фашист начал яростно вырывать винтовку, словно чувствуя, что держит в руках собственную жизнь.

А из броневика непрерывно палил пулемет. В ответ из кустарника ударила по машине длинная автоматная очередь.

Маринин сильнее потянул винтовку и стал пятиться к броневику, таща за собой гитлеровца. Тот вдруг выпустил из рук оружие и, как заяц, метнулся через кювет в поле, в рожь. От неожиданности Петр упал почти под колеса своей машины.

На дороге лежал Баскаков, по полю удирал фашист, застреливший его, по кювету уползал на карачках человек в рыжем костюме. А из кустов стреляли немецкие автоматчики.

Маринин вскочил на ноги и метнулся за бро-

невик, чтобы укрыться от пуль автоматчиков. Водитель распахнул бронированную дверцу и, бледный, перепуганный, крикнул:

— Залезайте скорее!..

В десяти шагах впереди лежал мертвый Баскаков. Маринин кинул на него взгляд, полный недоумения, горечи и еще какого-то чувства, смежного со страхом, растерянностью, ошеломленностью. До его сознания не доходило, что все это произошло на самом деле — ведь все случилось так неожиданно, нелепо, в одну минуту... Водитель, включив скорость, медленно, чтобы не оставить открытым Маринина, подал броневик вперед — к мертвому Баскакову.

— Помогай! — крикнул ему Маринин.

А над головой, из башни броневика, хлестали по кустарнику пулеметные очереди.

Водитель и Маринин втиснули в узкую дверцу машины тело лейтенанта. Еще десяток секунд — и бронеавтомобиль развернулся в сторону Лиды.

— Стоп! Стоп! — вдруг закричал Маринин. Петру живо представились строгие глаза полковника Рябова — командира дивизии. «Что буду ему докладывать? Где враг?» — мелькнула мысль.

— Задний ход!

Броневик медленно пополз по дороге назад. Когда напротив открытой дверцы показался скорчившийся в кювете фашист в рыжем костюме, машина остановилась. Петр вместе с водителем быстро втащили фашиста в броневик и затолкали его под ноги сержанту-пулеметчику.

Бронеавтомобиль помчался к Лиде.

В штабе пленному оказали медицинскую помощь и допросили его. Фашист рассказал немногое: с отрядом десантников выброшен ночью на парашюте; десантники имели задачу — захва-

тывать в плен солдат и офицеров и узнавать от них о передвижениях советских частей. Фашистское командование преследовало цель — всеми средствами воспрепятствовать отходу боеспособных единиц Советской Армии в глубь своей территории.

12

Когда над лесом сгустились сумерки, хоронили лейтенанта Баскакова. Вечер был тихим, в небе мерцали первые звезды. На опушке, вокруг свежевырытой могилы, стояли командиры, политработники, солдаты. Никому не хотелось верить, что пришла война, что она уже здесь рядом, что вот ее первая жертва из штаба мотострелковой дивизии. Баскаков лежал на носилках, такой же полный коротыш, каким его все знали. Рядом шелестела колосьями рожь. Легкий ветерок бил в лицо запахами ромашек, полыни, мяты. Где-то неугомонно стрекотал кузнечик, кричала на дождь лягушка.

Вдруг откуда-то со стороны Гродно докатились глухие удары. Только тогда все обратили внимание, что небо там багровое, и этот багрянец то густел, то бледнел, точно его смывали и снова подкрашивали...

Треснул нестройный залп, второй, третий — воинская почесть погибшему. Затрепетали листья на деревьях, и по лесу волной прокатился ветерок, путаясь в ветвях, заставляя их громче шелестеть листвой.

Баскакова опустили в яму. Его товарищи, склонив головы, прятали оружие.

Ночь была неспокойной. По дороге, раскинувшейся рядом с лесом, непрерывно шли беженцы,

подразделения, потрепанные в первых схватках с фашистами, одиночные бойцы и командиры, которым удалось после неравного боя на границе оторваться от противника. Над дорогой стоял скрип телег, шум автомашин, приглушенный говор множества людей. Ветерок заносил в лес облака невидимой в темноте пыли. Она била в лицо знакомым сухим, терпким запахом.

В стороне границы продолжало греметь. Отсветы пожаров кровянили небо. Очевидно, Гродно... Сколько пожаров перенес на своем веку этот древний город! Расположенный близко к границам нескольких враждовавших в старину государств, он являлся важным стратегическим пунктом. Дороги от него вели на Августов, Сувалки, Мариамполь, Вильнюс, Лиду, Волковыск, Барановичи, Белосток, Ломжу. В своей истории многострадальный Гродно побывал в руках ливонских рыцарей, поляков, шведов. И вот сейчас он снова охвачен огнем, снова на его улицы ступила нога захватчика.

— Приготовиться к выезду! Всем командирам — к хозяину! — пронеслась по дремавшему лесу приглушенная команда.

У Лоба глаза зоркие, как у кошки. Он уверенно шагнул в темноту — в сторону палатки полковника Рябова. Следом за ним, прикрывая руками лицо от упруго хлеставших веток, часто спотыкаясь о пни, которые днем даже не замечались, пошел Маринин...

Туго натянутая огромная брезентовая палатка была битком набита военными. В одном углу, под крохотной, но очень ярко горевшей электрической лампой, развешена большая топографиче-

ская карта. Возле карты — полковник Рябов, командир дивизии. Андрей Петрович держал в руках свежесломанный прут-указку и нетерпеливо смотрел, как раз за разом откидывался клапан-дверь палатки и входили командиры.

Маринин стоял недалеко от полковника и, точно загипнотизированный, смотрел на карту, на грозные синие стрелы, обозначавшие направление ударов танковых дивизий, вклинившихся в территорию Советского Союза и продвигавшихся в направлениях Вильнюса, Гродно, Белостока, Барановичей.

— Начинаем, товарищи! — полковник несколько раз хлестнул прутом по голенищу сапога.— Я собрал вас, чтобы ознакомить с задачей, которую получила дивизия. Но прежде всего коротко об обстановке...— Рябов помедлил, обводя озабоченным взглядом хмурые, встревоженные лица собравшихся. Затем повернулся к карте и заговорил приглушенным, с душевной болью, голосом: — Сплошная линия фронта с нашей стороны, как указывается в утренней оперативной сводке штаба армии, отсутствует. Поэтому судить с полной определенностью об обстановке трудно. Ясно одно: наши войска не успели выдвинуться в районы прикрытия и принимают бой на местах расквартирования. А это значит — врага надо ждать в любом месте, в любую минуту...

Наша мотострелковая дивизия находится в стадии формирования. Мы не готовы для того, чтобы вступать в бой. Поэтому нам приказано передислоцироваться вот в этот район...— И указка полковника обвела на карте кружок вокруг Дзержинска, небольшого районного города километрах в сорока юго-западнее Минска.

— Отступаем?! — вырвалось у младшего политрука Маринина.

Воцарилась напряженная тишина. Маринин, нахохлившийся, чуть побледневший, стоял прямо перед полковником, уставившись на него немигающими застывшими глазами. Рябов в упор глядел на Маринина — строго, задумчиво, с какой-то затаенной тоской. Казалось, полковник забыл обо всем на свете и напряженно вдумывался в страшное слово «отступаем», смысл которого, может быть, только сейчас дошел до него. Тишина становилась невыносимой. Люди точно задержали дыхание и мучительно ждали момента, когда можно снова дышать. А полковник все молчал. Наконец заговорил:

— Разумеется, наш марш к Дзержинску наступлением не назовешь. Но приказ есть приказ... Понятно, товарищ младший политрук?

— Так точно, — Маринин потупился, шумно вздохнул.

— Так вот. Вперед нам идти не приказывают; полки наши, прямо скажем, малобоеспособны. Дивизия месяц как родилась и даже не успела как следует укомплектоваться, не говоря о том, что и людей своих мы только-только начали обучать. Но обстановка такова, что в бой нам вступить придется, и очень скоро. — Полковник повернулся к карте. — Видите, главные магистрали, ведущие на Минск, находятся севернее и южнее. За спиной у нас верховья Немана — местность малоудобная для ведения боя, для маневра... В ходе передислокации нам приказано пополниться людьми, подготовиться к встрече с врагом. Наша задача — занять оборону в районе Дзержинска, чтобы прикрывать Минск с юго-запада. — И командир дивизии расстегнул план-

шетку, доставая оттуда исписанные листы бумаги с боевым приказом.

Наступал третий день войны.

В середине ночи штаб дивизии покинул лес. Предстоял двухсоткилометровый путь к Дзержинску. В обычных условиях его можно было бы преодолеть за одну ночь, но сейчас дороги запружены эвакуировавшимися в тыл, к тому же штаб дивизии не мог отрываться от мотополков, которые только назывались «мото», а на самом деле были обыкновенными пехотными полками, так как машин еще не успели получить. Иначе говоря, дивизия могла занять указанный ей рубеж обороны не ранее чем через пять — шесть дней.

Золотая россыпь пустынного «Чумацкого шляха» перечеркнула глубокое ночное небо. Подслеповато щурились далекие звезды. Кажется, и до них доносился пресный терпкий запах пыли, брошенный ввысь многими сотнями автомобильных колес.

Длинная колонна машин цедила из затемненных фар на утопающую в мареве пыли дорогу туго натянутые струйки синего света и шла на восток. А с запада сполохами далеких зарниц доносилось грозное, опаляющее дыхание войны.

Вот и местечко Ильча, в котором до войны (всего лишь два дня назад!) располагался штаб мотострелковой дивизии.

В местечке, на магистральной улице, колонна почему-то остановилась. Этим воспользовались командиры, чтобы сбегать домой и узнать — эвакуировались ли их семьи. По улицам и переулкам засновали люди. Скрипели и хлопали калитки.

Побежал на квартиру младший политрук Лоб.

Он даже почернел от тревоги за свою беременную жену: уехала ли она, и если уехала, то как перенесет дорогу, не разродится ли в пути?

Спешил к дому Анастасии Свиридовны и Петр Маринин: вдруг там дожидается его какая-нибудь весточка от Любы?

У знакомых ворот Петр столкнулся с хозяйкой. Анастасия Свиридовна скорбно смотрела на запруженную машинами улицу и прикладывала к глазам подол фартука.

— Утекаете! — набросилась она на Маринина.— На погибель покидаете нас?! Панам да хфашистам?..

— Что вы! — возмутился Петр. — Никто не удирает! Война, она тоже по плану ведется...

— Вижу, доплановались... Иди лучше ищи свою, может, не уехала еще.

— Люба?! — почти шепотом спросил Петр.— Где? Где же Люба?!

13

Как только грузовики с ранеными остановились в центре Ильчи, военврач Савченко побежал хлопотать о продуктах и медикаментах, а Люба, не имея ни малейшей надежды застать дома Петра, все-таки пошла искать его квартиру.

Анастасия Свиридовна встретила Любу во дворе. И хотя уже второй день мимо ее дома катился со стороны Лиды поток беженцев и многие заходили во двор или в дом напиться, передохнуть, умыться, Анастасия Свиридовна сразу угадала в Любе невесту своего квартиранта — угадала по пытливому, с затаенной надеждой взгляду девушки, еще по чему-то необъ-

яснимому — и кинулась ей навстречу, обливаясь горючими слезами.

Зашли в дом. Люба остановилась у порога, обвела грустным взглядом комнату, в которой жил Петр, уловила невыветрившийся запах табака и с болью подумала, что вот здесь, именно здесь и нигде больше, ждало ее счастье. И она не поспела к нему.

Подошла к столу, с уголка придвинула к себе стопку тетрадей, исписанных таким знакомым, родным почерком. Это были конспекты Петра, привезенные из училища. Бездумно перелистала верхнюю тетрадь, остановила взгляд на какой-то странице, заметив, что слово «надломанный» написано с одним «н». Взяла в стакане карандаш и, исправив ошибку, жирно подчеркнула ее.

За спиной в голос, по-бабьи, рыдала Анастасия Свиридовна. Брызнули скупые слезы и из глаз Любы. Она тут же вытерла их, присела на стул, не зная, что делать дальше, о чем говорить с этой некрасивой, но такой сердечной женщиной.

— А он-то, бедненький, как убивался по тебе! — причитала Анастасия Свиридовна.— Я и комнату приготовила, двухспальную кровать поставила...

— Это Петя так распорядился?! — с горечью улыбнулась Люба.

— А то кто же? Ты ведь невеста ему... И нет вам счастья — молоденьким да славным... Только жить да жить бы...

— Невеста...— тихо повторила Люба, как бы прислушиваясь к звучанию этого чистого, весеннего слова — невеста.

Вскоре Анастасия Свиридовна провожала

Любу. Вышли на улицу, остановились у калитки. У двора напротив Аня Велехова — гибкая и подвижная — складывала в машину «эмку» чемоданы и узлы. Шофер ведерком наливал в радиатор воду, готовясь в дальнюю дорогу.

Увидев Анастасию Свиридовну, Аня кинулась к ней:

— Петя не приезжал?! Ничего от него не слышно?..

Люба настороженно посмотрела на девушку, затем перевела вопросительный взгляд на Анастасию Свиридовну.

— Нет, не приезжал, — ответила та.— Это соседка наша,— пояснила она Любе, указывая на Аню.— Дочка Велехова — начальника военных дохторов. А это,— обращаясь к Ане и кивая головой на Любу,— невеста моего квартиранта... Не довелось встретиться...

— Невеста Пети?..— не то с испугом, не то с крайним удивлением прошептала Аня. Она критически оглядела Любу.— Ты... вы его невеста?..

— Да, невеста! — вызывающе ответила Люба, уловив в словах Ани не праздное девичье любопытство. После некоторого раздумья добавила: — Была невеста, а теперь вот... жена, и посмотрела на Аню откровенно враждебным и чуть торжествующим взглядом.

Так они и расстались. Не успев познакомиться, уже ненавидели друг друга. Они и не подозревали, что расстаются ненадолго и что это внезапно родившееся чувство очень скоро пройдет и сменится другим, но самой дорогой ценой заплатит одна из них за то новое чувство...

Машины с ранеными стояли в узком переулке, в тени высоких ясеней. В кузовах остались

только «лежачие» и те, кто не мог передвигаться, да в передней машине — женщина с шестью ребятишками. Все остальные разбрелись по ближайшим дворам, сидели на завалинках. Ильчанские женщины, девушки, старики угощали раненых молоком, медом, пирогами, расспрашивали о боях у границы, все еще не веря, что враг вторгся в пределы Белоруссии.

Когда Люба подошла к машинам, ее окликнул младший политрук Морозов:

— Сестрица, просьба у меня к вам.

Люба подошла к Морозову, который сидел на подножке кабины грузовика и, прислонив свою перебинтованную голову к дверце, с трудом откусывал и жевал хлеб с маслом.

— Беспокоят раны? — участливо спросила Люба.

— Рука терпимо, а голова... Жевать трудно. Но это ничего,— усмехнулся он.— В жару пить меньше буду хотеть... Просьба у меня к вам: напомните военврачу насчет штаба армии. Я ему уже говорил. Дело у меня туда,— и Морозов поправил на коленях сумку от противогаза, в которой было спрятано знамя бригады.

— Он еще не возвращался? — спросила Люба о Савченко.

— Вон в тот дом недавно зашел.

Люба направилась к дому с высоким крыльцом. Поднялась по ступенькам, прошла по пустому коридору и остановилась у полуоткрытой двери, из которой доносился разговор.

Заглянула в кабинет и увидела в кресле за столом моложавого капитана — щеголеватого, важного, с черными усиками и бакенбардами на самодовольном лице. Это был капитан Емелья-

нов. Перед ним стоял Виктор Степанович Савченко и взволнованно доказывал:

— Мне надо обработать раненых и запастись на дорогу продуктами. Вы же старший сейчас в гарнизоне. Возьмите медикаменты в аптеке, а продукты в магазине!

— А денежки? Кто денежки будет платить? — капитан Емельянов ехидно сощурил глаза, нагловато улыбнулся.

— Какие там денежки?! — Савченко сердито махнул рукой.— Завтра немцы здесь будут. А у меня раненые.

Лицо Емельянова вдруг побагровело, глаза остекленели.

— Что-что?! — прохрипел он и, вскочив на ноги, схватился за пистолет.— Панику сеете в близком тылу Красной Армии? Слухи распускаете? Пораженческие настроения?! Предъявите документы!

Савченко с горькой усмешкой подал удостоверение личности.

— Ну вот, военный врач третьего ранга, а такие разговорчики! — важно хмурился Емельянов, листая документ.— Кишка тонка у немцев, чтобы заставить нас потесниться. Да мы им как наступим на мозоли, вмиг опомнятся. А там, глядишь, и международный пролетариат зашевелится. Через три месяца в Берлине будем!

По коридору заухали чьи-то шаги, и Люба, поймав себя на том, что подслушивает чужой разговор, решительно зашла в кабинет. Хотела передать Савченко просьбу раненого младшего политрука и напомнить о комплекте красноармейского обмундирования для себя. Как-никак, она уже медсестра.

Но сказать ничего не успела. Вслед за ней

стремительно вошел запыхавшийся незнакомый лейтенант в запыленном комбинезоне. Представившись офицером связи, он доложил:

— Товарищ капитан, срочный приказ...

— Слушаю,— насторожился Емельянов.

— Готовьте гарнизонное хозяйство к эвакуации...

— Как?! — не поверил своим ушам капитан.

— Прут немцы, — хмуро пояснил офицер связи.

Наступила тишина. В ней родилось вначале тихое, прерывистое урчание моторов; затем оно усилилось, стало нарастать. На Ильчу шли самолеты.

Шестерка немецких бомбардировщиков плыла в вылинявшей голубизне неба. Над местечком она выстроилась в цепочку, и вдруг передний самолет сорвался в крутое пике. За ним — второй, третий... Стонущий свист бомб... Тяжело охнула земля под первым ударом, стряхнув с себя и превратив в груду развалин деревянный дом над речкой. Затем застонала под серией новых взрывов.

По магистральной улице неслась «эмка». Это шофер военврача Велехова пытался вывезти из-под бомбового удара его дочь Аню, замешкавшуюся в местечке. Вдруг впереди машины взметнулся столб земли. «Эмка» вильнула в сторону, взвизгнула тормозами и завалилась в кювет. На руль безжизненно упала голова сраженного насмерть шофера.

Распахнулась дверца «эмки», и из нее выскочила Аня — бледная, растерянная, не зная, куда деть себя, что предпринять. Упала в кювет и подняла лицо с трясущимися губами к небу. Зачем? Зачем они бомбят?

Рядом пылал дом. Из него донесся истошный детский крик. Он точно подхлестнул Аню. Девушка вскочила на ноги и бросилась в распахнутую дверь, из которой валил дым. Вскоре выбежала на улицу с плачущим трехлетним мальчишкой. Посадила его в кювет и снова кинулась в дом. С силой вытолкнула на улицу упиравшуюся, очумевшую от ужаса старуху.

Над самыми крышами домов прогрохотал моторами бомбардировщик. Хвостовой стрелок выбивал железную дробь из пулемета, поливая свинцом дворы, улицу, дома. На мостовой густо вспыхнули облачка каменной пыли. Упали на землю ссеченные ветки клена. Вскрикнула, скрежетнув зубами, Аня. Она точно наклонилась за упавшими ветками, но выпрямиться уже не могла. Лицо ее перекосилось от нестерпимой боли, ослабевшие руки подломились, и девушка ударилась лицом о горячую каменную плиту тротуара, приникла к ней всем телом...

Из дверей дома с высоким крыльцом выбежала Люба. Увидев Аню, она кинулась к ней, упала на колени, повернула ее лицом кверху. Тут же подоспел Савченко. Он поднял на руки обмякшее тело Ани, посмотрел в ее искаженное мукой лицо и понес в дом. На тротуаре осталось черное пятно крови.

Ветер трепал на голове Ани рассыпавшиеся волосы, лацкан жакетки с комсомольским значком.

14

Машины с ранеными задержались в Ильче до поздней ночи. Здесь, в местной больнице, Люба Яковлева впервые стояла у операционного стола с хирургом Савченко. Виктор Степанович опе-

рировал Аню Велехову... А потом — перевязка раненых.

Когда на магистральной улице остановилась огромная колонна машин, идущих на восток, Савченко побежал искать среди них санитарный автобус. А вдруг окажется такой в колонне! Надо было эвакуировать в госпиталь Аню Велехову: в кузов грузовика ее не положить после тяжелой операции.

Виктору Степановичу повезло. Где-то в середине колонны он увидел «санитарку» — малогабаритный газовский автобус. В кабине его дремал военврач второго ранга Велехов... О, если б знал Савченко, что это отец той самой девушки — Ани, которую он сегодня вырвал из лап смерти. Но он не знал этого и униженно молил Велехова:

— Возьмите, ради бога... У вас подвесные носилки, амортизация. В кузове грузовика она может не выдержать... Три часа назад я снял ее с операционного стола.

— Понимаю, всем сердцем понимаю,— отвечал, недовольно морщась, военврач Велехов.— Но у меня нет места. Потом я привязан к штабу, а раненую надо везти в госпиталь. Не могу.

— Как же быть? — разводил руками огорченный Савченко.— Девушка — дочь военнослужащего. Где ее оставишь?

— Извините, никак не могу.— Велехов захлопнул дверцу кабины.— Поймите меня правильно...

А в это время в другом конце колонны Петр Маринин делал еще одну попытку разыскать Любу, надеясь и не надеясь, что девушка может

быть еще здесь. Он останавливался то у одного, то у другого грузовика и неизменно спрашивал:

— Яковлевой Любы нет среди вас?.. Яковлева!..

Чаще отвечали молчанием, реже — шуткой.

Из кузова одного грузовика в ответ на вопрос Петра раздался хриплый старушечий голос:

— Я! Я Яковлева! Здеся!.. Вы от Володи? Где он, живой? Где Наденька с детьми? — в голосе женщины послышались слезы.

— Нет, я другую Яковлеву...— растерянно ответил Петр, устремляясь дальше вдоль колонны.

У одной машины он заметил девичьи-стройную фигуру, которая показалась ему знакомой.

Кинулся к ней. Но... к нему повернула заплаканное лицо неизвестная молодая женщина. Она задыхалась от слез. Даже в темноте было заметно, что в глазах ее — мука и ужас.

— Скажите, где оперативный отдел? — с трудом выговорив слова, спросила женщина.

— В голове колонны... А чего вы плачете? — не удержался Петр от вопроса.

— Ой, не могу,— прошептала женщина дрожащими губами.— Обоих, обоих насмерть — Витеньку и Олю... Бомбой...

Пошатываясь, она побрела вперед, а Маринин, потрясенный, с болью глядел ей вслед.

— К маме хочу! — раздался в соседней машине сонный плач девочки.— Где моя мама?..

— Найдем маму твою,— успокаивал ее мужской голос.— И папу найдем...

Зажав голову руками, Петр стремительно зашагал к своей машине. Ему показалось ничтожным собственное горе по сравнению с тем, что творилось вокруг. Даже ощутил, что его душевная боль, боль по несостоявшейся встрече

с любимой, притупилась, улеглась. Было только жалко Любу, оказавшуюся вдруг в таком трудном положении.

Но где ее найдешь? Ничего не мог сделать человек, чтобы отыскать в водовороте войны другого человека. Ведь встали на колеса миллионы. Надеяться на случай, на неожиданную счастливую встречу? Но такие встречи бывают чаще в романах... И все же могла состояться их встреча и здесь, наткнись Петр на четверку машин с ранеными в соседнем переулке. Эти машины готовились влиться в колонну, которая шла на восток.

Разыскав свой грузовик, Маринин молча забрался в кузов. В кабине сидел наедине со своим горем младший политрук Лоб. Он узнал, что его жена уехала из Ильчи вместе с другими семьями военнослужащих сегодня утром, и мало надежды, что она вынесет трудную дорогу до Полоцка: родовые схватки начались у нее еще вчера вечером — так сказала Лобу соседка по квартире.

...Ехали долго, медленно, но без остановок. Дорога ровная, широкая. Справа лес — темный, зловещий; слева — разметы хлебов. На западе небо мерцало огнями ракет и зарниц от артиллерийской пальбы.

Приближался рассвет. Шедшие впереди мотоциклы и броневик загремели колесами по мостку через небольшую речушку, а потом свернули на узкий проселок. За ними направилась вся нескончаемо длинная вереница машин, кроме тех, которые не относились к штабу дивизии и штабным подразделениям. Проселок завихлял вверх, и вскоре колонна втянулась в густой лес, разбудила его, и он уже не казался таким мрачным и молчаливым.

15

Обстановка на минском и вильнюсском направлениях накалялась с каждым днем. Части нашей армии вели упорные оборонительные бои с фашистской пехотой на рубеже Волковыск—Лида, вдоль Немана и по обе стороны его притока Шара. А немецкие танковые колонны уже протаранивали себе путь к Минску, прорываясь крупными массами со стороны Барановичей и Вильнюса. Немецкое командование собиралось замкнуть клещи и сразу покончить с группировкой советских войск, ожесточенно обороняющихся на дальних подступах к Минску. Фашисты бросали в бой все новые и новые дивизии, стараясь своей массовостью, своими во много раз превосходящими по численности силами окончательно парализовать действия частей Советской Армии, лишить их воли к сопротивлению.

А дивизия полковника Рябова продолжала марш к Дзержинску. Полки шли параллельными дорогами, чтобы дивизия сильно не растянулась в глубину; шли главным образом ночью. Штаб дивизии днем пережидал, пока полки обгонят его, и ночью делал очередной бросок на юго-восток.

Медленно тянулось время в эти «пережидания». Досаждали немецкие бомбардировщики, которые, выискав цель, начинали остервенелую бомбардировку; томила сама обстановка — напряженно-тревожная, с различными слухами, с забитыми дорогами, с происками фашистских диверсантов, разведчиков, агентов.

Четвертый день шла война...

На опушке леса стояли старший батальонный

комиссар Маслюков и полковник Рябов. Круглое жестковатое лицо Маслюкова нахмурено, в ввалившихся глазах — тревога. Андрей Петрович Рябов — стройный, подтянутый — не отрывал глаз от бинокля. Оба они смотрели на лежавшую внизу дорогу, по которой шли пешие, ехали повозки и автомашины.

— Пойдем потолкуем,— предложил начальник политотдела, кивая головой в сторону дороги.— Глазами других посмотрим на события.

Полковник Рябов, опустив бинокль, молча зашагал по косогору вниз, к дороге. За ним пошел Маслюков.

Слова старшего батальонного комиссара: «Глазами других посмотрим на события» — напомнили Рябову совсем недавние дни, когда он командовал танковой бригадой, и Маслюков, так же как и сейчас, был замполитом и возглавлял политотдел. Между ними состоялся однажды острый разговор, в котором старший батальонный комиссар употребил почти эти же самые слова, прозвучавшие тогда для Рябова не очень приятно.

Андрей Петрович вспоминает, как это было...

Он зашел в кабинет начальника политотдела, чтобы поговорить о завтрашней охоте. Был канун выходного дня, и заядлые охотники уже начинали волноваться.

— Значит, на косачей, Андрей Петрович? — спросил тогда у Рябова Маслюков.

— Апрель, самое время,— ответил Рябов.— Соорудим шалашик. Я тут одно токовище знаю...

— Шалаш сами будем строить? Или бойцов возьмем?

— Конечно, сами! — удивился Рябов и, уловив непонятную иронию в голосе старшего ба-

тальонного комиссара, спросил: — Зачем же бойцов?

— В помощь. Ты же, Андрей Петрович, привык, чтоб тебе во всем помогали. Даже по хозяйству.

Рябов в упор глядел на своего заместителя по политчасти и чувствовал, как лицо его заливала краска. Он вспомнил, что не в меру расторопный комендант штаба без его ведома прислал к нему на квартиру целое отделение солдат, которые должны были идти на стрельбище, и те за несколько часов перепилили, покололи и сложили в сарае все дрова, привезенные накануне.

— Ты на дрова намекаешь?

— И на дрова, Андрей Петрович, и на то, что жинка твоя на базар ездит в твоей легковой машине и что конюха специального держишь при рысаке, который тебе для парадных выездов служит. Поставь-ка себя на место этих бойцов. Пришел ты в армию Родине служить, выполнять свой самый почетный долг гражданина, а тебя вместо этого превращают в батрака.

Все это было так неожиданно, что Андрей Петрович не находил слов в свое оправдание. Многое, что говорил Маслюков, казалось преувеличенным. Однако была в его словах и правда. В самом деле, почему он до сих пор не наказал коменданта штаба, почему сквозь пальцы смотрит на то, что заведующий подсобным хозяйством полка толстяк Сорока каждую субботу привозит ему на квартиру всякой всячины? Почему он не мог нанять пильщиков?..

Старший батальонный комиссар Маслюков, прервав молчание, спросил:

— Скажи, Андрей Петрович, откуда у тебя такие барские замашки? Можно подумать, что

ты и твоя жена — люди белой кости, привыкшие равнодушно взирать, как ухаживают за ними другие. Ты, конечно, можешь и не отвечать мне. Ты командир, я хожу под твоим началом. Но можешь и ответить: ведь мы товарищи, ну и... коммунисты.

Андрей Петрович оторвал взгляд от лица Маслюкова и перевел его в окно, где виднелись унылая, по-весеннему раскисшая улица, подсохший спуск к реке. Какая там белая кость! Перед его взором прошла трудная, напряженная жизнь: в гражданскую войну мальчишкой ушел на фронт. Потом служба на Дальнем Востоке, командирские курсы, служба в Средней Азии, военная школа, Халхин-Гол, академия...

Как на экране, проходили перед мысленным взором Рябова прожитые им годы. Что мог ответить он этому человеку — простому, беспощадно справедливому? Рассказать о прошлом, рассказать, как стал он солдатом революции, как посвятил себя военной службе? Ведь все это ему известно. И все это не вяжется с тем, что говорил Маслюков.

Ничего не мог ответить полковник Рябов начальнику политотдела.

— Я помогу тебе, дорогой Андрей Петрович,— и Маслюков начал говорить сам. Каждое его слово, что капля расплавленного металла.— Я так думаю: ты полагаешь, что тебе, ветерану гражданской войны, орденоносцу, человеку заслуженному, все дозволено. Ты видишь себя и забываешь, что в гражданской войне участвовали миллионы. Тебе кажется, что ты занимаешь какое-то особое место среди людей. Короче говоря, ты, дорогой Петрович, зазнался чуток! Поверь, что это так! Мне со стороны видней...

Рябов молчал. Упреки начальника политотдела казались ему несправедливыми, но он не находил слов, чтобы возразить, чтобы доказать его неправоту, чтобы по-иному объяснить эти факты, которые назвал Маслюков.

А Маслюков между тем продолжал:

— Запомни мой совет, Андрей Петрович. Каждому человеку нужно уметь видеть себя со стороны. Нужно глазами других иногда посмотреть на себя. Еще Ленин учил нас, что о человеке мы судим не по тому, как он сам о себе говорит. Теперь пораскинь умом: как могут думать о командире бригады, который умышленно или по недомыслию (это безразлично) использует труд подчиненных для удовлетворения своих личных потребностей?

— Но ведь это не совсем так! — возразил наконец Рябов. Ему хотелось сказать, что у него больная жена, что самому ему недосуг заниматься домашними делами, что, наконец, ничего зазорного нет в заботе подчиненных о старшем начальнике, если начальнику действительно нужна помощь.

— Это тебе так кажется,— опередил его Маслюков.— А люди составляют свои представления о вещах и понятиях по своим собственным восприятиям, впечатлениям. Верно? Верно! И ты обязан заботиться о том, чтобы у тебя было доброе имя. Ты ведь государственный человек. И партии, государству нашему нужно, чтобы тебя уважали, верили тебе, без тени сомнения в душе повиновались твоей воле. А вот ты зазнался...

Рябов поморщился: ему показалось, что тот малозначительный, как теперь кажется, полуза-

бытый разговор имеет прямое отношение ко всему происходящему сейчас. Да, возможно, он, полковник Рябов, зазнался. Командир дивизии ведь единоначальник! Мечтал побыстрее укомплектовать полки и полюбоваться их силой, выучкой в строю, на параде... А в бою?..

С досады Рябов отшвырнул ногой кем-то брошенную во ржи каску и, шагая рядом с Маслюковым к дороге, кусал нижнюю губу. Почему не приходили ему в голову мысли о том, как будет управлять дивизией в бою? Впрочем, приходили. Думал он и об этом. Ведь о возможности нападения на нас говорилось много — в приказах, на совещаниях, на сборах в штабе армии... Вот именно — говорилось... И даже неплохо обучали войска и штабы. А как же организовать оборону в случае нападения? Плохо об этом думали. И главное — должных мер не приняли. Убеждали себя в другом, что, если грянет война — будем воевать только на чужой территории, малой кровью, на территории того, кто нападет на нас. А то, что готовится нападение, проглядели, не отмобилизовали вовремя армию, не сосредоточили в нужных местах сил.

И лично он, Рябов, еще надеялся, что в случае нападения Германии на Советский Союз — первое в мире пролетарское государство — немецкий пролетариат поднимет революцию. Об этом он вчера спросил у пленного гитлеровца, которого доставил в штаб младший политрук Маринин. Гитлеровец усмехнулся и ответил:

— Когда мы завоюем Россию, вы узнаете, что такое гестапо, виселица и концентрационный лагерь. А для немецкого народа, кроме этого, существует еще пропаганда. Фюрер продумал все...

«А что же происходит сейчас? Нужно, как говорит Маслюков, глазами других посмотреть на события».

За этими мыслями полковник Рябов не заметил, что осталось позади ржаное поле и они, перепрыгнув через запыленный кювет, оказались на людной дороге.

Остановили первую подошедшую группу красноармейцев.

— Из какой части? — спокойно спросил Рябов.

— Из разных, — невпопад ответили солдаты.

— Куда путь держите?

— На сборный пункт.

— Где же он находится?

— Кто его знает... Где остановят, там и собираться будем. Говорят, формируют части не то в Минске, не то под Минском.

— Так, так, — помедлил полковник, — а где же ваши роты?

— От наших рот остались рожки, ножки да мы. Окружили всех — и амба. Кто вырвался — драпает без оглядки, — ответил высокий солдат с воспаленными глазами на небритом лице.

— А наш инженерный батальон саперными работами занимался, когда фашисты напали, — стал рассказывать рыжеусый солдат с перевязанной рукой.— Оружие наше в козлах стояло, а фашисты вдруг по этому месту из минометов ударили. В пять минут из винтовок и пулеметов щепки сделали. А мы с лопатами остались. Дрались, сколько могли...

— Как же понимать вас, товарищи «окруженцы»? — недоумевал полковник Рябов. — Говорите — всех разбили, разгромили. Но где же фашисты? Почему их до сих пор здесь нет? Кто

же не пускает вражескую пехоту, артиллерию к этим отдельным танковым группам, которые прорвались в наши тылы? Молчите? Может, послушаем, что другие скажут?.. Садись!—скомандовал полковник.

Солдаты расселись на обочине. Каждый глядел на полковника, на старшего батальонного комиссара внимательными глазами, с какой-то надеждой, с готовностью делать все, что они прикажут. А Рябов и Маслюков смотрели вдоль дороги, по которой, вздымая пыль, шел танк «Т-34».

Когда танк подъехал ближе, все обратили внимание на его изуродованную пушку, обилие вмятин на броне. Танк тащил на буксире огромнейший автоприцеп, битком набитый ранеными солдатами и командирами, женщинами и ребятишками. Рябов решительно махнул рукой, машина остановилась. Мотор ее заглох, из люков высунулись головы танкистов.

— Подойдите сюда, — приказал им полковник.

Танкисты, заметив на петлицах начальства «шпалы», поспешно вылезли из машины, подошли и отдали честь. Один из них оказался младшим лейтенантом.

Женщины и раненые смотрели из прицепа настороженно, боясь, что начальство прикажет им высадиться.

— Куда следуете, товарищ младший лейтенант? — спросил Рябов.

— До первой станции, где смогу сдать своих пассажиров, — ответил танкист.

— Гитлеровцы машину покорежили?

— Так точно. Но мы им тоже накорежили.

— Где дрались?

— Под Гродно.

— Какова там обстановка?

— Атакуют. Фашисты город забрали. Наш танковый полк понес большие потери, но сейчас держит оборону — отход пехоты прикрывает. Много немецких танков сожгли.

Полковник Рябов многозначительно посмотрел на сидевших красноармейцев.

— Один наш броневик даже самолет сбил, — продолжал рассказывать младший лейтенант.— Пикировал бомбардировщик на него, а командир орудия не растерялся и пушку — под наивысший угол. Как ахнул, так самолет в щепки.

— А как пехота дерется? —спросил Маслюков.

— Да, да, расскажите, как пехота дерется и почему это так много людей сборные пункты ищут? — поддержал комдив, указывая рукой на сгрудившихся на дороге красноармейцев.

— Ничего здесь непонятного нет, товарищ полковник. Фашистов много, а нас мало. Самолетов и танков у них больше. Наступают они по всем дорогам, а у нас сил нет обороняться везде. Так и оказываются немцы в нашем тылу. А то еще обманом берут...

— Но все же, говорите, наши не бегут? — спросил Маслюков.

— Всяко бывает. В окружении дерутся до последнего патрона. Потом вырываются. А собраться после этого уж трудно, особенно если ночью пробивают кольцо. Вот и ищут сборный пункт. Да вы лучше вон с капитаном поговорите, — и младший лейтенант кивнул головой в сторону автоприцепа.

Полковник Рябов взялся руками за борт запыленного кузова и взобрался на колесо. Капи-

тан, смежив вздрагивающие веки, лежал среди густо сидевших людей; его перебинтованная голова покоилась на коленях молодой женщины с большими испуганными глазами. Под расстегнутой гимнастеркой капитана тоже виднелись бинты с ржавыми следами крови.

Рябов некоторое время молча смотрел в посеревшее, небритое, с заострившимися чертами лицо раненого, потом участливо спросил:

— Говорить можете?

Капитан медленно открыл глаза, тяжело вздохнул, и все услышали его хриплый, негодующий голос:

— Говорить?.. Кричать нужно, а не говорить!— В воспаленных глазах раненого сверкнули злые огоньки. — Вдалбливать всем в головы, чтоб никогда не выветрился из памяти урок, который фашисты нам дали!.. Да, да! Позабыли мы, что среди волков живем! Вот и учат нас уму-разуму, пулями, бомбами учат!

— Успокойтесь, капитан. Толком расскажите, — тихо, но твердо промолвил Рябов.

Было похоже, что этот израненный человек обезумел от физических страданий и всего того, что он видел.

Капитан подобрал под себя руки и с трудом приподнялся.

— А что рассказывать?.. Напали, а мы не готовы... Думаете, только в беспечности дело? Черт его знает в чем! В субботу еще командиры в отпуск уезжали, на воскресенье смотр боевой техники затеяли. И никто не догадывался, что фашисты уже пушки на нас навели, диверсантов в наши тылы забросили... А мы... мы... — в переполненном душевной болью голосе капитана послышались слезы. — Разве такая нужна го-

товность, когда змея рядом?! Нужно было дневать и ночевать на огневых позициях, летчикам из самолетов не вылазить. А мы... И вот народ гибнет, часть техники бросили. Ведь из моих пушек фашистские танки насквозь можно пробивать!.. Эх!.. — капитан крепко зажмурился, и по его темным щекам скатились две прозрачные капли.

Всхлипнула и молодая женщина, поддерживавшая голову капитана, потом истерично закричала:

— Кого ж проклинать?! Кто виноват, что там дети и женщины под бомбами?..

— Фашистов проклинать, — хмуро бросил Рябов, слезая с колеса на землю.

— Их бить нужно, как собак бешеных! — Женщина уставила на комдива гневные глаза. — А с вас, с начальства, спросить нужно...

Рябов и Маслюков возвращались в лес молчаливые, задумчивые. Старший батальонный комиссар рвал колоски ржи, рассматривал их, бросал и снова рвал. Наконец не выдержал и заговорил:

— Хоть и не виновны мы с тобой, Андрей Петрович, а все же стыдно перед людьми.

— А перед собой? — Рябов даже остановился. — От себя, от совести своей никуда не уйдешь. Вот разумом понимаю: фашисты тайно подготовились, сосредоточили силы и в один миг бросились на нас. А сердце еще и другое знает. Можно было встретить их не так. Надо было знать, что готовится нападение, заранее вывезти из опасной зоны женщин и детишек, по возможности войска подтянуть.

— Слова все это! — с раздражением заметил Маслюков. — Правильные слова, но неуместные

сейчас. Факт свершился, фашисты наступают, сил у нас пока мало, и нужно действовать. Ты, мне, Андрей Петрович, лучше скажи свое мнение о бойцах, которые бредут по дорогам, сборные пункты ищут.

— Солдаты как солдаты. Напуганные только, подавленные.

— И я так думаю. Бойцы они необстрелянные, неопытные, ошарашенные таким поворотом событий. Может, у некоторых в трудную минуту не нашлось хорошего командира. А многие действительно попали в кольцо и, вырвавшись, не могут найти пристанища.

— Не собираешься ли ты приютить их, комиссар? — спросил Рябов.

— А что? Это даже необходимо. Ведь в сторону фронта, несомненно, идут войска. Представь себе настроение красноармейцев из свежих подразделений, которые видят на дорогах бегущих солдат и только слышат от них: «Разбили, окружили, уничтожили...»

Комдив слушал внимательно и сосредоточенно думал. Потом усмехнулся какой-то своей мысли и достал портсигар.

— Закурим.

Когда задымились папиросы, Рябов продолжал разговор:

— Что, если из людей, задержанных на дорогах, отобрать обученных солдат, проверить их и усилить наши пулеметные и минометные подразделения?.. А остальных — в стрелковые роты.

— Конечно, стоит, — Маслюков в знак одобрения махнул своей крупной головой. — Воевать же придется, и фашисты не спросят, молодая мы дивизия или нет.

— Ближе к делу, — прервал его полковник, — поручаю это мероприятие политработникам.

— Есть, товарищ комдив!

К вечеру на опушке леса было собрано около двухсот красноармейцев и сержантов, задержанных на дороге. Их разделили на взводы, составили списки, в красноармейской книжке каждого сделали запись о причислении к войсковой части. Комдив решил пока держать этих людей ближе к штабу, чтобы лучше проверить их, выяснить военную подготовку, а затем влить в полки.

Ночь была неспокойной. На северной опушке леса, где в окопах отдыхали задержанные на дороге солдаты, не стихала ружейная стрельба. Началось со случайных выстрелов, которые всех насторожили. Потом пролетел самолет, и из-за дороги кто-то стал бросать в направлении отдыхающих войск ракеты. В сторону ракетчика пустили добрую сотню пуль. Словом, ночь показала, что собранное пополнение нервничает.

Утром выяснилось: несколько человек убежало, а двух нашли застреленными. Одного, который выстрелил в своего, красноармейцы поймали. Документы его оказались в порядке, в красноармейской книжке — вчерашняя приписка к части. На допросе выяснилось, что он — переодетый фашистский агент.

Задержали и одного сбежавшего ночью.

— Почему дезертировал? — спросил его старший батальонный комиссар Маслюков.

— Я не дезертировал, а ушел, — ответил солдат, прямо посмотрев ему в лицо.

Маслюков достал папиросу, закурил и глубоко затянулся. Его задумчивый, спокойный

взгляд как бы пронизывал душу солдата и читал, что там делается.

— Ну, расскажи, почему ты ушел? Почему изменил Родине?

Красноармеец поднял потемневшие глаза, губы его задергались.

— Не плакать! — сурово приказал Маслюков.

Пересилив спазму, сдавившую горло, солдат быстро, боясь, что разрыдается, начал говорить:

— Товарищ старший батальонный комиссар, я не изменял Родине. Я хочу воевать по-настоящему. А тут не поймешь, где война. Фронта никакого нету. Фашистов в любом месте жди.

— Ну и что же?

— Как что?! Чего мы тут сидим? Уходить нужно отсюда, к Минску, где войск наших побольше, где фронт, наверное, есть. И ни в жисть тогда врагу не пройти! А останемся здесь, так они нас разгонят по лесам и по одному перебьют...

Об этом разговоре старший батальонный комиссар Маслюков рассказывал вечером на собрании партийной организации штаба дивизии.

— Люди неправильно понимают обстановку, не знают своих задач, — говорил Маслюков. — Коммунисты должны рассказать бойцам, что фронт — здесь, где мы, что наш долг всеми силами задерживать врага, изматывать его силы, не пропускать немецкую пехоту вслед за танками. Этим временем пополнятся ряды нашей армии. Нужно истреблять диверсантов, шпионов, трусов и паникеров. Наша сила — в организованности, в бдительности, в стойкости.

Очень хорошие, правильные слова. Они глубоко западали в душу каждого еще и потому, что их говорил человек большой храбрости, справе-

дливый, умный, проницательный. Маслюков обладал удивительной способностью — по взгляду человека, по интонации его голоса, по еще каким-то только ему известным приметам определить, что человек кривит душой. Среди таких людей Маслюков искал врагов и нередко находил.

Был такой случай. Маслюков остановил на дороге группу красноармейцев и разговорился с ними о делах на границе. Бойцы рассказывали о боях, о бомбежках. Старший батальонный комиссар слушал, всматривался в лица солдат. От его внимания не ускользнуло то, что сержант, у которого через плечо висел автомат, смотрел на него с каким-то особым напряжением и старался быть подальше. Глаза этого человека щупали звездочки на рукаве комиссара, прямоугольники в петлицах, добротный ремень с портупеей.

— Кто из вас коммунисты, комсомольцы?.. — обратился Маслюков к красноармейцам и остановил взгляд на сержанте. — Вы, например?..

Сержант с готовностью расстегнул карман гимнастерки и достал коричневую книжечку.

— Кандидат в члены партии, — сказал он, протягивая старшему батальонному комиссару документ.

Маслюков раскрыл кандидатскую карточку, пропитанную солдатским пóтом, увидел чуть замусоленную фотографию, печать, подпись начальника политотдела; членские взносы уплачены вовремя. Кажется, все в порядке. Но у Маслюкова цепкий глаз. Он заметил, что кандидатская карточка сержанта прошита сверкающей проволочкой из нержавеющего металла, и вспомнил ржавые полоски, сделанные проволочной

прошивкой в своем партбилете... Молча возвратил документ и полез в карман за куревом. Сержант настороженно проследил за рукой комиссара, а когда Маслюков вынул «Казбек», кинул любопытный взгляд на скачущего всадника. Старший батальонный комиссар закурил, а затем поднес коробку к самому носу сержанта.

— В Германии таких не видел? — спокойно спросил он. Заметив, как в глазах сержанта метнулась тень страха, Маслюков ловким и сильным движением рук отнял у него автомат.

Сержант попытался выхватить из кармана крохотный пистолет, но бойцы успели скрутить ему руки...

За спиной, в вещевом мешке этого гитлеровского агента, обнаружили портативную радиостанцию...

Полковник Рябов одобрил выступление Маслюкова на партсобрании и призвал коммунистов повышать организованность и бдительность.

После собрания большинство работников политотдела во главе со старшим батальонным комиссаром Маслюковым уехало в полки, которые находились на марше.

16

Уже три раза налетали немецкие самолеты. Воздух раздирал холодящий душу визг сирен, установленных на бомбардировщиках. Взрывы сотрясали лес, валили на землю долговязые сосны. Люди прятались в щели и после каждого взрыва тревожно смотрели на свои машины: целы ли?

От работников оперативного отдела Маринин по секрету узнал, что штаб снимается вот-вот, не дождавшись ночи.

Положение весьма опасное. Прорвавшись из района Барановичей, немецкие танки оказались ближе к Минску, чем мотострелковая дивизия полковника Рябова, которой было приказано занять рубеж под Дзержинском и контролировать дороги, ведущие с юго-запада и запада на Минск.

Фашисты подбрасывали свежие силы, и обстановка на фронте с каждым часом усложнялась. Впрочем, нельзя было сказать «на фронте». Фронта как сплошной линии боевых порядков войск пока не существовало, и в то же время он был везде. Бои шли на каждой дороге, в каждом населенном пункте пограничных районов Западной Белоруссии. Случалось и так, что по одной дороге вырывались далеко вперед немецкие танки. Следом за ними отступала советская часть, сдерживая напор пехоты врага и ведя разведку на флангах.

До леса на высоте, где укрывались машины штаба и штабных подразделений, отчетливо доносились отзвуки боя. Они летели с запада, севера, юга и иногда даже с востока. Это заставляло людей еще больше настораживаться.

И вот приказ: «Выводить машины на дорогу!..»

Двигались на восток. Всех угнетало сознание, что не сегодня-завтра здесь будет враг, который смял наши разрозненные части у границы и сейчас спешит дотянуться бронированными кулаками до Минска, Могилева, Смоленска.

Длинная, растянувшаяся на много километров автоколонна, пробиваясь сквозь висящие над дорогой облака пыли, подъезжала к городу Мир. Это тот самый Мир, который в восемнадцатом веке был столицей цыган. Им покрови-

тельствовали тогдашние хозяева Мира князья Радзивиллы. Здесь всегда происходили выборы цыганского старшины, или, как его называли, «короля».

Не доезжая Мира, колонна, уткнувшись головой в деревню Песочную, остановилась. Навстречу ей, со стороны Мира, на предельной скорости мчалось несколько десятков машин. Среди них оказались и четыре грузовика с ранеными, которые вел на восток военврач третьего ранга Савченко и с которыми задержался в Мире, чтобы сделать нескольким своим «пассажирам» не терпевшие отлагательства операции.

Встретившись у Песочной с автоколонной штаба дивизии, машины остановились. И тут полковнику Рябову стало известно, что путь вперед закрыт: в район Мира прорвались крупные силы немецких танков и мотопехоты. Дорога на Столбцы перехвачена. Положение усложнялось и тем, что с севера, запада, востока путь колонне преграждал Неман с притоками Уша и Сервеч, ограничивая свободу маневра.

Полковник Рябов сидел в своей легковой машине и, нахмурив косматые брови, немигающим взглядом смотрел в раскрытую топографическую карту. Перед ним вырисовывалась обстановка — тяжелая, смертельно опасная для наших войск, находящихся западнее Минска. Было ясно, что фашисты наносят один из главных ударов в направлении Брест — Кобрин — Барановичи — Минск. Сейчас их танковые колонны достигли Мира. До Минска осталось сто километров. Сто километров отделяют танковые колонны врага от столицы Белоруссии! А кто знает, какая обстановка севернее Минска? Вчера было известно о серьезном прорыве немецких танков из района

Вильнюса. Над Минском занесены две клешни, которые нужно обрубить во что бы то ни стало. Но как обрубить? Какими силами? Кому решать эту задачу? Превосходство в танках, авиации, в численности пехоты — на стороне врага.

Дивизии полковника Рябова приказано занять оборону у Дзержинска и прикрывать Минск. Успеют ли полки достигнуть намеченного рубежа? Вероятнее всего, что не успеют. Имеются ли на этом рубеже другие силы?.. Связь со штабом армии нарушена.

Андрей Петрович поднял голову от карты и чуть охрипшим голосом отдал приказание давно стоявшему у открытой дверцы машины офицеру с усталым бледным лицом:

— От Песочной поверните колонну влево к Неману. Командирам полков передайте по радио новый маршрут.

И снова пыльная дорога, частые остановки, тряска на выбоинах.

Впереди — небольшая речушка Мирянка. Когда первые машины загремели колесами по мосту, на колонну налетели немецкие бомбардировщики. Шестерка самолетов сделала заход и начала пикировать на переправу.

Фашисты бросали бомбы с уже знакомыми всем сиренами. После первых взрывов по обеим сторонам дороги внезапно вырос лес винтовок. Это выполнялось распоряжение командира дивизии, который приказал: при налетах не оставлять оружие в машинах, а обязательно брать с собой и стрелять по пикировщикам.

Выстрелы затрещали недружно. После страшного грохота бомбовых разрывов они казались безобидными щелчками. Но это только казалось. После второго, хотя и нестройного залпа зады-

мился ведущий бомбардировщик. Под восторженные крики солдат он упал за рекой в лесу. Оттуда донесся тяжелый, глухой удар о землю.

17

...Солдаты часто поглядывали на солнце. Быстрее садилось бы! С наступлением сумерек можно будет не крутить во все стороны головой, не наблюдать за воздухом. Осточертели частые налеты бомбардировщиков и истребителей. У всех нервы напряжены до предела. Ведь самолетов не услышишь, когда рядом шумит мотор автомобиля, и своевременно не увидишь сквозь непроницаемые тучи пыли, клубящиеся над дорогой. Поэтому наблюдали не только за воздухом, но и за соседними машинами. Остановится одна — значит, едущие на ней заметили что-то.

Но никто не придал значения тому, что в колонну, ближе к ее голове, с проселочной дороги влились одна за другой четыре автомашины. В них сидели усталые, запыленные солдаты. Впрочем, ничего удивительного. Уже после переправы через Неман колонна выросла вдвое. Людей влекло к ней то, что машины уверенно двигались по маршруту. Каждый понимал — нужно держаться коллектива, действовать сообща. Тогда не так страшны немецкие танки и парашютисты-автоматчики, тогда сподручнее бить переодетых фашистов, заставлять развертываться и принимать бой целые колонны врага.

...Солнце, словно спеша укрыться от пыли, поднятой на дорогах и брошенной в небо, окунулось за горизонт. Наползали долгожданные сумерки, и вместе с ними спадало нервное напряжение,

вызванное непрерывным ожиданием бомбежки. Кажется, и машины пошли ровнее, увереннее.

Плавно катилась по дороге «санитарка» военврача Велехова. Следом за ней бойко шла полуторка капитана Емельянова; бакенбарды и усы капитана серые от пыли, и весь он — серый, измученный.

Один за другим мчались грузовики различных отделов штаба дивизии; в них ехали оперативщики, разведчики, артиллеристы, инженеры, связисты, интенданты. Кучно держались машины политотдела, редакции, клуба, партучета. Их возглавляла «эмка», в которой дремал старший батальонный комиссар Маслюков, возвратившийся ночью из полка. Где-то ближе к хвосту колонны шли грузовики с ранеными.

Люба, уже одетая в новое красноармейское обмундирование, сидела в переполненном — семечку негде упасть — кузове, у борта, возле Ани Велеховой. Аня лежала рядом с тяжело раненным майором, покрытая жакеткой, из-под которой белели бинты. Ее заострившееся лицо было искажено страданиями, глаза закрыты. Люба — усталая, задумчивая, устремив взгляд на далекое зарево пожара, слушала тихий разговор, который велся рядом.

Рассказывал младший политрук Морозов. Слова его текли неторопливо, в раздумье и были адресованы главным образом своему соседу — молоденькому, щуплому бойцу,— руки которого от намотанных на них бинтов напоминали огромные культи.

— Боевое знамя — это, брат, что сердце у человека,— тихо, но внятно говорил Морозов.— Есть у части знамя — будет она жить, если даже все, до последнего бойца, погибли. Поте-

ряли знамя — нет части. Нет и не будет, пусть уцелел весь ее личный состав. И никакого прощения никому. Позор и презрение! А чтоб искупили вину за потерю знамени — всех командиров и бойцов рассылают по разным полкам, а номер части навсегда вычеркивают из списков Красной Армии.

— Да-а,— поежился раненый солдат, прижимаясь к спинке кабины грузовика. В его широко раскрытых глазах отражались отблески далекого пожара. — Я под знаменем, — задумчиво произнес он,— присягу воинскую принимал...

Любе представилось это знамя — огромное, тяжелого красного бархата; оно чуть колышется во главе выстроенных для парада войск, к нему по очереди подходят солдаты и клянутся в верности Родине... Подходит Петя Маринин — красивый, стройный, такой, каким видела она его на вокзале в Киеве... Это было всего три недели назад, а кажется — целая вечность. Где он — Петя?..

Люба не догадывалась, что Петр едет по этой же дороге, в этой же колонне, метрах в двухстах впереди. Не подозревал и Петр, что Люба рядом с ним. Усталый, он пристроился у кабины грузовика и не заметил, как задремал. Ему приснилось, что колонна выехала на асфальтированную дорогу и машина ровно, без тряски, понеслась, вперед. Хорошо ехать. Машине тоже легко, не слышно, как и мотор работает. И вдруг — самолеты! Летят над самой дорогой и строчат по колонне из пулеметов. Петр не может подняться. Кажется, ноги и руки свинцом налились.

— Маринин, Маринин! — услышал он голос Гриши Лоба.

А потом:

— Маринина, кажется, убило...

От этих слов Петр одеревенел. Теперь понятно, почему он не может пошевелиться...

— Маринин, Маринин, ты живой или нет?!.

И тут Петр проснулся. Машина стояла, в кузове — ни души, где-то били пулеметы, а над машиной пролетали светлячки трассирующих пуль.

— Маринин! — донесся голос Лоба из-под машины.

Придя в себя, Петр тотчас свалился на землю.

— Где мы? Что делается? — растерянно спросил он.

— Черт его знает! Заехали невесть куда — и вдруг со всех сторон стрельба. Минут пять как бьют. Ждем, что начальство решит. Наверно, броневик вперед послали...

Лоб и Маринин, припав к земле, настороженно осматривались. Поле убегало от дороги в густую, непроглядную темень. На фоне неба чернела впереди колонны хребтина не то далекого леса — лиственника, не то близкого кустарника. Ластящийся к земле легкий ветерок дышал в лицо запахами чебреца, тротила и перегоревшей земли.

Огонь прекратился. Впереди загудели моторы, и все бросились к машинам. Но только голова колонны тронулась, как с трех сторон опять раздалась трескотня пулеметов и в воздухе замелькали трассирующие пули. Машины остановились. Обстрел снова прекратился.

От головы колонны прибежал взволнованный старший батальонный комиссар Маслюков.

— За мной! — скомандовал он Маринину и Лобу.

— А что случилось? — заволновался Лоб.

— Черт его знает! — Маслюков зло, раздра-

женно выругался.— Броневик и передние машины куда-то исчезли. Ни комдива, ни начальника штаба, ни оперативного отдела...

Маслюков был прав. Машины части отделов штаба дивизии вместе с машинами командования исчезли. Остались подразделения саперов, связистов, грузовики политотдела, интендантства, финчасти и те, которые пристали к колонне в пути. Всего — около трехсот автомобилей. Колонна растянулась на несколько километров.

Начали искать шофера и людей с машины, оказавшейся в голове. Требовалось выяснить, куда ушла передняя часть колонны. Но тщетно. Из четырех передних машин исчезли шоферы и солдаты. Водитель пятой машины ответил сонным голосом:

— Я ехал за передней машиной, мое дело маленькое. Спрашивайте с передних...

Начали ориентироваться по карте. Слева колонны лесок, а за лесом, как говорила карта, болото и речушка.

— Правильно, слышно, как лягушки кричат.

Справа — высота.

— Точно. Вон на ней табун лошадей на фоне неба выделяется.

Впереди кустарник и небольшой лес. У леса поворот дороги к деревне Боровая.

— Не проверишь. Впереди ничего не видно.

— Может, эти четыре машины увели нас с маршрута — с дороги на Дзержинск? — высказал предположение Маринин и ткнул пальцем в карту.— Зачем? Нужно узнать у тех, кто ехал на передних машинах...

Но куда делись люди с передних машин? Рождалась страшная догадка, что колонну завели в ловушку...

Солдаты тем временем сидели в кюветах, покуривали, некоторые тут же, у колес машин, на всякий случай рыли ячейки. Многие спали, измоенные бессонными ночами и тяжелым днем.

Из хвоста колонны донесся шум, выкрики, ругань. Оттуда шла группа людей.

— Что вы, так разэдак, разлеглись под колесами?! Почему люди спят? — гремел сердитый голос из подходившей группы.

— Вон начальство, у него спрашивайте,— ответил кто-то из солдат, указывая на командиров, собравшихся вокруг Маслюкова.

— Кто старший?! — грозно спросил полный высокий мужчина с автоматом через плечо. На его петлицах разглядели четыре шпалы. Полковник. Вместе с полковником подошли два батальонных комиссара с орденами на груди, майор, капитан и еще человек восемь командиров. Все — с автоматами.

— Я старший, — выступив вперед, сказал Маслюков, присматриваясь к подошедшим.

— Почему беспорядки в колонне?

— Выясняем обстановку, товарищ полковник.

— Что вы путаетесь в трех соснах? Продвигаться нужно!

— Как только заводим моторы, кто-то открывает огонь.

— Кто-то, кто-то! А кто? — раздражался все больше полковник.— Вот что, товарищ подполковник...

— Я старший батальонный комиссар,— поправил полковника Маслюков.

— Тем более... Я буду распоряжаться, а то мы до утра здесь простоим, пока нам немцы в хвост штык не воткнут... Слушай мою команду!..

— Позвольте,— сделал шаг вперед Маслю-

ков.— Почему вы командуете в чужой колонне? Кто вы такой?

— Во-первых, товарищ старший батальонный комиссар, колонна состоит не только из ваших машин. Эти чьи, например? — полковник указал на передние грузовики.

— Эти?.. Не имеет значения,— сухо ответил Маслюков, скользнув взглядом по номерному знаку ближайшей машины и убедившись, что она не принадлежит к дивизии.

— Имеет значение, — многозначительно ухмыльнулся полковник и начал рыться в нагрудном кармане своей гимнастерки.— А во-вторых, я уполномочен штабом армии. Вот документы.

В это время откуда-то из-за машины вынырнул высокий, тонкий, как жердь, младший лейтенант и, подбежав к полковнику, бойко отрапортовал:

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Раненые красноармейцы и семьи начсостава эвакуированы в Минск.

Появление адъютанта полковника стерло зародившиеся вначале сомнения. Однако Маслюков взял протянутые ему документы. Документы были в порядке.

— По ма-ши-на-а-м! — зычно и протяжно скомандовал полковник.

Из кюветов, из-под машин начали вылезать солдаты и поспешно карабкаться в кузовы, гремя винтовками, противогазами, котелками. То там, то здесь — в кювете или под колесами грузовиков — оставались уснувшие. Их тормошили, расталкивали, сдобряя толчки шутками:

— Подвинься, чего разлегся!

— Приехали, вставай!

— Не храпи, дьявол, немца накличешь!..

Было заметно, что все подбодрены решительной командой и уверенным голосом полковника, который между тем продолжал распоряжаться.

— Интервал триста метров, по одной машине, первая машина — вперед!

К удивлению Маслюкова, Маринина, Лоба, в первых машинах оказались люди, в кабинах сидели шоферы. Где же они были раньше?

Один за другим уходили в ночь грузовики. Колонну больше не обстреливали. Уехала пятая машина. Полковник и командиры, прибывшие с ним, строго следили, чтобы преждевременно не тронулся с места ни один грузовик.

Вдруг впереди затрещали выстрелы, раздались вопли, вспыхнул свет фар. Яркая полоса света вырвала из темноты бегущих людей.

Грянул пушечный выстрел, свет потух, и вместо него костром загорелась машина.

Снова онемело, застыло все в колонне. Тысячи глаз напряженно устремились вперед, на пылающий грузовик.

— Отставить заводить моторы! — скомандовал старший батальонный комиссар Маслюков.— Снять пулеметы! Окопаться...

Команду эту передавали от машины к машине. Услышав ее, полковник забеспокоился:

— Кто приказал?! Очередная машина, вперед!

Но водители видели пылающий впереди костер. Боясь, что их машины может постигнуть такая же участь, и получив приказ «своего» комиссара, они решили уйти от глаз крикливого незнакомого полковника. Кабины грузовиков опустели.

Из темноты к колонне приближалась человеческая фигура. Через минуту перед Маслюко-

вым, Марининым, Лобом и другими собравшимися в голову колонны командирами и политработниками стоял окровавленный красноармеец. Из рассеченной осколком головы хлестала кровь.

Пока бойца перевязывали, он хриплым простуженным голосом рассказывал о случившемся:

— ...В первых четырех машинах были фашисты. У танков своих остановились, гады! А когда мы подъехали, вскочили на подножки нашей машины, наставили автоматы, кинжалы и шипят: «Ни звука, слезайте, оружие оставляйте в кузове». Готовились, гадюки, следующую машину встречать. А наш шофер — молодец: как дал газ — и в сторону. Мы стрелять начали. Тогда танк, который стоит посреди дороги, выстрелил из пушки. Многих побило, а машина горит...

— А что на это скажет полковник? — недобро спросил Маслюков, оглядываясь вокруг.

Но... полковник со своей свитой куда-то исчез. Командиры недоуменно и встревоженно переглянулись. Маслюков приказал:

— Всем разойтись по колонне. Проверить готовность пулеметов. Занять круговую оборону... Кто знает артиллерию?

Отозвался Маринин.

— Сколько орудий в колонне?

— Видел четыре полковые пушки. Может, в хвосте еще есть,— ответил Петр.

— Проверь и прикажи приготовиться на случай нападения танков. Через полчаса всем собраться у моей машины.

18

Зримая, непосредственно ощутимая опасность не так страшна, как неизвестная. Только не до-

пустить паники в минуту, когда враг — вот он, вот!.. Не допустить, чтобы кто-нибудь побежал от колонны, остановить первого же, бросившего вопль малодушия. Солдаты должны чувствовать, что не каждый из них сам по себе, а что есть железная, направляющая рука, есть офицеры, которые знают, как нужно поступить даже в такой трудной, страшной своей непонятностью ситуации.

И паники не допустили. Вовремя, без истерики поданная команда, приказание, близость офицеров сделали свое дело. Колонна начала готовиться к обороне. Надо было переждать ночь.

К тому же это — пятые сутки войны. Бомбежки и обстрелы, слухи о прорывах и окружениях, немецкие диверсанты и ракетчики уже были не в диковинку людям.

Командиры, политработники, интенданты разошлись по колонне.

Петр нашел машины, буксировавшие пушки. Из кабины одного грузовика вышел младший лейтенант и представился. Маринин сообщил ему, что прислан старшим в колонне начальником, и приказал собрать командиров орудийных расчетов. Через несколько минут артиллеристы узнали, что ожидается нападение немецких танков.

Младший лейтенант взял инициативу в свои руки. Он указал сержантам места огневых позиций, решив поставить две пушки впереди колонны, а две — справа. Слева же колонну защищали лес и болото.

Вскоре все разосланные Маслюковым по колонне опять собрались у «эмки» начальника политотдела. Отошли на обочину дороги и улеглись на траве. Начали докладывать Маслюкову

о проделанном. Младший политрук Полищук Сергей Иванович — помощник начальника политотдела по работе с комсомольцами — белозубый, чернобровый красавец, рассказал, что люди, пришедшие с полковником, — отличить их легко по автоматам и брезентовым ремням на гимнастерках — заглядывают в кузовы машин, распространяют панические слухи. Полищук подозревает, что все они переодетые фашисты, бывшие белогвардейцы и сейчас присматриваются к нашему оружию, оценивают наши силы...

У пушки, которую недалеко окапывали артиллеристы, послышался шум.

— Поставьте орудие на левую сторону! — требовал чей-то голос.

— Зачем? По воробьям стрелять? — это возражал сержант, командир орудия.— Со стороны леса танки не подойдут, товарищ младший лейтенант.

— Не рассуждать! От имени полковника из штаба армии приказываю: сейчас же перетащить орудие на левую сторону! Я адъютант полковника!

Младший политрук Лоб торопливо поднялся и побежал к орудию.

— Ты кто такой? — грозно спросил он и, не дожидаясь ответа, твердо приказал: — Руки вверх! Брось автомат!

Младший лейтенант испуганно вытаращил глаза, скосил их на поднятый пистолет. Вдруг он шарахнулся в сторону, и железная дробь автоматной очереди разбудила задремавшую колонну.

Крутнулась земля под ногами у Лоба, стала дыбом вместе с колонной, с мечущимися рядом людьми и тупо ударила по голове...

А младший лейтенант продолжал стрелять. Веером разлетались стремительные светлячки трассирующих пуль, кусали борта машин, секли стекла кабин, уносились в звездную глубину неба.

Лежал на обочине дороги и бился головой о пересохшую землю младший политрук Лоб. Бросились в кювет, в траву все, кто был рядом. А адъютант «полковника» все стрелял и быстро пятился в поле, надеясь растаять в предрассветных сумерках. Вот он уже минул огневую позицию орудия...

Сержант, ловкий и крепкий парень, улучив момент, когда адъютант повернулся к нему боком,

вскочил на ноги и со всего размаху ударил его прикладом винтовки по голове. Автомат захлебнулся...

К месту схватки подбежали Маринин, Маслюков, бойцы...

Маринин дрожащими руками расстегнул набухшую от крови гимнастерку Лоба, а тот в беспамятстве захлебывался в собственной крови, легшей темной дорожкой между уголком рта и подбородком.

— Не надо, товарищи... Не поможет... — вдруг прошептал он. — Жене... Ане передайте в Полоцк, пусть сына назовет Гришей... Бейте фашистов... Отомстите...

Его мокрые, в запекшейся крови губы еще что-то шептали, но разобрать слов уже было нельзя.

Лоб раз-другой вдохнул воздух, и глаза его покрылись смертной мутью, застыли, а голова безвольно свалилась набок[1].

Молча стояли вокруг товарищи, потрясенные этой неожиданной, нелепой смертью. Не было больше беспокойного, горячего парня — Гриши Лоба, — хорошего товарища, настоящего коммуниста...

---

[1] Младший политрук Лоб Григорий Романович погиб на рассвете 28 июня 1941 года близ деревни Боровое (примерно в 45 километрах юго-западнее Минска). Шестнадцать лет спустя автору этой повести удалось узнать, что жена Григория Лоба — Анна Иосифовна Лоб, эвакуировавшаяся вместе с другими семьями военнослужащих, родила сына, которого назвала Григорием. Сейчас Гриша Лоб вместе с матерью живет в Полоцке, окончил десятилетку, работает на производстве, готовится поступить в военное училище. Анна Иосифовна Лоб работает в местной типографии.

Подошли к убитому адъютанту. Сержант уже успел расстегнуть его гимнастерку.

— Полюбуйтесь, — встретил он подошедших горькими словами, — полюбуйтесь на этого «адъютанта».

На земле лежал фашист-эсэсовец. Под гимнастеркой оказалась черная танкистская форма. В петлицах блестели металлические черепа над скрещенными костями. На груди — фашистский знак. В карманах — немецкие документы и деньги.

— Ясно, что теперь делать? — сурово спросил Маслюков.

— Ясно.

И все, кто был здесь из командиров и политработников, захватив с собой по два — три солдата, пошли вдоль колонны, чтобы уничтожать переодетых гитлеровцев, которые хотели разоружить колонну хитростью, пытались не дать людям организоваться для отпора. Узнавали их по автоматам, по брезентовым ремням. Без предупреждения стреляли в упор. На ходу говорили с солдатами, объясняли им обстановку.

Не удавалось найти «полковника» — «представителя штаба армии». Он как в воду канул.

19

Время шло. Приближался рассвет шестого дня войны. Темень ночи делалась синеватой и не такой густой. И вместе с этим росло напряжение людей. Готовились к бою.

На случай если фашисты упредят готовившуюся на них атаку и бросят на автоколонну танки, вырыли щели, одиночные ячейки, приготовили связки гранат. Нескончаемая цепь окопов

тянулась по обеим сторонам дороги. В некоторых из них теснились женщины и ребятишки... Брустверы ощетинились стволами винтовок и пулеметов.

Машины укрыть было некуда, так как враг — сзади, спереди и справа. Слева — лес, обрамленный глубоким рвом, а за ним болото.

Старший батальонный комиссар Маслюков и младший политрук Маринин, держа наготове пистолеты, шли вдоль колонны в ее хвост — один по одну сторону машин, второй по другую. Напоминали людям, что скоро в атаку, подбадривали, отдавали приказания пулеметчикам — в атаке не отставать от цепи... И все надеялись столкнуться с «полковником».

Маслюков — суровый, собранный, не похожий на того добродушного насмешника, каким многие знали его совсем недавно; даже походка комиссара стала какая-то по-особому энергичная, а взгляд — властный, повелевающий. Маслюков и не догадывался, что уже само его присутствие в автоколонне, попавшей в хитро расставленную ловушку, придавало людям силу и уверенность. Но наверняка никто не догадывался, что этот человек с твердым, суровым взглядом задыхался от злости на самого себя; ведь это он, хоть ненадолго, но позволил переодетым фашистам распоряжаться в колонне. Может, поэтому так мучительно хотелось ему лично, своей собственной рукой расправиться с тем «полковником».

Петр Маринин в другое время был бы очень польщен тем, что начальник политотдела дивизии из всех офицеров в колонне взял себе в помощники именно его. Но недавняя смерть Гриши Лоба и то напряжение, которое, кажется, даже

в воздухе витало и мешало дышать полной грудью, та угарно-тяжелая атмосфера ожидания боя — с настоящим, стреляющим по тебе врагом, и все-таки боя, как в глубине души полагал Петр, не настоящего — все это заставляло думать о другом, держать сердце и нервы в кулаке, настороженно приглядываться к окружающему. Петр помнил слова старшего батальонного комиссара Маслюкова, сказанные им недавно на партийном собрании, что фронт, там — где мы, что главное для нас то, что мы делаем сейчас, сию минуту. Значит, и здесь фронт. Фронт — это мы. Однако предстоящий бой, как и вся эта обстановка, в которую попали многие сотни людей, казались ему нелепостью. И Петр внутренне содрогнулся от таких мыслей. Стало не по себе: ведь и многие другие думают так же, как и он. Всем страшно погибнуть в этом не настоящем бою с каким-то случайно встретившимся на пути отрядом фашистских диверсантов-десантников, страшно остаться лежать убитым на этом зловещем поле, в то время как автоколонна при первой же возможности устремится на восток, туда, где наверняка уже появилась стабильная линия фронта. И что бы там комиссар ни говорил, но фронт — впереди, где-то на старой границе с панской Польшей... Ах, нет, старая граница уже километрах в семи позади! Значит, фронт под Минском, чего тут сомневаться. И надо скорее вырываться из этого пекла, скорее туда, к фронту, и там уже стоять насмерть.

Да, но чтобы вырваться, надо идти в бой, в атаку, надо кому-то погибнуть и, может быть, остаться несхороненным лежать под открытым небом, под знойным солнцем. И это — необходимость, жестокая и ужасная закономерность вой-

ны. И нечего здесь распускать слюни, прикидывать, где бой настоящий, а где нет. Фронт — это мы!

Значит, чтобы ударить по врагу как следует и вырвать из ловушки колонну, надо приказать идти в атаку всем, а командирам и политработникам — впереди...

— Маринин! — окликнул Петра Маслюков, оторвав его от мыслей, которые начали приобретать стройное течение.

Когда Петр перешел на другую сторону колонны, старший батальонный комиссар сказал ему:

— Надо проследить, чтоб народ из приблудных машин не отсиживался в колонне, когда в атаку поднимемся. Видишь, наиндючились как! — и старший батальонный комиссар указал на группу бойцов, молча куривших у грузовика. — Небось думают: влипли с этой колонной; сами бы проскочили. На таких надежды мало.

Петр с восхищением посмотрел на Маслюкова. Ведь начальник политотдела говорил почти о том же, о чем он, Маринин, только сейчас размышлял...

Когда пошли дальше, Петр неожиданно столкнулся у санитарного автобуса с отцом Ани — военврачом Велеховым. Поблекший, сникший, с блуждающим взглядом, он не был похож на того недавнего — чопорного и гордого Велехова.

— Здравствуйте, мой молодой друг, — первым поздоровался он с Марининым каким-то болезненным голосом.

Петр взял под козырек и хотел было пройти дальше, но Велехов придержал его за руку повыше локтя.

— Не дай бог, чтоб Аня моя в такую заваруху

попала, — со вздохом вымолвил он, опасливо взглянув по сторонам своими темными, чуть выпученными глазами. — Как думаете, добралась она до Минска?

— Конечно, добралась, — твердо ответил Маринин, хотя далеко не был убежден в том, что говорил. Ему просто было жаль этого растерявшегося человека и неудобно за него.

— А что толку, — хмуро бросил из автобуса шофер, который раздвигал там на полу ящики, узлы, чемоданы, готовя, видимо, «убежище» для начальства. — Говорят, десант в Минске.

— Болтают, а вы повторяете! — зло сказал Петр и, боясь отстать от Маслюкова, пошел дальше вдоль колонны.

Но тут же опять остановился. Он услышал, что шофер — молодой широкогрудый солдат, стоя у своей полуторки, кому-то говорил:

— Товарищ капитан, ваш окоп готов...

— Поглубже делай, — ответил из кабины притворно-сонный голос. — Чертовски голова болит...

«Капитан? — удивился Маринин. — Неужели в колонне есть капитан, который отсиживается в машине, когда вот-вот в атаку?» — и он заглянул в кабину полуторки. Встретился с вызывающе-враждебным взглядом мужчины с усиками и бакенбардами. На нем была замусоленная солдатская гимнастерка без знаков различия, измятая пилотка. Это был капитан Емельянов, тот самый Емельянов, который в Ильче грозился пистолетом военврачу Савченко и обвинял его в том, что он «сеял панику в близком тылу Красной Армии».

Но младший политрук Маринин не был знаком с этим капитаном. Правда, видел его несколько раз в колонне — бравого и подтянутого...

Зло сплюнув, Петр пошел дальше. С горечью и омерзением думал о том, что в жизни иные подделываются, играют, маскируются словом и позой, создают видимость. А здесь, когда рядом смерть, все слетает — остается то, что есть. Вот и капитан этот, да и Велехов тоже — тут они настоящие, без подделки — жалкие и трусливые.

А ведь всем было страшно. Очень страшно оттого, что не мы, а фашисты наступают, что не враг, а мы отходим в глубь своей территории. И пока непонятно многое. Почему так случилось? Но сбросить с себя командирскую форму, спрятаться в кабину?.. Как же могло такое прийти в голову здоровому человеку?

Петр как бы внутренним взором оглянулся вокруг себя. Да, все-таки кое-кто поддался панике. Но это одиночки, те, которые, может, в силу обстоятельств оторвались от коллектива — от своих частей, да такие, как этот капитан с бакенбардами,— трусы и шкурники. Остальные — армия настоящая, советская. Каждый готов повиноваться приказу, готов идти на любое испытание, бок о бок с товарищами, хотя всем очень трудно.

— Чего отстаешь? — недовольно спросил Маслюков, когда Маринин нагнал его.

— Да там... на суку одну наткнулся, — хрипло ответил Петр, — сбросил форму командира Красной Армии! А вместе с капитанской гимнастеркой небось и партбилет выбросил...

— Сейчас все дерьмо всплывает на воду, — угрюмо ответил Маслюков. — А не знаешь, откуда этот капитан? Не из нашего штаба?

— Не знаю...

— Ладно, разберемся потом. Вон у машин, где

раненые, мелькнул, кажется, тот тип — «полковник». Пошли скорее.

«Полковник», накинув на себя красноармейскую шинель, действительно бродил возле раненых. И причиной этому был... младший политрук Морозов.

Прослышав, что в колонне появились представители штаба армии, Морозов случайно наткнулся на «батальонного комиссара» из свиты «полковника» и по секрету сообщил, что он везет с собой знамя танковой бригады, которое ему приказано доставить в штаб армии. «Батальонный комиссар» потребовал немедленно передать знамя ему, разумеется под расписку, и, когда Морозов заколебался, побежал разыскивать «полковника».

А затем по колонне пополз слух, что «представители штаба армии» — переодетые фашисты. То там, то здесь начали раздаваться выстрелы. Вскоре младший политрук Морозов увидел на обочине дороги убитого знакомого «батальонного комиссара», разглядел эсэсовскую форму под красноармейским обмундированием... Поеживаясь от мысли, что он чуть самолично не передал врагу святыню, сердце бригады, Морозов достал из противогазовой сумки знамя и спрятал его на своей груди под гимнастеркой.

Но «полковник» уже знал о младшем политруке с перебинтованной головой и выжидал удобного случая...

Младший политрук Морозов, приметный среди других «ходячих» раненых по огромной белой повязке на голове, руководил отрывкой щелей. Часть щелей была готова, и в них снесли с машин тяжелораненых. Работали все. Люба Яковлева уже успела натереть на руке водяную мо-

золь. Она приглядывалась ко всему с настороженным любопытством и, наверное, была чуть ли не единственным человеком в колонне, который не понимал серьезности сложившейся обстановки.

Держась поближе к Савченко, Люба то и дело донимала его вопросами или делилась впечатлениями.

Вот и сейчас... Ночь поблекла, потускнели на небе звезды, и стала отчетливо просматриваться уходящая вправо и влево, в предрассветную мглу, цепочка окопов. Глядя то на окопы, то на полыхающие где-то в стороне вспышки ракет, прислушиваясь к грому отдаленной канонады, Люба, толкнув локтем стоящего рядом Савченко, прошептала:

— Как интересно, Виктор Степанович...

— Вы сумасшедшая! — сухо ответил ей Савченко. — Это не война, а черт знает что! — он забрал из ее рук лопатку и направился к роющим землю солдатам.

Люба еще немного постояла, а потом кинулась вслед за хирургом и тут же натолкнулась на вынырнувшего из-за машины «полковника».

«Полковник» испуганно шарахнулся в сторону, уронил накинутую на плечи красноармейскую шинель, схватился за автомат.

— Спрячьте свою пушку! — отведя от себя его автомат, Люба скользнула в щель, на дне которой лежала Аня Велехова, и зажгла электрический фонарь, подаренный ей кем-то из раненых.

— Пить... пить,— шептали черные, потрескавшиеся губы Ани.

Люба присела к девушке, отстегнула от ремня флягу. Сделав глоток, Аня открыла глаза.

— Спасибо тебе... — зашептала она. — Ты хорошая... а я помру. И мама умрет, если узнает...

Передай папе... Ты не знаешь моего папу? Он красивый такой, большой... Военврач Велехов... Ох, если б был папа здесь, он бы меня спас...

— Не надо говорить, тебе вредно, — Люба часто заморгала глазами, сдерживая слезы.

— Мне уже все равно... — ответила Аня, и в уголках ее губ, в маслянистой сини глаз затрепетала смертная тоска.— А ты его... любишь... очень?..

— Кого?

— Петю... Маринина?..

— Да-а... Очень люблю.

— Я его тоже полюбила... Первый раз в жизни полюбила... — голос Ани утих.

— А он?!

Но Аня не отвечала.

— Виктор Степанович! — в ужасе закричала Люба, выскочив из щели. — Скорее сюда! Она... С ней плохо!..

А дальше Люба не помнила толком, что и как произошло. У машин раздался револьверный выстрел, и тотчас там началась свалка. У самых ног Любы шлепнулась кем-то брошенная граната. Она с шипением завертелась на земле и... соскользнула в щель, где лежала умирающая Аня.

Взрыв в щели бросил Любу на землю...

Заметив «полковника», старший батальонный комиссар Маслюков ускорил шаг, шепнув Маринину, чтоб тот охранял его сзади. В это время к Петру присоединился коренастый, с бледным актерским лицом мужчина в военном, без знаков различия. В его правой руке был зажат пистолет.

— Зря ходишь один, — безразличным тоном произнес военный. — За переодетого диверсанта могут принять.

— Вот «полковника» этого нужно... — Петр указал глазами вперед.

— Да что его проверять! — раздраженно ответил попутчик. — В Барановичах квартиры наши рядом были...

«Неужели и он фашист?» — похолодел Маринин. И оттого, что сейчас нужно было выстрелить в лицо этому человеку, по спине забегали мурашки.

Но как выстрелить? Наган Маринина находился в его левой руке, а в правой — саперная лопатка, которую некстати подобрал недавно на дороге. Петр намеревался незаметно перехватить оружие в правую руку, когда увидел, что Маслюков настиг «полковника» и поднес к его голове пистолет. Человек, шагавший рядом с Марининым, словно наткнулся на стену. Он метнул взгляд на Петра, догадавшись видимо, что тот понял его мысли, уловил его страх, разоблачил. Маринин, заметив, как дрогнула у его попутчика рука с пистолетом, стремительно отскочил в сторону и со всей силой замахнулся лопаткой. Но человек ловко увернулся от удара, кинулся за ближайшую машину, в секунду успев выстрелить в Маринина и бросить гранату в Маслюкова, который уже расправился с «полковником».

Маринину повезло: взвизгнув над ухом, пуля не попала в него. И он, ослепленный яростью и чувством опасности, так и не успев перехватить в правую руку туго взводившийся пистолет, настиг своего противника за грузовиком и с остервенением рубанул его лопаткой по голове...

В это время ахнул взрыв гранаты, оборвавший жизнь Ани Велеховой... В колонне все ожило.

— Немцы! — испуганно закричал кто-то из солдат.

На Маринина и Маслюкова тотчас же набросились. Миг — и Петр был сшиблен наземь.

— Разойдись, дай стрельну в заразу! — кричал кто-то, загоняя патрон в патронник.

— Стой, хлопцы, не стреляй! — Маринин, закрывая руками от ударов лицо, старался говорить спокойно.— Посмотрите сперва, кого я убил...

Красноармейцы расстегнули на убитом гимнастерку. Под ней — уже знакомая многим черная эсэсовская форма...

В том месте, где набросились на Маслюкова, продолжалась свалка.

— Отойди, дурак, это начподив наш! — вопил кто-то.

— Маринин!.. Сюда! — звал на помощь Маслюков.

Когда Петр подбежал к Маслюкову, его уже поставили на ноги, с виноватым видом отряхивали.

— Сгоряча не признали, товарищ старший батальонный комиссар! — оправдывался кто-то из бойцов.

И тут на Петра вихрем налетела Люба. Она услышала, как Маслюков назвал знакомую фамилию, и, не опомнившись еще от ужаса, какой охватил ее после взрыва гранаты в щели, где лежала Аня, кинулась искать Петра. Увидела его среди солдат, растолкала их и бросилась к нему на шею.

— Петька, Петенька!.. — в эти слова она вкладывала и радость неожиданной встречи, и горечь пережитого, и все то, что переполняло ее сердце. Невольно брызнули слезы.

А Петр, не успев даже осмыслить, что произошло и почему повис у него на шее этот маленький солдатик в новом обмундировании, вдруг

узнал знакомый, заставивший встрепенуться сердце голос, узнал мелькнувшие перед его лицом такие родные глаза и понял, что нашел, наконец, Любу. Ошпаренный внезапно свалившейся радостью, радостью, вытолкнувшей из груди все другие чувства — страх, который испытал в схватке с диверсантом, нечеловеческое напряжение, — он ошалело целовал Любу в глаза, в нос, в губы и шептал что-то глупое, ненужное и трогательное.

Опомнился, когда рядом уже не было Маслюкова, а от головы колонны донеслась его команда: «Приготовиться к атаке!» В это время в воздухе зашуршало и недалеко от машин ухнул снаряд, второй... Все, кто были вокруг, кинулись к окопам. Петр тоже подтолкнул Любу к кювету, где военврач Савченко перевязывал раненого и где сидел, ожидая Петра, Морозов.

Люба и Петр не знали, о чем говорить, потому что сказать надо было очень многое. И еще не давала сосредоточиться, собраться с мыслями команда «Приготовиться к атаке». Петру надо было уходить. И он уже сказал Любе, что после боя разыщет ее и они будут вместе.

Но только Петр поднялся, чтобы бежать в голову колонны, как увидел капитана Емельянова.

— Меня ранило! — истерично закричал Емельянов, подбежав к Савченко и зажимая рукой окровавленное плечо.

— Вижу, товарищ красноармеец, садитесь, — ответил Савченко.

— Я капитан, — уточнил Емельянов, позабыв от страха, что на нем нет знаков различия.

— А вот этого не вижу, — сухо проговорил Савченко, глянув в его посеревшее, с трясущимися губами лицо.

— У него баки заменяют шпалы в петлицах, — пошутил младший политрук Морозов.

И только теперь Петр обратил внимание на Морозова.

— Витька!.. И ты здесь?

20

Оказывается, не так легко развернуть в атаку людей, растянувшихся вместе с автоколонной на несколько километров. Проще было построиться в боевой порядок тем, которые находились в голове колонны, ближе к противнику. Красноармейцам же из самых задних машин, чтобы стать в общую цепь, пришлось подаваться вправо километра на два.

Однако люди, держа локтевую связь, развертывались дружно. И тут случилось непредвиденное. Справа, километрах в двух от дороги, паслись лошади. Их заметили давно. Но никакого подозрения они не вызывали, хотя ночью с той стороны тоже кто-то стрелял по колонне. И сейчас, когда бойцы из задних машин, чтобы развернуться для атаки, поравнялись с лошадьми, во фланг им ударил пулемет. Внезапность ошеломила людей, и они, необстрелянные, не бывшие в бою, побежали в направлении передних машин, начав свертывать цепь.

— Ложись! — что есть мочи закричал Маринин, которого Маслюков послал на правый фланг обеспечивать атаку. Вместе с младшим политруком Марининым пошел и раненый Морозов.

— Ложись! — передавалась по полю команда. Красноармейцы залегли.

Маринин вырвал из рук лежавшего рядом солдата связку гранат и, прикрикнув на Морозова,

чтоб лежал на месте, пополз к высотке, где метались испуганные стрельбой лошади.

«Для маскировки приколоты», — догадался Петр.

Действительно, вскоре он заметил темнеющую массу легкого танка, а на ней мигающий светлячок — вспышки выстрелов.

Лошади теперь укрывали Маринина от глаз и огня противника. Пользуясь этим, он привстал и стремительно перебежал к ним. Когда упал, ближайшая лошадь испуганно всхрапнула, метнулась в сторону и сорвалась с прикола. Петр прижался к земле и увидел фашистский танк с черным крестом на башне совсем рядом — в десяти метрах. Прежде враг казался грозным, непонятным. И хотя Петр уже видел солдат в мундирах пепельного цвета, когда с лейтенантом Баскаковым ездил на броневике в разведку, хотя сталкивался с переодетыми диверсантами, ему казалось, что все это не то. А здесь — черный зловещий крест на броне. Это враг настоящий; этот враг может вот-вот заметить его, а может, уже заметил. Но пулемет бьет в сторону, туда, где залегли наши.

Петр чувствовал, как бешено колотится его сердце, как напряглось все тело, а правая рука намертво зажала связку гранат. Одна только связка! Метнешь под гусеницу — танк будет стрелять с места, ударишь по башне — гусеницы тоже для солдат страшны.

Над головой пропело несколько пуль.

«Еще свои убьют!» — кольнула неприятная мысль.

Одна лошадь вдруг вздыбилась, потом грохнулась на землю. Пуля попала ей в голову. Ма-

ринин переполз к затихшей лошади и оттуда заметил: сзади танка следы костра — две рогатки из дерева, перекладина, пепел. Рядом — бачок из-под горючего.

«Дрова соляркой поливали», — догадался Петр.

Башня танка повернулась, и Петру уже не были видны вспышки пулемета. Воспользовавшись этим, он быстро подполз к самому танку. Броня мелко дрожала от неугомонного клекота пулемета. Поднял бачок, взболтнул.

«Хватит фашистов напоить». Торопливо снял сапог, сдернул с ноги портянку и надел сапог на босу ногу. Все это делал, будто во сне, еле сдерживая озноб, в котором билось его тело. Было страшно. Очень страшно!.. Но танк стрелял, а там гибли люди... Портянку обильно полил горючим, а остальное выплеснул на щели в броне — жалюзи, под которыми находился мотор. Сверху положил портянку и зажег спичку. Как взрыв, вспыхнуло пламя.

Маринин отбежал от горящего танка и с ожесточением метнул в башню, в открывшийся люк, связку гранат.

На востоке все больше разливался багрянец, загорались кромки облаков, расступались сумерки.

— В атаку, вперед! — пронеслась команда.

— В атаку-у!.. — повторил Петр Маринин, вскакивая с земли. Вскоре он уже был рядом с Морозовым, впереди цепи.

После того как поджег немецкий танк, он был переполнен чувством, похожим на озорство и злобную радость. Ему казалось, что с ним теперь ничего не случится, что самое главное, трудное, опасное он уже сделал и новые трудно-

сти нипочем. Что-то подобное испытывает только что побывавший в проруби человек, и второй раз ему уже не так страшно окунаться в ледяную воду.

— Ур-р-а! — кричал Петр, не узнавая своего голоса, но радуясь, что ему повинуются.

Вся масса людей, обозленная, остро ощущающая каждой клеткой тела опасность, ринулась вперед. Неотвратимость схватки с врагом заставляла до скрежета зубов, до боли напрячься каждый нерв, каждый мускул. С побледневшими, перекошенными от напряжения лицами, со страшными глазами, они неслись, как горная лавина. Каждый чувствовал, что его жизнь зависит сейчас от его силы, ярости, смелости...

Маринин, задыхаясь от бега и сжимая в руках наган, различил на опушке леса окопы, заметил вспышки над их брустверами: фашисты стреляли из автоматов. За окопами шевельнулись кусты и показалась башня танка. В башню врезался снаряд; взрыв разметал зелень и поджег танк.

Оказывается, машины фашистов — с легкой броней, поэтому-то гитлеровцы и не нападали первыми.

Во вражеские окопы полетели гранаты.

— А-а-а!— протяжно неслось по полю.

В несколько минут фашисты, засевшие в окопах, были смяты.

Маринин стоял на бруствере окопа и вертел в руках черный немецкий автомат. С детской

радостью рассматривал он свой первый трофей, добытый в бою. Рядом с Петром топтался младший политрук Морозов, завистливо поглядывая на автомат.

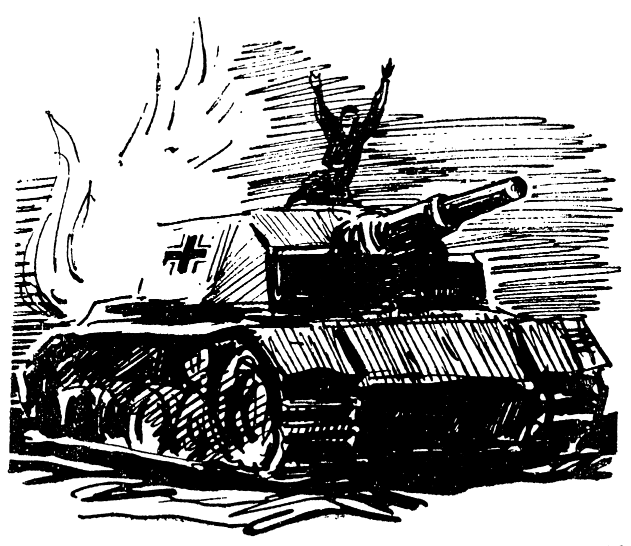
Казалось, бой кончился. К дороге уже брели разгоряченные боем люди, вели и несли раненых, стояли над убитыми, не зная, что с ними делать.

Зашагали к дороге Маринин и Морозов. Петру хотелось скорее явиться к Любе с новеньким немецким автоматом.

Никто в эти минуты не думал, что вражеский десант не добит...

Из недалекого леса выползли семь легких танков с черными крестами на башнях и бортах. За ними бежала цепь автоматчиков. Хлестнули из танков пулеметы, ударили пушки.

— Ложись!.. Ложись!.. — эта команда Маслю-

кова бросила всех на землю. — Гранатометчики, впе-ре-е-д!.. Огонь по смотровым щелям!..

И бой с новой силой загрохотал над полем. Со стороны дороги опять ударили прямой наводкой три пушки (четвертая была разбита немецким снарядом). Несколько солдат быстро ползли навстречу танкам.

Никто не знал имени красноармейца, бросившегося с гранатами под гусеницы передней машины. Многие не видели, как он подбирался к танку. Заметили только столб огня и услышали оглушительный взрыв.

Нужен был еще бросок в атаку... Наступил момент, от которого зависело все. Или бой примет затяжную форму, и тогда, с первыми лучами солнца, неизбежно ударят по густой колонне наших машин бомбардировщики; или, еще хуже, уцелевшим немецким танкам вместе со своими автоматчиками удастся смять атакующих, а затем растрепать колонну. Но был и третий выход: еще усилие с нашей стороны, еще несколько человеческих жизней оборвется под гусеницами, еще схватка с автоматчиками — и тогда победа, путь вперед открыт.

Это понимали все. Понимал и старший батальонный комиссар Маслюков, чей голос — зычный и такой нужный для оробевших и нужный для всех — не умолкал в цепи атакующих, которая вновь поднялась над полем боя и устремилась к опушке леса, где опять укрылись, получив отпор от артиллеристов и гранатометчиков, немецкие танки и автоматчики.

Морозов!.. И зачем он, раненный, пошел в атаку? Без него Петру было бы куда легче. Маринин бежал и чувствовал, что у него общий ритм дыхания со всеми атакующими, одинаковое на-

пряжение, одно чувство опасности. А бежавший рядом Морозов часто спотыкался на кочковатой земле, из его горла вырывался свистящий хрип — тяжело было Морозову. Петр не мог заставить его остаться в колонне. Понимал: каждый человек должен уважать себя. А разве будет младший политрук Морозов уважать себя, если, имея возможность держать в своей здоровой правой руке пистолет, отсидится в тылу, не пойдет в атаку?..

Петр чуть сбавил шаг, и Морозов оказался рядом с ним. Стволом пистолета он на бегу поправляет сползшую на глаза повязку, жадно глотает воздух широко открытым ртом. И вдруг Морозов точно споткнулся. С размаху тяжело упал, ударившись лицом о сухие комья земли. Выскользнул из его руки пистолет, и пальцы судорожно заскребли чернозем. Петр кинулся к другу, повернул его лицом вверх и увидел помутневшие в смертной муке глаза... Не хотелось верить, что случилось непоправимое.

— Пе-тя... — прерывисто выдохнул Морозов.— Я уже не жилец... Знамя... знамя возь...

Застыли в смертной тоске глаза, на полслове задубели побелевшие губы.

Визжат над головой пули. Где-то недалеко ревет танк, захлебывается в свинцовом лае пулемет.

Петр быстро расстегнул на Морозове гимнастерку, достал знамя и спрятал его у себя на груди. Что же делать дальше? Оглянулся и увидел, что прямо на него несется танк — приземистый, крестатый и... совсем не страшный. Петр даже не подумал о себе, не догадался об опасности: танк мчался на мертвого Морозова.

— Стой, гадина! — дико закричал Маринин и, вскинув автомат, бросился навстречу танку.

Почувствовал, как толкнуло что-то в левую ногу выше колена, а затем поползла в сапог горячая струйка. Споткнулся и всем телом упал в окоп. И тотчас над головой — грохот и лязг железа. Стало темно и смрадно, дохнуло горячим. А потом страшный взрыв, и после этого... ничего, пустота.

Младший политрук Маринин очнулся от боли в ноге и от тишины. Может, еще от приторного запаха горелой краски. В окопе было сумрачно и душно. Виднелась вверху небольшая краюшка неба. Петр понял, что танк так и остался над окопом. Но почему тихо? В груди прокатился холодок страха. Встав на ноги, он прикладом автомата начал поддалбливать выход из окопа, перекрытого гусеницей.

Когда выбрался наружу, увидел, что борт у танка разворочен снарядом... Вокруг — пустынное поле. Дорога тоже пустынная, вроде и не было на ней сотен машин. Только вон там, далеко впереди, виднеется чей-то «пикап» — полугрузовая машина, а возле нее — люди.

Наспех забинтовав левую ногу поверх брюк (к счастью, пуля не задела кости), повесив на шею автомат, Петр побрел к дороге.

Подошел к одинокому «пикапу», возле которого суматошно хлопотал шофер. Увидел в кабине техника-интенданта Либкина. Он опасливо оглядывался по сторонам и торопил шофера:

— Крути... крути, может, заведется.

— Искры нет? — с горькой усмешкой спросил Маринин.

Либкин кинул на Петра негодующий взгляд:

— Далась всем эта искра!..

Маринин познакомился с Либкиным несколько дней назад, когда колонна переправлялась через

какую-то речушку. У одной машины, как раз на мосту, отказало зажигание. Шофер суетился, проверял электропроводку, гривенником натирал контакты. Вокруг собралась группа людей. Одни пытались помочь делом и советом, другие озлобленно ругали шофера.

От хвоста колонны подбежал низкорослый, плотный, с явно обозначавшимся животиком человек, запыхавшийся, рассерженный. Это был техник-интендант Семен Либкин. На его носу прочно сидели очки в большой желтой роговой оправе.

— Что такое? Почему не едете?! — напустился он на шофера.

— Искра в колесо ушла, — спокойно бросил тот устаревшую шутку водителей.

— Так возьмите запасную, — невозмутимо посоветовал Либкин, не вникая в смысл услышанного и не подозревая насмешки.

Кругом дружно засмеялись.

— Чего ржете? У меня секретные отчеты в интендантство, а сзади немецкие танки...

— Что же, интендантский склад оставил фашистам, а отчеты спасаешь? — едко спросил кто-то.

Либкин посмотрел на всех удивленными, наивными, почти детскими глазами. Конфузливая улыбка расплылась по его лицу.

Маринин знал, что Либкин побаивается бомбардировщиков. Шум моторов заставлял техника-интенданта тревожно осматриваться по сторонам. В такие минуты на его лице была написана беспомощность. Близорукие глаза не могли увидеть в небе самолет. И Либкин наблюдал, как ведут себя окружающие. Стоило кому-нибудь соскочить с машины или побежать в сторону,

как техник-интендант приказывал шоферу сворачивать с дороги и маскировать машину.

Ночью, когда колонна у деревни Боровая попала в ловушку, Либкин штыком (именно штыком, потому что лопатки у него не оказалось) вырыл себе щель под своим «пикапом». Там просидел до рассвета. Потом, наказав шоферу не задерживаться на дороге, он вместе со всеми побежал в атаку.

И вот сейчас нужно ехать вперед, не задерживаться, а мотор у машины не заводится.

Услышав, что Маринин просит подвезти его, Либкин развел руками:

— Я что, машина бы не возражала.

Маринин с трудом забрался в невысокий кузов, где на мешках и ящиках с интендантскими бумагами сидели солдаты.

21

Седьмой день войны.

Штаб мотострелковой дивизии полковника Рябова пережидал светлое время в лесу на берегу Птичи. Дзержинск уже остался на западе, по его улицам патрулировали немецкие танки. И теперь всем было ясно, что дивизия не успела перекрыть фашистам дорогу на Минск и что главное сейчас — оторвать полки от противника...

Об этом и вел разговор полковник Рябов, собрав старших командиров у своей «эмки».

— Трудно, товарищи,— говорил он.— Помимо тяжелейшей обстановки на фронте и особенно здесь — западнее Минска, у всех нас и личное горе: мы не знаем, где наши жены, дети, удалось ли им выбраться из опасной зоны...

Лица командиров суровые, сосредоточенные, усталые. В глазах каждого гнездились тоска, раздумье, тревога. Каждый был углублен в тяжелые думы.

— Но мы — солдаты,— продолжал Рябов. — Никакая боль, никакая беда не должны помешать нам выполнить наш долг. Ведь мы не только солдаты нашей армии, но и солдаты партии большевиков... Итак, каждый едет в намеченный ему полк. Задача для всех одна: любыми средствами сберечь личный состав, технику и вывести их из-под удара.

— Разрешите доложить, товарищ полковник! — прервал Рябова чей-то звонкий голос.

Командиры расступились, и к Рябову протиснулся капитан Емельянов. Но не тот Емельянов — жалкий, растерянный, переодетый в замусоленную солдатскую гимнастерку, каким он был в колонне под деревней Боровая. Этот — при знаках различия, бравый и подтянутый, с прямым, говорящим о готовности к повиновению взглядом. Из-под его небрежно расстегнутой гимнастерки виднелись бинты; левая рука покоилась на подвязке.

Рябов оживился, шагнул навстречу Емельянову, спросил:

— Вы один или с оторвавшейся частью колонны?

— Почти все прибыли, товарищ полковник.

— Что же случилось? Отстали или вперед проскочили? Почему разведчики не могли разыскать вас?

— Нас увели с маршрута.

— Кто?

— Переодетые диверсанты.

— Ну...

— Затянули колонну в засаду. Но ничего у них не вышло. Мы спешились, развернулись в боевой порядок и атаковали. Уничтожили восемь фашистских танков, отряд пехоты, две минометные батареи...

— Одна тактика у фашистов!..— воскликнул Рябов, оглядываясь на командиров. Он думал сейчас о том, что вчера и позавчера переодетые в нашу форму немцы пытались уничтожить командование артиллерийского и одного мотострелкового полков дивизии и захватить материальную часть. Но командный состав полков не дал себя одурачить: диверсанты были разоблачены и перебиты... Конечно, в полках — там проще, там — во главе каждого подразделения командир. А здесь — огромнейшая сборная колонна, в которой, кроме малорасторопного штабного офицера Емельянова, кажется, и командовать-то некому было.

— А начальник политотдела разве не с вами был? — обратился Рябов к капитану Емельянову.

— Старший батальонный комиссар Маслюков? — переспросил Емельянов, силясь что-то припомнить и морща лоб.— Кажется, был... Вроде видел я его.

— М-да...— озадаченно произнес Рябов.— Вас-то в атаке ранило?

— Да, но это пустяки! — бодро ответил капитан, уставив преданные глаза на полковника.

А тот молчал, размышляя о чем-то другом, видать о старшем батальонном комиссаре Маслюкове. Наконец вспомнил, что надо закончить разговор с Емельяновым, снова обратился к нему:

— Ну, молодцом! — и похлопал капитана по

здоровому плечу.— Я так и полагал: в оторвавшейся колонне есть командиры, политработники, значит порядок будет. Только вот что, капитан, сбрейте-ка вы баки! Такой геройский командир, и вдруг... гусарский вид.

— Есть сбрить баки! — с готовностью повторил Емельянов под смех оживившихся офицеров.— Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

И только ушел Емельянов, как возле «эмки» появились старший батальонный комиссар Маслюков, военврач Савченко, Люба. Все отдали Рябову честь, кроме Любы, которая, казалось, ничего не замечала вокруг. Только нервически подрагивавшие тонкие дуги бровей да сухой блеск в зеленоватых глазах выдавали ее душевную муку.

Маслюков коротко доложил:

— Прибыли, товарищ полковник...

— Мне уже известно,— сухо оборвал его Рябов.

— Я должен повиниться,— грустно усмехнулся Маслюков. — Не распознал переодетых немцев... Позволил вначале командовать...— и осекся под тяжелым взглядом комдива.

— Потери большие? — сурово спросил Рябов, но тут заметил подошедшего военврача Велехова.— Впрочем, об этом начсандив доложит. Подсчитали потери, товарищ Велехов?

— Одиннадцать убито и сорок ранено,— уверенно ответил начсандив.

Взгляд Любы чуть оживился, и она толкнула локтем Савченко.

— Велехов — отец Ани...— и зажала ладонью рот, заметив, как Савченко приложил к губам палец.

— Так, так...— задумчиво произнес Рябов.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил Маслюков:

— Редактор газеты Лоб погиб... Младший политрук Маринин тоже... Маринина танк подмял...

22

Солнце уже поднялось высоко. Давно улеглась пыль на дороге после прошедшей автоколонны. Только тогда тронулась с места машина техника-интенданта Либкина. Катилась она легко и быстро по широкому, ровному проселку. Вокруг стояла зловещая тишина. От земли, увлажненной росой, поднимался теплый, еле уловимый пар, неся с собой запахи ромашки и полыни. Как будто бы и не было пыльных людных дорог, не было ночного боя.

На душе у Маринина муторно. Где враг? Не столкнуться бы вот так — один на один, внезапно... Где колонна?..

Вскоре машина поднялась на пригорок. Впереди раскинулась широкая лощина, посреди которой сверкал ручей. Вниз к ручью спадал тракт. Он стлался через мосток и там, далеко, на противоположном склоне, поднимался вверх. Вся дорога по эту сторону ручья на два — три километра была запружена машинами. Влево, на примыкавшем к тракту небольшом проселке, сгрудилась вторая автоколонна. Все— без движения.

В чем дело?

«Пикап» техника-интенданта Либкина пристроился к хвосту колонны. Шофер побежал вперед выяснять обстановку. И тут же вернулся.

— Мост диверсанты повредили,— сообщил он.— Ремонт заканчивается.

Через час колонна двинулась вперед. Но это была уже другая колонна, не та, которую увел после боя старший батальонный комиссар Маслюков. В машинах, ехавших на восток, теснились главным образом женщины, ребятишки и раненые красноармейцы. Ехали без остановки несколько часов. Объезжали по проселочным дорогам занятый немцами Дзержинск. Машины тряслись по кочкам, переваливали кюветы и уходили в поле, чтобы выехать на другую дорогу.

Прислонившись спиной к кабине, Маринин прислушивался, как ныла рана. Туго стянутая бинтами нога особенно не беспокоила, если машина шла ровно. Но при толчках Петру казалось, что на больное место давят чем-то тупым.

Наконец колонна выехала на ровную дорогу. Дзержинск остался позади. И вдруг мотор машины опять закапризничал — зачихал, стал оглушительно стрелять, тянуть рывками. Съехали на обочину. Шофер начал копаться в моторе. А время шло. Давно промчалась мимо последняя машина. Кончился день, наступила ночь. Вокруг стояла необычайная для этих дней тишина. Только где-то высоко прерывисто гудели немецкие бомбардировщики, а в стороне Минска тяжело бухало. Маринин видел, как там устремлялись в ночное небо пунктирные дорожки трассирующих пуль.

Наконец мотор машины заработал, и «пикап» тронулся с места. Через полчаса догнали длинную вереницу подвод с узлами, чемоданами, среди которых сидели женщины и ребятишки.

Снова остановка. Дорога здесь раздваивалась.

— Куда теперь: прямо или направо? — спрашивал шофер, разглядывая на пыльной дороге следы машин. Но здесь успела пройти голова обоза беженцев, и трудно было разобраться, по какому пути направилась колонна.

— Поворачивай куда-нибудь, не стой,— нервно торопил Либкин.— Сейчас все дороги на восток ведут.

— Очень плохо, что они туда ведут,— угрюмо ответил шофер и повел машину вправо.

...«Пикап» выехал на широкий тракт, по которому, поднимая облака пыли, проходила автоколонна. Вклинившись в нее, машина уменьшила скорость, ибо колонна двигалась не очень быстро. Изредка она останавливалась, и тогда спереди был слышен рев мощных моторов. Маринин решил, что в голове колонны идут танки, и поделился своими соображениями с соседями. Это подбодрило всех. Солдаты оживились, полезли в карманы за табачком.

— У кого есть прикурить?

Спичек в машине не оказалось.

Когда колонна остановилась, один красноармеец перемахнул через борт наземь. Через минуту он прибежал к машине и дрожащим голосом прошептал:

— Братцы, колонна-то немецкая! Фашисты... Самые настоящие...

По телу Петра пробежал холодок. У кого-то рядом дробно застучали зубы.

Не успели сидевшие в машине оправиться от неожиданности, собраться с мыслями, как к «пикапу» подошел солдат в немецкой форме. Взявшись рукой за борт, он что-то спросил. На него тотчас же навалились. Кто-то ударил гранатой

по голове, тускло блеснул в чьей-то руке штык. Но фашист успел пронзительно закричать.

Спереди и сзади к «пикапу» побежали немцы.

Машина мгновенно опустела. Треснули ружейные выстрелы. Полоснула автоматная очередь. Маринин перевалился через борт на правую сторону «пикапа» и от боли скрипнул зубами. Заскорузлая повязка сдвинулась во время прыжка с места и разбередила рану. По ноге в сапог побежала теплая струйка.

Не успел он сделать и шагу, как на него сразу налетело несколько человек...

Петр, позабыв о боли в ноге, направо и налево бил автоматом. Непослушные руки не могли нащупать и поставить на боевой взвод спуск. На Петра наседали. Упала под ноги сорванная планшетка. Треснула гимнастерка на груди: чья-то сильная рука рванула карман, в котором лежали документы. И вдруг его автомат заработал. Хлестнула длинная очередь, трассирующие пули ударили в упор по врагам.

Кольцо вокруг Петра раздвинулось вмиг: немцы прятались за машину, падали в кювет, а автомат не утихал. Рывок, и Маринин уже был во ржи. Остервенело трещали сзади автоматы. Но Петр бежал, падал, полз, опять бежал...

Техник-интендант Семен Либкин не сообразил, что случилось. Злой шуткой показалось ему появление гитлеровцев у машины. Сквозь тяжелую дрему слышал стрельбу, возню у машины и никак не мог понять — снится это или наяву. Догадался, что попал в руки врага лишь тогда, когда его выволокли из кабины «пикапа» и бросили на землю. Близорукими недоумевающими глазами смотрел Семен на людей в зеленых тужурках, и больше всего его сейчас занимал во-

прос: «Откуда они так неожиданно свалились?» И оттого, что враги появились так внезапно, Либкин даже не успел испугаться. Мысли разбежались бог весть куда. Ни одну из них Семен не мог поймать, чтобы найти себя, чтобы, зацепившись за нее, начать думать, соображать, что же в конце концов произошло.

— Комиссар? — на ломаном русском языке спросил Либкина высокий молодой немец.

— Ко-ми-сс-а-р,— растерянно, не то утверждая, не то переспрашивая, проговорил Семен, совсем позабыв о своем интендантском чине.

Гитлеровцы вокруг зашумели, оживленно заговорили.

— Предупредите конвойных, чтобы не пристрелили комиссара. Его нужно доставить в штаб живым,— распорядился кто-то из офицеров.

Либкин свободно владел немецким языком. Услышав такие слова, он сразу не догадался, что речь идет о нем. Когда его ткнули автоматом в грудь, приказывая идти к машине, Семен съежился, посмотрел в сторону офицера и обиженно по-немецки промолвил:

— Почему у вас допускают хулиганство?

В ответ раздался дружный смех. А офицер, подойдя вплотную к Либкину, посмотрел ему в лицо и сказал:

— Вот это добыча: комиссар, владеющий немецким языком.

Под усиленным конвоем Либкина везли на запад. Большой крытый брезентом грузовик, прерывисто воя мотором, катил по шоссейной дороге, омытой ночным дождем. Навстречу нескончаемой лавиной шли немецкие войска — танки, артиллерия, мотопехота.

Либкин сидел в углу огромного кузова и оста-

новившимися глазами глядел на запруженную войсками дорогу, которая была видна сквозь откинутую стенку заднего брезента, словно на экране. На боковых скамейках примостились два автоматчика. У стенки кабины, рядом с Либкиным, на подушке, снятой с какой-то разбитой советской машины, сидел офицер.

Только теперь Семен Либкин понял безвыходность положения, в которое он попал. До этого он, привыкший мыслить медленно, смотреть на все вокруг добродушно, надеялся, что все само собой сложится хорошо.

Офицер, молчавший всю дорогу, вдруг обратился к Либкину:

— Разве известно было русским, что мы собираемся нападать?

Либкин посмотрел на гитлеровца спокойными глазами и ответил:

— Еще как известно...

Офицер вздохнул и, отвернувшись, про себя забормотал:

— Черт возьми! Теперь понятно, почему мы до сих пор не в Смоленске.

Путь был недолгим. В первом же местечке грузовик свернул резко на север и, выехав далеко за окраину, остановился. Здесь Либкину приказали сойти с машины и затем повели его к лесу.

Лес, через который два солдата и офицер конвоировали Либкина, был небольшим. Сразу же, ступив под сень деревьев, можно было увидеть, как впереди, в прогалинах между стволами, светилось небо — виднелась противоположная опушка.

Вот и опушка. Здесь Либкин увидел два огромных транспортных самолета, забросанных ветками. Недалеко от них сложены ящики, боч-

ки — склад боеприпасов и горючего. Вправо и влево раскинулся широкий луг.

На лугу Либкин заметил следы гусениц. Догадался, что легкие танки немцы перебрасывали тоже по воздуху... «Так вот как они оказались в нашем тылу!..»

В лесу взревели моторы. Огромная машина, сбрасывая с плоскостей ветки, вырулила из тени.

Открылся люк, на землю упал трап.

— Быстрей, морда жидовская! — крикнул офицер.

Потемневшими глазами смотрел Семен в глаза врагу. За всю жизнь его впервые хлестнули такими словами. Но не от слов было больно. Они, давно отжившие, забытые в Советской стране, утратили всякий смысл, и были пустым звуком. Было больно оттого, что на своей земле, в родном доме его оскорбляют.

Либкин нервным движением руки снял свои очки, зачем-то протер их и спрятал в карман.

Фашист толкнул пленного к трапу, и Семен медленно начал подниматься по ступенькам.

— Быстрей, свинья! — и гитлеровец снизу больно ударил его в бок.

Либкин резко повернулся. Его бледное лицо выражало ярость. Он замахнулся, чтобы нанести фашисту удар сапогом в лицо. Но от неумелого поворота нога Семена соскользнула со ступеньки, и он, беспомощно хватаясь за обшивку самолета, свалился офицеру на грудь. На пленного посыпались удары — тяжелые, остервенелые.

Когда самолет вырулил на край луга, чтобы развернуться и взять разбег, Либкин пришел в чувство. Он увидел себя лежащим на гофрированном, как и вся обшивка машины, полу. Рядом на откидной скамейке сидел автоматчик,

прильнув к квадратному целлулоидному окну и следя, как уползала под крылья огромной металлической птицы трава.

Не поднимаясь, Семен достал из кармана очки и надел их. Самолет потряхивало на неровностях... Каким далеким казался сейчас Либкину его интендантский кабинет, каким далеким был тот добродушный, безобидный Либкин — техник-интендант... Медленно поднялся, ступил к автоматчику и, внезапно навалившись на него всем своим плотным телом, ухватил обеими руками за горло.

Солдат забился, пытаясь вывернуться, жадно ловя ртом воздух. Его правая рука тянулась к рукоятке затвора автомата.

Прочно упершись ногами в гофрированную нижнюю обшивку, Семен душил врага...

Немец задохнулся, посинел, и по его телу волной прокатилась последняя судорога. Тогда Либкин осторожно, как бы боясь разбудить своего противника, отпрянул, поднял скользнувший на пол автомат.

В передней части «юнкерса» за узкой перегородкой, в которой чуть обозначалась дверца, находился экипаж. Не успел Семен сообразить, что делать дальше, как узкая дверца вдруг распахнулась, и в ней показался сопровождавший его офицер.

Самолет в это время приблизился к противоположной стороне луга и медленно стал разворачиваться, чтобы потом начать разбег для взлета.

Либкин и не подозревал о присутствии в самолете офицера. При неожиданном появлении фашиста Семен напрягся, подбросил автомат и нажал на спуск. Но автомат не стрелял. Либкин забыл, что вначале нужно оттянуть рукоятку за-

твора. А фашистский майор, увидев направленное на него оружие, побледнел и, ступив шаг назад, вдруг метнулся в кабину экипажа, захлопнув за собой дверь. Либкин в свою очередь кинулся искать выходной люк из самолета...

Превозмогая режущую боль в ноге, Петр Маринин все дальше убегал от дороги. В лицо били ядреные колосья не то ржи, не то пшеницы.

...Дорога осталась далеко позади. Там еще трещали выстрелы. Над полем прошуршало несколько снарядов, и тяжелые взрывы ухнули где-то далеко.

Вокруг — ни души. Красноармейцы, устремившиеся вправо и влево от дороги, рассеялись, разбрелись по ночному полю. «Пикап» Либкина достался врагу. И сам Либкин был схвачен фашистами.

Рана не давала покоя. Маринин шел медленно, заметно хромая. В сапоге хлюпало. Нужно было перевязать рану. Но он продолжал идти подальше от дороги. Да и перевязывать было нечем.

Вчера, до боя у деревни Боровая, казалось, что самое трудное — позади, что дивизия скоро достигнет Дзержинска, займет оборону, подойдут с востока новые силы, и тогда не пройти фашистам. А сейчас? Что же случилось? Гитлеровцы прорвались к Минску. Далеко ли еще удастся им продвинуться? Ведь не может же быть, чтоб они победили! Не может, хотя бы потому, что он, Петр Маринин, парень из крестьянской семьи, ставший вместе с миллионами других простых людей хозяином в своей стране, не мыслит для себя иной жизни, чем та, которой он жил.

И вдруг:

«Где партбилет?!» — эта мысль ударила, словно током, обожгла, заставила остановиться. Петр судорожно схватился за грудь, где висели клочья гимнастерки.

Правый наружный карман болтался на уголке. Удостоверение личности исчезло. Потрогал левую сторону груди и, счастливый, тихо засмеялся. Потайной карман, пришитый к гимнастерке изнутри (по курсантской привычке), цел. А в нем прощупывалась жесткая книжечка... Под карманом плотно облегало грудь знамя... Вроде темнота раздвинулась вокруг и боль раны притихла. Кажется, и земля под ногами стала тверже. Сердце забилось ровно и спокойно. Ощутил в руке автомат, а в мускулах силу...

Но что делать ему сейчас? Переодеться? Где-нибудь в деревне выбросить свою военную форму?

Вспомнилось, как совсем недавно, 30 мая, он впервые надел ее и стал офицером. Два года в военном училище от рассвета дотемна учился в классах, в поле, на стрельбище, в лагере. Очень тяжело было. Но он твердо решил посвятить себя армии. И после того как сбылась его мечта, как стал он командиром — воспитателем защитников Родины,— снять с себя военную форму, лишить себя высокого звания, уронить честь? Ни за что! Ну, а как же? Ранен ведь. Вспомнил, как надевал парадное обмундирование, когда собирался встречать Любу... Люба... Где она? Что думает о своем Петре?..

Петр не знал, что ему делать. Нужно дождаться утра, осмотреться.

Рана ныла все сильнее. Боль наконец взяла верх, и Маринин, подмяв стебли пшеницы, сел

на землю. Стрельба на дороге прекратилась. Колонна, видимо, ушла, так как воцарилась тишина, нарушаемая только шуршанием колосьев и порывами ветра. Темнота сгущалась, небо заволакивалось тучами. Надвигалась гроза.

Где-то далеко бесновались собаки. Петр прислушался к этим вестникам людского жилья и сел лицом в сторону, откуда доносился лай. После передышки решил держать туда путь.

...Через час Маринин стучался в окно крайнего дома деревни. Вышел старик — босиком, в белых полотняных штанах и расстегнутой рубахе.

— Чего? — угрюмо спросил старик, покосившись на немецкий автомат в руках младшего политрука.

— Ранен я, папаша. Перевязаться нужно...

— Сильно ранен?

— Не очень, в ногу.

— Коли не сильно, терпится, могу свести к фершалу, а коли сильно, сюда дохтора позову.

— Фашистов не было у вас?

— Покуда нет. Но раз бежите, ждать долго не придется.

Старик возвратился в сени и крикнул в хату:

— Степка, за фершалом!

Через минуту из хаты выбежал мальчишка лет восьми и, метнув на Петра любопытный взгляд, припустился по темной улице. Старик зашел за угол дома и стал прислушиваться к далекой канонаде у Минска.

Вскоре вернулся Степка.

— Уехал фершал!.. Вакуировался!.. — выпалил он, переводя дыхание.

О сухую землю ударили первые капли дождя. Старик позвал Маринина в хату, завесил окна,

зажег лампу и, обернувшись к Петру, ахнул: вся грудь под его разорванной гимнастеркой была красной. Но это не кровь, это пламенело боевое знамя...

Из другой комнаты выглянуло заспанное лицо женщины.

— Мария, поставь на стол еду! — повелительно промолвил хозяин.

Пока Мария ходила за молоком, Маринин начал перевязывать рану. Хозяин достал из сундука чистую холстину, нашелся в доме и йод.

Когда рана была перевязана, старик положил на лавку черные штаны, рубаху и обратился к Петру:

— Надень. Твои Мария постирает и зашьет. А то, вишь, гимнастерка — рванье одно, а галифе не прогнешь от крови...

В окна барабанил дождь. Хорошо быть в такое время под крышей, есть ржаной хлеб с аппетитно хрустящей под зубами корочкой и запивать его молоком. Глаза Петра слипались.

— Мария, приготовь постель,— распорядился хозяин.

Наступал восьмой день войны...

— Хлопец, а хлопец! Не знаю, как по отчеству чествуют тебя. Проснись!

Маринин открыл глаза и увидел над собой хозяина дома.

— Иди глянь в окно. По дороге кого-то несет. Может, упаси господь, немцы? — озабоченно промолвил он.

Приковыляв к окну, Петр увидел, как с пригорка к селу по размокшей за ночь дороге мед-

ленно спускались бронетранспортеры с пехотой и машины.

— Немцы!

Оберегая раненую ногу, Маринин быстро оделся. Его обмундирование было выстирано, высушено, отремонтировано и отглажено. Хозяин пытливо смотрел на Маринина.

— Куда пойдешь?

— Наверное, в поле, а там в лес.

— Не гоже. С твоей ногой далеко не ускачешь. Ступай за мной.

Пришли на гумно.

— Лезь к стенке, за сено!

Маринин втиснулся между сеном и бревенчатой стеной гумна. В нос ударил запах моха, прелой соломы и мышиного помета. Энергично пошевелив плечами, раздвинул сено и сделал пещерку. Пощупав пальцами стену, догадался, что мохом законопачены щели между бревнами. Из одной щели Петр выковырял мох и начал смотреть на улицу, где вот-вот должна была появиться колонна врага.

Но фашисты остановили свои бронетранспортеры и машины на околице. Солдаты спешились и разошлись по хатам, сгоняя народ на окраину. Над селом висели лай собак, кудахтанье кур, визг поросят. Иногда трещали короткие автоматные очереди. Враги хозяйничали.

Через полчаса на улице, как раз против гумна, где нашел убежище Петр Маринин, собрались женщины, старики, подростки. Толпу крестьян оцепили автоматчики.

Перед людьми появился офицер — маленького роста, с узкими серебряными погонами на мундире.

— Мы пришель вас освободить, — сказал

он,— вы нас будете встречать. Мы вас будем фотограф. Поняль?

Крестьяне угрюмо молчали.

— Вы нас будете встречать клеб, соль. Поняль?

Из толпы вышел высокий старик — в капелюхе, сапогах, суконном армяке. Пошлепывая палкой по раскисшей дороге, теребя рукой бороду, он промолвил:

— Понял-то понял, гражданин немец, или как там тебя. Но вот что понял? Если слушать тебя — значит, стыд под каблук, а совесть под подошву?

— Никс подошву, никс! Клеб, соль... — распинался гитлеровец, приподнимаясь на носках, словно стараясь казаться выше. — Мы будем фотограф делай.

Решив, что крестьяне не могут его понять, офицер отдал распоряжение солдату. Тот быстро побежал в дом, в котором Маринин провел ночь, и через минуту вынес оттуда большую круглую буханку хлеба, вышитый рушник и солонку.

Взяв у солдата хлеб, офицер подошел к крестьянам.

— На, матка, клеб,— гитлеровец сунул буханку в руки пожилой женщины и вытолкал ее на середину улицы. Женщина испуганно смотрела на офицера, не зная, что делать ей с хлебом.

— Дожила, Меланья, врагов хлебом-солью встречаешь! — промолвил из толпы тот же высокий старик.

Не успела Меланья ответить, как где-то над крышами соседних домов грохнул выстрел. По селу опять залаяли собаки. Офицер, намеревавшийся было положить Меланье на руки рушник,

упал. Меланья вскрикнула и бросилась в толпу, уронив буханку в грязь.

Загалдели, забегали солдаты. На околице фыркнули моторы бронетранспортеров.

Оправившись от испуга, поднялся офицер. Стряхивая грязь, он что-то взволнованно говорил солдатам, указывая пальцем на буханку. Потом поднял хлеб и внимательно осмотрел в нем след пули.

Крестьяне, пораженные таким «чудом», затаив дыхание смотрели на гитлеровцев. Только одна старушка крестилась и шамкала:

— Слава тебе, господи... Хорошая примета, хорошая. Не есть им нашего хлебушка! Горький он будет для них, с дымом, с огнем, как эта буханочка...

В щель Петр видел, что солдаты начали шнырять по селу, обыскивая дома, сараи, огороды. Надеялись поймать стрелявшего.

Но поиски были тщетны. Тогда, отделив от толпы крестьян человек двадцать мужиков и баб, фашисты окружили их плотным кольцом.

— Всем остальным ушел! — объявил офицер.— Через десять минут будем стрелять заложников, если не приведете того, кто нас стрелял.

Крестьяне не двигались с места. Толпа словно онемела. Десятки пар глаз напряженно, недобро смотрели на гитлеровцев.

— Ну, пшоль! — закричал офицер.

Солдаты принялись расталкивать, разгонять людей.

Маринину из своего убежища хорошо были видны крестьяне-заложники. Одни были угрюмы, сосредоточенны, другие растерянно смотрели по сторонам, третьи, казалось, спокойно по-

сасывали люльки. Женщины, утирая слезы, теснились отдельной стайкой.

До сих пор Петр Маринин, наблюдая за тем, что происходит на улице, не мог остановиться ни на одной мысли. Смотрел, стараясь расслышать слова, и чувствовал, что его руки и ноги онемели, сделались непослушными, а где-то в груди сосало, щемило. Казалось, там образовалась какая-то непонятная пустота, и было очень тяжело, тяжело так, что мозг отказывался мыслить, а перед глазами плыли темные пятна, в ушах нудно гудело.

Когда гитлеровцы отделили от толпы крестьян группу мужчин и женщин, Петр понял, что сейчас произойдет что-то ужасное, непоправимое. И стало мучительно больно, стыдно, досадно от своей беспомощности. И страшно оттого, что он оказался в тылу врага, хоть и на своей земле, оказался один, без товарищей, без патронов (в магазине трофейного автомата осталось два патрона), раненый и не было у него твердого понимания, что́ он должен делать, как поступать. Петр знал одно: он ни за что не снимет с себя военной формы, не смирится со своим положением... Нужно что-то делать. Но что?.. Главное — не попасть в руки фашистов...

Внимание Петра отвлек появившийся на улице красноармеец. Опираясь на винтовку, он прыгал на одной ноге. Вторая нога — вся в бинтах. Сквозь них выступили пятна сукровицы. Правая рука также забинтована.

Приблизившись к офицеру, красноармеец промолвил хриплым слабым голосом:

— Я стрелял, людей отпустите.— А затем повернулся к крестьянам, как бы извиняясь, добавил: — Один патрон для себя берег... Увидел

гада, не удержался. Жаль, что промахнулся. Левой рукой несподручно стрелять.

Офицер с некоторым страхом смотрел на красноармейца, потом повернул его к себе спиной и, подняв пистолет, выстрелил в затылок...

В середине дня, когда гитлеровцы уехали из села, двустворчатые двери гумна скрипнули, и появился хозяин, неся в руках глиняную крынку. За ним, виляя хвостом, плелся рыжий пес. Хозяин был молчалив, угрюм. Косматые, густые брови сдвинулись над переносицей. Из-под них смотрели затуманенные горем глаза.

— Снимай тряпки с болячки! — потребовал сердито.

Маринин поднял удивленный взгляд.

— Снимай, снимай. Лекарь пришел...— И старик потрепал рукой рыжешерстую собаку.— Тебе, товарищ командир, засиживаться в селе нечего, а с такой ногой далеко не уйдешь.

Хозяин сел и поставил рядом на сено наполненную чем-то крынку.

Петр начал разбинтовывать ногу.

— Ты слышал такую притчу: «Заживет, как на собаке»? — спросил старик.

— Слышал.

— А вот скажи, почему на собаке рана быстро зарастает? Не знаешь?

С этими словами старик поднял крынку и наклонил ее. На разорванную ногу Петра полилась густая холодная сметана. Собака завиляла хвостом и начала облизываться.

— Лижи, рыжий, не жалко,— старик взял собаку за ухо и подтащил к сметане. Пес начал лакать языком, а затем вылизывать ногу, рану...

— Так разочка три в сутки полечит, и завтра-

послезавтра от твоей болячки останется только рубец,— пояснил хозяин.

Петр старательно перебинтовал ногу, а хозяин все молчал, уставив отсутствующий взгляд в угол сарая.

— Что же делать? Как жить будем? — наконец прервал молчание старик.— Нельзя же ему, идолу, спуску давать.

Петр ждал этого вопроса. Конечно, он же политработник, представитель партии в армии, и кому, как не ему, правильно разбираться в происходящем. Он обязан сказать этому суровому и доброму старику, что надо делать. И Петр уверенно произнес:

— Видали, как они сегодня с красноармейцем? То же и с ними нужно. Стрелять надо.

— Оно-то так,— промолвил старик,— сами знаем. Но медведя руками не изнудишь. Вот и я гадаю: может, не следует тебе уходить отсюда. Если много таких здесь останется, не будет идолу спокойствия.

— Нет,— возразил Маринин.— Так можно всю армию распылить, а фашисты тем временем до Смоленска, Киева доберутся,— худшего Маринин не предполагал.— Я вот, папаша, другое хотел у вас выяснить.

Старик вопросительно посмотрел на Петра.

— Много ли в вашем селе осталось хлопцев, которые могут служить в армии?

— Кто его знает... Есть,— ответил хозяин.

— Их нужно обязательно оповестить: кто сегодня вечером не явится ко мне, тех будут считать дезертирами.

Старик хмыкнул.

— Да, да, дезертирами...

— Ты не стращай! — отрубил вдруг старик.— Они и сами уже оружие собирают...

Деревня, в которой задержался раненый Маринин, лежала в стороне от больших дорог, по которым устремились к Минску части 39-го танкового корпуса гитлеровцев. Вот-вот можно было ожидать, что в деревне опять появятся фашисты. И Петр спешил скорее стать на ноги.

Вечером рыжая собака снова лизала его рану. Наложив повязку, Петр, опираясь на палку, попробовал ходить по гумну.

— Больно? — спросил хозяин.

— Немного чувствуется, но идти можно. А если удастся коня раздобыть — совсем хорошо будет.

Разговор прервали шаги, донесшиеся со двора. На гумно вошел низкорослый мужчина в соломенном капелюхе. Разглядеть его лицо в полумраке было трудно.

— Куда будем собирать хлопцев?—спросил он.

— Много их? — отозвался Маринин.

— Покуда еще неизвестно. Десятка три наберется.

— Хорошо. Тогда пускай захватят харчи, оружие, если у кого есть, и на рассвете собираются на выходе из села...

Когда на дворе стемнело, на гумно прибежал Степка.

— Мать велела вечерять идти.

Маринин зашел в хату. На столе стояла большая глиняная миска, наполненная блинами, рядом поменьше — со сметаной.

Петр отодвинул от себя маленькую миску и начал жевать душистые, пухлые блины.

— Кушайте со сметаной,— упрашивала хозяйка. Но Петр упрямо отказывался. Перед его глазами стояла крынка, из которой хозяин поливал раненую ногу...

В сенцах стукнула дверь. В хату зашел мужчина в соломенном капелюхе. При свете лампы Маринин вгляделся в его загорелое, заросшее светлой щетиной лицо. Раздвоенный подбородок, глаза — строгие, умные, брови — густые, вылинявшие.

Мужчина присел на лавку, снял капелюх, рукавом рубахи вытер со лба пот.

— Сорок шесть человек на рассвете будут готовы,— сказал он.— Село наше большое, народу много.

— Сорок шесть человек! — обрадованно воскликнул Петр.

Кто-то постучал в окно. Мужчина со стариком, который молча готовил для своего временного постояльца мешок с продуктами, переглянулись и вышли в сенцы. Через минуту они вернулись, пропуская через порог впереди себя двух красноармейцев.

Увидев младшего политрука, солдаты остановились, насторожились.

Все молчали, сверля друг друга испытующими взглядами.

— Долго будем переглядываться? — спросил Маринин.

— А как знать, наши вы или немецкие? — ответил один из солдат.

— Вы одни или есть командир? — спросил Маринин.

Солдаты молчали.

— Зовите сюда командира. С ним мы быстрее договоримся.

Один красноармеец вышел и вскоре возвратился с военным невысокого роста, в накинутой на плечи плащ-палатке.

— Сержант Стогов,— представился вошедший.— Пробиваемся проселочными дорогами на восток.

— Младший политрук Маринин,— Петр протянул сержанту руку. Стогов неуверенно пожал ее и потребовал:

— Разрешите удостоверение личности...

Маринин машинально пощупал нагрудный карман и вдруг сник. Уронив голову, он дрогнувшим голосом сказал:

— Нет удостоверения... Фашисты с мясом вырвали... Вот и ранен.

Стогов пристально смотрел на младшего политрука и с сомнением качал головой.

— Так, так...— затем взял на скамейке автомат Маринина, с любопытством повертел в руках.— А автоматик-то немецкий...

— В атаке добыл,— пояснил Петр.

— Слушайте вы его! — сердито бросил от порога один из солдат.— Мы уже насмотрелись на таких в нашей форме!.. А этот еще и со своим автоматом. К стенке его!

— Ишь, какой скорый на расправу!—вступился хозяин дома.— Эдак ты и меня за чужого примешь.

— Верно, хлопцы, разобраться надо,— поддержал хозяина мужчина с капелюхом в руках.

Вдруг распахнулась дверь — и в дом влетел боец.

— Товарищ сержант, немцы! — взволнованно выпалил он.

Сержант Стогов заколебался, глядя на Маринина:

— Ходить можешь?

— Смогу, если надо.

— Пошли! Вздумаешь бежать — пристрелю.

— Полегче, сержант,— строго сказал ему Маринин. Еще хотел что-то сказать, притронувшись рукой к левой стороне груди, где под гимнастеркой, в потайном кармане, был спрятан партбилет, но его перебил хозяин дома:

— А как же с хлопцами нашими? — старик стоял у порога и требовательно смотрел на Маринина, на Стогова.

— Возьми пополнение, сержант,— посоветовал Маринин.— Четыре десятка парней деревенских.

— Ха! — хмыкнул Стогов.— Я вон бойцов с оружием в отряд свой не принимаю...

— Ну и дурак! — негодующе сверкнул глазами Маринин.— Хозяин, спасибо за хлеб-соль. Может, увидимся еще. А ребята ваши пусть сами действуют, не маленькие.

И ушли...

— Ящук, посчитай, сколько нас,— устало говорил утром сержант Стогов, сидя на стволе сваленного, полуистлевшего дерева. На его коленях — немецкий автомат, отобранный у Маринина. Вокруг — глухой лес, просвечиваемый косыми лучами только что взошедшего солнца.

— Тридцать два штыка. И семеро раненых,— ответил Ящук — высокий, худой, заросший рыжей щетиной пулеметчик. Он лежал на траве среди таких же смертельно усталых испачканных землей и кровью бойцов. Белели свежие повязки раненых...

— А этот — в форме младшего политрука — не сбежал? Давай-ка его сюда.

Привели под ружьем Маринина — без фуражки, усталого, злого.

— Ну? — поднял голос сержант Стогов.

— Что «ну»? — сердито переспросил Петр. — Воевать не умеете. Кто же переходит через шоссейную дорогу без разведки? Ведь в тылу противника!

— Мои люди, я командую,— раздраженно ответил сержант.

Маринин едко улыбнулся, покачал головой и повернулся к солдатам.

— А по-моему, тут ни моих, ни твоих нет. Есть наши, советские люди, красноармейцы...

— Ну, допустим,— Стогов недобро скосил глаза на Маринина.— А как знать, кто ты такой?..

— Да наш, чего сомневаться! — сказал кто-то из бойцов.— Разве не видели, как в бою он?..

— Верно! — раздался еще чей-то голос.

— Товарищи, не митинговать! — поднял руку Маринин.— Сержанта Стогова смущает то, что при мне не оказалось удостоверения. Подозрение законное. Однако нельзя забывать, что немцы своих диверсантов в наши тылы без документов не забрасывают. А во-вторых, я вам могу доказать, что... Ну, в общем сами судите...— Маринин расстегнул пояс и из-под гимнастерки достал знамя, развернул его.

При виде знамени сержант Стогов недоуменно захлопал глазами, затем вскочил на ноги, принял стойку «смирно»; торопливо поднялись с земли и вытянули руки по швам все бойцы, даже раненые.

— Это боевое знамя танковой бригады, которая первой приняла на себя удар фашистов под Гродно,— вдохновенно заговорил Петр.— Бригада остановила врага, уничтожила больше ста

его танков, но затем была окружена... Мы обязаны сохранить знамя и доставить командованию...

Маринин бережно свернул красный атлас и снова спрятал его на груди.

— Товарищи,— продолжал он,— наша задача не только сберечь знамя... Представьте себе, что сейчас по лесам движутся сто таких отрядов, как наш. И если каждый отряд будет хоть как-нибудь мешать врагу, почувствуют немцы нашу силу?

— Почувствуют,— вразнобой ответили солдаты.

— Да, почувствуют,— подтвердил Маринин.— А мы с вами этой ночью только прятались от немцев, да и то троих человек потеряли. А надо делать так, чтоб враг нес потери, товарищ сержант Стогов! — голос Маринина зазвучал тверже.— Надо, чтоб для фашистов со всех сторон был фронт... Отряд, слушай мою команду!

— У нас свой командир есть,— недобро сверкнув глазами, подал голос пулеметчик Ящук.

— Свой командир? — переспросил Маринин и, чуть задумавшись, обратился к Стогову: — Постройте, сержант, свой отряд.

Стогов решительно скомандовал:

— В две шеренги становись! Раненые — на левый фланг!.. Равняйсь!.. Смирно...— и, повернувшись к Маринину, четко доложил: — Товарищ младший политрук, по вашему приказанию отряд построен.

— Вольно,— разрешил Маринин.

— Вольно! — скомандовал отряду сержант и пристроился на правый фланг, облегченно вздохнув.

Маринин стал перед строем, молча расстегнул гимнастерку и из нагрудного потайного кармана извлек красную книжечку, заклеенную в целлофан. Развернул целлофан и поднял красную книжечку над головой.

— Все вы знаете,— сказал он,— что политработники Красной Армии — это представители партии в наших войсках. Вот мой партбилет! Он удостоверяет мою принадлежность к партии большевиков.

Маринин медленно шел вдоль строя, держа на уровне солдатских глаз раскрытый партбилет. И видел, как в десятках глаз загорались трепетные огоньки, выдавая чувства людей. Не трудно было догадаться, что это за чувства. Парни — дети рабочих, крестьян, служащих,— выросшие при Советской власти, научились понимать, что такое партия большевиков, кто такой коммунист. И не зря у них светлели лица, расплывались в улыбках губы, шире расправлялись груди.

— Эта книжечка,— промолвил Маринин,— не дает мне права командовать вами. Она дает мне другое право: быть впереди в бою, быть там, где трудно и опасно. И это не только право, но и обязанность коммуниста. Я ее буду выполнять...

Петр помедлил, повел взглядом по лицам затихших в строю людей.

— Но у меня есть и другая обязанность... Повторяю — обязанность! — Маринин, подтянутый, с посуровевшим лицом, повернулся к Стогову.— Сколько вы, сержант, служите в армии?

— Полтора года! — отрубил Стогов.

— Ну, а я три,— улыбнулся Маринин. Заулыбались и солдаты в строю.— Но дело, товарищи, не в арифметике. Дело в том, что из трех лет службы я два года учился в военном училище.

Командовать учился и солдат воспитывать. Об этом свидетельствует мое воинское звание. Вот оно-то — воинское звание — и обязывает меня взять на себя ответственность за судьбу каждого из вас... Итак, принимаю командование отрядом! Своим заместителем назначаю сержанта Стогова.

— Есть! — с готовностью воскликнул сержант.

— Вопросы будут?

— Нет!..— дружно выдохнул отряд. И разноголосо: — Все ясно!.. Понятно!.. Командуйте.

— Предупреждаю всех, — напомнил Маринин.— В силу чрезвычайных условий, в которых действует отряд, за нарушение порядка, за невыполнение приказаний буду принимать самые суровые меры, вплоть до расстрела... Сержант Стогов, назначьте головной и боковые дозоры!

— Есть!..

23

Сердце, обожженное пламенем войны... Так часто пишут в книгах. Красиво звучит. А вот если подумать, каково было человеку, когда сердце его только опалялось, когда обугливалась от постигшего несчастья его живая плоть? Не дай бог кому-нибудь узнать эту боль...

И все же сколько людей испытало ее! Испытала ее и Люба Яковлева.

Совсем недавно — восемь дней назад — она сидела в вагоне пассажирского поезда, глядела в окно и мечтала. Мечтала о своем будущем, мечтала о Петре, о всем том новом, загадочном и желанном, что называется счастьем... И вдруг — взрывы бомб, треск пулеметов, душераздирающие крики. Поезд остановился, из вагонов высыпали люди. А в небе кружили два

самолета и хлестали по разбегавшимся пассажирам из пулеметов.

У вагона Люба увидела лежавшего на земле с раскинутыми руками мальчика и женщину, которая, еще не веря, что случилось страшное, непоправимое, судорожно ощупывала безжизненное тельце.

Пешком добиралась до Лиды. Всю дорогу перед ее глазами стояла страшная картина: распластавшееся тельце мальчика и рыдающая мать...

А затем — случайная встреча в Лиде с хирургом Савченко, Ильча, Аня Велехова, страшная ночь под деревней Боровая, встреча с Петей и потеря его...

Только восьмой день шла война. Восьмой день!.. А кажется, что позади целая вечность страданий и душевной боли.

И вот наконец они сдали своих исстрадавшихся раненых в полевой госпиталь и сами остались в нем работать.

Госпиталь размещался в двухэтажной деревянной школе и в окружающих ее сельских домах. Жизнь в госпитале, хотя он только позавчера переехал сюда из-под Столбцов, шла своим чередом. Принимали раненых, сортировали, распределяли по палатам.

В палате тяжелораненых — большом светлом классе на втором этаже — дежурила Люба. В воздухе висел знакомый и уже опостылевший запах лекарств. Сидя у окна, Люба задумчиво смотрела в сторону недалекой автострады, пролегавшей между Минском и Могилевом.

Автострада запружена людьми. Нескончаемый пестрый людской поток лился в сторону Могилева...

В раскрытое окно донесся еле уловимый прерывистый шум моторов. Еще несколько томительных минут — и завывающее урчание наполнило палату. Раненые, до этого переговаривавшиеся между собой, умолкли. Наступила тишина...

Люба уловила знакомый нарастающий свист бомбы. Нет ничего хуже, если не видишь, куда она падает, эта свистящая бомба. Поэтому так страшны бомбежки в лесу и в населенных пунктах.

Люба отпрянула от окна, прижалась к стенке, съежилась в напряженном ожидании. В такие мгновения хочется стать горошинкой, чтобы в тебя не попал осколок.

Страшный взрыв тряхнул стены. С потолка обвалилась штукатурка, колючими слезами брызнули из окон стекла. Люба кинулась к открывшейся двери. Но на пороге остановилась. Что-то заставило ее оглянуться, и она увидела десяток пар устремленных на нее глаз.

Воздух всколыхнулся от нового близкого взрыва. Люба метнулась к лестнице. Ей казалось, что взгляды тяжелораненых сверлили ей спину и тогда, когда она стремглав бежала по ступенькам вниз, когда вынырнула из завешенной одеялом двери во двор. Но побороть страх и остановиться не хватало сил.

Люба не помнила, как она попала в глубокую щель, вырытую под дощатым забором. Но страх ее не проходил и здесь. Прижавшись к глинистому углу щели, она смотрела вверх — на пикировавший бомбардировщик. Любе казалось, что если бомба упадет даже рядом, то земляные стенки щели сдвинутся и раздавят ее.

Вой самолета уже над самой головой. От его брюха отделился рой черных точек. Мелкие зажигательные бомбы устремились к земле...

Деревянное здание школы вспыхнуло мгновенно. Из щели Любе было видно, как над крышей заплясало пламя. Слух и сердце резанули крики, несшиеся со второго этажа. Перед глазами встала палата, раненые на койках, напряженные взгляды, устремленные на нее, убегающую вниз по лестнице. Люба вскочила на ноги и тут же увидела, как из окон нижнего этажа выскакивали легкораненые. Им помогали санитары.

— В палаты! На второй этаж! Не трусить! — раздался знакомый голос Виктора Степановича Савченко.

Это «не трусить» точно вытолкнуло Любу из убежища. Когда бежала к завешенным одеялом дверям школы, почему-то вспомнила спор ведущего хирурга госпиталя с дежурным врачом о том, где размещать тяжелораненых — на первом или втором этаже. Решили, что тяжелораненые задержатся надолго в госпитале и им спокойнее будет на втором. А зря...

Согнутая фигурка девушки в белом халате скрылась в дверях горящего дома.

Навстречу дохнуло жаром, в нос, в глаза ударил едкий дым. Люба стремглав пронеслась вверх по знакомой лестнице. Вбежав в палату, наткнулась на ползущих к дверям раненых.

Но где взять силы, чтоб поднять взрослого беспомощного мужчину? Люба попыталась взять на руки первого попавшегося раненого, однако ей удалось только приподнять его. Волоком потащила к краю лестницы. Потом бросилась за вторым, третьим, четвертым... Израненные люди, превозмогая рвущую тело боль, стараясь заглу-

шить ее диким, нечеловеческим криком, катились вниз по ступенькам, где их подхватывали санитары. Некоторые задерживались на лестнице, их толкали катившиеся сверху.

Грохотали взрывы фугасок. Огонь свирепел с каждой секундой. Горел потолок, горели матрацы на кроватях, еще откуда-то билось пламя — в дыму не разберешь. А Люба, тяжело переступая, задыхаясь в дыму, продолжала выносить к лестнице раненых. Уже осталось немного. Две койки, и на них стону-

щие, задыхающиеся люди... Жгло лицо, шею, приторно пахли обгорелые волосы. Тлела одежда раненого и обжигала руки. Люба слышала над головой треск и, задыхаясь, спешила к лестнице. Казалось, еще минута, и она упадет.

С грохотом рухнул потолок. В лицо ударил сноп искр — колючих, злых. Люба кинулась вниз, вслед за раненым, по уже горящей лестнице. В дыму на ощупь искала дверь. В горячке ударилась головой о какой-то выступ, и тупая боль заставила до дрожи напрячься все тело.

В это время рука наткнулась на дверную ручку. Люба, собравшись с силами, дернула ее. Дверь распахнулась, но это была дверь в какой-то класс. Оттуда в лицо, в глаза Любы с гулом и треском ударило пламя.

От нестерпимой боли она дико закричала и, зажав руками обожженные глаза, отпрянула назад... Ее подхватили чьи-то руки.

Вскоре Люба Яковлева лежала на операционном столе. Две медсестры, с красными от слез глазами, заканчивали накладывать повязки на обожженное тело своей подруги. Все лицо Любы было тоже забинтовано.

У окна стоял госпитальный окулист — высокий сутулый мужчина — и говорил Виктору Степановичу Савченко:

— Надежды на сохранение зрения мало.

24

Отряд младшего политрука Петра Маринина действовал так, как десятки других подобных ему отрядов. Больше шли ночью, нападали на фашистов; днем двигались только лесом, не по-

казываясь на открытых местах. Отдыхали урывками. Уже на вторую ночь у большинства бойцов, не имевших раньше оружия, появились винтовки, немецкие автоматы.

Самое трудное было переходить шоссейные дороги. Терпеливо выжидали, выслеживали врага. Держали путь туда, где ночью висели в небе ракеты, куда днем пикировали немецкие бомбардировщики.

Отряд заметно увеличился. В него вливались мелкие группы «окруженцев», пробивающихся на восток.

Возле большой деревни Яченка взяли у колхозников для нужд Красной Армии шесть лошадей. Колхозники с радостью отдали коней и еще принесли в лес три седла, только взамен потребовали оружие — хотя бы по винтовке за лошадь.

Теперь часть боеприпасов и продукты вьючили на лошадей. Один конь шел под младшим политруком Марининым; раненая нога его давала себя чувствовать.

Лес, лес и лес... В верхушках сосен резвится ветер. Шумя и посвистывая, он спадает вниз и перебирает невидимыми руками листья густого подлеска — орешника, клена, граба. Петру чудится, что где-то недалеко шумит водопад. И странно — этот лесной шум кажется ему зеленым... Зеленый лесной шум. И жужжание пчелы — зеленое, и грива коня... И запах прелой листвы, взбитой десятками солдатских ног и копытами лошадей, тоже кажется зеленым. Перед глазами чертит замысловатые линии зеленая искра... Петр уже ничего не видит и не слышит. Лес навеял на него зеленую дрёму, и он забылся в коротком тревожном сне.

Позади — трудная, полная опасностей ночь. Вчера немецкий самолет разбросал над лесом листовки. В них предлагалось красноармейцам сдаваться в плен. А на обороте листовок — инструкция о том, как выводить из строя автомашины, принадлежащие воинским красноармейским частям. Немецкие специалисты рекомендовали бросать в баки с горючим по щепотке сахару... Вот Маринин и решил воспользоваться этим советом при первой же встрече с немецкими машинами.

Но сахара в отряде не оказалось. Поразмыслив, Маринин решил заменить его солью, которую добыли в одной деревушке.

А когда наступила ночь, начали действовать. Заприметили огромную немецкую автоколонну, остановившуюся на ночевку на окраине какой-то деревни... Удалось засыпать соли в баки всего лишь двенадцати машин. А потом немцы обнаружили убитого часового и подняли тревогу. Но сержант Стогов с группой бойцов, прежде чем скрыться в лесу, успел высыпать остатки соли в два бензовоза...

Маринин услышал, как зачавкало под ногами лошади болото, и проснулся. Пропустил мимо себя отряд, шедший вразброд, колонной по два. Увидел, что люди устали. Особенно тяжело было раненым.

Когда снова вошли в чащобу соснового леса, передал по цепи команду:

— Стой!.. Привал!

Солдаты, сняв оружие, молча валились на траву. Маринин спешился и, пустив пастись коня, достал топографическую карту. Вместе со Стоговым вышел на опушку леса.

Из густой поросли молодого ельника смотрели на дорогу, которая в километре от них простерлась за ржаным полем. На дороге застыла огромная колонна немецких грузовиков. У всех подняты капоты, и было видно, как, забравшись под них, копались в моторах водители.

— Не зря ночь поработали! — Маринин радостно хлопнул по плечу сержанта.— Стоят!..

Отряд тем временем продолжал отдыхать на поляне.

Никто не придал значения тому, что высокий рыжий солдат по фамилии Ящук, оставив на траве свой ручной пулемет и прихватив вещевой мешок, воровато оглянувшись на товарищей, подался в кусты.

— Ты куда, Ящук? — окликнул его кто-то.

— До ветру.

За кустами он остановился, прислушался, не идет ли кто следом за ним, и вдруг кинулся бежать в глубь леса...

Вскоре на поляну возвратились младший политрук Маринин и сержант Стогов.

— Барахлят фашистские машины, товарищи!— радостно сообщил Маринин.

— Вся колонна загорает,— подтвердил Стогов.

И тут сержант заметил сиротливо лежавший на траве ручной пулемет.

— А где Ящук? — удивился он.— Ящук!

Ответа не было. Стогов и Маринин прошлись в глубь леса и в кустах наткнулись на брошенное красноармейское обмундирование. Ясно: здесь дезертир переодевался в гражданский костюм... Это первое дезертирство из отряда.

Сержант Стогов в ярости бросился бежать дальше в чащу леса, надеясь настигнуть подлеца.

Вдруг он остановился и взмахом руки позвал к себе младшего политрука. Вскоре они уже вдвоем сквозь кусты орешника смотрели на небольшую поляну, сплошь занятую отдыхающими красноармейцами.

— Оцепить! — коротко приказал Маринин сержанту. а сам, держа наготове автомат, вышел на поляну.

Красноармейцы, заметив неизвестного, вскочили на ноги, схватились за оружие.

— Кто старший? — строго спросил Петр.

— Нету старших.

— Здесь каждый сам себе начальник,— послышались в ответ голоса.

— Это как же? — недоумевал Петр.— Ну, а кто хотя бы охранение назначает?

— Зачем здесь охранение? — ответил коренастый боец с чуть раскосыми глазами.— В лесу все слышно. Треснет сучок, мы в ружье.

— Эх вы, вояки... А ну, слушай мою команду! В две шеренги становись!

Солдаты переглянулись. Некоторые пытались строиться, но большинство стояло на месте.

— Зачем же строиться? — спросил кто-то.

— Что значит «зачем»? — нахмурился Петр.— Или считаете, что уже конец, крышка?

— Насчет конца никто не говорит,— ответил тот же боец.— Кишка тонка у фашистов, чтоб русских побороть. А нам, верно, крышка, видать.

— Больно спешите панихиду по себе петь,— Маринин оглядел суровым взглядом солдат.— Кто отказывается выполнять мой приказ, отойдите вправо. Вон туда, под охрану.

Бойцы с недоумением посмотрели в ту сторону, куда указывал рукой младший политрук, и заметили, что там из кустов на них направ-

лены стволы винтовок, пулеметов. Оторопело оглянулись вокруг и увидели, что вся поляна окружена. После минутного замешательства, сконфуженные, начали проворно становиться в строй.

— Ну вот, так-то лучше,— заключил довольный Маринин, оглядывая строй.— Можно хоть поговорить, как военный с военными.

Подошел сержант Стогов.

— Составьте список пополнения нашего отряда,— приказал ему Маринин.— По красноармейским книжкам — с указанием частей, места рождения, призыва и времени принятия военной присяги. Документы смотреть внимательно.

— Есть!

Стогов принялся за дело, а Маринин продолжал знакомиться с отрядом:

— Коммунисты есть?

— Нет, молодежь все. Комсомольцы есть.

«Я комсомолец!» — «И я».— «И я».— «Я тоже!» — раздавались голоса.

— Прекрасно,— радовался Петр.

Вдруг его внимание привлек стоявший на левом фланге человек с зелеными петлицами на гимнастерке; в каждой петлице — по два кубика. Сам — коренастый, плотный, и очень знакомое лицо... Вглядевшись в него, Маринин вдруг узнал... Семена Либкина! На носу техника-интенданта впервые не было очков, и от этого лицо его казалось каким-то странным, чужим. Близорукие глаза непрерывно щурились.

— Техник-интендант Либкин! — шагнул к нему Петр.

— Ах, это вы, юноша,— без особого энтузиазма ответил тот.— Слышу — знакомый голос,

а распознать без очков не могу... А теперь узнаю.

Отошли в сторонку, чтобы не мешать сержанту Стогову составлять списки.

— Удивительная встреча! — все еще не мог прийти в себя Петр.

— А чего удивляться? — устало ответил Семен.— Я сейчас бы не удивился, если бы даже самого себя в лесу встретил.

Начались расспросы. Либкин поведал Маринину историю своего побега из немецкого самолета, который выруливал на старт.

— Задавил одного гада, а майора перепугал до смерти и выскочил из самолета. Добро, что взлететь «юнкерс» не успел... Ну, а потом — в рожь, в кустарник. Удирал сколько сил было. Только вот очки потерял! — сокрушался Семен.— Теперь слепой. Заметил ночью в поле коня, хотел поймать, чтобы подъехать на нем. А подойти боюсь — никак не разберу, где у него хвост, а где грива. Вдруг цапну за зад, а он ногой в зубы. Так и пошел пешком. Потом пристал к этим ребятам...

25

Одиннадцатый день шла война...

Отдых в глубине леса близ магистрали Минск—Бобруйск был тревожным. По шоссе непрерывным потоком шли немецкие танки, грузовики, артиллерия. Ждали ночи, чтоб незамеченными переправиться через Свислочь — приток Березины.

Перед вечером из разведки вернулась группа солдат. Старший группы доложил Маринину:

— Путь разведан до дороги, что идет на юг

от Иваничей. Дорогу можно перейти в любое время. Когда возвращались, в лесу, в двух километрах отсюда, нашли замаскированную машину. На посту стоит красноармеец уже пятый день. Ждет, что за ним вернутся...

— Что в машине?

— Не говорит...

— Может, продовольствие? — забеспокоился Либкин. Он теперь ведал продснабжением отряда.

Через двадцать минут Маринин, Либкин и пять бойцов были у машины.

Вид у красноармейца, охранявшего грузовик, был страшный: потемневшее, густо заросшее лицо с ввалившимися щеками, глаза, точно больные трахомой; гимнастерка заскорузла от пота и пыли, и, может быть, поэтому комсомольский значок на ней сверкал такой неестественной свежестью и чистотой.

Красноармеец вначале подпустил только Маринина.

— Документы,— потребовал он.

— Не видишь разве? — Петр указал на звезду на рукаве своей гимнастерки.

— А родом откуда?

— Из-под Винницы.

— Может, земляк, товарищ младший политрук?! — издали бросил кто-то шутку.

Услышав слово «товарищ», красноармеец оживился. Губы его растянулись в улыбке, измученное, посеревшее лицо прояснилось.

— Свои, свои! — радостно повторил он несколько раз, а затем осторожно вынул из гранаты запал.— Это я приготовил, чтобы в машину бросить, если фашисты придут,— пояснил боец и жадно посмотрел на флягу, висящую на

ремне Маринина, облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

Петр перехватил его взгляд, подал флягу. Солдат пил жадно, долго. Потом продолжил рассказ о себе.

Оказывается, пять дней назад на Бобруйск отступал какой-то саперный батальон. Невдалеке отсюда колонну атаковали немецкие бомбардировщики. Несколько машин и этот грузовик с саперным имуществом были повреждены. Грузовик оттащили в глубь леса. Командир роты поручил охранять его бойцу Скорикову.

— Ждите здесь, пока не пришлем машину под груз,— приказал он.

Сейчас Скориков не знал, как быть. Он и сам уже не верил, что смогут вернуться за имуществом. Но приказ...

— Снимаю вас с поста и зачисляю в свой отряд,— объяснил солдату Маринин.

Из машины выгрузили часть взрывчатки, бикфордов шнур. Остальное вечером, перед своим уходом, облили бензином и подожгли.

В пути Маринин услышал, как один парень, белорус, сказал Скорикову:

— Командир-то твой хорош! Оставил, мол, под охраной, и с плеч долой. А сколько ты еще стоял бы?

— Сколько нужно,— сердито ответил Скориков.

— Пока фашисты смену не прислали бы,— бросил кто-то.

На привале Маринин построил отряд. Ночь звездная, непривычно тихая. Рядом на поляне аппетитно щипали траву лошади.

— Красноармеец Скориков, пять шагов вперед! — скомандовал младший политрук.

Боец вышел из строя и повернулся лицом к товарищам.

Маринин не умел говорить красивых речей. Но на этот раз слова его проняли душу каждого. На самом деле, разве не подвиг совершил Скориков? Зная, что кругом враги, что каждую минуту его могут обнаружить, он все же не покидал своего поста, свято выполняя приказ командира.

— За честное служение советской Родине,— заканчивал свое слово Петр,— за отличное выполнение боевого задания от лица службы красноармейцу Скорикову объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил солдат.

Идти стало труднее. Взрывчатка, которую взяли в автомашине, хотя и была распределена между тремя десятками солдат, легла на плечи отряда тяжелым грузом. Вскоре Маринин вынужден был спéшиться и отдать свою лошадь под вьюки. Рана беспокоила его уже меньше, и если не встречались на пути болото или непролазь мелколесья, он шел бодро.

Великое дело карта и компас!.. Как идти по ночному лесу, по бездорожью, не рискуя попасть в трясину, в карьеры торфоразработок или выйти в деревню, занятую врагом? Как узнать, что ждет впереди, какие неожиданные преграды?

Спасали топографическая карта и компас. Засветло сориентировавшись на местности, проложив по карте маршрут и определив азимуты на каждый отрезок пути, Маринин выделял счетчиков шагов. ...Солдат, которому поручено было отсчитывать шаги на глухих, безориентир-

ных участках, через каждые сто пятьдесят шагов клал в карман палочку. Десять палочек — километр пройденного пути... И это позволяло в любую минуту знать, где, в какой точке находится отряд, позволяло намечать наиболее короткий и безопасный путь. Если же впереди отряду предстояло пересечь дорогу или речонку, шагов не считали, а шли напрямик, сверяя направление своего движения с компасом. Впрочем, таких отрезков пути было больше.

Этой ночью тоже шли напрямик, через лес, перелески, луга и массивы хлебов, зная, что к рассвету должны упереться в небольшую речушку — приток Свислочи. А там еще переход — и Березина. Все были уверены, что на Березине стоит фронт.

Говорят, что в летние месяцы туман рождается на рассвете. Ничего подобного. Уже к середине этой ночи туман стоял на каждой поляне, клубился в низинах — даже самых маленьких. Он пластался по земле и до того был густой, что, шагая в нем, солдаты не видели своих ног, и чудилось, что ты несешь свое тело по воздуху.

На рассвете вышли к речке. Она вся тоже утопала в белесом тумане. Вроде и речки самой не было, а стоял между двумя стенами леса туман — густой, белый. Казалось, войди в него, взмахни руками, и поплывешь.

Где-то недалеко слева грохотали моторы. Привычным ухом Маринин легко различил танки. Посмотрели на карту. Если не отклонились в сторону, то рядом — деревня Залужье. Через нее пролегает дорога, которая затем раздваивается и одним рукавом уходит на север, к автостраде Минск — Могилев, другим — на юго-восток, к Бобруйскому шоссе. На краю дерев-

ни — мост через речку; это, видать, у моста грохочут танки.

Вскоре вернулся из разведки сержант Стогов с двумя бойцами. Доложил, что рядом — действительно деревня, но, как называется, не выяснил. Мост через речку у деревни взорван. Рядом с ним немцы навели понтонную переправу. По ней проходят сейчас танки и тягачи с пушками.

Бойцы отряда, разлегшись на росной траве, отдыхали, кормили размоченными сухарями лошадей.

Маринин подозвал к себе Скорикова — солдата, которого сняли с поста у машины со взрывчаткой.

— Вы сапер? — спросил у него.

— Да.

— Сумеете точно рассчитать количество бикфордова шнура, чтоб горел он, пока плот со взрывчаткой доплывет к мосту?

— Один момент, товарищ младший политрук, сейчас проверю скорость течения воды...

Через час все было готово. Точно рассчитали расстояние к понтонной переправе немцев, отмерили нужное количество бикфордова шнура, связали плот и уложили на него почти всю взрывчатку, которая была в отряде. Затем подсоединили шнур к капсюлю-детонатору, заложили зажигательные трубки в толовые шашки, и... огонек от спички побежал в глубь шнура. Оттолкнули плот со взрывчаткой на середину речки и сами — быстрее к броду, на ту сторону...

Ускоренным шагом шли в глубь леса, стараясь скорее оказаться подальше от речки, и напряженно прислушивались к тому, что делалось там, на переправе. Не прибьет ли плот к берегу? Не заметят ли его фашисты раньше времени?

Но не должны бы. Русло речки прямое, и туман такой — в двух шагах ничего не видно...

В стороне переправы по-прежнему урчали моторы, раздавались выкрики команд. И вдруг лес озарился яркой вспышкой. Кажется, в чистом небе полыхнула молния. И тотчас тяжелый грохот подмял, сдавил все живое. Дохнуло упругим ветром, всколыхнуло на полянах туман. Грохот оборвался, а затем снова родился где-то впереди, в лесной чаще. Но это уже было эхо.

Моторы на переправе утихли, и оттуда донеслись истошные вопли. Было ясно, что плавучая мина достигла цели...

Когда рассвело, отряд находился уже далеко от деревни Залужье. Над лесом несколько раз пролетал самолет-разведчик, и Маринин отдал приказ усилить маскировку.

В это утро еще одно событие взволновало отряд.

Дозорные наткнулись на дом лесника, и когда доложили об этом Маринину, он принял решение наполнить фляги колодезной водой — всем уже надоела пахнущая болотом и торфом речная вода.

Сержант Стогов зашел в дом, чтобы попросить ведро, и вдруг увидел там... пулеметчика Ящука, сбежавшего из отряда. Ящук, переодетый в измятый гражданский костюм, заросший и усталый, сидел за столом и жадно хлебал щи. У печки возилась старуха-хозяйка.

— Руки вверх! — грозно скомандовал дезертиру Стогов.

Под ружьем привел Ящука к месту стоянки отряда. Его тотчас окружили солдаты.

— Братушки... товарищи... — срывающимся

голосом шептал Ящук, затравленно озираясь по сторонам. Вокруг — хмурые лица, негодующие глаза.

— Змея тебе товарищ! — оборвал его Маринин.— Куда собрался?

— У меня дом рядом... Мать старая, куда же я пойду с вами? — Ящук упал на колени, поднял трясущиеся руки.— Братушки... Пощадите...

— Шкура!

— Предатель!

— Пулю ему! — раздавались возгласы.

— Становись! — сурово, отрывисто скомандовал Маринин отряду.— Равняйсь!.. Смирно!..— затем повернулся к Ящуку, все еще стоявшему на коленях: — Встать!

Вид дезертира был жалок — у него тряслись колени, руки, дрожали губы, глаза безумно метались из стороны в сторону.

— Военную присягу принимал? — спросил Маринин. Потемневшие глаза Петра — грозные, колючие.

— Принимал...— еле выдавил из себя Ящук.

— Как наказать предателя? — обратился младший политрук к отряду.

— Расстрелять! — твердо ответил Стогов.

— Расстрелять,— повторил Скориков.

— Расстрелять...— прошептал Либкин.

«Расстрелять»... — «Расстрелять»... — «Расстрелять»...— перекатывалось от человека к человеку вдоль строя. Лица людей суровы, полны решимости и воли. Нет, это не остатки разбитых войск, не деморализованные силы. Это солдаты, которых ничто не сломит.

— Расстрелять из его же пулемета,— добавил кто-то.

— Именем советской Родины приказываю:

расстрелять дезертира Ящука! — сухо произнес Маринин.

— Братцы... братушки! — Ящук ляскал зубами, задыхался.— Как же так сразу?.. Братушки... пощадите... Я в бою лучше, я что угодно сделаю...

Но ни тени сочувствия в десятках глаз. Только презрение и ненависть. И Ящук, точно в нем что-то надломилось, безвольно уронил голову, обмяк весь. Он понял, что пощады не будет.

Короткая пулеметная очередь оборвала жизнь дезертира.

Тревожно шумели ели... Отряд продолжал путь.

Маринин вел своего коня на поводу и поддерживал разговор с Либкиным. Семен, впервые видевший, как расстреливают человека, не мог прийти в себя.

— Как можно в такое время дома отсиживаться?! — возмущался он.— И вообще... Побыл я одну ночь в руках фашистов и многое понял... Не умели мы ценить ту жизнь, которой жили.

— Положим, не все не умели,— перебил его Петр.

— Не знаю, кто как. Я о себе скажу,— волновался Либкин.— Вот призвали меня зимой в армию, и я готов был жалобу самому товарищу Сталину писать. «Какой же из меня военный?!» — думал я. А сейчас понимаю: не хотелось мне расставаться со всем привычным. У меня в Нежине семья, квартира большая, старики-родители... Хорошо жилось. Каждое лето в Одессу или в Крым всем колхозом на курорт ездили.

— А я никогда моря не видел,— вздохнул Маринин.

— Да ну?.. Но не об этом речь. Жизнь-то эту надо было...

— Во сне только видел море, курорт,— продолжал какую-то свою мысль Маринин. Либкин заметил, что его не слушают, и умолк. А Петр говорил: — Бывало мальчонкой проснусь и думаю: стать бы мне сразу большим и сильным да поехать к морю...

— Летом красота там! — заметил Либкин.

— Я в селе рос. В селе самая работа летом,— Петр вздохнул.— А о курорте слышал я от нашего сельского фельдшера. И мечтал: стать большим, поехать к морю, отыскать тот курорт, где от туберкулеза лечат, и свезти туда мою покойную мать... Туберкулезом она болела...

— А я все о том,— перебил Либкин,— что не всегда ценили мы блага, которые нам дала Советская власть. Полагали, что иначе и быть не может. Понимаешь?.. А я понимаю. Я особенно понял, когда фашист начал бить меня в морду и обзывать всякими непотребными словами. Я даже ужаснулся, что кто-то, оказывается, еще может так обращаться с человеком. Это же ужасно! Он себя считает человеком, а тебя скотом и заявляет, что тебе нет места на земле.

— Хватит меня просвещать! — отмахнулся Петр. Ему уже начинал надоедать этот разговор.— Ведь все понятно. Драться надо, уничтожать фашистов, как собак. Иначе ни тебе, ни мне, никому, кто не захочет быть рабом, не найдется места под небом. В землю вгонят.

— Вот-вот! Я об этом и говорю. Фашистов мы победим, это факт. Но это еще не все. Ведь что было: жили мы настоящей жизнью, а все же

исподтишка поругивали ее. То нам не нравилось, что на базаре сало без шкурки продают, то в поездах казалось слишком тесно... Нет, побьем немцев, приеду я в свой Нежин, соберу родню и скажу: давайте жить лучше.

— В общем, правильно ты мыслишь, Семен,— и Маринин дружелюбно похлопал Либкина по плечу. Ему все больше нравился этот добродушный и откровенный человек.

26

Третьего июля ночью отряд младшего политрука Петра Маринина подошел к Березине. Лес здесь подступал вплотную к реке, тихо несшей свои воды меж буйной зелени берегов. По ночной глади Березины стелился пар, лениво поднимаясь ввысь и тут же тая.

Маринин, прижавшись к толстому стволу ели, напряженно всматривался в противоположный берег, который казался безжизненным. Там мирно дремали густые кустарники, бросая на светлеющую кромку неба контуры своих кудрявых, плотно увенчанных листвой ветвей. Ничто не говорило о том, что за водной преградой расположились советские войска.

Зато на этой стороне Березины, где притаился в лесной чаще отряд Маринина, было неспокойно. Фашисты, оседлав дороги, непрерывно патрулировали вдоль реки на мотоциклах, танках, бронетранспортерах. Ракетчики, находясь где-то слева, то и дело стреляли из ракетниц, озаряя местность бледным мерцающим светом.

Маринин дожидался возвращения своих разведчиков, которым поручил исследовать берег

реки. Наконец разведчики возвратились. Красноармеец Скориков доложил:

— Вот там за изгибом — болото страшнющее! Прямо к берегу подходит. Самое место для переправы. Немцы туда ни-ни...

Через час отряд сосредоточился в зарослях, раскинувшихся на болоте. Даже лошади и те были надежно упрятаны от взора вражеских патрулей, носившихся на мотоциклах по дороге за густым лозняком.

Солдаты деловито, без суеты, готовились к переправе: опустошали и выворачивали карманы, снимали сапоги и плотно, голенищами вниз, пристегивали их ремнями к животу. Тот, кто плохо плавал, собирал хворост, сухой камыш и делал из них вязанки. Для раненых (их было в отряде девять человек) сооружали плот.

Только Либкин не находил себе дела в эти томительные минуты. Мысль, что ему неотвратимо придется шагнуть в неизвестную реку и перебраться через ее широкое русло на далекий противоположный берег, совершенно невидимый для него, приводила в смятение. До этого Семен полагал, что умеет плавать. По крайней мере до войны, отдыхая на Черноморском побережье, во время купанья в море он не пугался, когда из-под ног вдруг исчезало дно. Либкин тогда яростно начинал болтать ногами и ожесточенно шлепать руками впереди себя. Таким способом он мог свободно проплыть метров двенадцать и вернуться на то место, где наверняка под ногами окажется земля.

Сейчас Семен усомнился, что он способен проплыть самостоятельно и двенадцать метров. Даже вязанка сухого хвороста, которую предложили ему бойцы, не успокоила интенданта.

— А если я кувыркнусь под нее? — не унимался Либкин.—И вообще, что это за дикий способ переправы? Кто может мне гарантировать, что этот сноп поплывет вместе со мной через реку, а не вдоль нее — прямо к фашистам?..

Красноармейцы сдержанно посмеивались. Посмеивался и Маринин. Он уже решил переправить Либкина вместе с ранеными на плоту, но пока не говорил об этом. Хотелось до конца испытать людей в трудную минуту.

К переправе все было готово. Ожидали лишь сигнала с противоположного берега, куда Петр отправил сержанта Стогова с двумя бойцами. Наконец после томительного ожидания по ту сторону Березины в небо устремились три очереди трассирующих пуль. Это сигнал, о котором Маринин условился со своими посланцами. Он означал, что отряд может приступить к форсированию реки.

Маринин подал команду. Спустили плот, усадили на него раненых. Затем в воду шагнули лошади, неся на себе по одному седоку.

Маринин приказал Либкину сесть к раненым. Семен рьяно заартачился и самоотверженно шагнул в реку со своей вязанкой хвороста. Петр на минуту задержал его и распорядился прибуксировать вязанку Либкина к плоту...

Когда люди отряда, переправлявшиеся последними, достигли середины Березины, Петр Маринин направил к реке своего коня. В это время фашисты обнаружили переправу. В ночном небе загорелись ракеты, вдоль русла ударили пулеметы, заухали взрывы мин. В ответ с другого берега на гитлеровцев обрушились огнем несколько советских артиллерийских и ми-

нометных батарей, застрочили станковые пулеметы.

Лошадь Маринина, поплясав на вязком берегу, испуганно всхрапывая, ступила в Березину.

Прильнув к гриве коня, Маринин напряженно всматривался вперед, туда, где добирались к противоположному берегу его люди. Каждый фонтан воды, поднимавшийся над рекой от взрыва немецкой мины, болью отдавался в сердце. Кого не досчитается он на той стороне?..

Почти до середины реки беспрепятственно добрался Петр со своим конем, укрытый изгибом русла от вражеских глаз. А на середине, где ездока стало сносить по течению, вдруг справа и слева, впереди и сзади вздыбились в небо оглушительно рокочущие столбы воды и пены. Подводные взрывы мин, казавшиеся со стороны глухими, здесь тупо, больно били по ба-

рабанным перепонкам. В воздухе над бурлящей от взрывов рекой неслись навстречу Петру невидимые, мелкие, как пыль, облака водяных брызг.

Взрыв мины взметнулся рядом. Чудовищная сила схватила Маринина за плечи и вместе с лошадью, завертев, швырнула в водяную бездну. Задыхаясь, Петр вскочил на спину коня, оттолкнулся и усиленно начал грести руками. Еще несколько секунд, и его голова появилась над поверхностью реки.

В десяти метрах от Маринина вынырнула лошадь. Всхрапывая, она поплыла в обратную сторону.

В небе вновь загорелись ракеты, и новые взрывы заухали на реке. Петр лег на спину и, выставив над водой только лицо, энергично заработал руками и ногами. Стопудовыми казались сапоги на ногах, автомат на ремне, наган на боку...

Вдруг в то место, где был пристегнут наган, из-под воды чем-то больно ударило и одновременно оглушило страшным взрывом. Вздыбившийся в небо фонтан обрушился прямо на Маринина, вдавливая его в бурлящие воды Березины.

Тело словно схвачено железными путами. От удара в бок онемели руки и ноги, но мысль работала четко. Петр ясно понимал, что идет ко дну, что еще десяток секунд — и он начнет глотать воду. Нечеловеческими усилиями сбросил с себя железные путы. Почувствовал, что нет на шее автомата. Взмахнул руками и поставил тело в вертикальное положение. Начал грести. Еще взмах руками, еще два взмаха. А вода не размыкается над головой. Один бы глоток воздуха,

одну бы секунду дать передышку легким. Но передышки нет, и он из последних сил рванулся вверх. И река расступилась...

Над Березиной воцарилась тишина. Не ухали больше взрывы мин, не строчили пулеметы. А Петр Маринин все плыл к берегу, оставляя за собой кровавый след.

Где-то из глубины души, из тайников человеческого организма поднялись последние силы. Петр плыл. Словно в бреду почувствовал он, как его подхватили чьи-то руки.

— Знамя,— прошептал он.— У меня на груди знамя...

27

Наступил тринадцатый день войны.

В глубине леса, у зеленых шалашей, где размещался политотдел дивизии, собирались люди. Все переговаривались между собой и нетерпеливо посматривали в сторону грузовика, в кузове которого ожесточенно трещала пишущая машинка.

А над лесом, над примыкавшим к лесу полем с дозревающей пшеницей, над недалекой Березиной, зажатой с двух сторон буйной зеленью, стояла непривычная тишина. Еще не появлялись фашистские бомбардировщики, не неслись из-за реки вражеские снаряды.

Из шалаша показалась могучая фигура старшего батальонного комиссара Маслюкова. Он подошел к грузовику и у «машинистки Маши», как шутливо называли рыжеусого политотдельского писаря, взял страницы бумаги с уже знакомым ему свеженапечатанным текстом. Затем повернулся к столпившимся командирам и политработникам, окинул всех внимательным, оце-

ниваюшим взглядом. Знакомые лица. И в то же время Маслюков видел перед собой совсем других людей, чем те, которых он знал тринадцать дней назад.

Остановил взгляд на младшем политруке Полищуке, своем помощнике по комсомолу. Это он вместе с комиссаром одного из мотострелковых полков организовал под огнем переправу двух батальонов через Березину. Что же изменилось в нем? Тот же острый, нетерпеливый взгляд, та же улыбка — то добрая, то едковатая, та же складка меж бровей. И все-таки это был другой Полищук, с горечью и решимостью в коричневых глазах, с сознанием своей ответственности за все, что происходит вокруг.

Но вокруг уже не та гнетущая атмосфера растерянности и подавленности, какая была в самые первые дни войны. Враг остановлен, хотя неизвестно — надолго ли. Полки дивизии сумели, хотя и потеряв часть техники и личного состава, вырваться из клещей фашистских танковых колонн и уйти за Березину. Сейчас они закопались в земле и держат прочную оборону вдоль восточного берега.

Маслюков увидел, как через просеку переходил строй людей. Это спешил на позиции отряд, который сегодня ночью переправился через Березину из вражеского тыла. Люди усталые, но радостные, оживленные. Да, оправился народ от первого удара...

Подошел полковник Рябов. Потемневшее лицо с ввалившимися, воспаленными глазами, жесткие складки у рта, усталый, озабоченный взгляд... Командиры подтянулись, отдали честь...

— Начнем? — обратился Маслюков к командиру дивизии.

Рябов молча кивнул головой.

— Товарищи! — Голос Маслюкова зазвучал взволнованно, с нотками торжественности.— Получен приказ Военного совета фронта. Это приказ Родины, приказ партии, и каждое слово его, каждую букву мы обязаны донести до сознания, до сердца бойцов и командиров. Наш святой долг — выполнить приказ любой, даже самой дорогой ценой — ценой жизни.

Маслюков начал читать.

...С волнением слушали собравшиеся суровые слова правды. В приказе говорилось, что части нашей армии, располагавшиеся в западных областях Белоруссии, приняли на себя мощный внезапный удар фашистских танковых колонн, что советские воины проявили беспримерные образцы мужества, героизма, самоотверженности. И хотя наряду с этим были случаи растерянности и паники, они пресекались самыми решительными мерами военного времени. В целом, говорилось в приказе, бойцы, командиры и политработники в схватках со злобным, численно превосходящим врагом продемонстрировали горячую любовь к советской Родине, безграничную преданность Коммунистической партии и Советскому правительству. В числе соединений, сохранивших боеспособность, упоминалась и дивизия полковника Рябова.

В подтверждение этих слов старший батальонный комиссар Маслюков рассказал собравшимся и о том, что сегодня ночью работник политотдела дивизии младший политрук Маринин вывел из вражеского тыла крупный отряд бойцов и вынес с собой знамя танковой бригады, прославившейся в боях с фашистами близ границы.

И сейчас, когда враг рвался через Березину,

где на основных участках его встретил сплошной фронт советских войск, Военный совет призывал:

«Не щадить крови и самой жизни во имя победы над врагом. Советская Родина в смертельной опасности!..»

Пять месяцев идет война.

Долгими днями лежала Люба на больничной койке — безмолвная, замкнувшаяся в самой себе. Иногда тишину палаты пробуждала песня, робкая, как первый ручеек весны, грустная. Это пела Люба. По вибрирующим ноткам ее мягкого голоса, по скорби, гнездившейся в уголках губ, медсестра Наташа догадывалась, что мысли, одна не радостней другой, бередят душу подруги. Но больше Люба молчала, и Наташа не знала, как развлечь ее, чем утешить.

Медсестра Наташа — худенькая, остроплечая девушка с маленькими юркими глазками на веснушчатом курносом лице. Такой запомнила ее Люба Яковлева, когда они вместе всего лишь один день работали в госпитале. Знала еще, что Наташа бойка на язык и неутомима в споре.

И вот эта Наташа стала для ослепшей Любы самым близким человеком. Она привезла Любу с фронта в Москву — в клинику знаменитого профессора-окулиста. И уже сколько месяцев они неразлучны. Любе казалось, что рядом с ней — совсем другая Наташа. Не верилось, что у той языкатой и вездесущей Наташи может быть такой голос, полный искренней душевной доброты и ласки.

Сегодня день какой-то особенный. Люба чего-то ждала. На душе было тревожно и тоскливо.

— О чем ты все думаешь, Любашенька? — спросила Наташа, откладывая в сторону клубок шерстяных ниток и недовязанную варежку. — Почему не хочешь поговорить со мной? Или пой лучше. А то прямо плакать хочется...

О многом думала Люба. Часто до мельчайших деталей вспоминала те ужасные минуты, когда горел госпиталь, когда она выхватывала из тлеющих постелей тяжелораненых, беспомощных людей... Если бы раньше покинул ее тогда страх и она не убежала в окоп! Может быть, и горящий потолок рухнул бы лишь после того, как она успела вынести последнего раненого...

Где-то в потайном уголке души Любы теплилась надежда, что профессор вернет ей зрение. С этой надеждой легче было жить. Вот только Наташа... Милая Наташенька! Она все время старается утешить Любу... Не надо!.. В утешениях подруги, в ее робком голосе сквозили жалость и неверие в то, на что так надеялась Люба.

В палату часто заходил ассистент профессора. Люба угадывала его по шаркающим шагам, резкому запаху тройного одеколона, по нарочито уверенному голосу.

— Только не хандрить! — говорил ассистент.— Профессор соорудит вам такие глаза, что ни один парень не устоит...

Ох, зачем ее утешают? Ведь от этого еще труднее.

В коридоре раздались шаркающие шаги, потом в палате запахло тройным одеколоном.

— Как чувствует себя больная? — спросил ассистент. В его голосе Люба уловила что-то такое, что заставило насторожиться.

— Будете снимать повязку? — дрогнувшим голосом отозвалась Люба.

— Повязку? — деланно удивился ассистент. — Прошу в кабинет. Сейчас посмотрим, в каком состоянии ваши глаза. Может, скоро и снимем.

Люба поняла, что наступило время, когда выяснится результат операции, когда решится ее судьба.

Наташа вела Любу по длинному коридору, и Люба чувствовала, как в мелкой дрожи бьется рука подруги. Когда вошли в кабинет профессора, Наташа заметила, что две санитарки, проверявшие, как закрываются темные шторы на окнах, вдруг замерли на месте.

Наташа взволнованно глядела на профессора, на санитарок. Усталое немолодое ли-

цо профессора озабоченно. Он строго посмотрел на Наташу и приложил к губам палец. Затем обратился к Любе:

— Здравствуй, героиня!.. Не надоела тебе еще повязка?

Люба повернула к профессору забинтованное лицо, как бы намереваясь взглянуть ему в глаза, и выжидающе застыла в таком положении. Потом робко спросила:

— Скажите, профессор, это уже?..

— Нет, нет, мы только посмотрим, — ответил торопливо профессор. — Медицина спешки не любит.

— Вы боитесь сказать мне правду?

— Не говори глупостей, садись!.. Не люблю экзальтированных девиц!..

Но почему дрожат руки ассистента, снимающие повязку? И Наташа молчит...

— Открой глаза! — приказал профессор.

Люба почувствовала, что повязки на глазах нет, что непослушно открылись веки с обстриженными ресницами... Но глухая темнота не расступается, Люба ничего не видит...

Декабрь 1941 года. Шестой месяц идет война.

Младший политрук Петр Маринин возвращался из госпиталя на фронт...

Тяжело груженная пятитонка неслась по шоссе, непривычно оживленному для дневного времени. Грузовики со снарядами, тягачи с пушками, колонны танков, цепочки пехоты по обочинам — все это двигалось в том же направлении, куда ехал, сидя в кабине рядом с шофером пятитонки, Петр.

Упрямо продиралось сквозь стремительно не-

сущуюся по небу рваную кисею туч обескровленное солнце. Стыли в морозном воздухе заиндевелые сосны Подмосковья. Зима сковала землю. Зиму сковала война. Поперек заснеженного шоссе — узкий проезд в частоколе ежей из сваренных рельсов и в стене из мешков с песком. Ежи, перемахнув через кюветы в разные стороны, схлестывались с линией проволочных заграждений и убегали в белесую хмурь поля.

Давно остались позади Химки. Шоссе было все таким же запруженным, и Петр опасливо посматривал сквозь боковое стекло во мглистое небо.

— Не бомбят? — спросил он у молчаливого немолодого шофера с потемневшим от усталости лицом и воспаленными глазами.

— Отбомбились, — коротко, простуженным голосом ответил тот. — Теперь сами на брюхе ползают под нашими бомбами.

Петру хотелось расспросить шофера о делах на фронте; ведь уже второй день идет наступление. Но шофер был не из разговорчивых. И Маринин начал читать на пробегавших мимо машины фанерных щитах надписи, звавшие не щадить жизни в борьбе с фашистскими захватчиками.

Вправо и влево от шоссе по унылому заснеженному полю тянулись уходящие вдаль все новые линии железных ежей, опутанных колючей проволокой. Местами громоздились пирамидальные глыбы железобетона — тоже противотанковые препятствия.

Петр перенесся мыслями в Москву. Только сегодня на рассвете приехал он в столицу, и она уже позади. Шумно вздохнув, Маринин поморщился... Досадно. И нужно же было так слу-

читься, что пассажирский поезд, которым он ехал из тылового госпиталя, на двое суток опоздал! Уступал дорогу воинским эшелонам, спешащим на фронт. А Петр не догадался где-нибудь на станции зайти в военную комендатуру и поставить на предписании отметку, что задерживается он не по своей вине.

В Москве его остановил комендантский патруль, потребовал документы. Затем объяснения в комендатуре, сердитый, раздраженный голос майора, рассматривавшего его направление из госпиталя, подозрения в том, что он, младший политрук Маринин, умышленно не спешит на фронт.

Нечего было и думать о том, что ему удастся повидаться в Москве с Любой...

Наконец-то он нашел ее. С благодарностью подумал о незнакомом городе Бугуруслане, в котором находилось Центральное справочное бюро. Узнав, что существует такое, Петр из госпиталя написал туда письмо, надеясь узнать, удалось ли выехать из Киева его старшему брату с семьей. И получил ответ: брат в Ридере, Восточно-Казахстанской области. Наладилась переписка. Брат сообщил Петру адрес Любы Яковлевой. Она разыскала его тоже через справочное бюро. Спрашивала о нем, Пете, писала, что встречалась с ним за Минском, слышала о его гибели, но не верила в нее. Надеялась, сама не зная на что.

А сердитый майор из комендатуры выговаривал Петру за опоздание и грозился трибуналом. В это время привели еще двух задержанных командиров. Они приехали в Москву тем же поездом, что и Петр Маринин. Недоразумение стало очевидным, и майор сменил гнев на ми-

лость. Петр даже осмелился спросить у него, не знает ли он, где находится клиника известного профессора-окулиста, и объяснил, что ему очень нужно справиться о здоровье одной медсестры. Майор подозрительно покосился на Петра и начал куда-то звонить по телефону.

— Медсестра Яковлева находится у вас на излечении? — наконец спросил он в телефонную трубку.

Петр затаил дыхание, не спуская глаз с усталого лица майора, которое было совсем не злым.

— Переключите, пожалуйста, — сказал майор и протянул телефонную трубку Петру. — Садитесь, можете поговорить. Сейчас соединят с тем отделением, где находится она.

И Петр услышал знакомый грустный голос Любы...

Он не мог толком припомнить, что говорил ей, что она отвечала. Все как во сне. Голос его скованный, деревянный; совсем не такой представлялась ему встреча с Любой.

А она плакала и смеялась, бессвязно рассказывала о хирурге-окулисте, который наконец вернул зрение ее одному глазу и обещает спасти второй. Просила писать, но заходить к ней не разрешила. Люба не хотела, чтобы Петр увидел ее со следами ожогов на лице, с повязкой на глазах. В ответ на это Петр назвал ее дурой. Хотел еще что-то сказать, но услышал недовольное покашливание майора: нужно было заканчивать разговор...

За воспоминаниями не заметил, как грузовик свернул с шоссе и уже с трудом пробирался по ухабистой дороге. Наступал вечер, и нужно было успеть разыскать штаб своей дивизии, в которую посчастливилось получить назначение. А машина

все медленнее и медленнее ползла по разбитой колее. Впереди, перед полусгоревшей деревней, — фанерная будка контрольно-пропускного пункта. Девушка-регулировщик в белом полушубке, валенках и шапке-ушанке флажком остановила машину и приказала свернуть в сторону. Почему? Петр нетерпеливо ерзал на сиденье: надо же спешить!

Но из деревни показалась колонна людей. Вели пленных гитлеровцев. Куцые шинельки с поднятыми воротниками, замотанные тряпьем шеи. Петр всматривался в посиневшие от холода, заросшие щетиной лица пленных... Да, это были не те немцы, которых он видел в Белоруссии, не тот вид у них. И Петру стало радостно. Он открыл дверцу кабины и с подножки начал всматриваться вперед. Колонне пленных не видно конца.

— Девушка! — крикнул Петр регулировщице. — А может, господа фашисты посторонятся? Куда им спешить? А у нас снаряды!

Девушка засмеялась и, озорно сверкнув глазами, махнула флажком. Шофер резко тронул машину с места. Пленные шарахнулись в сторону, по колено увязая в снегу.

Деревня осталась позади. Справа и слева к дороге подступал лес. В лесу снег вытоптан, местами чернели закопченные воронки. Петр осматривался. Скоро лес должен кончиться, а там, как ему рассказывали, находится дачный поселок, в котором разместился штаб дивизии.

Чуть в стороне от дороги, за мелким сосняком, заметны неясные очертания каких-то машин. Это совсем рядом. Вдруг там раздался невероятной силы грохот, сверкнули столбы огня, взметнулись

облака снега. От неожиданности шофер выпустил из рук руль, и грузовик рванулся в кювет. Петр выскочил из кабины и плюхнулся в снег.

Когда грохот утих, послышался плачущий голос шофера:

— Черти окаянные! Не могут маяка выставить, чтоб предупреждал...

— Что случилось? Что это? — недоумевал Маринин, оправившись от испуга.

— «Катюши», будь они неладны! — стонал шофер.

Петр, сконфуженный, отряхнулся от снега и только теперь толком разглядел длинную шеренгу машин с какими-то рельсами над кабинами. Вот они какие, «катюши»!..

Грузовик со снарядами безнадежно застрял в кювете. Петр зашел на огневые позиции «катюш», попросил, чтобы помогли вытащить машину, а сам, захватив «сидор» — вещевой мешок, пошел вперед. Нужно было спешить, ведь и так опоздал.

И вот он — дачный поселок, в котором разместился штаб. Разыскал домик политотдела. Но застал там одного писаря — незнакомого Маринину солдата в очках. Писарь сказал, что все политотдельцы в полках, а полковой комиссар Маслюков вот-вот должен приехать. Когда писарь узнал, что Маринин прибыл из резерва «для назначения на вакантную должность по усмотрению командования дивизии», то посоветовал, не теряя времени, идти в четвертую часть штаба и предъявить там предписание, чтобы «стать на довольствие».

Очень пожалел Петр, что послушался совета писаря. Начальником четвертой части оказался Емельянов. Тот самый капитан Емельянов, который под деревней Боровая в конце июня сры-

вал с себя знаки различия командира Красной Армии. Только теперь он уже стал майором.

Как ни странно, встретил майор Емельянов младшего политрука Маринина на первый взгляд радушно. Выслушал рапорт, посмотрел предписание и усадил на табурет перед своим столом.

— Что же мы будем делать? — озабоченно спросил Емельянов, потирая пальцами высокий лоб.

Петр уловил фальшь в голосе майора и напряженно смотрел в его увертливые глаза — холодные, бесстрастные и действительно встревоженные. Отведя взгляд в сторону, Емельянов забарабанил пальцами по столу:

— Понимаете, какая петрушка... Использовать вас нет сейчас никакой возможности...

Петр молча смотрел в красивое, уже без бакенбард, как было в июне, лицо Емельянова. Красивые, полные, четко очерченные губы под смоляного цвета усиками. Но какими-то деревянными были эти губы. Кажется, все детали точеного лица Емельянова жили самостоятельно. Глаза его не подтверждали того, что он говорил. Усмешка, в которой вытягивались губы, не передавалась глазам. Словно кто-то другой выглядывал сквозь глазные щели из этого человека.

— Я политработник, — наконец заговорил и Маринин. — Нет места в газете, пойду в роту...

— Да не в этом дело, — Емельянов от огорчения сморщил лицо. — Понимаете... вы были в окружении, вышли оттуда без удостоверения личности. И непонятно, как еще уцелел партбилет...

— Это что, недоверие? — холодно спросил Петр, еще более насторожившись.

Емельянов передернул плечами, помедлил,

всем своим видом подтверждая, что Маринин понял его правильно. Потом сказал:

— Давайте не будем усложнять этот вопрос. Я вам советую возвратиться в резерв политотдела армии, а там решат, где вас лучше использовать.

— В резерве мне делать нечего... А во-вторых, я зашел к вам только для того, чтобы включили меня в строевую записку. А где служить буду — начальник политодела решит...

— Зря, зря вы горячитесь, — миролюбиво ответил Емельянов. — Я ведь тоже здесь что-то да значу... И боюсь, что все-таки вам придется...

— Вам нечего за меня бояться! — вскипел вдруг Маринин. И, гневно глядя в глаза Емельянову, уже не владея собой, со слезами в голосе твердо выговаривал: — Я никогда в бою не трусил, никогда не снимал с себя формы, в которую меня одела Родина, не бросал с этой формой документов, как это делали некоторые военные за Минском...

Ни Емельянов, ни Маринин не видели, что в полуоткрытых дверях стояли Маслюков и Рябов, прислушиваясь к их разговору.

— Встать! — заорал на Маринина побагровевший Емельянов. — Что это за дурацкие намеки?!

Маринин медленно поднялся, принял стойку «смирно» и, овладев собой, уже спокойно смотрел на майора.

И тут Емельянов заметил начальство. После короткого замешательства он выскочил из-за стола, попытался доложить Рябову:

— Товарищ генерал-майор...

Рябов махнул на него рукой, заставив умолкнуть, а Маслюков шагнул к Маринину, обнял за плечи.

— Наконец-то явился, бродяга!.. Ну, основательно подремонтировали тебя? — рокотал бас начальника политотдела.

— Здравствуйте, товарищ полковой комиссар! — обрадовался и смутился Петр. — Стою, как видите, крепко.

— Стой, стой! Держись, не поддавайся! — добродушно посмеивался Рябов, пожимая Маринину руку. Затем, кивнув головой в сторону Емельянова, спросил: — Чего сцепились?

— Недостойно дерзит, товарищ генерал! — пожаловался Емельянов командиру дивизии.

— Ай, Маринин, Маринин... — качал головой Рябов, похохатывая. — Дерзите, да еще недостойно. Достойно надо дерзить!

А Маслюков почему-то умолк, посуровел, над чем-то раздумывая. Вдруг он уставил твердый взгляд на майора Емельянова и, обращаясь к Маринину, промолвил:

— Ты сейчас говорил о людях, которые за Минском сбрасывали с себя командирскую форму. А ну, уточни-ка.

Петр опустил глаза, приглушенно сказал:

— Разрешите мне не отвечать на этот вопрос... Старая история.

— Старая история... — задумчиво произнес Маслюков, все еще не спуская сурового взгляда с растерянного Емельянова. — Я думал, что тогда речь шла о чужом капитане, не из нашего штаба. И очень жалел, что не добрался до него...

— А-а, понятно, — перебил его Рябов, что-то припоминая. — Речь идет о ловушке под Боровой?!

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рябов. Он положил руку на плечо Маринину и задумчиво произнес:

— Запомните, младший политрук,—если в бою кто-нибудь струсил, это не «история» и тем более не старая. Это — напрасно пролитая кровь людская. И никогда, никому ее прощать нельзя. Верно?

Маринин, прямо глядя в глаза Рябова — суровые и вопрошающие, — в знак согласия кивнул головой. А тот, в белом полушубке, шапке, румяный с мороза, весь дыша силой и энергией, продолжал:

— Вот вы, коммунист, не испугались врага, хотя в июне, там, за Минском, за Березиной, было очень, очень страшно. Верю: не струсите и впредь... Партия воспитала молодежь с крепким позвонком и гордым сердцем. Не зазнавайтесь только. Я, как старый коммунист, бывший рабочий, говорю вам эти слова для того, чтобы вы, в чьих руках будущее, всегда напоминали об этом молодежи. Когда наступит мирное, светлое завтра, обязательно скажите ей: «Товарищи! Не забывайте, что счастье... ковать... трудно... Умейте ценить жизнь, которой вы живете! Помните, что она принесена вам в муках и крови. И если среди вас найдутся нытики и хлюпики — презирайте их! В трудную минуту они спрячутся за ваши спины, они не пойдут первыми в атаку на врага! Настоящий человек не должен сдаваться...» — Генерал Рябов резко повернулся к Емельянову. — А вы в первом же бою сдались! Потом еще за героя себя выдали... Придется начинать вам все сначала.

Раскинувшийся на берегах небольшой речки дачный поселок содрогался от рева моторов. Из недалекого леса на центральную улицу поселка

выползала нескончаемая вереница тракторов-тягачей с тяжелыми пушками на прицепе. Петр Маринин стоял на обочине и с восхищением смотрел на массивные стволы орудий, на оживленные лица артиллеристов. Западный фронт наступал, тот самый фронт, который из Западной Белоруссии откатился под Москву... Да, пришли другие времена.

Облегченно вздохнув и выбив ударом сапога вмерзшую в лед еловую шишку, Маринин направился вслед за тягачами разыскивать полк, куда он назначен комсоргом. Полк находился в движении, и его придется догонять, может, целую ночь пешком или на попутных машинах, по заминированной местности. И пусть! Ведь вперед, на запад пошли, в ту сторону, откуда начали наступать фашисты.

И хотя еще много, ой, как много беды на нашей земле, беды, принесенной фашистами, уже не давит на сердце гнетущее чувство. Тверже земля под ногами, зорче взгляд, крепче рука. А вокруг несметные силы: первоклассная техника, выкованная на советских заводах, и люди, полные решимости и отваги. Теперь можно померяться силами с фашистами, пора отплатить им за все — смерти, пожарища, разорение, за позор отступления, который перенес Петр Маринин и тысячи таких, как он.

Никогда больше не повторится для Советской Армии июнь 1941 года!

СЛЕДОПЫТЫ

СЕРЖАНТ ПЛАТОНОВ

Сержанту Ивану Платонову не повезло. Как ни добивался, а вернуться в родной полк после лечения в госпитале ему не удалось. И вот он в штабе незнакомого полка получил бумажку, в которой написано, что сержант Платонов назначается во взвод пешей разведки на должность командира отделения.

По скользким ступенькам он вышел из землянки помощника начальника штаба, щеголеватого капитана, и оглянулся вокруг. Среди густого соснового леса возвышались замаскированные накаты блиндажей и землянок.

«Обжитое местечко», — подумал Иван, примечая заржавелые трубы-дымоходы, жердевые дорожки, выстеленные по раскисшей земле, стопки свеженаколотых дров у зияющих темнотой дыр — входов в лесные жилища. Он прислушался. Дыхание переднего края отчетливо доносилось сюда. Где-то далеко грохали разрывы мин, приглушенно бухал крупнокалиберный пулемет, высоко в небе надрывно, с придыханием гудел немецкий самолет-разведчик. И вдруг среди этих

грозных звуков Платонов совсем рядом услышал тоненькое и звонкое:

«Тень-тень-тень!»

«Пеночка! — догадался Иван и тут же разглядел на сосновой ветке желтовато-белесую грудку лесной пичужки. — Уже прилетела! Как у нас, в тайге...»

Веселое, беззаботное теньканье пеночки точно встряхнуло Платонова. Кажется, он только сейчас заметил, что вокруг в полном разгаре весна. И его лицо, широкое, курносое, с острыми живыми глазами под рыжей взлохмаченной щетиной бровей, посветлело; распрямились чуть сутулые плечи.

Сержант закинул за спину вещевой мешок с нехитрыми солдатскими пожитками и пошел искать землянку разведчиков. Она, как сказал ему помощник начальника штаба, находилась где-то по ту сторону дороги.

На дороге, которая, огибая землянки, убегала в глубь леса, стояла легковая машина. Возле нее топтался шофер — высокий худощавый парень в синем комбинезоне. Увидев Платонова, шофер окликнул его:

— Дорогуша, дай-ка спичечку — прикурить нечем!

Платонов подошел к машине. Не торопясь, засунул руку в карман, достал зажигалку, энергично крутнул большим пальцем колесико с насечкой и, поднося зажигалку шоферу, назидательно сказал:

— Огонек у солдата всегда должен быть.

Шофер прикуривал долго, старательно (видать, сырой табак завернул), потом сделал несколько глубоких затяжек и лишь после этого удостоил сержанта беглым, коротким взглядом:

— Учитель выискался!

Платонов спрятал зажигалку и укоризненно посмотрел шоферу в лицо — молодое, с нагловатыми и чуть навыкате глазами.

— Учить-то тебя нужно. Да построже! Вот ты возишь своего начальника и, кроме баранки, ничего не хочешь знать. Хоть бы грязь от блиндажа отгреб. Нога небось больная у него?..

— А вы, что же, бывали возле моей землянки? — услышал вдруг Платонов голос за своей спиной.

Иван повернулся и увидел перед собой высокого, худощавого мужчину в коричневой кожанке до колен. Под кожанкой над голенищами сапог разглядел генеральский лампас. Это был командир дивизии Чернядьев.

— И откуда вам, товарищ сержант, известно, что у меня нога болит? — В голосе генерала чувствовалось любопытство.

Поборов минутное замешательство, Платонов выпрямился и ответил:

— Я, товарищ генерал, сибиряк-охотник.

— Ну и что же?

— Умею немного читать написанное на земле.

— Где же вы прочитали, что возле моей землянки еще не просохло?

— А вот глина на подножке машины. След сапога тоже в глине. — Платонов указал на нерастаявший пласт почерневшего снега, куда ступал генерал, выйдя из «эмки».

— А о ноге?.. — все больше заинтересовывался командир дивизии.

— Это тоже по следам видать: шаг правой ноги широкий, след глубокий. А левой ступали осторожно — след мелкий, шаг узкий. Наверно, ранена левая нога.

Генерал одобрительно усмехнулся.

— Правильно. И логично... Как ваша фамилия?

— Сержант Платонов, назначен командиром отделения во взвод полковой разведки.

Генерал пристальным, опытным взглядом смотрел на Платонова. Простое, с хитринкой в глазах лицо сержанта, его крепкая фигура в сильно поношенной, но не мятой шинели, сапоги чистые, словно вокруг не ранняя весна, не грязь по колено, — все это понравилось командиру дивизии. Он видел перед собой человека дельного и, что называется, военную косточку.

— Желаю, товарищ Платонов, удачи на новом месте. Ваша практика следопыта, ой как пригодится в разведке!

Генерал пожал Платонову руку и сел в машину.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Тесноватая полумрачная землянка с обшитыми фанерой стенами. Тусклый свет пробивается внутрь сквозь два окошка, приплюснутые к земле. Глядишь в них и видишь мшистые кочки между стволами сосен, замечаешь первые побеги молодой травы. Иногда в правом окошке видны сапоги солдата-автоматчика — часового.

Генерал Чернядьев молча ходит по скрипучим половицам землянки и слышит, как под ними хлюпает вода. Ясное дело — весна! А весна на северо-западе, в приильменских лесах,— это значит вода в землянках, блиндажах, траншеях; дороги и тропы утопают в жидкой рыжеватой тине.

Высокий, костистый, одетый в обыкновенную телогрейку, Чернядьев ничем не напоминал генерала, разве только красные лампасы на бриджах говорили об этом. Лицо его — смуглое, чуть желтоватое, голова стриженая, глаза под низко опущенными бровями — острые, строгие.

Чернядьеву не по себе. Случилось чрезвычайное происшествие: в левофланговом полку пропал солдат Дмитрий Кедров. Вчера днем Чернядьев приказал, чтобы Кедрова прислали в штаб дивизии, и похоже, что по дороге его украли немецкие разведчики, забравшиеся в наш тыл.

Приняты все меры, чтобы не позволить вражеским лазутчикам вернуться за линию фронта, прочесывается лес в районе тылов полка. Но результатов пока никаких. А время идет...

Командир дивизии неспроста вызывал к себе солдата Кедрова. Дело в том, что в дивизию должен был приехать представитель делегации трудящихся Ивановской области, которая привезла фронтовикам подарки. И представитель этот, как сообщили генералу Чернядьеву по телефону, — родной отец этого солдата. Отец, разумеется, очень хочет повидаться с сыном и попросился именно в дивизию Чернядьева, затерянную в глуши приильменских лесов и болот. И вместо свидания с сыном его ждет такая весть...

В землянку вошел адъютант — молоденький стройный лейтенант. На машине генерала он ездил за гостем в соседнюю дивизию.

— Товарищ генерал, ваше приказание выполнено, — доложил лейтенант.

— Привез? — перебил его Чернядьев. — Приглашай ко мне, — и генерал глубоко вздохнул...

В землянке появился среднего роста старичок лет за шестьдесят в новом полушубке, хотя на дворе весна, в рыжем картузе, с негустой бородкой, усами неопределенного цвета.

Прищурив глаза, старик осмотрел землянку, остановил недоверчивый взгляд на телогрейке Чернядьева и, только заметив красные лампасы, снял фуражку и представился:

— Лука Сильвестрович Кедров, из колхоза «Заря коммунизма». Приехал, так сказать, по делу связи народа с армией. Ну, еще, конечно, с сыном повидаться хочу. Есть слух, что он здесь у вас службу служит.

Чернядьев подошел к Луке Сильвестровичу, поздоровался, взял его под руку и провел к столу.

— Очень рады народным представителям. Садитесь, — пригласил генерал. — А сынок ваш действительно у нас воюет.

Старый Лука удобно уселся в раскладное полукресло, пошатал ногой половицу и, услышав, как плещется там вода, укоризненно посмотрел на генерала.

— Что, папаша? — спросил Чернядьев, улавливая знакомый с детства и такой приятный запах дегтя, который источали сапоги гостя.

— Раз в генеральской хате под ногами булькает, так что уж говорить о солдатских.

— Время сейчас такое. Потоп. Но солдаты у нас молодцы!

— Вот это верно! — оживился Лука Сильвестрович, разглаживая обеими руками бородку.— Взять хотя бы моего Митяя. Так он до всего привычный. Старуха моя померла давно, когда Мите еще восемь годков было. И мы с ним бывало сами и стирали, и варили, и в доме белили.

Да что я говорю! Вы же знаете Митяя! — воскликнул Лука Сильвестрович. — Или вы не знаете его?

— Как же, в полку все знают Кедрова, хороший парень, — неопределенно ответил генерал. Он не хотел огорчать старика: с его Митяем Чернядьеву действительно не довелось познакомиться.

— Вот именно, хороший парняга!

Старик тяжело вздохнул и высморкался в платок. Как бы для самого себя сказал:

— Ушел Митя на фронт — и дом опустел. Теперь сам я с хозяйством управляюсь. По-стариковски живу, без радости. Только и утехи, что дела колхозные да думки о тех временах, когда Митяй домой вернется.

На столе зазвенел телефон. Лука Сильвестрович, напуганный неожиданным звонком, вскочил с места и непонятно для чего надел фуражку.

Генерал Чернядьев, отвернувшись к окошку, взял трубку. Командир левофлангового полка сообщал, что розыски рядового Кедрова пока безрезультатны.

Генерал помолчал, потом вдруг оживленно заговорил:

— А вы разведчиков привлеките. Особенно новенького, сержанта Платонова. Он следопыт.

— Его и привлекли. Ищет.

Чернядьев положил трубку и серьезным, задумчивым взглядом посмотрел на старика. Тот уже сидел на своем месте, позабыв снять фуражку.

— Ну, продолжим наш разговор, — сказал генерал.

— Продолжим, — согласился Лука Сильвестрович.

СЛЕД НАЙДЕН

В лесу уже начинали цвести орешник, ольха, осина. Их большие пушистые сережки стряхивали с себя пыльцу и распространяли вокруг пряный запах.

Иван Платонов вел группу разведчиков на задание. Под ногами шуршал мокрый прошлогодний лист, чмокали пропитанные водой кочки. Сквозь лапчатые кроны елей и сосен на землю падали косые лучи утреннего солнца. В лесу было светло и, несмотря на сырость, празднично.

Следом за Платоновым шла цепочка солдат: приземистый коротышка Атаев — скуластый и желтолицый; Зубарев — с побитым оспой лицом, остроносый и сероглазый; чернобровый красавец Шевченко — высокий и стройный как дубок; силач Савельев, который может так далеко забросить гранату, что она, не долетев до земли, взрывается. Цепочку замыкал Скиба — неразговорчивый солдат с большими черными глазами на продолговатом лице.

Шли молча. Каждый думал об одном и том же: трудная задача выпала на долю разведчиков — что-нибудь разузнать об исчезнувшем вчера Дмитрии Кедрове, солдате из первой роты. Многие разведчики знали Кедрова.

Однако как выяснить, что стряслось с ним? Где найти его следы в этом без конца и края лесу?

Правда, сержант Платонов уже имел кое-какие сведения. Было известно, что Кедров вчера в два часа дня, направляясь в штаб дивизии, ушел с командного пункта роты на КП батальона. Старшина приказал ему попутно захватить в батальон термос из-под пищи. На командном

пункте батальона Кедрова не видели. Значит, исчез он, не дойдя до КП.

Но кто мог указать след, оставленный где-либо ногой Кедрова? Никто. Конечно, не так уж много людей проходит между передним краем и КП батальона. Да и в первую роту ходят все только над ручьем, правый берег которого несколько подсох. Можно понаблюдать за следами, оставленными на этой тропе.

Пошли мимо укрытых в густом подлеске блиндажей командного пункта батальона. До переднего края рукой подать. Слева лес просвечивается, меж стволов сосен виднеется приземистое мелколесье. Оттуда доносятся неторопливые выстрелы, с той же стороны изредка летят, воя над головой, мины. Они падают где-то в глубине леса, и эхо от разрывов хлестко бьет по ушам.

Вот и изгиб лесного ручья. Вода в нем течет неторопливо. И поэтому левый более низкий берег заболочен. Правый — возвышенный, сухой, заросший кустами лещины и чернотала. Между кустами юлит тропинка.

Платонов остановил разведчиков.

— Ну что ж, начнем? — спросил он, поправляя на себе автомат, брезентовую сумку на ремне и сдвигая набок кожаный чехол с биноклем.

— Начнем, — отозвался словоохотливый Зубарев, и его лицо приняло деловитое выражение.

Иван Платонов уже две недели командовал отделением. За это время он кое-чему научил своих солдат. Однако не все они еще верили в то, что следопытство может пригодиться на войне. «Это вам не на зайца зимой ходить», — не раз говорил расчетливый и осторожный Петр Скиба.

— Начнем с того, что найдем чей-нибудь след, оставленный вчера, — сказал Платонов. — Вчера погода была солнечная, небольшой ветер.

Разведчики рассыпались вдоль тропы. Было похоже, что они что-то потеряли и теперь старательно ищут.

Первым подал голос Шевченко:

— Вот след, оставленный, пожалуй, вчера, когда солнце стояло еще высоко.

Игнат Шевченко делал успехи в следопытстве. Платонов заметил сообразительность этого солдата на первых же занятиях. Однако не в меру торопливый и горячий, любивший быть первым среди товарищей, Игнат часто ошибался, не учитывал какой-либо мелочи.

Платонов подошел к Шевченко и внимательно посмотрел на вмятину, оставленную чьей-то ногой в сыром грунте, пощупал ее пальцем. На этот раз Игнат не ошибся: дно следа было подсушенным, комочки грязи, выброшенные вперед носком сапога, затвердели. Значит, след не свежий.

— А вот этот же след под кустом, — продолжал Игнат развивать свою мысль, — выглядит свеженьким, вроде его только сейчас отпечатали. Потому что в тени. А тень в этом месте была вчера во второй половине дня.

Платонов удовлетворенно хмыкнул и сказал разведчикам:

— Точно таким же должен выглядеть след, который мы ищем. На следы в тех местах, где вчера после обеда была тень, не обращать внимания.

Теперь разведчикам предстояло сделать самое трудное: «привязаться к следу», который оставил где-то на этой тропе исчезнувший вчера Дмит-

рий Кедров, найти то место, где он свернул с тропы.

Тихо шелестят листья на кустах чернотала и осины, мерно покачиваются под свежим весенним ветерком ветви стройных елей. Между ними видна голубизна апрельского неба, прозрачная и глубокая. Легко дышит грудь, в руках, в плечах, во всем теле чувствуется прилив сил. Но на душе неспокойно. Иван Платонов, шагая по тропе, хмурит свои рыжеватые брови, крепко сжимает правой рукой шейку приклада автомата и смотрит себе под ноги. Ничто не ускользает от его зоркого взгляда. Он видит, что не так давно по тропе, в сторону переднего края, прошли двое людей. Вмятины, оставленные сапогами на непросохшей земле, глубокие, шаг — узкий. Ясно, что они несли на себе какой-то груз. А вот вчерашние следы: один отпечатан сапогами, у которых скошены каблуки, а на носках железные косячки; второй сделан человеком, сильно выворачивающим наружу носки. А здесь кто-то прошел в ботинках. На их подошвах — шесть шипов. Этот след наиболее приметный.

«И угораздило его пропасть в такой день!» — вздыхает Платонов. Он слышал от начальника разведки, что Кедров шел на свидание со своим отцом и... не дошел даже до командного пункта батальона.

Платонов пытается представить отца незнакомого ему Дмитрия Кедрова, но перед мысленным взором встает его — Ивана — отец. Платонов видит далекую, затерянную в тайге, на берегу сибирской реки, заснеженную деревеньку, видит отца. Вспомнилось, как когда-то зимой они с отцом (Иван тогда еще был подростком) убили в тайге медведя. Отец связал убитому

зверю лапы, продел между ними толстый кол. Потом, окинув Ванюшку оценивающим взглядом, спросил: «Понесем или сбегаешь за дядькой Прохором?» — «Понесем», — баском ответил Иван. И они взвалили медведя на плечи. Ой, как длинен был путь в деревню! У Ивана ломило плечо под тяжестью. Но он, стиснув зубы, ступал нога в ногу с отцом. «Передохнем?» — спрашивал отец. «Нет, еще малость пройдем», — отвечал Иван и смотрел под ноги, боясь, как бы не споткнуться и не упасть. А перед глазами плыли темные круги. Наконец отец не выдержал, остановился. Медведя положили на дорогу. «Нельзя, Ванюшка, надрываться, — сказал батька, — силу нужно с умом расходовать». — «А я с умом», — упрямо ответил Иван и украдкой бросил в рот горсть снега.

Платонов представил себе, что это его старый отец приехал сейчас на фронт и дожидается своего Ивана где-то в штабной землянке. Но Ивана не могут найти, и отец начинает догадываться, что его нет в живых.

Платонов снова вздыхает и старается сосредоточиться на следах. Посторонние мысли мешают.

Перед глазами та же тропинка со знакомыми отпечатками обутых человеческих ног. И вдруг заметил, что следы ботинок с шестью шипами исчезли. Остановился, оглянулся назад. Подошли другие разведчики. Теперь все видели, что человек, обутый в ботинки с шипами, прошедший вчера по тропе, у непросохшей лужи потоптался на месте и свернул вправо к кустам. Ничего, конечно, в этом не было удивительного. Мало ли зачем нужно человеку свернуть в сторону. Но Платонова насторожило другое: на тропе,

здесь же у лужи, он увидел новый, совершенно незнакомый след вчерашней давности, направленный носками навстречу разведчикам.

Иван присел над отпечатком подошвы сапога, внимательно рассмотрел его. След — ничем не примечательный. На обнаженном сыром грунте хорошо видна широкая вмятина от каблука с железным косячком. Косячки стертые, и шляпки гвоздей не отпечатались.

В стороне от тропы вытоптана пожухлая прошлогодняя трава. Похоже, что в этом месте двое встретившихся людей долго стояли, переступая с ноги на ногу.

— Смотрите, — вдруг шепотом произнес Игнат Шевченко. — Пуговица.

Шевченко подал Платонову пуговицу, которую нашел в траве.

Взглянув на находку, Платонов почувствовал, как у него быстро-быстро забилось сердце и к лицу прихлынула кровь. Эта обыкновённая шинельная пуговица говорила ему больше, чем все следы на тропе. По ниткам, которые остались в ушке пуговицы, и по клочкам сукна не трудно догадаться, что пуговица оторвана с силой. Значит, в этом месте, у куста чернотала, была схватка.

Платонов развел руками в стороны, дав разведчикам понять, чтобы они посторонились, а сам внимательно начал осматривать место, где была найдена пуговица. Он без труда обнаружил, что три пары следов (их отпечатали ботинки с шипами на подошвах, сапоги с железными косячками на каблуках и еще чьи-то незнакомые сапоги) вели в глубь леса. Шире, чем обычные шаги, неполные и нечеткие следы ног свидетельствовали о том, что люди здесь бежа-

ли. Зачем? От кого? Это требовалось разгадать.

Следы привели к глубокой воронке среди кустов. Здесь, под грудой прелого листа и сушняка, обнаружили карабин и широкий металлический термос с откидными хомутиками, с винтами-барашками. Сомнений больше не было: след с оттиском железного стертого косячка на каблуке принадлежал Кедрову.

ВСТРЕЧА НА ТРОПЕ

Когда Дмитрию Кедрову передали, что его вызывает в штаб дивизии сам генерал, он не поверил. В блиндаж, где отдыхали солдаты, зашел командир взвода и приказал Кедрову собираться.

Дмитрий струхнул:

— Зачем это я понадобился командиру дивизии?..

А товарищи, хотя тоже недоумевали по поводу столь необычайного события, все же подшучивали над Кедровым. Особенно донимал Дмитрия острый на язык пулеметчик Новоселов:

— Чего тут непонятного? Ты же талант, Кедров, поговорить умеешь! Вот и назначит тебя генерал оратором дивизионного масштаба.

— Отвяжись! — сварливо отвечал Дмитрий. — Может, меня парикмахером назначат, так я с твоего языка начну. Больно длинный.

Дмитрий был недоволен тем, что ему приказали попутно занести на командный пункт батальона и передать старшине хозвзвода термос из-под каши:

«Таскайся с этой посудиной. А там еще старшина мыть ее заставит».

— Нет, ты все же талант, Кедров, — не унимался Новоселов. — Радио вполне можешь заменить. Узнал генерал, какой ты говорун, вот и решил послушать.

Кедров махнул на него рукой, взвалил на спину термос, взял карабин и протиснулся в узкую щель, соединявшую блиндаж с траншеей. Дмитрий был убежден, что разговорчивость человека — не такое уж плохое качество. В самом деле, что это за человек, если он слова отпускает в час по чайной ложке? С таким помрешь от скуки. Другое дело он, Дмитрий Кедров. За словом к соседу не пойдет, но и пустомелей или каким-нибудь пустобрехом себя не считает. С понятием же он человек!

Вот, скажем, приказал ему вчера командир отделения замолчать, когда из боевого охранения вернулись. А зря приказал. Затеял Кедров разговор о том, какими гвоздями лучше подметки подбивать — железными или деревянными. Кто толковее его рассказать об этом может? Никто. А Кедров расскажет, и как полагается. Он знает, что самые крепкие гвозди получаются из проскурины и ее нужно заготовлять для гвоздей зимой. А как сушить гвозди? Кедров тоже знает: вначале напилить из проскурины качалочек, потом их сушить — лучше на солнце, постепенно. Затем качалочки поколоть на плашечки такой толщины, какие требуются гвозди. Эти плашечки опять сушить. А когда из плашечек наколешь гвоздей, их можно досушивать уже в печке, перед пламенем. И гвозди получаются крепче железных!

Но разве можно на этом заканчивать разговор о гвоздях? Никак нельзя! Сила гвоздя еще в другом: как забьешь его подошву или подмет-

ку, да как затем ножичком стешешь верхний кончик...

Словом, о многом может с понятием говорить Дмитрий Кедров. Взять хотя бы вопрос о зверях в Африке или о выращивании саженцев на Севере. А о самоходном комбайне или о «катюше», которая на его глазах стреляла такими снарядами, как гробы, или о том, как быстрее выбрать брод через речку! Да мало ли о чем может говорить Кедров?

Дмитрий никак не был согласен с мнением, что разговорчивость не украшает человека. Ведь разговаривать — значит мыслить, понимать, добиваться какой-то истины. Он терпеть не может людей-загадок. Бывает, сидит солдат в окопе и такое у него глубокомыслие на лице написано, вроде он обдумывает стратегическую операцию. На самом же деле про себя ругает повара, что кашу привез подгорелую и теперь у него изжога. Ругал бы лучше вслух! Молчать с умным лицом ни к чему.

«Но зачем же вызывают меня в штаб дивизии?» — в который раз спрашивал себя Кедров.

Ход сообщения вел к недалекому кустарнику, за которым можно было идти, не опасаясь обстрела. Под ногами чмокала грязь. Стенки были мокрыми и липкими. Зато над головой ярко светило солнце и там же, в поднебесье, весело пел жаворонок. Дмитрию хотелось скорее добраться до кустов, до леса, чтобы можно было шагать, выпрямившись в полный рост. И вдруг он остановился, пораженный внезапной догадкой:

«Так вот для чего меня позвали!»

Два дня назад над позицией роты низко проплыл в сторону Старой Руссы трехмоторный

немецкий транспортный самолет. Он появился из-за леса так неожиданно, что по нему даже не успели открыть огонь. Только Кедров, наблюдавший в это время за противником, послал в самолет три пули. И был убежден, что не промахнулся. Ему показалось, что самолет задымил и пошел на снижение. Дмитрий даже закричал:

— Сбил! Сбил транспортника.

Из блиндажа выскочили солдаты. Нашлись охотники немедленно идти в лес разыскивать самолет. Но командир взвода позвонил на огневые позиции артиллеристов, которые стоят в тылу, и те сообщили, что самолет благополучно проплыл дальше. А Кедров не верил: был убежден, что самолет далеко не протянет. И теперь, наверное, выяснилось, что транспортник упал, вот и вызывают его, Дмитрия Кедрова, к генералу, чтоб награду вручить.

Этой ошеломляющей новостью, которую узнал сам от себя, Дмитрий тут же поделился с солдатом-связистом, встретившимся ему на пути. Потом зашел на батарею к минометчикам и, наговорившись вволю о сбитом им самолете и ордене, который он идет получать, зашагал по тропинке на командный пункт батальона.

Было обидно, что нет попутчиков и не с кем потолковать. Тропинка, бежавшая над ручьем, как назло, пустынна.

Но вот, кажется, повезло Кедрову. Навстречу ему шел какой-то ефрейтор — высокий, худой. Шинель висела на нем кое-как, на ногах ботинки с обмотками, через плечо — автомат. Хоть и незнакомый ефрейтор, но поговорить можно. И вдруг еще издали он крикнул Кедрову:

— Связной?!

— Никак нет, связным не являюсь, — ответил

Дмитрий, собираясь уже начать разговор о том, почему служба связного для него не подходит.

— Все равно, — сказал ефрейтор, подойдя вплотную к Кедрову.— Почему писем от солдат не захватил? В штаб же небось идешь? Теперь мне из-за тебя тащить черт знает куда!

Дмитрий растерянно развел руками:

— Не говорили мне о письмах. Вот термос приказали захватить...

— Шляпа! Сам должен знать. Как бы хорошо было: ты принес бы оттуда письма, а я с тобой туда передал бы. Смотри, целая сумка накопилась!

— Не могу я писем в роту взять, потому что в самый штаб дивизии иду. Орден за сбитый самолет получать, — ответил Кедров.

Ефрейтор окинул Кедрова с ног до головы оценивающим взглядом, потом почему-то оглянулся назад и вправо — на кусты.

— А мне, случайно, там нет письмеца? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Как фамилия?

— Дмитрий Кедров, из Ивановской области.

— Кажется, есть. Отойдем в сторону, где посуше.

Дмитрий обрадованно шагнул в сторону, отводя руками от лица упругие ветки чернотала. Из кустов дохнула свежесть, прохлада, в нос ударил горьковатый запах прелой листвы. Под ногами почмокивала пропитавшаяся вешними водами земля. Во всем чувствовалась весна, и поэтому еще радостнее было на душе.

Вдруг шедший впереди Кедрова высокий, сухопарый ефрейтор резко повернулся и молниеносно выбросил вперед сжатую в кулак руку. Тупая боль перехватила дыхание и затуманила

сознание Дмитрия Кедрова. Исчез лес, исчезли запахи весны...

Дмитрий пришел в себя, когда чьи-то крепкие руки волокли его в глубь леса. Он рванулся всем телом и тотчас оказался на земле. На него навалились трое.

— Что вы делаете?! — закричал Кедров, не понимая, что происходит. — Где мой карабин?

Дмитрий почувствовал, что ни карабина на плече, ни термоса за спиной нет.

— Чего коленкой жмешь, дурак?! Больно же! — Дмитрий пытался стряхнуть с себя ефрейтора, худая, острая коленка которого давила его к земле.

Ефрейтор убрал коленку, и Кедрова поставили на ноги, но рук не отпустили.

Кедров оглянулся на двух державших его солдат с нахмуренными, настороженными глазами, на ефрейтора, который, сутулясь, отряхивал свою шинель, на стройного военного в офицерской шинели с двумя кубиками в голубых петлицах.

— Товарищ лейтенант, — обратился Кедров к офицеру. — Что же это получается, почему безобразничают?!

— Заткнись! — крикнул в ответ лейтенант, и Кедров успел рассмотреть его крепкие, большие, чуть желтоватые зубы.

«Вот жеребец!» — некстати подумал Кедров, с недоумением глядя в продолговатое, молодое лицо неизвестного офицера. И тут Дмитрий услышал, что офицер заговорил... по-немецки. Он что-то приказал двум державшим Кедрова солдатам, и те проворно скрутили назад его руки.

Дмитрий Кедров почувствовал, как от груди его побежал холодок — вниз, к ногам, и ноги

тотчас же одеревенели, и вверх — к голове, и глаза перестали ощущать пространство, шея точно задубела, а в ушах унывно запели колокольчики.

«Так это же фашисты!» — пронеслась мысль, и Дмитрию показалось, что эта мысль возникла не в голове, а прилетела откуда-то извне и, физически ощутимая, ворвалась в душу, железными тисками схватила за сердце.

Вдруг Дмитрий услышал, как четкой дробью ляскают его зубы. Словно издалека донесся булькающий смех «ефрейтора». По-гусиному вытянув вперед голову на длинной шее, он хохотал над Кедровым.

И страх неожиданно прошел. Смех переодетого фашиста точно отпустил тиски, сжимавшие сердце. Страх улетучился несмотря на то, что Дмитрий со всей отчетливостью понял безвыходность своего положения: он попал в руки проникших к нам в тыл переодетых немецких разведчиков. Бессильной злобой загорелись его глаза. Ему захотелось закричать сейчас на весь лес, закричать так, чтобы услышали в траншеях роты, на командном пункте. Но услышали не только о том, что он, Дмитрий Кедров, попал в беду, а и о том, что здесь находится враг, он рядом и его нужно уничтожить.

Гитлеровец в форме советского летчика-лейтенанта догадался о намерении Кедрова. С угрожающим видом он поднес к его лицу кинжал, а солдаты проворно завязали рот полотенцем.

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ

Целый час пробиралась группа фашистских разведчиков сквозь густые лесные заросли, вброд переправлялась через заболоченные

ручьи, ведя с собой связанного Дмитрия Кедрова. Остановились на небольшой возвышенности, где земля немного просохла.

Кедрова тотчас же уложили под сосну, связали ему куском бечевки ноги и словно забыли о нем.

Дмитрий повернулся на бок, поджал под себя коленки и притих. Все происходившее казалось ему кошмарным сном. Он слышал, как гитлеровцы о чем-то переговаривались, видел, как «летчик-лейтенант» вытащил из солдатского вещмешка два небольших зеленых ящичка, установил их на земле на двух поленьях, надел наушники. Над одним из ящичков взметнулась вверх короткая металлическая тросточка-антенна. «Рация»,— догадался Дмитрий.

Рядом запылал небольшой костер. Над ним, на перекладинке, установленной на две воткнутые в землю рогульки, повесили котелок с водой, принесенной из недалекого ручья.

Рация, которую развернул «лейтенант», шипела, попискивала. «Лейтенант» поднес ко рту круглый, черный, похожий на наушник микрофон и вполголоса начал передавать цифры: «Двенадцать — восемнадцать, сорок восемь — пятьдесят шесть, тридцать — ноль девять...»

«По-русски дует, гад,— подумал Дмитрий,— под наших работает, чтоб не засекли».

В это время другие лазутчики молча лежали на куче еловых веток, отдыхали.

«Лейтенант» на минуту затих, что-то торопливо записывая в блокноте. Потом, обратившись к долговязому, что-то сказал ему. «Ефрейтор» торопливо вскочил на ноги, поежился и подошел к Кедрову. Расстегнул его шинель на груди и начал выгребать из карманов гимнастерки документы. Вот в его руках оказалась солдатская книжка Кедрова, письмо от отца, вырезка из газеты, в которой рассказывалось о знакомом Дмитрию снайпере. И, наконец, последнее — бережно завернутый в прозрачный целлофан комсомольский билет.

Увидев в руках врага серую книжечку, Дмитрий вскинулся всем телом, пытаясь освободить от веревок руки и ноги.

«Ефрейтор» с силой ударил Кедрова ногой в живот. Боль на мгновение заслонила все другие чувства. Но лишь на мгновение. Сейчас, когда у него отняли комсомольский билет, солдатскую книжку, Дмитрий взаправду поверил, что все это не кошмарный сон, каждой клеткой своего тела ощутил нестерпимую душевную боль. Нет больше Дмитрия Кедрова — солдата Советской Армии, члена ленинского комсомола. Есть пленный Кедров, оторванный от Родины, комсомола, армии.

Дмитрию вспомнилось, как совсем недавно — полгода назад — в разгар битвы за Москву, ему вручили комсомольский билет. Это было перед атакой. Помощник начальника политотдела по комсомолу, всем известный в дивизии капитан Иволгин, передавая Дмитрию эту заветную книжечку в серой обложке, сказал:

— Теперь вы комсомолец. Никогда не забывайте об этом.

«Нет, никогда не забуду! — подумал Дмитрий, глядя, как «лейтенант», перелистывая его документы, заглядывает в блокнот и подносит к губам микрофон.— Не забуду! И никакой я не пленный, пока на нашей земле. А к себе не уведут, не дамся...»

«Лейтенант» что-то крикнул «ефрейтору». Тот снова подошел к Кедрову и спросил:

— Отвечай коротко: из какого полка, дивизии, покажи, где находится штаб дивизии,— и долговязый сунул к глазам Кедрова развернутую топографическую карту.

— Иди к черту! — крикнул Дмитрий и в бессильной злобе плюнул на карту.

«Ефрейтор» невозмутимо вытер плевок о шинель Кедрова и снова с размаху ударил связанного солдата ногой в живот. Потом, обращаясь к «лейтенанту», что-то спросил по-немецки.

«Лейтенант» махнул в ответ рукой и начал складывать в вещмешок рацию. Время передачи истекло.

В лесу стало темно и сыро. Дмитрий Кедров все лежал на том же месте. Наблюдая за приготовлениями гитлеровцев, он понял, что этой ночью они собираются возвращаться за линию

фронта. Только «лейтенант», казалось, устраивается на ночлег. В его вещмешок были переложены оставшиеся у разведчиков продукты: консервы, галеты, шоколад.

«Остается с радиостанцией здесь. Шпионить будет»,— догадался Дмитрий. И ему стало очень обидно за себя, за товарищей. Сколько раз проходили они по лесу, встречали незнакомых людей, и ни у кого не возникало мысли, что среди них может быть враг. Конечно, бдительность соблюдали на марше, в боевом охранении, да и вообще на переднем крае глядели в оба. Но чтобы остерегаться у себя в тылу — такое Кедрову раньше и в голову не приходило. И вот результат: его обманули, как мальчишку, обезоружили и теперь собираются вести в плен.

«Нет, лучше смерть, чем такой позор», — скрипнул зубами Дмитрий.

Ему распутали ноги, помогли встать. Потом завязали полотенцем рот.

— Хайль Гитлер! — приглушенно крикнули «ефрейтор» и два его помощника «лейтенанту».

— Хайль Гитлер! — ответил тот и, загородив костер плащ-палаткой, улегся на кучу еловых веток.

Кедрова повели по ночному лесу.

В весеннюю пору 1942 года, когда вешние воды заполнили лесные просторы, вытеснили на возвышенности из низин, оврагов солдат обеих воюющих сторон, перейти линию фронта было делом не очень рискованным. И это беспокоило Кедрова. Он боялся, что его поведут по болоту, которое раскинулось между левым флангом первой роты и ручьем, носившим причудливое название Чимишмуха. Там — широкий, не занятый войсками участок. Правда, есть мины,

фугасы развешаны на кустах, но их не трудно обойти.

Так и случилось. Видно, гитлеровцы неплохо знали расположение нашей обороны. «Ефрейтор», вслед за которым вели связанного Кедрова, лишь на несколько минут остановился у дороги, по которой проезжала повозка. Переждал и решительно двинулся вперед, забирая влево.

Началось болото, поросшее негустым кустарником. Даже не болото, а затопленный луг. Ноги хорошо ощущали под водой скользкую прошлогоднюю траву, а в одном месте наткнулись на неубранное сено.

Дмитрий зорко оглядывался по сторонам. Надеялся, что заметит где-либо подвешенный фугас. «В этом спасение»,— думал он.

Но, как на беду, минное поле не попадалось на пути. И на переднем крае было тихо. Даже гитлеровцы не бросали, как обычно, ракет. Наверное, знали, что здесь действует их разведка.

Вышли на какой-то голый островок. Вода уже не хлюпала под ногами. Впереди, совсем недалеко, виднелась темная, угрюмая стена леса. Там — передний край вражеской обороны.

Вдруг справа ударил пулемет.

«Наши бьют»,— обрадовался Кедров. Очередь просвистела совсем недалеко, качнув ветки одинокого куста.

В тот же миг в небо взлетело несколько ракет. Разведчики упали, повалив упиравшегося Кедрова. Вокруг стало так светло, что Дмитрий разглядел расщепленную снарядом сосну на участке своей роты, который находился совсем недалеко.

Один из лазутчиков крепко обнимал Кедрова правой рукой, прижимая его к земле. «Ефрей-

тор» лежал несколько правее солдата, который держал пленного.

Очередная ракета горела особенно долго, медленно плывя по ночному небу. И Дмитрий неожиданно увидел перед самым своим носом тонкий проводок. Обыкновенный медный проводок! Он уходил куда-то в сторону — под обнимавшего его немца.

«Не потерять бы,— мелькнула беспокойная мысль.— Нельзя медлить ни секунды». Каждая струнка в теле Кедрова была напряжена до предела. Он хотел схватить зубами проводок, но рот был плотно завязан полотенцем. Руки тоже скручены.

Тогда Дмитрий как мог вытянул вперед шею и зацепил проводок подбородком. Начал медленно втягивать в себя голову, подаваться назад. Боялся, что лежащий рядом фашист помешает. Но тот, уткнув лицо в рукав, не двигался.

Наконец ракета погасла, и рука гитлеровца на спине Дмитрия ослабла.

Кедров почувствовал, что проводок натянулся до отказа. Еще чуть-чуть подался назад и сделал рывок подбородком. В тот же миг послышался щелчок и вслед — оглушающей силы взрыв.

Дмитрий почувствовал, как под ним качнулась земля, как плотная стена горячего воздуха пахнула в лицо. Вспышка ослепила глаза, но он успел заметить, как взметнулось долговязое тело «ефрейтора»...

Ганс Финке, который в форме советского летчика-лейтенанта остался в глубине леса коротать ночь, на рассвете услышал, как кто-то про-

дирается сквозь кустарник в направлении его стоянки. Финке схватился за автомат. На поляну вышел со связанными за спиной руками Дмитрий Кедров. Его подталкивали сзади Вормут и Шинкер — переодетые в солдатскую форму немецкие разведчики.

Финке был взбешен. Сегодня он, маршрутный агент, должен был идти по тылам советских войск, а теперь новая забота.

Финке посмотрел на часы и нехотя развернул радиостанцию. Передал в эфир о гибели «ефрейтора» и о том, что перевести пленного через линию фронта не удалось. Тут же получил ответ:

«Переместитесь в квадрат 51—52, в охотничью избу. Выполняйте задание. Во второй половине ночи встречайте самолет, жгите три костра. Герлиц».

ПО СЛЕДУ

По лесным массивам, испещренным дорогами, тропами, руслами рек, плешинами полей и порубленного леса, непрерывно перекатывалось разноголосое эхо войны. Где-то стрекотали автоматы, простуженно, не торопясь, стучали крупнокалиберные пулеметы, гакали тяжелые разрывы мин.

Солнце заливало обильным светом поляны и просеки, косыми лучами пробивалось сквозь кроны ветвей к напоенной вешними водами земле. От могучих стволов сосен, ноздреватых пней, мохнатых кочек поднимался еле заметный пар, наполняя лес пряными запахами.

Все глубже пробиралась в непроходимую лесную чащу горсточка советских разведчиков.

Следы, по которым вел Иван Платонов своих солдат, то исчезали, то появлялись вновь. Примятый мох, сдвинутые прошлогодние листья, раздавленные сучья указывали путь.

Широкое курносое лицо Платонова было возбужденным. Чуть раскосые острые глаза настороженно скользили по земле, вглядывались вперед. Даже уши Ивана, казалось, стали больше обычного. Красные, узловатые, они прочно подпирали пепельного цвета шапку-ушанку и ловили каждый лесной шорох.

Чутьем охотника Иван Платонов угадывал, что зверь уже где-то недалеко, хотя идут они по следам вчерашней давности. Им овладел азарт, знакомый каждому, кто ходил по звериной тропе. Внимание, зрение, слух, каждый мускул тела — все было крайне напряжено, готово замечать, воспринимать. Даже разноголосый говор лесных птиц, который Иван с наслаждением мог слушать часами, сейчас не отвлекал. Только раз Платонов вскинул голову вверх, и на лице его промелькнула добрая улыбка, когда среди еловых веток раздалась полная и сильная песня щегла. Иван поглядел на красивую юркую птицу с красным и черным кольцом вокруг клюва, помахал ей рукой и пошел дальше.

Так же сосредоточенны и собранны были другие разведчики. Развернувшись в цепочку, они шли следом за Платоновым. Справа — Шевченко, высокий, он часто кланялся свисавшим над землей ветвям и жмурил черные глаза. Рядом с ним шагал Савельев. Сильный и грузный, он, точно слон, давил ногами сушняк и поэтому старался ступать осторожно, осмотрительно. Коротконогий Атаев часто семенил между Савельевым и остроносым рябым Зубаревым. На лице

Атаева застыло выражение глубокомыслия. Он часто бросал почтительные взгляды на Платонова и старался держаться поближе к нему. Справа развернутую цепочку замыкал всегда молчаливый долголицый Скиба.

Следы привели к топкому ручью. Платонов с первого же взгляда заметил на противоположном его берегу знакомые отпечатки ног и шагнул в воду.

— Товарищ сержант! — неожиданно позвал Игнат Шевченко.— Посмотрите, что здесь.

Платонов вернулся назад и подошел к Игнату. На сером илистом грунте, намытом спавшей водой, Иван увидел четкие отпечатки сапог. И среди них — след сапога со стертыми косячками на каблуке. Это, несомненно, след Кедрова.

«Что за чертовщина?» — подумал Платонов. Пощупав пальцем дно следа, потрогав комочки земли, выброшенные носками, он убедился, что эти отпечатки более свежие, чем те, по которым шли до сих пор разведчики. И ведут следы в том же направлении, в глубь леса.

Если бы Платонов догадался пройти вверх по течению ручья, он опять обнаружил бы знакомые отпечатки ног, оставленные гитлеровцами и Дмитрием Кедровым, когда они с вечера направлялись к переднему краю. Тогда бы разведчикам было ясно, откуда взялись вмятины, обнаруженные Шевченко.

Но нужно спешить. И Платонов повел своих солдат по новым следам.

Вскоре они наткнулись на место, где была стоянка фашистских разведчиков.

Платонов научил своих солдат правилу: если один «читает след», все остальные не должны мешать ему, чтобы случайно не затоптать наход-

ку. Вот и сейчас Шевченко, Савельев, Зубарев, Атаев и Скиба наблюдали, как сержант бродил по полянке, глядел в землю, точно колдовал.

Ничто не ускользнуло от наметанного глаза Платонова. Иван уже знал, что, кроме Дмитрия Кедрова, здесь было еще четыре человека. Видел вмятину в куче еловых веток — здесь спал один. Заметил два полена, лежавших параллельно друг другу. По дырке в грунте — заземлению — догадался, что на поленьях стояла рация. Обратил внимание и на колышки, которыми были закреплены концы плащ-палатки, маскировавшей костер, и на выплеснутый кофе, и на выброшенный сухарь со следами зубов.

Еще когда шли по следу, Платонов заметил, что один из гитлеровцев чуть-чуть хромал. Левой ногой он делал шаг короче, чем правой. По отпечаткам сапог было видно, что у него изношена середина подошвы. Значит, сапоги велики. У хорошо подогнанной обуви стираются в первую очередь каблук и носок.

Здесь, на поляне, рядом с кучей еловых веток, Платонов заметил клочок бинта в сукровице и нитки от портянки.

«Натер левую ногу. Переобувался»,— подумал Иван.

Наскоро показав разведчикам все, что заслуживало внимания, Платонов достал из своей брезентовой сумки топографическую карту, отыскал в ней ручей, через который только что переправлялись, и примерно определил место, где они сейчас находились.

— Впереди и справа — болото. За болотом и слева — большая дорога. Им далеко не уйти, — сказал Платонов, окидывая солдат возбужденным взглядом. — Не зевать.

Платонов выразительно хлопнул рукой по шейке приклада автомата, поправил на боку чехол с биноклем.

— За каждый сучок, который треснет под ногой, наряд вне очереди,— и сержант остановил свой взгляд на широкоплечем Савельеве.— Я и Шевченко идем в головном дозоре. Только без горячки, Игнат. Скиба и Зубарев — в боковых. Атаев и Савельев — в ядре. Зрительной связи не терять, переговариваться знаками, на поляны не выходить.

Сержант точно рубил каждое слово, и разведчикам передалось его боевое напряжение, его чувство близости зверя.

Опять шли по лесу, огибая топкие места и непролазные заросли. На пути то и дело попадались сваленные бурей или отжившие свой век и упавшие сами деревья. Многие из них уже истлели, были источены червями.

Вскоре Иван Платонов и Игнат Шевченко, двигавшиеся метрах в тридцати впереди, вышли к огромной поляне. Во всю ее ширь раскинулись прошлогодние заросли пожухлого камыша и осоки... Следы вели через поляну.

— Вот идиоты! — ругнулся Платонов.— Зачем их понесло прямо в болото? Ведь все равно свернут в сторону.

Но делать было нечего, и разведчики, пригибаясь среди камыша, пошли дальше. Земля под ногами становилась все более и более заболоченной. Наконец добрались до такого места, где различать следы уже было невозможно. Платонов остановился в раздумье, потом достал из чехла бинокль и приложил его к глазам.

Впереди простиралась обширная болотистая равнина. Местами она была покрыта осокой,

камышом. Это верный признак, что там вброд пройти трудно. Местами же на болоте бурели пятна прошлогодней травы и над ней возвышались редкие кустики осины, ивы, чернотала. Там почва покрепче, может выдержать человека. Но как знать, куда могли пойти разведчики врага?

Метрах в трехстах впереди виднелись на болоте кусты лозняка. Платонов знал, что за этими островками находится Гнилое озеро. Его контуры на топографической карте напоминают очертания рыбы. Из хвоста этой «рыбы» берет начало ручей Чимишмуха.

«Дальше Гнилого озера они пройти не смогут,— подумал Платонов.— Наверняка укрылись на каком-нибудь островке...»

Однако такой вывод не подсказывал никакого решения. Островков на болоте много, всех не обыщешь. Да и зачем понесло гитлеровцев в болото?..

Игнат Шевченко нетерпеливо дернул Платонова за рукав:

— Ну, как? Махнем напрямик? Время-то идет!..

— Куда махнем? Думать надо, Игнат,— упрекнул солдата сержант.

Шевченко недовольно засопел, и его черные брови сбежались на переносье. Не любил Игнат, когда упрекали его в торопливости.

— Тогда в обход, может, на той стороне след перехватим,— предложил Игнат.

— Это мысль. Но с болота глаз не спускать.

ОСТРОВОК НА БОЛОТЕ

Разведчики опять развернулись в цепочку и опушкой пошли над болотом. Торопились. Болото лежало в низине, и чуть пологий склон,

отделявший его от леса, был голым, изрезанным ручейками талой воды. Заметить здесь след можно было с первого взгляда.

Но вот уже скоро конец болота. Тревога все больше охватывает разведчиков: нигде ни малейшей приметы, которая бы указала на присутствие врага.

Над болотом пролетают стаи птиц. Они кружат над островками и исчезают в их зарослях. Платонов внимательным взглядом провожает пернатых. Вот летят вертлявые скворцы. Над одним из островков они сделали круг и нырнули к земле. И тотчас же стайка черных точек взметнулась над болотом, рассыпалась. Острый слух Платонова уловил беспокойный скворцовый говор.

— Стой! — скомандовал сержант. — Смотрите на островок с кривым деревцем слева.

Каждому из разведчиков было известно, что птицы зря не беспокоятся. Что-то вспугнуло их.

Платонов передал Шевченко свой автомат и быстро вскарабкался на сосну, стоявшую над самым болотом. Приложил к глазам бинокль и сразу же увидел среди стройных высоких березок покатую крышу какой-то постройки, разглядел ее бревенчатые стены.

«Что за чертовщина?»

Тут же на дереве развернул карту, отыскал болото. На самом берегу озера, похожего на рыбу, заметил черный квадратик и надпись: «Сар.».

«Сарай! Небось охотничья изба»,— догадался Иван и мысленно выругал себя, что раньше не разглядел на карте такой важной детали.

Опять приложился к биноклю. Островок казался пустынным, сарай — полуразвалившимся,

давно покинутым. Однако Платонов твердо был уверен, что враг именно там.

Он спустился на землю.

Засветло подбираться к островку было рискованно. Можно вспугнуть зверя, можно нарваться на огонь в лоб. Только внезапность нападения могла принести полный успех.

Платонов решил дожидаться сумерек. А пока светло, нужно выбрать наиболее короткий и удобный путь к островку.

Разведчики, маскируясь в кустах, еще немного прошли над болотом. И вдруг Атаев, шедший правее всех, взволнованно воскликнул:

— Командир! Сюда!

К нему поспешили все разведчики. Атаев, широко расставив короткие ноги, указывал пальцем на найденный им след и победно глядел на товарищей:

— Смотри, командир!

Разведчики узнали знакомые отпечатки сапог со стертыми посредине подошвами, знакомый выверт носков — свидетельство того, что человек, оставивший следы,— плоскостопый. Отпечатки совершенно свежие. Они вели от болота в лес.

— Шевченко! Остаетесь старшим. Наблюдайте за болотом, за островком с сараем и ждите меня. Атаев пойдет со мной,— отдав такое распоряжение, Платонов быстро пошел вдоль следа. За ним устремился Атаев.

След вывел на дорогу, вилявшую по лесу мимо полковых тылов и огневых позиций артиллерии крупных калибров.

Некоторое время они шли вдоль обочины дороги. Потом след повернул влево, на залитую жидкой грязью настильную дорогу, ведущую

к тыловым подразделениям. На ней рассмотреть отпечатки ног было невозможно. Чтобы не утерять следа, Платонов и Атаев двигались по сторонам утопавшего в жиже настила и внимательно глядели на обочины, стараясь заметить, не сворачивает ли след в лес.

Навстречу разведчикам ехала повозка. Лошадьми управлял знакомый Платонову старшина хозяйственного взвода. Рядом с ним сидел лейтенант из какой-то авиационной части. Летчик и старшина о чем-то оживленно беседовали. Заметив Платонова и Атаева, старшина радушно воскликнул:

— Глазам и ушам армии мое почтение! Кого выслеживаете, хлопцы?

— Зайца на кухню гоним. Хороший заяц! — пошутил Атаев.

А Платонов озабоченно спросил у старшины:

— Никого сейчас не встречал на дороге?

— Никого. Да я же только-только с места тронул.

Когда повозка минула разведчиков, лейтенант спросил старшину:

— Что за солдаты?

— Разведчики. Вчера один солдат наш исчез. Вот они и разыскивают. А сержант этот умеет читать следы, как по-писаному. Добрую академию в сибирской тайге прошел...

Платонов и Атаев достигли того места, где дорога расширялась и шла уже не по настилу, а по грунту. Земля здесь была почти сухой. По обочинам дороги, между елями и кустами орешника, стояли замаскированные машины, повозки. Невдалеке виднелись землянки.

Следы обнаружили у походной кухни. На ее передке сидел солдат в белом переднике и, зажав меж ног ведро, чистил картошку.

— Кто здесь сейчас проходил? — спросил у него Платонов.

— Вроде никто,— ответил солдат.

— Ну, а на этом месте кто недавно топтался? Вот эти следы чьи?

— Откуда мне знать? Старшина здесь ходил, а с ним летчик один. Он приехал разыскивать подбитый самолет. Наверное, это они здесь наследили. А что, разве тут ходить нельзя?

— Лейтенант? В летной форме?! — воскликнул Платонов и бросился в ближайшую землянку, где был телефон. Через минуту он разговаривал с помощником начальника штаба.

— Прошу задержать лейтенанта, летчика. Он едет на командный пункт со старшиной хозвзвода. Да. Наверняка переодетый фашист...

На дороге показалась грузовая машина. Платонов вскочил на ее подножку и бросил несколько слов шоферу. Машина остановилась. Секунда — и два разведчика сидели в кузове.

— Гони по дороге на командный пункт! — крикнул Иван, нагибаясь к окну кабины.

Машина неслась на предельной скорости. Разведчики напряженно всматривались вперед. Поворот дороги. За поворотом увидели повозку. В ней сидел один старшина.

— Где летчик? — взволнованно спросил у него Платонов, когда машина поравнялась с повозкой и остановилась.

— Он передумал. Решил сначала к артиллеристам зайти, порасспросить там о своем самолете,— ответил старшина.

Платонов и Атаев соскочили с машины.

— Проведите нас к тому месту, где фашист сошел с повозки,— попросил сержант старшину.

— Какой фашист? —ужаснулся старшина.

Через пять минут старшина показывал:

— Вот тут он соскочил и пошел напрямик к лесу.

Платонов и Атаев опрометью бросились по еле приметному следу. Видно было, что немецкий разведчик не шел здесь, а бежал. В лесу, густо усыпанном прошлогодними еловыми иглами, след исчез. Платонов и Атаев не пытались искать его. Они спешили к болоту, которое начиналось в двухстах метрах от дороги.

Сгущались сумерки. Наступал вечер. Сквозь редеющие на опушке ели виднелось небо — багровое от закатившегося солнца...

Вот и болото. Густой подлесок подступает вплотную к мохнатым кочкам, между которыми тускло поблескивает рыжеватая вода.

Платонов приложился к биноклю и замер. Он увидел спину переодетого гитлеровца. Высоко подобрав полы шинели, пригибаясь, гитлеровец барахтался среди кочек, направляясь к островку с кривой березкой.

Дмитрий Кедров лежал на куче прелого сена у бревенчатой, отдававшей плесенью стены. Он никак не мог согреться. Одежда на нем не просыхала со вчерашнего дня, и ее нельзя было отодрать от задубевшего тела. Да и как отдерешь? Уже вторые сутки руки Дмитрия накрепко связаны за спиной. И он непрерывно шевелил кистями, стараясь расслабить веревку.

В сарае было сыро и темно, несмотря на то что посреди него пылал небольшой бездымный

костерок из сухого валежника. У костра молча сидели немецкие солдаты Вормут и Шинкер. Пламя бросало на солдат красные блики. Дмитрий видел, что его враги смертельно устали. У солдата, который сидел ближе к Кедрову, глубоко ввалились глаза, кожа, плотно обтянувшая кости лица, потемнела, заострились скулы. Уставившись глазами в костер, он сидел будто окаменевший.

Кедров, несмотря на то что его прошибал озноб и что вторые сутки ничего не ел и не пил, чувствовал в себе силу: днем ему удалось час-другой уснуть на сене. И он еще энергичнее шевелил кистями рук.

«Распутаться бы только. Я с ними справлюсь»,— думал он, настороженно следя краем глаза, как один из солдат клюет носом и с его колен прямо к костру сполз автомат.

В противоположной стене сарая зияла большая дыра. Сквозь нее виднелось красное вечернее небо над лесом и кусочек глади озера, на котором переливались яркие краски заката. Дмитрию чудилось, что это манит его свобода, такая близкая и желанная.

Казалось, вырвись он за стены этого сарая, на шаг отойди от этого страшного места — и у него вырастут крылья...

Неожиданно слуха Дмитрия коснулся крик лесной птицы, тревожный, надрывный:

«Ка-гу-гу!.. Ка-гу-у-у!..»

Солдаты, охранявшие пленного, встрепенулись. Один из них вскочил на ноги, просунул голову в отверстие в стене и страшным, охрипшим голосом ответил:

— Ка-ги-и!..

Через минуту в сарай ввалился Финке —

«летчик-лейтенант», запыхавшийся, взволнованный.

Точно чем-то холодным плеснуло Дмитрию на сердце. Небо, видневшееся в проломе стены, вдруг померкло, и, кажется, исчезло все, что было вне сарая, — лес, пространство, свобода... Даже труднее стало дышать, и в груди ширилась какая-то пустота.

Финке затравленно оглянулся вокруг и подошел к Кедрову.

— Или сейчас умрешь, или говори,— почему-то шепотом обратился он к пленному. — Что у вас за разведчики, которые умеют следы отыскивать?

Но что мог Кедров ответить немецкому лазутчику? Если б и знал он о следопыте сержанте Платонове, все равно смолчал бы.

Постояв минуту над пленным, «лейтенант» пнул его ногой, выругался и отошел к костру. Быстро достал из вещмешка радиостанцию, подготовил ее к работе. За ним молча, настороженно наблюдали солдаты Шинкер и Вормут. Они видели на длинном, зубастом лице Финке страх, и этот страх передавался им, хотя причины его еще были неизвестны разведчикам.

Через минуту Финке уже переговаривался со своим шефом за линией фронта — обер-лейтенантом Герлицем. Он торопливо зашифровывал фразы в цифры и тихо, взволнованно выкрикивал их в микрофон. Цифры эти означали: «Русские напали на наш след. У них имеются специально обученные разведчики-следопыты. Встретить самолет не могу. Район выброски на парашюте выбирайте по своему усмотрению. Охотничью избу покидаю немедленно, ухожу за

озеро. Завтра жду указаний о месте встречи. Что делать с пленным?..»

На последний вопрос обер-лейтенант Герлиц ответил:

«Пленного уничтожьте...»

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ КАРЛ ГЕРЛИЦ

Надрывисто гудят моторы «юнкерса» — большого транспортного самолета. От докучливого шума клонит ко сну. Но обер-лейтенант Карл Герлиц не спит. Он сидит на жесткой откидной скамейке, прислонившись спиной к гофрированной обшивке кабины. В кабине полумрак: горит синяя лампочка у перегородки, за которой находятся пилоты.

Рядом с Герлицем, уронив голову на пристегнутый парашют, дремлет офицер разведки 16-й немецкой армии капитан Маргер, рыжеголовый, бледнолицый, одетый в форму солдата Красной Армии. Свои длинные, худые ноги он вытянул почти к противоположной стенке, где сидят, прижавшись друг к другу, три разведчика, одетые в такие же серые шинели, как и Маргер. Обер-лейтенант Герлиц смотрит на разведчиков сквозь узкие щелки глаз, и на его тонких губах трепещет презрительная улыбка.

«Наивные, как куропатки, и трусливые, как зайцы,— думает о них Герлиц.— И как это Маргер отважился выбрасываться с такими скороспелками? Знать русский язык, даже превосходно,— очень мало для настоящего разведчика».

Карл Герлиц никогда не относился с доверием к прошедшим краткий курс обучения сынкам русских белогвардейцев. Что они могут, на

что способны? Научились к месту и не к месту произносить слово «товарищ», запомнили знаки различия командиров да немного подрывное дело освоили. А конспирация, а искусство заметать следы, а, наконец, умение найти в стане врага «крышу», под которой обосноваться?.. На это способен только он, Карл Герлиц, и все те, кто закончил шпионскую школу «Орденсбург Крессинзее». Правда, немного уцелело аспирантов, обучавшихся в этой образцовой школе «восточного направления». Да и было бы неразумным всех их посылать на такие мелкие задания.

Впрочем, не такое уж мелкое дело, на которое идет штабной офицер армейской разведки со своей небольшой группой. Шутка ли: перед самым наступлением армии генерала фон Буша оставить без боеприпасов дивизию русских, на участке обороны которой намечен прорыв! Обер-лейтенант Герлиц хорошо это понимает. Понимает и то, что многое может сделать подчиненный ему, опытному разведчику, отряд агентов. Быстрее бы только встретиться с лейтенантом Финке. Жаль, что не очень он проявил себя в последней операции.

При воспоминании о Финке в груди Герлица шевельнулось приятное чувство. Они старые друзья, однокашники, как говорят русские. Вместе учились в окружной школе Адольфа Гитлера в Брауншвайде, куда попали с первым же набором в 1934 году. Потом несколько лет провели дома, в родном городишке Хенау, где под строгим тайным контролем и наблюдением проходили курс «практического обучения жизни».

«Практическое обучение жизни»,— думает Герлиц и ухмыляется. Он покосился на неболь-

шое квадратное окошко кабины, за которым невидимо проносилась густая темень ночи, прислушался к размеренному шуму моторов самолета и погрузился в воспоминания.

Тогда они были совсем юные. Что это были за годы! Ночные шествия с горящими факелами по улицам, лихие, чеканные, как ступеньки лестницы, песни, праздничные парады в коричневой форме. Карл Герлиц и Ганс Финке делали все, чтобы оказаться пригодными для «специальной работы», чтобы попасть наконец в «академию» шпионов, дающую право на жизнь, полную невероятнейших приключений. Но отбирались в эту «академию» далеко не все, кто окончил окружную школу Адольфа Гитлера и кто прошел курс «практического обучения жизни». Нужно было проявить себя способным к агентурной работе. И Герлиц с Финке «проявили» эту способность.

Надрывно гудят моторы «юнкерса». Обер-лейтенант Герлиц ежится от прохлады, подносит к глазам руку, смотрит на светящийся циферблат часов, а потом снова погружается в воспоминания...

Школа «восточного направления» в Фалькенбурге. Она отличается от школ в Фогельзанге, Зонтхофене и Химзе только тем, что готовит шпионов, которым предстоит работать в СССР и в некоторых других странах на востоке от Германии.

Карл вспоминает, как шли они по железнодорожной ветке от стáнции Фалькенбург, шли вслед за человеком в темном плаще и темных очках, пока не уткнулись в глухую высокую стену. Карл и Ганс с трепетом прочитали на стене крупную надпись: «Проникновение за

ограду без пропуска карается смертью». И вот они за оградой, где на огромной площади раскинулись одноэтажные серые здания. В тот же день они предстали перед начальником школы, старым нацистом Годесом. Потом в подвальном этаже одного из корпусов принимали специальную присягу. У Карла Герлица дрожал тогда голос и по спине бегали мурашки. Ему было очень страшно. Он понимал, что переступает такой порог, из-за которого нет возврата. И будущее уже не казалось Карлу таким заманчивым...

Началась учеба. Это, пожалуй, были самые трудные годы в его жизни. Наверное, так чувствуют себя животные, которых непрерывно дрессируют для выступления в цирке. К концу дня усталость валила с ног, и всегда чертовски хотелось есть, хотя кормили в школе неплохо. С рассвета дотемна проводились занятия. Вся их рота обучалась русскому языку. И уже под конец первого года пребывания «аспирантов» в школе занятия по изучению экономики, армии, законодательства, внутренней и внешней политики СССР проводились на русском языке. В учебных классах слышалась немецкая речь только тогда, когда осваивались формы, виды и методы ведения агентурной разведки, методы диверсий, дезинформации и другие специальные предметы.

Карл Герлиц проявил большие способности в умении держать себя, в искусстве грима и быстрого переодевания. Однажды на спортивных занятиях брошенная кем-то из «аспирантов» ручная граната, скользнув по земле, задела ступню ноги Герлица. Карл, до этого с тоской думавший о завтрашнем дальнем марше на вы-

носливость, вмиг оценил выгодность своего положения. Он упал. Подбежавшим товарищам не дал и притронуться к ноге. А когда подоспевший врач снимал с него ботинок, на лице Карла было написано такое неподдельное мучение, что тот с уверенностью решил: треснула кость. Однако осмотр не подтверждал такого диагноза. Был заметен только легкий ушиб ступни, а пострадавший тем не менее испытывал адскую боль. И лишь на второй день рентген установил, что ступня цела. Но рота уже находилась на марше...

Открылась дверка кабины пилотов. Обер-лейтенант Герлиц отмахнулся от воспоминаний.

— Пора? — спросил он летчика, высунувшего в дверку голову.

— Через две минуты,— ответил тот.

Карл Герлиц поднялся со своего места и сделал шаг к дремавшему капитану Маргеру. Маргер тотчас же поднял бледное лицо с впалыми щеками, и по его глазам Герлиц догадался, что капитан не спал. Зашевелились и остальные разведчики. Они зевали, потягивались, точно сейчас им предстоит прыгнуть не в черную пропасть, а сесть за стол.

Но Герлиц уловил их притворство, хитрость, за которыми скрывался страх — животный, неодолимый. Этот страх все они, даже капитан Маргер, испытывали с той минуты, когда сели в самолет, и, чтобы не выдать его ни взглядом своим, ни бледностью лица, ни нервным движением руки, притворились спящими. Герлиц знал, что их пугал не прыжок с парашютом, — это дело привычное. У каждого из них за спиной десятки тренировочных прыжков. Боялись разведчики другого — неизвестности, которая ждет их

впереди, боялись опасностей, которые таит в себе встреча с русскими солдатами.

А он, Карл Герлиц, как раз боялся больше первого — самого прыжка: «А вдруг не раскроется парашют? — холодила душу мысль. — Вдруг русские заметят его в момент приземления?..»

Герлиц горько усмехнулся своим мыслям и упрекнул себя:

«Тебя, старина, страшит та опасность, которая ближе. Потом новой будешь бояться...»

Обер-лейтенант пожал протянутую капитаном Маргером руку и сказал:

— Значит, условие прежнее: действуем порознь, но поддерживаем радиосвязь. Если же с Финке мне встретиться не удастся, тогда базируемся вместе...

Через минуту четыре полусогнувшиеся человеческие фигуры, одна за другой, нырнули в открытую дверь кабины.

На борту самолета, кроме экипажа, остался обер-лейтенант Карл Герлиц. Он должен выброситься у большой излучины реки через четыре минуты.

Нервный озноб охватил тело Карла. Никак нельзя отделаться от этой противной дрожи, от тревоги, которая давит на сердце каждый раз, как только вырисовывается впереди опасность.

Герлиц уселся на свое место, закинул ногу на ногу и внимательно, уже который раз, осмотрел свои ботинки, специально подготовленные для такого случая. Герлица обеспокоила радиограмма Финке о русских следопытах. О них Герлиц никогда раньше не слышал. И эти ботинки, если его, Герлица, заметят во время приземления, нужных следопытам следов не оставят. Точно

такие же ботинки на ногах Маргера и его разведчиков. Ботинки, конечно, придется выбросить сразу же после того, как будут спрятаны парашюты и останется далеко позади место приземления.

Герлиц припал лицом к холодному окошку. Сквозь прозрачный целлулоид заметил, что внизу тускло сверкнула река, и подошел к двери. В эту минуту он себя ненавидел. Давящее чувство страха холодило тело, сковывало движения. О, если бы на борту самолета находились его коллеги. Карл Герлиц с гордостью прошелся бы перед ними, прежде чем прыгнуть в эту гнетущую неизвестность. Он готов на самый невероятный подвиг, но только перед лицом людей, которые могут этот подвиг оценить. Честолюбие помогает побороть любой страх. Но сейчас он — один на один с собой. А себя не обманешь...

Опять открылась дверка кабины пилотов. Герлиц приободрился. Подошедший летчик пожал ему руку и подтолкнул к распахнутой двери. Карл гордо шагнул в черную пустоту.

НА РАССВЕТЕ

Погожие дни стояли в приильменских лесах. Конец апреля выдался здесь теплый и безоблачный. Солнце и мягкий ветерок быстро сушили раскисшую во время весенней распутицы землю. Все вокруг покрылось молодой, яркой зеленью. Нет такой полянки, где бы к небу ни тянулась нежная поросль травы, бурьяна, где бы ни вспыхивали синими, желтыми, красными огоньками ранние лесные цветы. Солнечные лучи пробиваются в самые тайные уголки лесной глухомани и пробуждают там жизнь.

Хорошо вокруг днем. Легко дышится, можно снять надоевшую за зиму шинель или фуфайку, можно сбить на затылок шапку-ушанку и ругнуть начальство, что медлит с распоряжением о выдаче солдатам пилоток. Однако ночью солдаты забывают о том, что днем тяжелы были им шинель и шапка. Влажная свежесть заставляет ежиться, потуже затягивать поясной ремень. Кажется, и не было теплого дня, горячего солнца.

Особенно достается саперным командам, которые дежурят на переправах. Давно кончился ледоход на Ловати и Поле, но вода в реках продолжает прибывать, нести с собой лес, приготовленный для сплава еще до войны, угрожая временным фронтовым мостам. Круглые сутки наблюдают солдаты за уровнем воды и за тем, чтобы плывущие по реке бревна не создавали затора.

В эту ночь, в предрассветные часы, когда особенно одолевает сон, на переправе дежурил рядовой Евгений Фомушкин — солдат из отделения плотников сержанта Рубайдуба. Невысокого роста, стройный и тонкий, Фомушкин ходил вдоль перил с карабином в руках и поеживался. Нерадостные мысли бродили в его горячей голове. Сетовал Фомушкин на свою военную судьбу, сделавшую его, прирожденного разведчика, сапером, да еще таким сапером, которого посылают на мостовые работы только в тылу. Трудное дело махать топором, когда душа, сердце рвутся туда, где время от времени погромыхивает артиллерия, где идут настоящие бои, где совершаются героические подвиги.

Евгений Фомушкин — еще совсем молодой солдат. Прошло лишь две недели, как он с мар-

шевой ротой прибыл из запасного полка на фронт в приильменские леса. Но две недели фронтовой жизни казались Евгению не коротким сроком. Тем более огорчался он, что за этот срок ничего еще значительного не сделал и даже не видел живого фашиста.

Евгению, или просто Жене, как звали его товарищи, недавно исполнилось семнадцать лет. На фронт пошел он добровольно. Впрочем, «добровольно» — не то слово. Ему выпало испытать много трудностей, обойти немало препятствий, прежде чем стать добровольцем. Короче говоря, помогло упорство.

Два дня ходил он по пятам за секретарем райкома комсомола Галиной Зайцевой и надоел ей так, что она самолично побывала у райвоенкома и доказала ему, что без комсомольца Евгения Фомушкина, эвакуированного в этот уральский городок из Севастополя, на фронте ни за что не обойтись.

Потом у Жени состоялся неприятный разговор с райвоенкомом, пожилым сердитым майором с седыми усиками. Майор не очень вежливо выставил Женю из кабинета и приказал не надоедать ему, а ждать повестки.

Но ждать у Жени не было никаких сил. В ночное время — в третью смену — работал он на мебельной фабрике, которая изготовляла повозки для армии, а в остальное — дежурил у военкомата или курсировал под окнами квартиры военкома. И добился своего: его направили в запасный полк. А там, на беду Жени, узнав, что он хороший плотник, сделали из него сапера, хотя (Женя был в этом твердо убежден) он прирожденный разведчик.

И вот теперь Евгений Фомушкин караулит

переправу. Скучное дело: ходи по мосту и наблюдай за водой, да и по сторонам смотри. А тут еще прохлада донимает — вода совсем рядом плещется о мостовые сваи, и такой сыростью тянет от нее, что все тело корчит, как бересту на огне.

Фомушкин нетерпеливо поглядывает на восток. Небо светлеет там медленно, и на его фоне гребенка недалекого леса вырисовывается еле-еле. Но все же время идет, и Женя с радостью думает, что через десять—двадцать минут на пост заступит новый часовой, а он заберется в землянку и у пылающей железной печурки крепко уснет.

В темных облаках прогудел немецкий транспортник. Фомушкин не обратил на него особенного внимания: мало ли самолетов бороздит ночное небо? Евгений прошелся по мосту, похлопал озябшими руками по перилам, прислушался к их бодрому звону и еще раз оглянулся на светлеющее небо.

В этот миг он увидел, как по ту сторону реки что-то серое медленно спускалось на землю.

Фомушкин бросился к землянке, где отдыхали товарищи:

— Вставайте, фашисты парашютиста бросили!..

Саперы, протирая заспанные глаза, торопливо выскакивали из землянки, захватив с собой оружие.

— Где, где парашютисты? Сколько их?..

Но на фоне темной стены леса уже ничего не было видно.

— Совсем недалеко! — доказывал Фомушкин.— По правую сторону дороги. Одного заметил...

Сержант Рубайдуб окинул взглядом свое немногочисленное «войско», выстроившееся у входа на мост.

Кроме Фомушкина, это были пожилые солдаты — колхозные плотники и столяры, ставшие теперь строителями военных мостов.

— Кириллов, Поцапай, Крупенев, охраняйте мост,— приказал Рубайдуб. — Остальные — за мной!

Саперы побежали на поиски парашютистов. Под их ногами загудел настил моста.

Вернулись, когда уже совсем рассвело, усталые, злые. Никого не нашли. Но Евгений Фомушкин твердил свое:

— Собственными глазами видел...

— Это тебе с перепугу показалось! Померещилось, бывает,— кольнул Фомушкина солдат Поцапай.

Молодое, остроносое лицо Евгения потемнело от обиды. В серых глазах сверкнули упрямые огоньки. Он обратился к Рубайдубу, который сидел у землянки на кучке дров и щепкой соскребал с сапог грязь.

— Товарищ сержант, разрешите мне еще поискать.

— Иди... Только к завтраку чтоб вернулся.

Фомушкин возвратился, когда над лесом всплыло солнце. Ни на кого даже глаз не под-

нял: поиски парашютиста ни к чему не привели. Сержант Рубайдуб подсунул ему котелок с уже застывшей пшенной кашей — «блондинкой», как ее звали солдаты, и пошел на мост, где саперы длинными баграми расталкивали в воде скопившиеся бревна.

Евгений посидел над котелком с кашей, поглядел в землю, потом решительно поднялся и пошел к командиру отделения:

— Товарищ сержант, позвольте еще сходить... Видел же я его!..

Фомушкин, чуть наклонившись вперед, стремительно шел по мосту к другому берегу, а сержант Рубайдуб глядел ему вслед задумчивыми глазами и одобрительно качал головой:

— Кремешок, а не хлопец...

На этот раз Фомушкин вернулся быстро — возбужденный, торжествующий. На его плечах саперы увидели скомканное белое полотно парашюта.

— Женя! Нашел?!

— В старом блиндаже,— взволнованно сообщил Фомушкин.

Сержант Рубайдуб торопливо побежал в землянку к телефону.

ОТЕЦ И СЫН

Лука Сильвестрович Кедров побывал у артиллеристов и саперов, выступал перед ними с речью, передавал фронтовикам наказ колхозников — нещадно бить фашистских оккупантов. Хозяйский глаз старого Луки примечал все: добротную одежду на солдатах и офицерах, сколько черпаков супа или каши достается в солдатские котелки, какую порцию махорки отмеряет старшина каждому курящему.

Ночь захватила его на пути в штаб дивизии. Лука Сильвестрович ехал верхом на молодой, маленькой гнедой кобылке. Его сопровождали инструктор политотдела батальонный комиссар Артемьев и начальник клуба политрук Подгрушенский. Из троих всадников только передний, Артемьев, умел сидеть в седле. Он, в перехваченной ремнями шинели, широкоплечий, грудастый, походил на заправского кавалериста. Высокая рыжая лошадь шла под ним спокойно, чувствуя, что узда находится в твердых руках.

Кобылка Луки Сильвестровича тоже чувствовала руку своего седока, но руку неуверенную. Она косилась по сторонам, на обступавший дорогу лес, прядала ушами и шаловливо разбрызгивала передними копытами грязь.

Луке Сильвестровичу было не по себе. Ему не приходилось ездить в седле, и фронтовой конь казался необузданным зверем. Собственно, он больше надеялся на благоразумие кобылы, а не на свое умение сидеть в военном седле. Но та не очень почтительно относилась к седоку. Она резво перемахивала через лужи и рытвины, высоко вскидывала при этом задом, все время пытаясь перейти на рысь. Лука Сильвестрович неуверенно опирался о стремена, что было сил сжимал колени, обхватывая ими кобылку, и цепко держался руками за седло. Ему казалось, что вот-вот он потеряет равновесие и седло скользнет под брюхо коня.

Политрук Подгрушенский ехал в хвосте этой небольшой кавалькады. Он, как и старый Кедров, мучительно переносил езду. Сугубо гражданский человек, недавно призванный в армию, Подгрушенский всем своим видом свидетельствовал о неприспособленности к военной службе.

Об этом говорили его большие очки, плотно сидевшие на мясистом носу, вздувшаяся пузырем на спине шинель, сбившееся набок снаряжение.

Батальонный комиссар Артемьев чуть пришпорил коня. Кобылка Луки Сильвестровича тоже перешла на рысь, и он, бросив узду, согнулся еще больше и двумя руками судорожно впился в гриву. Он терпеливо и молча переносил это испытание.

Подгрушенский взмолился:

— Потише, товарищ комиссар! Сейчас же выпаду в грязь...

— А ты за луку держись,— посоветовал Артемьев.

Старик Кедров опасливо покосился на Подгрушенского и, желая оказаться подальше от него, чуть пришпорил кобылу каблуками сапог. Она тотчас же перешла в галоп и оказалась впереди Артемьева. Артемьев, понимая, что дело старика плохо, решил догнать его и остановить ретивую кобылу.

Что было дальше, Лука Сильвестрович толком не помнит. Он высвободил ноги из стремян и, изогнув их калачиком, сколько было сил, прижал к бокам кобылы, невольно пришпоривая ее. А кобылица еще энергичнее прибавляла ходу, не желая, чтобы конь Артемьева обогнал ее.

Начальник клуба Подгрушенский капитулировал первым. Как только его высокая упитанная лошадь тоже ринулась вскачь вслед за передними, он не сумел сдержать ее и самоотверженно выбросился из седла на раскисшую дорогу.

Но вот Артемьеву удалось поравняться с кобылкой Луки Сильвестровича, ухватить ее под уздцы и остановить. Старый Кедров тут же ре-

шительно слез на землю и молча зашагал по обочине дороги. Никакие уговоры Артемьева снова сесть в седло не поколебали его.

Когда они приблизились к шлагбауму, перекрывавшему дорогу у землянок штаба дивизии, навстречу Луке Сильвестровичу бросился солдат.

— Митяй! Митюшка! — обрадованно воскликнул старик, узнав сына. — Наконец-то...

Разговорчивый до этого, Дмитрий Кедров не нашел нужным рассказывать отцу, как попал он в руки фашистских разведчиков, как следопыты сержанта Платонова освободили его в ту самую минуту, когда гитлеровец Ганс Финке собирался прикончить его, Дмитрия, и удрать вместе со своими двумя спутниками через ручей Чимишмуха.

На второй день, утром, проводив отца, Дмитрий Кедров возвращался в свою роту. Он проходил по знакомой тропинке над ручьем, настороженно прислушивался к дыханию фронта, к лесным шорохам и держал наготове свой карабин.

Совсем недалеко от переднего края, где сквозь кусты чернотала виднелись брустверы наших траншей, Дмитрий столкнулся с пулеметчиком Новоселовым.

— Кедров, ты?!

— Видишь, чего ж спрашиваешь?

— Вижу. Только у нас слух прошел, что ты пропал куда-то.

— Мало ли слухов ходит. Посторонись! — сказал Кедров и зашагал дальше.

Он совсем не хотел вступать в разговор, окончательно утвердившись в мнении, что излишняя

болтливость не украшает солдата. «Человек в деле должен проявлять себя», — думал Дмитрий.

ЧЕЛОВЕК С КОПЫТАМИ

Генерал Чернядьев сидит за столом и молча рассматривает развернутую карту. Сквозь небольшие окошки в землянку струится свет, но дневного света мало, и поэтому над столом горит маленькая электрическая лампочка.

Чернядьев морщит свой высокий открытый лоб и еще раз пробегает глазами листы бумаги.

На них записаны показания трех пойманных вчера вечером немецких лазутчиков, которые захватили было в плен солдата Кедрова. Особенно интересны показания лейтенанта Ганса Финке — кадрового агентурного разведчика. Его вместе с несколькими другими выпускниками Фалькенбургской шпионской школы «восточного направления» прислали в 16-ю немецкую армию генерала фон Буша. Здесь обученные шпионы должны на практике познакомиться с советскими войсками и подготовить себя для агентурной работы в Советской Армии. Буш воспользовался пребыванием в своей армии тайного «войска», придал ему полтора десятка разведчиков, прошедших ускоренные курсы, и приказал пока заниматься войсковой разведкой, диверсиями и в ходе этого готовиться к агентурной работе.

На расстеленной карте среди зеленых лесных массивов в синем карандашном кружке зажат хутор Борок. Чернядьев остановил на нем свой взгляд и задумался. В Борке, по показаниям пленных, размещается вся группа фашистских разведчиков. Хорошо бы разгромить это змеиное гнездо, прежде чем его обитатели успеют расползтись.

Но и другое беспокоит генерала Чернядьева. Раз враг так активизировал свою разведку, значит, готовится к какой-то серьезной операции. Нужно быть начеку. Об этом напомнил Чернядьеву сегодня по телефону и командующий армией.

При воспоминании о разговоре с командующим генерал морщит лицо. Действительно, неприятная история. После допроса в штабе дивизии пленных сегодня утром отправили на машине в штаб армии. По дороге лейтенант Ганс Финке пытался бежать и получил пулю в правую ногу. Пришлось завезти его в медсанбат и оставить там; ранение серьезное: раздроблена кость. А Финке — самый ценный «язык». Он многое мог бы рассказать в штабе армии. Вот и недоволен командующий, что не усмотрели за пленным.

Размышления генерала Чернядьева прервал начальник дивизионной разведки майор Андреев. Он протиснулся в узкую дверь землянки, низко наклоняя голову. Комдив окинул сухощавую, чрезмерно высокую фигуру Андреева и не удержался, чтобы не бросить излюбленной шутки:

— Все растешь, товарищ разведчик? На месте командиров полков я тебя на свой передний край не пускал бы: демаскируешь.

Лицо начальника разведки было озабоченным, и на шутку генерала он ответил только короткой улыбкой. Тут же доложил:

— Сегодня на рассвете сброшен парашютист.

Развернув свою карту, майор ткнул в нее пальцем:

— Вот здесь его заметили, и здесь же найден парашют.

— Что вы предприняли? —спросил генерал.

— На всех объектах приказано усилить караулы. На контрольно-пропускных пунктах проверяют каждого человека, а в сторону от них выставлены секреты. Усилена радиоразведка с использованием кода, найденного у пойманных вчера лазутчиков.

— Все?

— Нет. Хочу сейчас же послать разведчиков-следопытов к месту, где найден парашют.

— Но Платонов на передовом наблюдательном пункте. Оттуда днем не выбраться — подстрелят. Кроме того, пусть Платонов продолжает готовиться к походу за линию фронта. Борок нужно разгромить.

— Я возьму разведчика Шевченко. Он тоже напрактиковался следы читать. Также считаю целесообразным перевести отделение следопытов из полковой разведки в дивизионную. Здесь их можно лучше использовать.

— Согласен, действуйте, — коротко сказал генерал. — И еще одно: этот Финке утверждал, что заброска новых групп разведчиков-диверсантов в наш тыл намечалась гитлеровцами после его возвращения в Борок. Значит, обманул?

— Выходит, так.

— Еще раз допросите его, пока он у нас. Выясните, на какой срок пригодна кодированная карта лейтенанта Финке.

Чернядьев поднял на Андреева глаза, и его сухощавое лицо расплылось в хитрой улыбке.

— Понимаете, как можно одурачить их? — спросил генерал.— Не догадываетесь? Код в наших руках, и если кодированная карта не устарела, связаться по радиопередатчику Финке с этим парашютистом и назначить ему «свидание».

— Я думал над этим, — ответил Андреев. — Но как знать, имеет ли этот парашютист отношение к Финке, есть ли у него передатчик? И, наконец, вряд ли рискнет он пользоваться тем же кодом.

— Словом, допросите Финке еще раз, — заключил разговор командир дивизии.

Через час после того, как Евгений Фомушкин нашел в старом блиндаже парашют, к переправе, где дежурило отделение саперов сержанта Рубайдуба, приехал командир взвода из подразделения дивизионной разведки лейтенант Сухов. Это малоразговорчивый высокий, плечистый человек, не вызывающий с первого взгляда к себе симпатии.

Он только что получил приказание принять в свой взвод отделение сержанта Платонова. И не успел познакомиться со следопытами, как пришлось идти на это необыкновенное задание. Лейтенант взял с собой рядового Игната Шевченко.

Убедившись из рассказа Фомушкина, что сброшен только один парашютист, Сухов приказал:

— Вот вы с нами и пойдете, укажете, где парашют найден. Остальные не нужны,— хотя все саперы сгорали от нетерпения броситься на поиски парашютиста.

Прежде чем отправляться к старому блиндажу, Игнат Шевченко попросил саперов сделать на сырой земле четкие отпечатки своей обуви.

— Чтобы не спутать следы парашютиста с вашими, — пояснил он и принялся сосредоточенно рассматривать отпечатки.

Игнат явно важничал. Как-никак — он здесь самый главный следопыт. И хотя даже для неопытного в следопытстве Фомушкина было ясно, что следы саперов очень легко отличить от всех других следов (отделение Рубайдуба только на прошлой неделе получило новые сапоги), Шевченко продолжал «колдовать» над следами.

Наконец лейтенант Сухов заметил рисовку Игната и, погасив улыбку, сказал:

— А ну, профессор, хватит! Шагом марш на мост!

Игнату не по душе пришелся такой тон. Но ничего не поделаешь: командир приказывает. Для пущей важности он посмотрел еще отпечатки сапог лейтенанта и вдруг заторопился:

— Теперь все. Пусть фашист попробует уйти.

Но поспешил Игнат хвалиться. Сколько ни искали они следов у блиндажа, в котором был обнаружен парашют, — никаких результатов. Вокруг виднелись только знакомые отпечатки, оставленные ногами саперов, да еще видно было, что через поле прошла мимо блиндажа корова.

Первый усомнился в коровьих следах Фомушкин:

— Откуда могла взяться здесь корова? Может, на мясо кто погнал?.. Но почему не дорогой?

Шевченко наклонился над следами коровьих копыт, подумал и вдруг заволновался:

— Точно! Это его следы...

— Парашютиста? — удивился Сухов.

— Да! Корова-то на двух ногах не ходит? А здесь видно, что шаг не сдвоен, как это бывает у четвероногих. Старый прием...

И еще такую деталь заметил Игнат: задняя часть отпечатка копыта была глубже передней, значит, копыто ступало задом наперед...

Шевченко торопливо пошел по следу копыт. От него не отставали лейтенант Сухов и Евгений Фомушкин.

Отпечатки привели в раскинувшийся на продолговатой, чуть заметной возвышенности лес. Разведчики окунулись в густую тень. Лес жил бурной утренней жизнью: на разные лады щелкала где-то варакуша; словно прерывистая струйка воды, звенела песня крапивника; соревновались клест и чиж; оглашая лес громкими, полными трелями, пересвистывались щур с иволгой. Веселый гомон птиц сливался в непередаваемую музыку — мирную и убаюкивающую. Но разведчикам было не до лесной музыки. Здесь земля густо покрыта опавшей хвоей, и трудно разобраться, куда вели следы.

Игнат Шевченко напряженно смотрел вперед, стараясь издали заметить сбитую прошлогоднюю траву, потревоженные иглы хвои, густо устилавшие землю, надломленные на деревьях ветки, сдвинутый с места и раздавленный валежник. Так удавалось ему «держаться» за след, угадывать, куда пошел фашистский лазутчик.

Они двигались километра два, пока путь их не перерезала глухая лесная дорога, наискосок идущая от линии фронта к большой магистрали. На обнаженной полосе песчаного грунта виднелись колеи, оставленные колесами редко проходивших автомашин и повозок. Шевченко внимательно осмотрел дорогу, но следа коровьих копыт на ней не обнаружил.

— Куда они запропастились? — растерянно разводил руками Игнат.

— След исчезнуть не может, — упрямо напомнил Фомушкин и, уловив на себе одобритель-

ный взгляд лейтенанта Сухова, добавил: — Не улетел же фашист.

Шевченко вспомнил, как учил его поступать в таком случае сержант Платонов: «Нужно обозначить место, где оборвался последний след». Так и сделал: рядом с еле заметным отпечатком копыта положил ветку и метр за метром начал осматривать землю, описывая вокруг ветки круги. Ему помогали Сухов и Фомушкин.

Наконец Игнат заметил отпечаток подошвы обыкновенного солдатского сапога русского покроя. След вел от глубокой воронки к дороге.

— Здесь фашист переобувался, — уверенно сказал Шевченко, разглядывая примятую траву, продолговатые лунки, выдавленные каблуками в пологих стенках воронки.

Евгений Фомушкин проворно соскользнул к залитому водой дну. Засучив рукав, ощупал дно и вытащил затопленные «ботинки».

Теперь все окончательно убедились, что след, по которому они шли, действительно принадлежит человеку. Лейтенант Сухов и Фомушкин с любопытством осматривали ботинки, на подошве которых была приспособлена особая подбойка в форме коровьего копыта, обращенного передней частью назад.

От воронки следы повели разведчиков к дороге. Они были расположены друг от друга дальше обычного. И это значило, что оставивший их человек бежал.

— Спешил почему-то, — заключил Шевченко.

Но на дороге след исчез. Шевченко снова начал осматривать каждую вмятину в песке.

— Сел на попутную машину, — сказал наконец Игнат, показывая лейтенанту глубокий

оттиск носка, сделанный фашистом в тот момент, когда он перенес всю тяжесть своего тела на одну ногу, а вторую занес на колесо грузовика. — Поэтому и бежал — спешил перехватить машину.

— Но как мы теперь узнаем, в какую сторону поехала машина? — недоумевал Фомушкин.

— Сейчас выясним, — деловито ответил Шевченко, на ходу осматривая промежуток между колеями, оставленными колесами грузовика. Пройдя метров сто, Шевченко остановился.

— У этого «ЗИСа» картер протекает, — сказал он. — Видно по следам масла на дороге.

Игнату, как и всем следопытам отделения Платонова, было известно, что, если у машины течет масло из картера или вода из радиатора, они оставляют на земле следы в виде продолговатых брызг, обращенных своим острием в сторону движения.

— Признак ясный — машина поехала в сторону фронта, — пояснил Игнат.

Следопыты быстрым шагом пошли вперед.

Фомушкин хмурил свои белесые с золотинкой брови, глядел в землю и над чем-то сосредоточенно размышлял. Наконец он спросил:

— Ну, а если бы картер машины не протекал?..

— Тогда другим бы способом узнали, куда уехал грузовик, — уверенно ответил Шевченко и с чувством собственного достоинства оглядел молодого сапера. — Смотри: вот свежая колея, оставленная колесами повозки. По отпечаткам подков лошади видно, что повозка шла к фронту. А вот здесь машина обгоняла повозку. Известно, что машины обгоняют только с левой стороны. Значит, и этот признак говорит о том, куда уехал «ЗИС».

— Почему вы утверждаете, что здесь прошел именно «ЗИС»? — спросил лейтенант Сухов.

— Конечно, «ЗИС-5»! — воскликнул Шевченко, удивляясь, что лейтенанту-разведчику неизвестны такие простые вещи. — И нагружен этот «ЗИС» крепко. Смотрите, какой широкий след оставили колеса. А это истина: чем больше груз, тем шире расплющиваются скаты — шире колея. На одном скате — заплата. По ее следу в колее видно, что здесь прошел «ЗИС».

— Непонятно, — заметил Фомушкин.

— Очень даже понятно! Расстояние от отпечатка к отпечатку заплаты равно окружности колеса. А разведчик должен знать длину окружности колес автомобилей разных марок.

Евгений Фомушкин даже свистнул от удивления.

— Вот бы мне научиться так! — со вздохом проговорил он.

— А чего, просись у лейтенанта. Ты парень подходящий, для разведки подойдешь, — высказал свое мнение Шевченко.

— Правда? — голос Фомушкина дрогнул. Он умоляюще посмотрел в хмурое лицо лейтенанта Сухова:

— Товарищ лейтенант... Я же специально на фронт шел для того, чтобы разведчиком стать...

— Потом. Сейчас не до этого,— недовольно ответил Сухов.

Колея «ЗИСа» привела на огневые позиции артиллеристов. На небольшой поляне справа от дороги разведчики увидели машину. Четверо солдат снимали с нее последние ящики со снарядами и уносили их в глубину леса.

Подошли к шоферу — невысокому солдату в

зеленом замасленном комбинезоне. Он стоял у раскрытого капота и о чем-то думал.

— Кого вы подвозили с этим рейсом? — спросил у шофера лейтенант Сухов.

— Мало ли голосующих на дороге,— ответил шофер. — Последним подвозил какого-то старшину. Не доехав до перекрестка, он соскочил. А что такое?

— Нужен нам этот старшина. Какой он из себя?

Шофер недоуменно пожал плечами и ответил:

— Обыкновенный. Заметил только, что повыше меня будет да вещмешок за спиной.

От огневых позиций до перекрестка лесных дорог — с километр. Мимо проезжала грузовая машина, и лейтенант Сухов энергичным взмахом руки приказал шоферу затормозить. Быстро вскочили в пустой кузов, и машина понеслась.

Издали увидели на перекрестке человека. Уверенно расставив ноги, он смотрел на машину, дожидаясь, пока она приблизится. Потом поднял руку.

Шофер остановил машину, и разведчики соскочили на землю. Человек (на петлицах его шинели — два красных прямоугольника) подошел к кабине и попросил шофера:

— Подвези-ка, дружок!

Шофер измерил майора недовольным взглядом, прибрал с сиденья вещмешок с сухим пайком и, открыв дверцу кабины, хриплым голосом ответил:

— Садитесь.

— Товарищ майор, минуточку, — обратился лейтенант Сухов. — Вы, случайно, не встречали здесь высокого старшину с вещевым мешком за спиной?

Майор широко открытыми глазами посмотрел в лицо лейтенанта, подумал и ответил:

— Нет, не встречал.

Машина поехала дальше, а Сухов, Шевченко и Фомушкин пришли к тому месту, где, по словам шофера, привезшего снаряды, соскочил старшина.

Игнат без труда отыскал знакомый след. Он вел в глубь леса.

Опять пошли по следу. Снова приглядывались, где среди густого подлеска сдвинута прошлогодняя листва, рыжие иглы опавшей хвои, где раздавлен ногами сушняк.

Пробирались вперед осторожно, держа наготове оружие. Неумелый шаг, лишнее движение могли выдать присутствие следопытов. Игнат Шевченко напряженно всматривался в лесную чащу, прислушивался, старался издали увидеть, где обрывались следы. Затем крадущейся походкой пробирался дальше и снова смотрел вперед.

Сухов и Фомушкин шли также осторожно, шагах в десяти сзади, готовые в любой миг пустить в ход оружие.

Наконец дошли до такого места, где след исчез. Как ни смотрели разведчики себе под ноги, нигде ни намека на то, что здесь прошел человек. Возвратились чуть назад, к тому месту, где был замечен на голом клочке земли четкий отпечаток сапога «старшины».

Фомушкин, шедший несколько в стороне, вдруг увидел точно такой же отпечаток под кустом орешника, потом второй. Только носки этих отпечатков были направлены в противоположную сторону — к дороге.

Шевченко осмотрел следы, прошелся немного вдоль них и с недоумением развел руками:

— Вернулся назад. Что это значит?

— Нужно выяснить, зачем этот парашютист приходил сюда, — сказал лейтенант Сухов.

Следопыты начали осматривать каждый куст, каждое дерево. Сухов первым обратил внимание, что со ствола одной приметной сосны осыпалась старая кора. Земля под сосной была вытоптана. И тут же острый глаз Фомушкина разглядел среди ветвей какой-то сверток.

— Снять, только осторожно,— приказал лейтенант.

Через минуту сверток был на земле. Это оказалась обыкновенная солдатская плащ-палатка, в которой завернут вещмешок. А в вещмешке — портативный радиопередатчик, консервы, галеты, шоколад, ракетница, ракеты, батарейки к электрическому фонарю и всякая другая мелочь.

Среди этой мелочи увидели две пары петлиц — одна с шинели, другая с гимнастерки. На петлицах — по четыре треугольника. Они говорили о том, что носивший их имел звание старшины.

— Только что спороты, — заключил Сухов. — И боюсь, что майор, которого мы встретили на перекрестке...

Сухов не договорил. Его перебил Шевченко:

— Наверняка это он! Не зря так глазами сверкнул, когда про старшину у него спросили...

— Дурака сваляли, а не спросили! — зло проговорил Сухов. — А ну, бегом к дороге! Нужно посмотреть следы майора.

— Может, засаду устроить? — предложил Шевченко.

— Так он и вернется сюда. Видел же, что мы на след напали, — ответил лейтенант.

— А если то был не он?..

— Сейчас проверим.

Вскоре разведчики были на перекрестке, у того места, где майор садился в машину.

— Эх, тогда бы посмотреть на эти следы! — сокрушался Шевченко.— В руках держали «майора» и упустили...

На столе перед генералом Чернядьевым — листы бумаги с дополнительными показаниями раненого лейтенанта Ганса Финке. Финке утверждает, что, кроме его группы, которая схвачена, никого из немецких разведчиков в расположении наших войск нет и до его возвращения в Борок быть не должно. Финке оговаривается: он не отвечает за войсковых разведчиков. Штаб любого немецкого полка, любой дивизии может забросить их самостоятельно.

«Верить ли словам этого матерого фашиста? — думает генерал Чернядьев и морщит свой высокий лоб. — Как узнать — одного ли поля ягода с ним этот «майор», которого выследила и упустила группа лейтенанта Сухова? Жалко, что «майор» оставил в лесу передатчик. Теперь радиоразведка ничего не даст...»

Было над чем задуматься генералу. След «майора» безнадежно затерялся на фронтовых дорогах. Никакие меры — прочесывание леса, выставление дополнительных контрольно-пропускных пунктов — результатов не дали. Ясно одно — в наших тылах орудует враг, враг хитрый, опытный, коварный.

Чернядьев развертывает на столе карту, закрывая листы с показаниями пленного немецкого лейтенанта, и пристально смотрит в нее. Перед глазами короткая надпись: «Хут. Борок» и не-

сколько черных квадратиков. Здесь находится база фашистских разведчиков, отсюда направляются их действия.

Генерал тянется рукой к телефонной трубке и вызывает начальника разведки майора Андреева.

— Новостей никаких?.. — спрашивает Черняцьев.

— Никаких.

— Значит, нужно ускорить намеченный удар. И бдительность, бдительность, бдительность. Особенно в тыловых подразделениях... Следопытов перевели из полка? Хорошо. Платонова вызовите ко мне.

...Иван Платонов втиснулся в узкую дверь генеральской землянки и, щурясь от яркого электрического света, доложил:

— Прибыл по вашему вызову.

Генерал внимательно посмотрел в широкое курносое лицо сержанта с острыми живыми глазами, не торопясь, поднялся из-за стола, протянул ему руку.

— Как дела, следопыт?

Платонов, вытянувшись в струну, молчал.

— Что молчите?

Выдержав пристальный взгляд командира дивизии, Иван ответил:

— Обидно, товарищ генерал, что упустили «майора».

— Согласен, очень обидно. Но, думаю, дело поправимо.

— Как вас понимать, товарищ генерал?

— А понимать так: нужно рубануть под корень эту нечисть. Вы к переходу через линию фронта готовитесь?

— Не слезаю с наблюдательного пункта.

— Вот-вот. Ищите место, где можно совершенно незамеченными пробраться к немцам в тыл.

Платонов приготовился выслушать задачу. Но генерал медлил и, казалось, собирался затянуть беседу. Сержант насторожился, стараясь уловить главное в разговоре. И здесь, как всегда, у Платонова сказывалась привычка разведчика — видеть и слышать все, но мысли приковывать к самому нужному. Однако сейчас все, о чем говорил генерал, казалось нужным и главным.

— Я о рейде в тыл говорю, — продолжал генерал. — Лейтенант Финке сообщил, что из Германии прибыла на наш фронт группа только что подготовленных лазутчиков. Сейчас она размещена на хуторе Борок. Ждет заброски в наш тыл, тренируется в действиях на лесисто-болотистой местности. И еще одно: немецкая разведслужба узнала о наших следопытах. Враг принимает контрмеры. Свидетельство этому — копыта непойманного гитлеровца — «майора».

Платонов слушал и внимательно смотрел в разостланную на столе карту, где среди лесных массивов был обозначен крохотный хутор Борок.

Перехватив взгляд сержанта, генерал сказал:

— Надо разгромить это гнездо.

— Разрешите готовить людей к операции? — спросил Платонов.

— Не торопитесь, выслушайте, — остановил сержанта комдив. — Одному вашему отделению с такой задачей не справиться. А большому отряду перейти линию фронта трудно. Придется пробираться к фашистам в тыл хотя бы двумя группами или в разное время. В тылу предстоит попутно решить и другую задачу. Стало извест-

но, что на участке немецкой обороны перед нашей дивизией гитлеровцы вот-вот введут свежие силы.

Генерал имел в виду показания того же пленного фашиста. Финке рассказал, что перед заброской в наш тыл по пути на аэродром, в населенном пункте Лубково, он встретился со знакомым унтер-офицером. Тот сообщил, что в районе Лубково до сих пор находилась в резерве часть. На этой неделе она тронется к линии фронта.

Зная, что для перехода к передовым позициям гитлеровцев потребуется не меньше трех—четырех суток, так как они могут идти только ночью, а днем будут прятаться в лесу от советской авиации, командир дивизии рассчитывал, что нашим разведчикам удастся застать врага на дорогах, уточнить самый факт появления новых сил и примерно определить их численность.

— И если, — промолвил генерал, — вам удастся не только разгромить Борок, но и понаблюдать за дорогами или, еще лучше, привести из тыла «языка», сделаете большое дело...

Телефонный звонок, которого комдив, казалось, ждал, не дал ему завершить разговор. Чернядьев взял трубку.

— Сейчас же выезжаю, — сказал он в микрофон.

Затем повернулся к Платонову:

— Пока нашу беседу прервем. Завтра в одиннадцать приходите ко мне со своими соображениями. Значит, ближайшая ваша задача — подыскать подходящее место для перехода линии фронта.

ЗВЕРИНАЯ ТРОПА

Стояли теплые солнечные дни. Приильменские леса одевались в буйную зелень. Выветрились запахи прелой листвы и подсыхающего мха. На полянах, просеках — там, где обилие тепла и света, пестрели первоцветы.

В такое время не хочется думать о войне, о том, что завтра-послезавтра предстоит опасный рейд в тыл врага. Тем не менее думать приходится, и не только думать, но и напрягать все свое внимание, все силы, чтобы найти слабо прикрытое место в линии обороны противника.

Иван Платонов сидит на правофланговом наблюдательном пункте артиллеристов. НП устроен на высокой сосне, ничем не приметной в гуще леса, который спускается по крутому пригорку вниз к заболоченному озерку. Сквозь вершины впереди стоящих деревьев Платонов видит густое мелколесье по ту сторону озера, а за мелколесьем — широко раскинувшееся непроходимое болото; слева от болота, среди кустов, тянется немецкая траншея.

Под ногами у Ивана — дощатый настил, закрепленный на сучьях. На железном штыре, ввинченном в ствол сосны, как и на сотнях других наблюдательных пунктов, прочно сидит стереотруба. Двумя стеклянными глазами она смотрит из-за ствола над вершинами деревьев.

Платонов не отрывается от окуляров стереотрубы.

Уже третий пункт сменил в эти дни Платонов, однако найти незащищенный или слабо прикрытый участок в обороне гитлеровцев пока не удавалось. Кончилась весенняя распутица, вражеские траншеи и дзоты, проволочные загражде-

ния и минные поля опять замкнулись в сплошную цепь.

Крепко сторожили фашисты свою оборону, и в этом им помогала местность. На нашей стороне было куда больше болот и мелких, заросших камышом озер, где ни дзота не построишь, ни боевого охранения не выставишь, но по которым без особого риска можно перейти линию фронта. Не зря генерал Чернядьев постоянно напоминал командирам о защите флангов и организации наблюдения.

Второе утро встречает Иван Платонов на этой сосне. Чутье разведчика и охотника подсказывает ему, что он близок к цели. Небольшое озеро, в которое с двух сторон упирались фланги стрелковых полков дивизии генерала Чернядьева, густые заросли на ничейной полосе между этим озером и болотом, вклинившимся в линию обороны гитлеровцев, наводили на мысль, что здесь фашистам трудно усмотреть за каждым клочком местности. Об этом уже дважды напоминал сержанту майор Андреев — начальник дивизионной разведки.

Платонов напряженно всматривается в кудрявую зелень непролазного кустарника за озером. Ни одна ветка не шелохнется там. И так второй день — ни малейшего признака, что между озером и болотом есть враг. Но кто знает, как близко примыкает к болоту и кустарнику траншея, виднеющаяся чуть дальше и левее кустарника?

Сержант поднимает к глазам руку с часами: ровно семь. До одиннадцати, когда ему нужно быть у генерала, целых четыре часа. За это время можно многое сделать.

Уступив место у стереотрубы артиллерийско-

му наблюдателю, Платонов, держась за сучья, спускается к высокой лестнице, закрепленной с тыльной стороны дерева, и по ней быстро сбегает вниз.

Под сосной сидят Петр Скиба и Игнат Шевченко. Не выпуская из рук автомата и прислонившись спиной к стволу дерева, Шевченко дремлет. Скиба читает томик стихов Гейне на немецком языке.

Петр Скиба — до войны студент Киевского института иностранных языков — нашел применение своей будущей гражданской профессии и на фронте. Знание немецкого языка позволяет ему занимать особое место среди разведчиков, несмотря на его чрезмерную осторожность, которую кое-кто расценивает как трусоватость. Однажды — это было еще до прихода Платонова в полк — Скиба по приказанию командира взвода на рассвете выполз за передний край. Там он вырыл себе глубокий окоп и днем должен был наблюдать за дзотом, в котором разведчики собирались захватить «языка». Наступил вечер, а Скиба не возвращался. Товарищи забеспокоились. Еще немного подождали и пошли на поиски. Нашли Скибу на дне окопа целым и невредимым. Оказалось, недалеко от окопа самолет сбросил бомбу и она не взорвалась. Подозревая, что бомба замедленного действия, Петр решил переждать в окопе, пока она не «сработает». А бомба так и не взорвалась...

Платонову почему-то вспомнился сейчас этот случай, о котором слышал от разведчиков, и он на миг заколебался: «Стоит ли брать Скибу?» Но выползать за передний край только с одним Шевченко было опасно. И сержант коротко приказал:

— Пошли.

Три разведчика спустились по пригорку к небольшому озеру, покрытому зарослями. Потом, пригибаясь в мелком кустарнике, добрались до дзота, который был соединен узким и мелким ходом сообщения с такой же мелкой траншеей. Земля здесь заболочена, и поэтому дзот возвышается над поверхностью. Это замаскированный зеленью большой квадратный сруб из толстых бревен, а в нем сруб поменьше; между простенками срубов — слой земли, в передней и двух боковых стенках — амбразуры. Бруствер траншеи также выложен из толстых сосновых стволов. Нелегко приходилось в этом гиблом месте солдатам.

В задней стенке сруба на уровне бруствера хода сообщения чернела квадратная дыра — выход из дзота. Из нее, нагибаясь, выбрался солдат и, удивленный, настороженно спросил у разведчиков:

— Опять саперы?

— Не узнаешь? — ответил Шевченко на вопрос вопросом. Лицо солдата расплылось в улыбке.

— А-а, узнаю: глаза и уши! Может, огоньком прикрыть? Это мы можем. У нас пулеметы наготове.

— Вы старший? — спросил у солдата Платонов.

— Нет, сейчас позову, — и солдат крикнул: — Товарищ сержант!

Из дзота выбрался худощавый сержант с серым, усталым лицом.

— Мы полазим за передним краем, не подстрелите. Дайте огонька левее вон той березки. Только не правее.

Выслушав Платонова, сержант в знак согласия кивнул головой и, не проронив ни слова, направился в дзот.

...Передний край обороны остался позади. Платонов, Шевченко и Скиба, держа наготове автоматы, осторожно пробирались вперед. Справа от них тихо шелестело камышом озеро. Но вот и озеро осталось позади. Начался густой кустарник. Сквозь него можно пробираться только ползком.

Разведчики поползли. Земля под кустарником голая и сырая, в нос бил запах плесени. Ни один луч солнца не мог проникнуть сюда и развеять полумрак. Ползли минут десять, прислушивались. Нигде ни звука, только поблизости тенькала пеночка.

Наконец кустарник начал редеть. В просветах между ветками сверкнула гладь совсем небольшого озерка. Платонов удивился: на карте это озерко не обозначено.

Неожиданно выползли на тропу. Она наискосок вела к озеру. Чуть впереди виднелась вторая тропа. Платонов догадался: это звериные тропы. Человеку не пройти по ним в рост — на пути встают заросли, ветки, переплетающиеся низко над землей, хлещут в лицо. Бывалому охотнику было ясно: раз звери ходили к этому озеру на водопой, значит, оно не пересыхает в жару и вода в нем не стоячая.

Иван вспомнил, как отец когда-то передавал ему свой опыт охотника. Старый таежный волк учил сына так ходить по лесу, чтобы всегда знать, где находишься. Это называлось на языке охотников «ходить на привязи». Если охотник сбивался с пути, говорили, что он «оторвался от привязи».

«Не знаком лес — не торопись, — поучал отец, — пройди немного, оглянись назад, заприметь сваленное дерево, вывороченный корень или что-либо другое. Запоминай, как выглядит твоя дорога, — пригодится на обратном пути. Заблудился — ищи муравейник под деревом. Он всегда будет с южной стороны. Посмотри на ствол дерева — с северной стороны его облепил мох. Теперь и дорогу нетрудно разыскать... Не каждой тропе верь, — предупреждал старый охотник. — Бьет ветка в лицо, в грудь — уходи с тропы. Это дорога зверей, к жилью человека она не приведет...»

«Да, такая дорожка к жилью человека не приведет», — думал Платонов, рассматривая найденную тропу. Пройдя вдоль самого берега озера, она запетляла среди кустов и деревьев дальше.

На этой тропе, еще не просохшей под сплошным шатром зелени, у самого озера Платонов заметил свежие следы лап волка. В том, что следы оставлены совсем недавно, Иван не сомневался. Он видел, что даже не успела подняться примятая лапами зверя молодая травинка, не успели завянуть листья на сломанном стебельке бурьяна.

— Вот так находка! — изумленно шепнул сержант, указывая Шевченко и Скибе на тропу. — Чуть бы пораньше — волка б вспугнули.

Изумляться было нечему. Война, пришедшая в старорусские и новгородские леса, разогнала зверей, заставила их переселиться подальше от линии фронта, забраться в непролазные чащобы, где их не пугают рвущие воздух взрывы, где не несет опасным запахом пороха, гари и человека. А здесь волк бродил почти возле передо-

вой. И нигде ни одного отпечатка ноги человека. Значит, гитлеровцы не знают про озеро, иначе брали бы из него воду. Это устраивало Платонова.

Разведчики пошли вдоль тропы. Скиба и Шевченко всматривались в заросли, прислушивались, а сержант не спускал глаз с волчьего следа.

Отпечатки волчьих лап были еле различимы. По расстоянию между ними Платонов видел, что волк бежал равномерной тихой трусцой. Значит, зверя ничто не беспокоило.

Но вскоре следы стали более частыми и четкими. Тут волк шел медленнее, осторожнее. Зверь, видимо, чуял опасность. Насторожились и разведчики. А немного дальше Иван увидел примятую траву и клочки шерсти, прилипшие к ней. Здесь волк лежал.

Разведчики остановились. Их слуха коснулся стук топора; он долетал слева. Залегли. Платонов движением руки приказал Скибе и Шевченко не двигаться с места, а сам осторожно пополз влево. Ни одна ветка не шелохнулась над разведчиком, ни один сучок не треснул под ним. Вскоре кустарник поредел, и Платонов увидел в прогалине небольшую возвышенность. «Дзот»,— догадался он и тут же заметил гитлеровца, который на корточках сидел за дзотом и что-то тесал топором.

Платонов еще немного прополз вперед. Сквозь просветы в кустарнике заметил справа далеко раскинувшуюся болотную равнину. Слева виднелся знакомый лес. Где-то там — наблюдательный пункт артиллеристов. Лес спадал по пригорку вниз, к нашему переднему краю.

Теперь Платонову было ясно: до болота можно пробраться незамеченными. А если ослепить этот дзот, то проскочить за линию фронта нетрудно.

Иван взглянул на часы. Десять утра. Через час нужно быть у генерала...

В землянке комдива тесно. Здесь, кроме генерала Чернядьева, собрались начальник штаба — седой, краснолицый полковник с косматыми нахмуренными бровями, майор Андреев — начальник разведки, лейтенант Сухов и сержант Платонов.

Платонову никогда не приходилось докладывать в присутствии стольких начальников, и он, когда закончил говорить, с облегчением вздохнул и вытер со лба пот.

Все молчали, раздумывая над тем, что сообщил сержант.

Наконец генерал Чернядьев нарушил тишину:

— Интересно! Мы еще раз убеждаемся, как полезно уметь разведчику читать написанное на земле,— генерал провел ладонью по стриженой голове, и его худощавое смуглое лицо посветлело. Он поднялся за своим небольшим столом, и здесь, в тесной землянке, особенно был заметен его высокий рост.

— Итак, — продолжал комдив, — у нас имеются два варианта перехода разведчиками линии фронта. Вариант лейтенанта Сухова потребует сильного огневого обеспечения и огневой маскировки. Вариант Платонова — небольшой артиллерийской обработки участка левее обнаруженного им озерка. Час назад мы утвердили бы оба варианта. Сейчас нужно выбрать один,

так как в тыл к немцам через линию фронта пойдет только группа лейтенанта Сухова.

Майор Андреев удивленно взвел брови. Генерал Чернядьев поднял руку, предупреждая вопрос начальника разведки.

— Вторая группа — сержанта Платонова — будет сброшена на парашютах.

На мгновение в землянке воцарилось молчание. Чернядьев хитроватым взглядом окинул присутствующих и пояснил:

— Командующий армией предоставляет нам такую возможность. Сержант Платонов со своими следопытами и радиостанцией выбросится сегодня ночью в районе деревни Лубково — это недалеко от хутора Борок, — посмотрит там дорогу на Замочье и выяснит, действительно ли идут к линии фронта свежие силы гитлеровцев. Потом установит наблюдение за хутором Борок и будет ждать подхода разведчиков лейтенанта Сухова.

— Товарищ Платонов, — обратился генерал к сержанту, — кто, кроме вас, может показать лейтенанту Сухову разведанный вами проход?

Платонов задумался: «Кого лучше назвать — Шевченко или Скибу?» — и тут же твердо ответил:

— Рядовой Шевченко.

— Вот и хорошо. Он познакомит лейтенанта с этим кустарником у озерка, а затем пойдет с его группой. Вам, майор Андреев, — комдив повернул голову к начальнику разведки, — срочно уточнить место и время встречи Сухова и Платонова за линией фронта, обеспечить обе группы рациями, кодами и всем другим необходимым. Группа Сухова должна закончить подготовку к завтрашней ночи...

Отделение разведчиков-следопытов, как было приказано, переселилось в старый сосновый бор, где размещался штаб дивизии. В тот же день на новом месте выкопали и накрыли бревнами просторную землянку.

Уходя из полка, солдат Атаев не успел проститься со своим земляком ефрейтором Укиновым — наводчиком из полковой батареи. Атаеву очень хотелось перед уходом в тыл противника перекинуться с другом несколькими словами, сообщить о полученном из дому письме и, конечно, похвалиться своим перемещением в разведку дивизии.

Перед вечером дежурный телефонист, расположившийся с аппаратом в землянке разведчиков, отлучаясь, чтобы подвесить упавшую на дорогу линию, попросил Атаева минуту посидеть у телефона. Атаев обрадовался такому поручению. И как только остался один в землянке, тут же позвонил в полк. Вскоре его соединили с батареей, где служил Укинов.

— Заходи в гости, — послышался в трубке голос земляка.

— Не могу. В тыл собираюсь.

— Будь другом. Я вчера по шоссе стрелял. Посмотри, что там мои снаряды наделали.

— Не до этого! — важно сказал Атаев. — Дела посерьезнее есть.

— Интересные?

— Очень! Возможно, накроем в одном хуторке птичек, которые к нам залетают, — прихвастнул Атаев, вспомнив, что сержант Платонов уже два дня изучает на карте район, в котором находится хутор Борок.

Не подозревал Атаев, что в это время один из разведчиков группы капитана Маргера сидел на

дне неглубокого, заросшего кустарником оврага и, включившись в телефонную линию, подслушивал его разговор...

СОБЫТИЯ ОДНОЙ НОЧИ

Возле небольшой, сожженной дотла деревушки Сущево, близ дороги, в старом сосновом лесу расположился медсанбат дивизии. Медсанбат простоял здесь ползимы и весну и успел обжиться. Были построены просторные бревенчатые срубы, в которых размещались сортировочное, перевязочное, операционно-хирургическое отделения, палаты для раненых, общежития медперсонала.

К медсанбату был проложен добротный настил, на который указывала приметная стрела с красным крестом и надписью «МСБ», установленная на повороте с грейдерной дороги.

Когда над лесом опустилась ночь, с дороги свернул на настил грузовик, в кузове которого лежали раненые и сидел, примостившись у заднего борта, подполковник-попутчик.

У шлагбаума машину встретил офицер — дежурный по медсанбату. Лицо его в темноте разглядеть было трудно. Только по голосу — звонкому, с еле уловимой басинкой — можно было догадаться, что офицер молодой.

Выяснив, сколько раненых, откуда они, дежурный попросил подполковника оставить машину и пропустил ее за шлагбаум к сортировочной. Окинув высокую, узкогрудую фигуру приезжего внимательным взглядом, он представился:

— Старший лейтенант медицинской службы Скворцов. Вы, кажется, без направления?

— Да, я здоров,— засмеялся подполковник.— По делу службы к вам.

— Разрешите документы.

— Прошу.

Старший лейтенант при свете электрического фонаря рассматривал удостоверение личности и командировочное предписание, из которых было видно, что подполковник Ерофеев, работник штаба фронта, направляется в войска Н-ской армии для выполнения служебного задания.

— Чем могу помочь? — спросил Скворцов, возвращая подполковнику документы.

— Проводите к вашему начальству. Впрочем, я не ошибся? Раненый пленный у вас лежит?

— А-а, значит, вы по этому делу?

— Да, должен уточнить кое-какие его показания. Надеюсь, он в таком состоянии, что разговаривать с ним можно?

— Чувствует себя после операции хорошо.

Перекидываясь словами, они шли в глубь леса среди маячивших темными массивами срубов. Возле одного сруба Скворцов остановился:

— В этом домике пленный.

— А почему часового не видно? — удивился подполковник.

— Зачем он? У пленного перебита нога, на одной не ускачет. В палате дежурит санитар, оружие у него есть.

Подполковник вдруг вспылил:

— Это безобразие! Забываете, что находитесь не в тылу, а на фронте. Немедленно выставьте часового, и чтобы он караулил по всем правилам.

Потом спросил:

— Из штаба дивизии никого здесь нет?

— Были днем, уехали.

— Да-а, порядочки!— сердился подполковник. Из темноты вынырнула фигура человека.

— В чем дело? — спросил он.— Кто здесь?

Узнав в подошедшем командира медсанбата, дежурный доложил:

— Товарищ майор медицинской службы, приехал подполковник из штаба фронта. Пленным интересуется.

— Мне нужно пяток минут поговорить с ним,— подтвердил подполковник.— А потом попрошу вас подбросить меня в штаб дивизии или связать по телефону с генералом Чернядьевым. И о часовом позаботьтесь.

Командир медсанбата молча проверил документы прибывшего, затем, скользнув по его лицу лучом карманного фонаря, сказал:

— Хорошо. Можете пройти к пленному. Поговорите и заходите в штаб. Там решим, как быть.

Старший лейтенант медслужбы Скворцов ввел подполковника в бревенчатый домик. На небольшой железной печурке стояла лампа, бросая тусклый свет на нары, застланные поверх толстого слоя мелких еловых веток простынями. В углу нар, накрывшись одеялом, спал человек. У печурки сидел пожилой солдат-санитар и строгал перочинным ножом палку.

— Оставьте нас наедине,— небрежно бросил подполковник.

Дежурный махнул санитару головой в сторону дверей. Тот взял винтовку, стоявшую у печки, и вышел.

— Я буду по соседству,— сказал Скворцов подполковнику и тоже хлопнул дверью.

Майор медицинской службы Гуляев зашел в свой кабинет — небольшую комнату в таком же бревенчатом доме — и в раздумье остановился

у стола. Его немолодое усталое лицо, круглое, с чуть обвисшими щеками и темными кругами под глазами, было нахмуренным. Какое-то смутное беспокойство тревожило Гуляева. Ему казалось, что он должен был что-то сделать сейчас — важное и неотложное, но не сделал. Мысли навязчиво блуждали вокруг прибывшего подполковника. «Что за тон разговора? — недоумевал Гуляев.— Покрикивает даже...»

Прошло еще пять — семь минут. Чувство беспокойства не оставляло Гуляева. Наконец он собрался с мыслями:

«Почему, собственно, я должен решать, кто может, а кто не может допрашивать пленного? Это же непорядок! Мое дело обеспечить лечение. А все прочее...» — И майор решительно снял телефонную трубку.

Через минуту он докладывал начальнику штаба дивизии. В ответ услышал резкое и повелительное:

— Арестовать немедленно!..

Майор медслужбы Гуляев бросился к двери.

Подсвечивая фонариком, торопливо бежал по знакомой дорожке. Вот и сруб, в котором лежит раненый немецкий лейтенант. Вокруг — ни души. Только чуть в стороне, где располагается транспортный взвод, слышится чья-то песня.

Вдруг из дверей бревенчатого дома навстречу Гуляеву вырвался солдат-санитар.

— Сюда! Сюда! — задыхаясь, крикнул он.— Убил, убил его!..

Гуляев резко распахнул дверь и остановился на пороге. Подполковника в комнате не было.

Лейтенант Ганс Финке хрипел. На его губах пузырилась красная пена. Беспомощно хватаясь

руками за грудь, в которой торчал глубоко вонзенный нож, Финке шептал:

— Герлиц... Карл Герлиц... убийца...

Прибежал дежурный Скворцов.

— Объявите тревогу! — приказал ему Гуляев.— Нужно поймать этого мерзавца.

Кажется, что самолет стоит на месте. Только изредка чуть встряхнет его, точно на выбоине, и опять монотонно жужжат моторы, опять состояние покоя и неподвижности. Но Платонов, прильнув к окошку кабины, видит своим острым глазом: далеко внизу, где утонула в ночном сумраке земля, проплывает, тускло поблескивая, река Пола. Заметно и приближение линии фронта. Впереди, куда держит курс самолет, то там, то здесь раздвигают темноту красные всполохи —

это бьют батареи. Откуда-то из глубины, точно из недр самой земли, время от времени вырываются белые и красные светлячки и, описывая в ночном небе кривую, исчезают. Иногда заметна вспышка в том месте, куда падает светлячок, и кажется, что он разбивается о что-то твердое, разбрызгивая сотни искр. Это трассирующие снаряды. С высоты чудится, что летят они очень медленно и нисколько не опасны.

Платонов отрывается от окошка и окидывает внимательным взглядом солдат своего отделения. Даже при тусклом освещении заметна сосредоточенность на их лицах: всем им, кроме шустрого молодого паренька Курочкина, приданного отделению радиста, впервые приходится выбрасываться в тылу врага на парашютах.

Вспоминается минувший день — хлопотливый и напряженный. Разведчиков тщательно инструктировали, как пользоваться парашютом, потом предложили сделать по одному пробному прыжку. Петр Скиба отказался! «Я лишний раз рисковать не хочу»,— заявил он. Разведчики подсмеивались над Петром, а новичок Евгений Фомушкин, которого только вчера перевели в отделение из саперной роты по ходатайству лейтенанта Сухова, начал упрашивать инструктировавшего их капитана разрешить ему прыгнуть дважды — за себя и за Скибу. Капитан отказал, а Скибу несколько раз заставил повторить, как и когда дергать за вытяжное кольцо парашюта, как разворачиваться по ветру, держать ноги при толчке о землю...

Линия фронта осталась позади. Внизу — непроглядная темь. Только изредка блеснут озерко или тонкая жилка лесной речушки. Наконец самолет лег на крыло, начал описывать круг. Ка-

залось, что далекая земля вдруг вздыбилась вверх. Платонов заметил знакомые очертания, точно такие же, как на карте, двух лежащих рядом озер. Справа от них должна находиться деревня Лубково, а слева, в трех километрах,— огромная лесная порубка, где предстоит приземлиться разведчикам.

Из кабины экипажа вышел летчик-капитан, высокий, полнощекий, и хрипловатым голосом сказал:

— Ну, братва, приготовиться! Только без спешки рвать кольца!

Открыл дверь, и в самолет пахнула свежая струя воздуха. Иван Платонов почувствовал, что у него что-то холодное, как этот воздух, шевельнулось в груди. В тревоге сжалось сердце, и в коленках, в руках появилась противная слабость.

«Страшно,— подумал Иван.— Легче на медведя с ножом идти, чем бросаться в эту прорву...»

Поглядел на разведчиков. В телогрейках, с пристегнутыми парашютами, они казались в полумраке кабины неуклюжими, даже беспомощными. Заметил, как побледнел Петр Скиба. Перевел взгляд на Атаева, Зубарева, Савельева; понял, что и они чувствуют себя точно так же, как он. Только веселыми огоньками горят глаза у Фомушкина и у радиста Курочкина.

«Юнцы, этим бы побольше приключений»,— мелькнула мысль.

Платонов поднялся и точно стряхнул с себя неприятное, давящее чувство. Решительный и уверенный вид сержанта придал бодрости другим разведчикам. Только у Скибы по-прежнему не сходила бледность с лица.

— Пора! — крикнул капитан.

Платонов подошел к открытой двери, положил руку на вытяжное кольцо парашюта. Хотел что-то сказать разведчикам, но побоялся голосом выдать свое волнение.

Во время тренировочного прыжка днем тоже было страшновато, но не так перехватывало дыхание, не сжималось сердце. Глубоко вдохнув в себя воздух, точно перед броском в воду, Иван бросился грудью вперед.

Вторым шагнул за борт самолета радист Курочкин, за ним — Савельев, Атаев, Зубарев.

Настал черед Петра Скибы. Он решительно подошел к распахнутой двери и вдруг остановился. Евгений Фомушкин, которому не терпелось броситься вслед за товарищами, легонько подтолкнул его в спину. Скиба заупрямился, резко повернулся и ухватился одной рукой за обшивку самолета, а второй за грудь Евгения. Но, потеряв равновесие, полетел за борт, успев сильно дернуть за вытяжное кольцо парашюта Фомушкина. Евгений растерянно оглянулся на капитана-летчика и, прижав к груди полотно своего парашюта, которое, точно пух из распоротой подушки, начало вылезать из чехла, бросился в распахнутый люк.

Капитан широко раскрытыми глазами смотрел в опустевший проем двери. И уже ни к чему крикнул Фомушкину:

— Разобьешься, дурак!..

Потом бросился на пол кабины и высунул голову сквозь дверь наружу. Тут же увидел такое, что похолодел: нераскрывшийся парашют Фомушкина верхним краем зацепился за хвостовое оперение, точно прикипел к нему. Фомушкин болтался где-то сзади самолета на вытянувшихся стропах.

Капитан вскочил на ноги и кинулся за перегородку — в кабину, где сидел экипаж...

Правый, левый крутые развороты, еще и еще. Капитан снова лежит на нижней обшивке и смотрит в раскрытую дверь. Полотно парашюта Фомушкина отодвинулось чуть дальше к краю хвостовой плоскости, но расставаться с самолетом упорно не хотело.

Машина опять легла на крыло, потом выровнялась и рванулась вниз. Казалось, неуклюжее тело большого транспортного самолета сейчас разломится на части.

Когда капитан опять поглядел в открытую дверь, то увидел, что парашюта Фомушкина на хвосте самолета нет.

Платонов приземлился среди большой поляны, покрытой редким мелколесьем. Натянул нижние стропы, погасил упавший на кусты парашют и торопливо отстегнул лямки. Тут же увидел, как недалеко к земле скользнул еще один парашютист. Подбежал к нему и узнал Атаева.

Мелколесье мешало оглядеться вокруг. Минут через десять, как было условлено, Платонов два раза закричал филином.

Один за другим собирались разведчики. Последним пришел Петр Скиба — в разорванной телогрейке, с поцарапанным лицом. Из-за того, что он промедлил с прыжком, парашют опустил его на опушку леса и куполом прочно зацепился за ветки сосны. Петр, подтянувшись по скрученным стропам к стволу дерева, выбрался из лямок и спустился на землю.

Не явился на зов один Фомушкин. После того как закопали парашюты, его искали до утра, но тщетно.

В эту ночь произошли еще два важных события. Было перехвачено радиодонесение. Оказывается, код, взятый у лейтенанта Ганса Финке, не устарел. В донесении говорилось:

«Связь с Финке и Герлицем установить не удалось. Наверно, схвачены. Возможно, завтра ночью через линию фронта попытается проникнуть отряд советских разведчиков. Об их задаче русские по телефону говорили так: «Накроем в одном хуторочке птичек, которые к нам залетают». Речь идет о хуторе Борок. Примите меры. Операция подготовлена. Сегодня будет осуществлена. Маргер».

Стояла глухая ночь, когда генералу Чернядьеву принесли это донесение. Генерал не спал. На вошедшего в землянку майора Андреева даже не поднял глаз. Это значило, что комдив сердит. Еще бы: стало известно, что обер-лейтенант Герлиц побывал в медсанбате и убил пленного лейтенанта Финке.

— Диверсии не допустим,— уверенно сказал Андреев, стараясь как-то смягчить неприятное впечатление, которое произвела на Чернядьева

радиотелеграмма, свидетельствовавшая о том, что в тылу дивизии появилась новая группа диверсантов.— На всех объектах — усиленные караулы, люди проинструктированы. Наготове дежурные подразделения.

— Пока что, товарищ майор, фашисты оставляют вас с носом,— хмуро промолвил Чернядьев.— Поймали эту группу Финке и успокоились. Болтунов развелось полно. Найдите, кто проболтался по телефону об операции Сухова. Наказать строжайшим образом... Как Платонов?

— Выбросился. Утром ждем его позывных.

— При первой же возможности сообщите ему, что гитлеровцы знают о готовящемся нападении на Борок. Пусть к хутору не приближаются и ждут наших указаний. Операцию лейтенанта Сухова пока отложить.

— Слушаюсь.

— А насчет диверсии не успокаивайте себя. Как видите, лейтенант Финке правду сказал не до конца... Герлиц, по-видимому,— «майор», которого вспугнул Сухов, остался без рации, вот и не может связаться с этим Маргером. Но кто он — Маргер? Может, группа из Борка уже начала действовать?

— Трудно сказать,— ответил майор Андреев.— Но работают оперативно. Герлиц явился в санбат уже не «майором», а «подполковником».

— Ладно, не задерживайтесь,— поторопил его генерал.— Пока есть время, обзвоните тылы и переправы. Пусть не зевают.

Но звонить уже не было необходимости.

Дмитрий Кедров — тот самый солдат, которого следопыты вырвали из рук фашистских развед-

чиков,— прохаживался вдоль штабелей ящиков, прикрытых густыми еловыми ветками. Рука твердо лежала на новеньком автомате. До предела напряжен слух, обострено зрение.

Непривычна для Кедрова служба в тылу после четырехмесячного пребывания в траншеях переднего края. Чудится ему, что тишина таит в себе необъяснимую опасность.

Четыре дня взвод, где служит Дмитрий Кедров, находится в дивизионных тылах. Его вместе с несколькими другими взводами сняли с переднего края для прочески леса. А сейчас поставили охранять артиллерийский склад.

Ночь выдалась темная, прохладная. Хотя скоро должно рассветать, Дмитрию кажется, что сосны, столпившиеся вокруг в темноте, придвинулись ближе, а прогалины меж них, сквозь которые днем можно было видеть далеко вперед, куда-то исчезли. Совсем иным казался лес ночью. Днем Кедров даже не замечал убаюкивающего шума верхушек сосен, их тонкого посвистывания, а сейчас этот шум мешал прислушиваться к темноте, нагонял дремоту.

Бесшумно, неторопливо прохаживается Кедров от одного угла штабеля к другому; за углами тоже стоят часовые — солдат Новоселов и ефрейтор Мухин. Пятнадцать шагов вперед, пятнадцать назад. Потом останавливается, напрягает слух, зорко всматривается в лесную чащу. Взгляд настороженно прощупывает каждый ствол дерева, темную массу кустов орешника, которые солдаты пожалели срубить, расчищая сектор обзора.

Ветер по-прежнему слегка шумит в верхушках сосен. Внизу стоит затишье, точно в яме. Почему же тогда шевельнулась ветка орешника?

Кедров медленно повернул голову в одну, а затем в другую сторону. Но щеки не почувствовали движения воздуха. Отчего же качнулись ветки? Или показалось?

Дмитрий стал спиной к сосне, о которую опиралась стена ящиков со снарядами. Долго всматривался в ореховый куст, напряженно прислушивался. Ничего подозрительного. «Показалось»,— подумал Дмитрий. И снова медленно зашагал от угла к углу. Автомат холодил руки.

И вдруг Кедров заметил, что рядом с темным силуэтом большого орехового куста замаячил маленький куст. Это встревожило Дмитрия. Он хорошо помнил, что никаких маленьких кустов вокруг не было.

Стараясь ничем не выказать тревоги, Кедров продолжал прохаживаться вдоль штабеля, кося глазом на кусты. Ему казалось, что маленький куст медленно, почти незаметно приближался к стволу ближайшей сосны. «Не поднять бы зря переполоха»,— думал Кедров.

Словно ничего не случилось, часовой свернул за угол, где стоял на посту Новоселов. Сделал ему знак рукой и упал на землю, наблюдая из-за ящиков за кустом. Ждать долго не пришлось. Кедров отчетливо увидел, как темная фигура согнувшегося человека проворно скользнула к ящикам.

Автоматная очередь эхом раскатилась, по лесу...

КОНЕЦ БАНДЫ КАПИТАНА МАРГЕРА

На рассвете на склады артиллерийского снабжения приехали начальник разведки дивизии — сухощавый, высокий майор Андреев — и рядовой Игнат Шевченко.

Майор в присутствии Игната подробно расспросил солдата Кедрова об обстоятельствах нападения на пост. Затем подошли к трупу диверсанта, лежавшему на том же месте — близ штабелей снарядных ящиков. Убитый был одет в обыкновенную телогрейку, солдатские брюки и ботинки с обмотками. Рядом валялись пилотка и финский нож. Из-за борта телогрейки торчала рукоять пистолета.

Шевченко первым делом осмотрел подошвы и каблуки ботинок убитого. Заметив «слизанную» середину железного косячка на левом ботинке, присмотревшись к расположению гвоздей на подошве, Игнат, нахмурив свои черные брови, сказал:

— Это не та птичка в майорской форме, которую мы гоняли, не Герлиц.

— Жаль,— ответил Андреев,— а может, Маргер?

— Кто его знает? Документов никаких.

Около куста, указанного Кедровым, на примятой траве валялись четыре пакета взрывчатки, бутылка с горючей жидкостью, бикфордов шнур со взрывателями. Все это бросили диверсанты, застигнутые врасплох внезапным огнем часового.

Майор Андреев тем временем раздумывал:

«Одежда диверсантов ничем не отличается от одежды других солдат. Не могло ли случиться, что диверсанты пристроились в каком-либо тыловом подразделении и, войдя там в доверие, преспокойно занимаются своим делом?»

Андреев тут же справился, не исчез ли в эту ночь кто-нибудь из состава тыловых подразделений. Но все люди оказались на месте. Никто из офицеров, сержантов и солдат, подошедших взглянуть на застреленного диверсанта, не опо-

знал его в лицо. Все это рассеивало опасения майора. Кроме того, весьма основательные доводы привел Шевченко. Осмотрев склад, который фашисты пытались взорвать, прилегающую к нему местность, а также следы, оставленные диверсантами, Игнат пришел к заключению, что враг действовал наугад.

— В расположении складов диверсантам до этого не удалось побывать. Иначе они полезли бы подрывать снаряды с другой стороны.

Сказав это, Шевченко кинул быстрый взгляд на майора Андреева, на начальника артснабжения — молодого щеголевато одетого капитана. Заметив, что капитан не очень-то верит его словам, Игнат пояснил:

— Правее дороги у самых складов — овражек, сплошь поросший кустарником. Там же и ручей журчит. Ясно, что оттуда легче было напасть на часового. Наконец, легче было приблизиться к посту и около ящиков с минами. Лес там гораздо гуще.

Выслушав доводы Шевченко, майор Андреев укоризненно посмотрел на артснабженца:

— Оказывается, крепко думать нужно, прежде чем склады располагать.

— Оттуда тоже не укусили бы. Охрана надежная,— ответил в свое оправдание капитан.

Шевченко обратился к майору Андрееву:

— Разрешите идти по следу?

— Идите. Вот вам в помощь отделение автоматчиков,— и майор указал своей длинной рукой в сторону выстроившихся на дороге солдат.

Среди автоматчиков был и Дмитрий Кедров. Он смотрел на Игната, точно на волшебника, боялся пропустить каждое его движение, каждый взгляд. На всю жизнь запомнит Дмитрий

разведчиков-следопытов, которые разыскали его на островке среди болот и вырвали из рук фашистов...

Цепочка солдат быстро продвигалась по утреннему лесу. Игнат Шевченко шел впереди. Он понимал, что первые несколько сот метров диверсанты, напуганные внезапной стрельбой Кедрова, должны были бежать по прямой, в глубину леса. Поэтому вел автоматчиков ускоренным шагом, примечая следы.

В прогалинах между стволами деревьев засветлело небо. Вскоре автоматчики вышли на опушку леса. Перед ними раскинулась неширокая, но далеко тянувшаяся вправо и влево — по обе стороны ручья — поляна. Солнце положило свои косые лучи на поляну, и на молодой траве засеребрились капельки росы.

Игнат сразу же заметил, что от того места, где кончается тень деревьев, по искрящейся росистой зелени поляны тянутся три темные полосы. Их заметили и автоматчики.

— Ишь, какую дорогу по росе проторили! — промолвил Кедров.

Солдаты быстро побежали по поляне к ручью. За ручьем темных полос на покрытой росой траве уже не было.

— Опомнились, гады. Начали следы заметать,— сказал Шевченко.

— По воде пошли? — спросил Кедров.

— По воде. Но по илистому дну далеко не уйдут. За мной!

Игнат повел автоматчиков вверх по течению ручья. Ему казалось, что диверсанты побежали именно в этом направлении, так как к лесу здесь ближе. И тут же он вспомнил частое напоминание Платонова: «Только без горячки!» Точно по-

чувствовал на себе строгий, с прищуром взгляд сержанта. Но так сразу менять свое решение не хотелось, и Игнат пробежал еще шагов десяток. Потом остановился.

«Задание серьезное. Не до гонору»,— мелькнула мысль. Он остановил автоматчиков, разделил их на две группы и послал одну, во главе с Дмитрием Кедровым, обратно — вниз по течению.

— Глядите в оба. Ни одной царапины на земле не пропустите,— поучал Шевченко.

Обе группы прошли поляну, углубились в лес и вынуждены были возвратиться обратно.

— Никаких признаков,— с досадой доложил Кедров.— Только один след увидели, но и тот из лесу ведет.

— Где след? Ведите туда.

Вскоре Игнат разглядывал на болотистом берегу ручья замеченные Кедровым отпечатки человеческих ног. Присмотревшись к ним, следопыт снисходительно, с чувством собственного достоинства пожурил Кедрова:

— Эх, голова! Думать нужно. Если человек шел из леса через ручей, так где же следы на этой стороне?.. Молчишь? То-то...

Кедров уже и сам удивлялся, как он не сообразил, что здесь дело «не чисто». Однако не мог понять, что же подозрительного в этих следах, и растерянно оглядывался на переминавшихся с ноги на ногу автоматчиков.

Игнат, хотя и нужно было спешить, не отказал себе в удовольствии поучить не смыслящих в следопытстве солдат.

— Смотрите мой след,— и он сделал несколько шагов по берегу, покрытому еще не высохшим наносным илом.— Сличите его со следом,

который, как вы говорите, идет из леса. Есть между ними разница? Есть. Найденный вами след сделан человеком, который двигался спиной вперед.

Шевченко скороговоркой объяснил солдатам, что при нормальном шаге отпечаток, сделанный краем каблука, обычно глубже всего остального следа, особенно той части, которая выдавливается носком. В этих же следах отпечатки носков ботинок гораздо глубже отпечатков каблуков.

— Ширина нормального шага должна быть больше, чем ширина шага человека, оставившего здесь следы. Это также подтверждает, что человек двигался спиной вперед. Теперь понятно?

— Как у профессора получается,— не без зависти проговорил Кедров.— Не ясно только, почему наши следы мельче, чем эти.

— Вопрос правильный,— похвалил солдата Шевченко.— Ведь здесь только один след. Куда же девались следы остальных двух диверсантов?

— Понятно! — обрадовались автоматчики. — Они прошли по следу первого. Поэтому и отпечатки глубоки.

— Верно. А теперь — по следу!

Вражеские диверсанты хитро заметали следы. Когда на их пути попался еще один лесной ручей, каких здесь много, они прошли по его дну километра два.

Однако Шевченко и автоматчики нашли то место, где выбрались фашисты из воды, нашли их следы в сторону фронта. Долго петляли гитлеровцы по лесу и остановились в густых зарослях совсем рядом с лесной дорогой и огневыми позициями артиллеристов. Враги рассчитывали, что никто не будет искать их в такой близости от наших войск.

И вот перед Шевченко и притомившимися уже автоматчиками встала стена дикого мелколесья, густого и непролазного. Было слышно, как метрах в двухстах отсюда, за мелколесьем, гудели проезжавшие по дороге автомашины. За дорогой изредка резко ухали орудия.

Игнат сообразил, что дальше этого кустарника диверсанты уйти не могли.

Но как бы не вспугнуть их! Как поступить, чтобы никто из них не улизнул? Шевченко оглянулся на автоматчиков. Мало! Ведь, по существу, кустарник нужно прочесывать, здесь за следами усмотреть трудно, да и можно раньше времени выдать себя.

— Товарищ командир,— обратился Дмитрий Кедров к Шевченко,— а что, если пригласим артиллеристов?..

Через пятнадцать минут артиллеристы, поднятые по тревоге, вместе с автоматчиками взяли в кольцо кустарник. Артиллеристов возглавлял молодой краснощекий лейтенант, командир взвода. Кольцо начало сужаться.

Вдруг тишину, висевшую над мелколесьем, вспорола автоматная очередь, вторая, третья... Это не выдержали нервы у диверсантов, услышавших, как со всех сторон тихо потрескивает кустарник.

В ответ прозвучал звонкий голос лейтенанта-артиллериста.

— Вторая рота, гранаты к бою!

Шевченко, пробиравшийся по кустарнику с отделением автоматчиков со стороны леса, понял хитрость лейтенанта и тут же поддержал ее.

— Первая рота, гранаты к бою! — крикнул он хрипловатым баском.

Из глубины кустарника послышался торопливый, жалкий голос:

— Сдаемся! Не бросайте гранат...

— Выходи на дорогу! — властно ответил лейтенант.

— Выходи на дорогу! — повторил Игнат Шевченко.

Пробираясь сквозь мелколесье, на дорогу вышли три солдата с автоматами в руках и вещмешками за спиной. Посеревшие от страха лица, широко раскрытые глаза. Они тут же положили на землю оружие и, затравленно оглядываясь на густую цепь автоматчиков, подняли вверх руки.

Последним вышел из кустарника рыжеголовый, бледнолицый мужчина, также в красноармейской форме. Разбитой походкой он приблизился к молодому лейтенанту-артиллеристу, положил к его ногам автомат и, с трудом выговаривая слова, представился:

— Капитан Маргер, офицер разведки шестнадцатой немецкой армии. Гитлер капут!..

СЛЕДЫ НА ДОРОГЕ

Солнце уже поднялось высоко, когда отделение разведчиков сержанта Ивана Платонова приблизилось к столбовой грейдерной дороге. Позади — большой переход по лесам вокруг деревни Лубково. Этот переход помог разведчикам выяснить, что в районе Лубково, в лесных шалашах и, видимо, в самой деревне, совсем недавно стояла воинская часть. Сейчас ее там нет.

Двигаясь через болото, через лес, сокращая путь, Платонов надеялся успеть побыстрее вы-

вести своих разведчиков к грейдеру и, если удастся, понаблюдать на нем передвижение врага.

И вот дорога перед ними. Разведчики лежат в двух шагах друг от друга, в густой зелени молодняка, буйно поднявшегося над почерневшими, укрытыми в траве пнями. Несколько лет назад здесь был вырублен лес.

Нельзя сказать, что это лучшая позиция для наблюдения: в такой гущине трудно сделать шаг, чтобы над тобой не замахали лапчатыми ветвями кусты. А в случае боя такой кустарник не очень-то прикроет от пуль. Зато дорога тут изогнулась, коснувшись вершиной изгиба порубки, и ее можно просматривать далеко вправо и влево.

Платонов лежит чуть впереди цепочки своего отделения и, опираясь на локти, не отрывает глаз от бинокля. Дорога почти пустынна. Недавно по ней промчались три мотоциклиста, да вон вдали дымит сгоревшей соляркой грузовик.

Ивана одолевают тревожные мысли: почему мотоциклисты так напряженно всматривались в лес? Что случилось с Фомушкиным, куда он мог пропасть? И то, что эти оба вопроса встали сейчас одновременно, казалось не случайным. Ответы на них могут находиться в прямой связи друг с другом.

В который раз жалел Платонов, что взял на это задание новенького солдата Евгения Фомушкина.

«Непроверенный парнишка, вот и результат... А может, парашют не раскрылся?..» — холодила душу мысль.

Уже было пора связаться по радио со штабом дивизии, но Платонов медлил: нечего еще сообщать; разве только об исчезновении Фомуш-

кина. Он решил быстрее посмотреть полотно дороги, пройти вдоль него в направлении к фронту. Это как раз по пути на Борок.

По дороге с ревом промчался тяжелый грузовик. Проводив его взглядом, Платонов встал на ноги.

— Скиба и Зубарев, наблюдайте справа; Савельев и Курочкин — слева. Атаеву следить за моими сигналами, — отдав такое приказание, сержант осторожно выбрался из кустарника.

Грейдерная дорога оказалась изрядно разбитой. Посередине — глубокие и широкие колеи, укатанные колесами машин. Однако Платонову ясно, что здесь прошли и танки: на закраинах колеи сохранились зубчатые следы гусениц. На правой стороне грейдера, почти над кюветом, заметны вмятины с рисунком «елочки». Их оставили колеса пушек. В том, что здесь провезли пушки, Платонов нисколько не сомневался: следы гораздо уже, чем те, которые оставляют машины; между колеями видны отпечатки широких подков артиллерийских лошадей. Направление следов — в сторону фронта.

Платонов прошелся немного вперед и остановился у того места, где дорога была настолько просохшей, что все следы на ней утопали в пыли. Но и пыль подсказывала Ивану, что прошедшие здесь танки, пушки, машины направлялись к фронту. Сержант знал: колеса и гусеницы при движении захватывают пыль и поднимают ее вверх; пыль тут же сыплется на землю, образуя косые зубцы по окраинам колеи. Острия этих зубцов направлены в сторону движения колес и гусениц.

Нехитрая «арифметика», но знать ее разведчику нужно, да и не только разведчику.

Осмотрев полотно дороги, Платонов вернулся в кусты. Взмахом руки поднял с земли солдат и повел их в глубину зарослей.

Шли цепочкой — один в след другому,— настороженные, молчаливые. Одна рука лежит на автомате, другая — вытянута вперед, навстречу упругим веткам, которые хлещут по лицу.

Порубка кончилась, и следопыты вступили в полумрак расчищенного леса. Медноствольные сосны толпились густо; сквозь высокие наметы их ветвей не видно ни клочка неба. И несмотря на густоту леса, здесь после непроходимого кустарника разведчики чувствовали себя не в безопасности. Казалось, за каждым стволом дерева поджидает враг — невидимый и тем более опасный.

Но это чувство вскоре прошло. Через какой-нибудь километр опять начался лес с густым подлеском, давно не видевшим топора лесоруба.

Шли вдоль грейдера в направлении фронта. Разведчики без слов понимали, что сержант Платонов хочет понаблюдать те места, где останавливались на дневные привалы вражеские войска.

Платонова одолевали навязчивые мысли. Отбивался от них, точно от назойливых мух, но они не покидали. Думал о своей далекой сибирской деревушке, о девушке Полине, которая изредка пишет ему письма. В тех письмах скупые деревенские новости: о небогатом промысле сельчан (большинство настоящих охотников ушло на войну), о подготовке к весеннему севу, о том, кто из раненных на фронте вернулся в деревню. И ни слова о другом, что так волнует Ивана. Не пишет Полина о своих чувствах к нему. Однажды он упрекнул ее за это в письме. Ответила

коротко и строго: «Дала слово ждать и сдержу его, а повторяться нечего».

Ивану очень хочется, чтобы узнала Полина, как он водит своих разведчиков по тылам врага. Ведь было время, когда в артели отказались избрать его бригадиром. «Молод — зелен»,— говорили старики.

«Молод — зелен,— ухмыляется своим мыслям Платонов.— А тут специальный самолет предоставили, парашюты, которые не пожалели потом выбросить. И в штабе дивизии небось сейчас ни на минуту не забывают о нас, радист ждет не дождется позывных Курочкина».

Но не узнает об этом Полина. Не умеет Иван рассказывать ей в письмах о фронтовой жизни, о своей службе разведчика. Да и ничего нет особенного в этой службе. Не один же он встречается с опасностями...

Мысль, что по ту сторону фронта с нетерпением дожидаются его сообщений, заставила ускорить шаги. Где-то впереди должен быть ручей. Там, у воды, наверняка фашисты делали большой привал.

По грейдерной дороге, которая чуть виднелась слева в прогалинах между стволами сосен, с треском пронеслась группа мотоциклистов.

«Чего их носит?.. Не нас ли ищут?» — подумал Платонов. Ему в голову не раз уже приходила мысль, что, возможно, Фомушкин попал в руки фашистов. Но не мог допустить, чтобы он, комсомолец, сказал врагу о присутствии в его тылах группы советских разведчиков. И все же сомнение таилось где-то в глубине души: уж очень мало знал Евгения Фомушкина сержант Платонов.

В лесу царила тишина. Только изредка хрустели под ногами сухие ветки.

При каждом таком хрусте Платонов недовольно хмурил брови. Неосторожные шаги свидетельствовали о том, что разведчики привыкли к новой обстановке, почувствовали себя в полной безопасности и не заботятся о мерах предосторожности.

Платонов оглянулся на солдат, окинул их строгим взглядом. Заметив, что силач Савельев, сдвинув в сторону автомат, казавшийся игрушечным на его широкой груди, общипывает на ходу своими толстыми, как сосиски, пальцами лепестки сорванной ромашки, тихо скомандовал всем:

— Стой!

Разведчики остановились.

— Савельев, возьмите в руки автомат. Кто еще раз наступит на сучок или сломает ветку, получит взыскание, — предупредил сержант и с назиданием добавил: — Забываете, что опасности нужно остерегаться, пока ее нет. Потом будет поздно.

Разведчики снова двинулись вперед. Савельев взял на изготовку автомат и, не поворачивая головы, как бы между прочим сказал:

— Цветы почти не пахнут, значит, погода не изменится, хотя и тучи собираются.

— Верно,— скупо похвалил Платонов.— А ну-ка, все посмотрите вокруг. Какие еще видите приметы, указывающие, что дождя не будет?

Разведчики некоторое время молчали, оглядываясь по сторонам.

— Атаев, отвечайте! — приказал сержант.

Желтое скуластое лицо Атаева вдруг сделалось сосредоточенным, точно он решал трудную

задачу. Но только на мгновение. Блеснув черными, как мокрая смородина, глазами, Атаев ответил:

— Вон в том муравейнике все ходы открыты. Муравьи шибко бегают. Утром роса была. Значит, дождь не пойдет.

— Правильно,— одобрил Платонов.— А что Зубарев скажет?

— Одуванчики открыты, листья на кустах не показывают изнанки, облака высоко. Не быть дождю,— отчеканил Зубарев.

Скиба же припомнил, что сегодня небо перед восходом солнца было серым.

— День будет хорошим,— нехотя сказал он. На его продолговатом лице было написано недовольство: «Чего, мол, зря говорить о том, что ясно без слов». Но все же пояснил: — В атмосфере мало влаги. Иначе в ней отражались бы лучи солнца и небо было бы красно, как огонь.

И вдруг лицо Скибы посветлело, на его потрескавшихся губах дрогнула улыбка.

— А ведь Пушкин о погоде тоже писал,— заметил он и, чуть нараспев, прочитал стихи:

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду...

В середине дня разведчики подошли близко к месту, где грейдерная дорога пересекала ручей. Как и предполагал Платонов, здесь в лесу остались следы больших привалов: по обе стороны дороги трава среди деревьев была вытоптана, кусты обглоданы, сучья и сухие ветки подобраны. Вокруг виднелись остатки многих

потухших костров. Видимо, гитлеровцы, как обычно, кипятили в котелках кофе.

Платонов, курносый, рыжебровый, с загорелым и обветренным лицом, чуть ссутулившись, стоял под кустом орешника и осматривал лес живыми, цепкими глазами.

— На каждое отделение — костер, значит, здесь отдыхал батальон пехоты,— прикинул он.

Чтобы убедиться в правильности своего подсчета, Иван начал разыскивать следы батальонной кухни. Скоро он нашел две малозаметные колеи, выдавленные колесами, а между ними, в одном месте,— горку пепла и угля. Трава вокруг была вытоптана. Ясно, что здесь толпились солдаты, получая обед.

По другую сторону дороги снова набрели на следы большого привала. Однако это место внешне отличалось от других. Кое-где валялись коробки из-под сигарет, обрывки газет, писем. Скиба даже нашел две обоймы от автомата, а радист Курочкин — флягу, кинжал и подсумок с патронами.

— Настроеньице, видно, у них неважное,— заметил Зубарев, довольно усмехнувшись всем своим остроносым, побитым оспой лицом.— Видно, что не к теще в гости идут...

Находки действительно говорили о том, что здесь отдыхали солдаты, дисциплина и боеспособность которых не очень высоки.

«А почему? — недоумевал Платонов.— Ведь на местах других привалов все признаки указывают на то, что враг подтягивает действительно свежие, непотрепанные части».

Загадку помог разгадать Петр Скиба — знаток немецкого языка. Когда собрали обрывки писем, в одном из них Петр прочитал:

«...Напиши, долго ли тебе осталось носить бремя смертника. Я же знаю, что вас посылают в самые опасные места...»

После этого не трудно было догадаться, что тут дневал батальон штрафников.

На краю большой поляны наткнулись на следы танков.

— Тоже дневали здесь,— высказался скорый на догадку Зубарев.

— Не иначе,— с убеждением подтвердил радист Курочкин.— Видишь, как трава вокруг выбита.

Платонов молча осмотрел следы.

— «Т-4» стояли здесь — средние танки,— наконец заключил он и, уловив недоверчивый взгляд Петра Скибы, пояснил: — Это видно по ширине следа гусеницы и длине машины. Вот вдоль следа гусеницы бровка из пыли и комочков земли. Пыль и земля ссыпались, когда танк остановился. Длина бровки и равна длине танка. Обратите внимание на пятна от масла...

— А вот здесь второй танк стоял, там — третий,— указывал Зубарев.

Разведчики насчитали следы двадцати семи немецких танков, которые делали в этом месте длительную остановку.

Затем отделение сержанта Платонова взяло курс на хутор Борок.

ЛОВУШКА

Лес постепенно редел. Вскоре в прогалинах между стволами сосен засветлелось небо. Платонов, шедший впереди цепочки отделения, поднял руку, и разведчики тотчас залегли, устремив настороженный взгляд вперед, навострив слух.

В лесу стояла тишина. Лучи солнца, проби-

вавшиеся сквозь ветви уже с западной половины неба, рисовали на земле причудливые узоры, в которых ярко пестрели синие, голубые, фиолетовые колокольчики медуницы на жестких, мохнатых стебельках, золотистые головки василисника и лютика. Было слышно, как, перелетая с цветка на цветок, жужжали лесные пчелы и шмели.

Тишина убаюкивала. У залегших в траве разведчиков сладко заныли ноги, получившие наконец отдых. Петр Скиба с трудом удерживал себя, чтобы не закрыть глаза и не уронить отяжелевшую голову на руки. Ведь позади бессонная ночь и многокилометровый переход по лесам. Клевал носом и молодой радист Курочкин. У него ноша, пожалуй, наиболее тяжелая, но, несмотря на это, он никому ни разу не согласился уступить свой вещмешок, в котором была рация.

Платонов стоял у толстой сосны и, приложив к глазам бинокль, всматривался в прогалины. Ничего особенного не увидев, он повернулся к залегшим разведчикам и заметил осоловевшие глаза Скибы, Курочкина, да и Зубарев, всегда словоохотливый, казался сейчас сникшим. Сержант нахмурил свои рыжеватые брови, распрямил ссутулившиеся больше чем обычно плечи. Его широкое, курносое лицо, посеревшее от усталости, сделалось строгим и даже злым. Этого было достаточно, чтобы разведчики зашевелились, сбрасывая с себя дрему и преодолевая усталость.

— Вправо от Савельева — в цепь! — тихо скомандовал Платонов. А когда разведчики проворно побежали на свое место, сержант внушительно сказал: — Наблюдать за мной и ушами не хлопать. Борок под носом.

Взяв на изготовку автомат, Иван неторопли-

вым шагом пошел вперед. Он, как и остальные его разведчики, также чувствовал большую усталость. Гудели натруженные ноги, ломило в пояснице, а в голове стоял звон, мешавший прислушиваться к лесным шорохам. Но что поделаешь? Нужно занять позицию близ Борка, установить наблюдение за хутором, связаться по радио со штабом дивизии, а уж потом можно будет подумать об отдыхе.

Деревья расступились еще больше. Платонов залег и ползком подобрался к видневшемуся на опушке кусту можжевельника. Отсюда перед взором Ивана раскинулся длинный — километра на три — луг, стиснутый с двух сторон лесом. Через луг, во всю его длину, протекал узкий извилистый ручей. Берега ручья были словно покрыты ярко-желтым покрывалом — это золотились лютик и козлобородник. А ближе к лесу густо румянел тысячелистник.

По ту сторону луга виднелся хутор Борок. Платонов долго осматривал бревенчатые стены немногих его домиков, дворы, но не увидел ни одной живой души. Закралась тревога: «А что, если никого там нет? Могли же пленные наврать или напутать?.. Тогда вся затея насмарку».

А время не терпело. И Платонов принял решение: лесом обогнуть луг, приблизиться к Борку.

И вот цепочка разведчиков снова петляет меж деревьев и кустов. Снова настороженный взгляд вперед и по сторонам. Но на этот раз идти пришлось недолго. Через полчаса наткнулись на густые, почти непролазные заросли колючего боярышника. Забрались в глубину кустарника и на тесной поляне остановились.

— База подходящая, — сказал Платонов,

оглядываясь по сторонам.— Здесь и отдохнем. Только не все. Атаеву и Скибе оставить вещмешки и идти в разведку, Курочкину развернуть радиостанцию.

Атаев и Скиба, освобождая плечи от лямок вещмешков, слушали приказ сержанта.

— Задача простая: подобраться поближе к хутору и понаблюдать за ним. Но чтоб ни звука. Наблюдать — и только. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант, — с готовностью ответил Атаев.

— Ясно,— чуть помедлив, сказал Петр Скиба.

— Старшим назначаю...— Платонов цепким взглядом впился в лицо Скибы. Не зря он выбрал именно Петра для такого дела. «Этот напропалую не полезет»,— мелькнула мысль.— Старшим будет рядовой Скиба... И еще запомните: в случае чего — пункт сбора,— и Платонов ткнул пальцем в карту, которую развернул Скиба,— здесь, на болоте. Ищите по следам.

Атаев и Скиба пробирались сквозь густой подлесок по направлению к хутору. Атаев время от времени надламывал ветки на кустах, перекладывал валявшиеся под ногами сучья: разведчик оставлял приметы, чтобы легче было возвращаться назад.

Вскоре между деревьями замаячили постройки. Атаев и Скиба легли и ползком начали выдвигаться из глубины леса на его опушку.

До крайнего домика — рукой подать. Хорошо видны окна без стекол, полуоткрытая дверь, заросший бурьяном дворик. На огороде стог сена — растерзанный, потерявший свою форму. Вокруг ни души.

— Нужно ближе, чтоб улицу увидеть,— предложил Атаев.

Скиба заколебался: стоит ли спешить? Но тут Петр вспомнил, как он перетрусил, когда выбрасывались из самолета, подумал, что, пожалуй, если б не подтолкнул его Фомушкин, не хватило бы у него сил нырнуть в бездну. И стало стыдно Петру. Весь день его мучила мысль: «А не из-за меня ли нет сейчас Фомушкина среди нас? Может, промедлив, спрыгнул, как и я, на лес, но более неудачно?..» (Скиба, конечно, и не заметил тогда в горячке, как он рванул вытяжное кольцо парашюта Фомушкина, и поэтому худшего не предполагал).

— Поползли,— согласился наконец Петр.

Перевалили через канаву, окаймлявшую огороды хутора, подобрались к стогу сена.

Только теперь Скиба и Атаев заметили в его бревенчатой стене амбразуру, прикрытую свежими ветками. Это встревожило солдат.

Разведчики замерли. Прошло десять, может быть, двадцать минут. Солнце уже спряталось за лесом, а следопыты неподвижно лежали на земле.

В хуторе по-прежнему царила мертвая тишина. Но разведчиков томило тягостное чувство. Тишина казалась зловещей, ничего доброго не сулившей. И Атаев и Скиба начали думать, что зря они вышли из лесу, что хутор таит какую-то опасность.

Тревожная догадка подтвердилась. Разведчики увидели, как из леса, почти в том же месте, где не так давно они лежали на опушке, выбежала группа солдат в серых тужурках и брюках, заправленных в сапоги. Фашисты, развер-

нувшись в цепь и держа наготове черные автоматы, устремились прямо к стогу сена.

— Огонь! — крикнул Скиба.

Оглушительно застучали два автомата.

В этот миг из-за дома выскочила вторая группа солдат. Скиба не успел повернуться в их сторону, как в это время откуда-то с опушки леса ударила по фашистам длинная автоматная очередь. «Кто стреляет?»

Эта очередь сразила нескольких солдат и заставила залечь всю группу. Фашисты, охватывавшие кольцом Скибу и Атаева, не стреляли, надеясь взять разведчиков живыми.

У самого уха разразился резким стуком

автомат Атаева. Скиба толкнул локтем товарища под бок и крикнул:

— Беги к лесу, пока не окружили!

Но тот, сделав вид, что не расслышал, продолжал стрелять.

— К лесу! — сурово приказал Скиба.

Атаев кинул на Петра горящий, негодующий взгляд, но ослушаться приказания старшего не посмел. Он быстро подхватился и стремительно побежал через огороды. Скиба, прикрывая отход товарища, не переставал стрелять из автомата по гитлеровцам, залегшим у дома. Потом посмотрел вслед Атаеву и, увидев, что тот достиг опушки леса, вскочил на ноги. Еще полоснул длинной очередью, пригнувшись, забежал за гумно и скрылся из глаз преследователей. Отсюда Петр повернул к большому пепелищу, видневшемуся в стороне. Но вдруг ноги его потеряли опору, и Скиба рухнул в какую-то яму.

В нос ударил запах прели, сырости. Петр попытался выбраться наверх, но почувствовал острую боль в ступне правой ноги.

Свое донесение в штаб дивизии об исчезновении Фомушкина и результатах разведки района деревни Лубково и дороги на Замочье Платонов

закончил словами: «Сейчас силами двух человек веду разведку хутора Борок. Группу Сухова сможем встретить в назначенное время».

Передав донесение, Курочкин перешел на прием. Штаб некоторое время молчал, видимо расшифровывая радиограмму. Затем рация заработала.

Первые же строки взволновали Платонова. Из штаба сообщали:

«Фашисты ждут вашего появления у хутора Борок. Немедленно уходите. Ждем ваших позывных через два часа».

В это время со стороны хутора послышалась автоматная стрельба.

— Отделение, к бою! — тихо, но властно скомандовал сержант Платонов.

Поредевшее отделение разведчиков встретило рассвет километрах в десяти от хутора, в том месте, где был заранее намечен пункт сбора на случай, если посланные в разведку Скиба и Атаев никого не застанут на прежней стоянке. Здесь, в глухих зарослях лозняка, укрывших зыбкий островок среди труднопроходимого болота, коротали остаток ночи. От боя с фашистами, прочесывавшими лес вокруг Борка, уклонились. Нельзя было выявлять свои силы, нельзя дать возможность врагу обнаружить местонахождение разведчиков.

Платонов сидел на высокой мохнатой кочке и непрерывно глядел в расстеленную на коленях топографическую карту, точно хотел найти там ответ на вопрос: «Что случилось со Скибой и Атаевым, где Фомушкин?»

Обуревало желание подобраться к хутору, попытаться выяснить, что там произошло. Но

майор Андреев строго-настрого по радио запретил приближаться к Борку.

Лицо Платонова за ночь еще более потемнело, осунулось. На нем были написаны крайняя озабоченность и напряженное ожидание. Такое же ожидание застыло на усталых лицах Савельева, Зубарева, Курочкина. Все они, как и сержант, настороженно прислушивались к шелесту кустов, к каждому шороху на болоте, ожидая, что вот-вот выглянет из-за лозняка скуластая, с чуть раскосыми глазами физиономия Атаева, появится кряжистая фигура осторожного Скибы. Не зря же Платонов ночью, уводя разведчиков от преследования, то и дело оставлял на кустах, стволах деревьев, на земле приметы, по которым исчезнувшим следопытам легче будет разыскать товарищей. Солнце поднялось выше. В недалеком лесу и в кустарнике на островке начал утихать утренний концерт птиц. А разведчики все сидели и ожидали.

«Потерпим еще час. Не придут — значит, ожидать нечего», — твердо решил Платонов.

— Тс-с-с,— вдруг зашипел Курочкин, хотя никто не нарушал тишины. Послышался шорох кустов и хлюпанье болотной жижи. Разведчики насторожились.

Минута томительного ожидания. Острый глаз Платонова первый заметил тупое рыльце автомата, просунувшегося сквозь кусты лозняка. Вслед за этим показалась фигура в маскировочном халате. Остроносое лицо, настороженный взгляд, седоватые брови.

— Фомушкин!.. Женя!.. — с изумлением и неудержимой радостью в один голос воскликнули разведчики, позабыв об осторожности.

Фомушкин, опустив автомат, бросился в объятия товарищей. Потом тихо позвал:

— Скиба, иди! Здесь они.

Из зарослей выглянула черная, непокрытая голова Скибы. Встретившись взглядом с товарищами, Петр радостно улыбнулся. От этого его лицо посветлело, хотя с него и не исчезла тень усталости и горечи. Скиба шагнул вперед, и разведчики увидели, что он держит правую ногу на весу и опирается на палку...

Первым докладывал Скиба. Рассказывал, как они с Атаевым попали в ловушку, как, уходя от погони, он нечаянно свалился в заросший бурьяном погреб и вывихнул ногу.

В погребе Скиба лежал долго, прислушивался, как немцы искали его на огородах. Ему удалось уловить фразу, брошенную каким-то фашистом: «Этого раненого доставили обер-лейтенанту Герлицу, а второй русский будто сквозь землю провалился». Значит, Атаева захватили раненым.

Вскоре в хуторе воцарилась тишина, и Скиба прислушивался к автоматным очередям в лесу, раздумывал над тем, что делает сейчас отделение и кто мог поддержать его с Атаевым огнем в ту трудную минуту, когда гитлеровцы брали их в кольцо.

А потом, когда все вокруг успокоилось и наступила ночь, Петр услышал возле погреба шелест бурьяна и вслед за этим шепот:

— Скиба, живой ты или нет?

Это был Евгений Фомушкин.

Фомушкин рассказал о своем неудачном прыжке с парашютом и о том, с каким трудом удалось летчикам сбросить его с хвоста само-

лета. Приземлился Фомушкин на лесную поляну близ того места, где грейдерная дорога пересекала речушку. Сориентировался по карте и определил, что находится в двенадцати километрах от Борка. Так как найти отделение было невозможно, Евгений решил идти к хутору.

Рассвет застал его у Борка. Фомушкин выбрал сосну на опушке леса, забрался на нее и замаскировался. Утром видел, как гитлеровцы расставляли в засаду своих солдат, но предпринять ничего не мог: его наверняка схватили бы, если б спустился с дерева, к тому же он не знал, с какой стороны могут подойти к хутору разведчики. Оставалось одно: ждать.

Скибу и Атаева Фомушкин заметил в тот момент, когда фашисты начали их окружать. Невзирая на опасность, открыл огонь из автомата. В суматохе боя фашисты не разобрались, кто и откуда стрелял по ним.

Видел Фомушкин, как свалился в какую-то яму близ пепелища Скиба, как упал раненый Атаев и на него набросились враги...

Потом вместе со Скибой они лежали в бурьяне на огородах, прислушивались, наблюдали, как фашисты грузили какое-то барахло в большой автобус. Тут Фомушкин чуть не выдал себя. В свете фар он увидел высокого гитлеровца в офицерской форме и узнал в нем «майора» — старого «знакомого», которого не так давно искали они по коровьим следам и которому удалось тогда улизнуть. Фомушкин вскинул автомат, но Скиба вовремя успел схватить его за руку.

К середине ночи немцы покинули хутор. Бронетранспортером они поволокли большой автобус по дороге за ручей.

Короткой кодированной радиограммой Платонов сообщил майору Андрееву о событиях и о своем решении начать розыски Атаева. Из штаба ответили:

«Вступать в бой с противником только в крайнем случае. Разведку ведите со всеми мерами предосторожности. В 18.00 ждем ваших сообщений. Андреев».

Скиба в это время мастерил себе костыль из ствола не совсем ровной, но крепкой березки. Ему помогали Фомушкин и Савельев.

Расшифровав полученную радиограмму, Платонов бросил беспокойный взгляд на Скибу. Петр уловил этот взгляд и понял мысли сержанта.

— Смогу пройти хоть сто километров, — сдержанно промолвил он. Потом усмехнулся и добавил: — Деревянная нога меньше уставать будет.

— Сможете не сможете, а идти надо,— ответил Платонов. Развернув карту, он подозвал к себе разведчиков.

— Значит, немцы уехали вот по этой дороге?

— По этой самой, — подтвердил Скиба.

— Стало быть, здесь и нужно «привязываться» к их следам.

Платонов учитывал, что хутор лежит в стороне от больших дорог, машины проезжают через него редко. Значит, можно было надеяться, что следы, оставленные ночью гитлеровцами, уехавшими из Борка, не затерты. Тем более, что гусеницы бронетранспортера, которым гитлеровцы буксировали автобус, должны были оставить четкие отпечатки.

Прежде всего Платонов решил обследовать полотно дороги, подходящей к Борку с противоположной стороны. Чтобы не пойти по ложному следу, сержант хотел выяснить, не проезжал ли сегодня через Борок какой-либо другой транспорт.

Направились к дороге. Поляны обходили, просеки переползали. Неожиданно заметили перед собой узкую, обнаженную, пепельного цвета полосу земли. Это и была дорога, стиснутая с двух сторон тучной зеленью леса.

На дорогу вышли только двое — Платонов и Савельев. В пыли они рассмотрели мелкие колеи, выдавленные колесами прошедших машин.

Когда и в какую сторону прошли машины? Может быть, они своими колесами стерли нужные разведчикам следы по ту сторону хутора?

Не выяснив этого, нельзя было продолжать разведку.

Рисунок следов казался нечетким, давним. Но Платонов учитывал, что на пыльной дороге самый свежий отпечаток может при одном дуновении ветра превратиться в «старый».

Пытались найти между колеями следы брызг масла, по которым легко узнать, в какую сторону ушли машины, но это не удалось.

Фомушкин, Зубарев, Курочкин и Скиба тем временем шли лесом, немного впереди Платонова и Савельева, приготовившись в случае опасности прикрыть отход товарищей огнем автоматов.

За поворотом дороги Платонов и Савельев увидели большую лужу. Обрадованно подошли к ней. Эта заплесневевшая лесная вода должна была помочь разгадать, в каком направлении и как давно проехали немецкие автомобили.

Разглядев следы машин близ лужи, Платонов удовлетворенно заметил:

— Все в порядке.

Разведчикам было известно, что при переезде через лужу или наполненную грязью выбоину колеса машин разбрызгивают воду и грязь наискось по направлению движения и, кроме того, оставляют за собой влажные следы, отчетливость которых уменьшается по мере удаления машины.

По этим признакам установили, что все прошедшие здесь машины ехали со стороны хутора. Другие приметы — комки грязи, выброшенные колесами из лужи и уже высохшие, — подсказали, что машины прошли здесь еще вчера.

Не теряя времени, разведчики лесом обогнули Борок и вышли на дорогу с противоположной стороны, в двух километрах от хутора.

На дороге Платонов и Савельев разглядели запоминающиеся следы, оставленные тяжело груженным автобусом, — две широкие колеи и по краям их четкие отпечатки гусениц бронетранспортера.

Дорога, извиваясь между зарослями и болотами, шла наискось к фронту. Именно к фронту держала путь группа специального назначения, которую возглавлял опытный разведчик, бывший «аспирант» шпионской школы «Орденсбург Крессинзее» обер-лейтенант Карл Герлиц. Это могло означать только одно: Герлиц, несмотря ни на что, собирался забросить змеиный выводок за линию фронта.

Сержант Платонов терпеливо вел горстку своих солдат вдоль дороги. Шли лесом, пробирались сквозь кустарники, переползали или обходили открытые места. Молчали, избегали встре-

чаться друг с другом взглядами. Думали об Атаеве, попавшем в руки врага. Каждому казалось, что и он виноват в этой неудаче.

Петр Скиба замыкал цепочку разведчиков. Он скакал на одной ноге, стараясь подальше вперед выбрасывать самодельный костыль. Беспокоила боль в ступне, горела кожа под мышкой. Особенно трудно было ему идти кустарником. Но стойко переносил трудности Петр, старался не отставать от товарищей, не задержать их. Что это за испытание для него по сравнению с тем, какое выпало на долю Атаева!

Путь разведчикам перерезала широкая просека. Платонов первым выполз на открытое место, огляделся по сторонам и, махнув рукой солдатам, ползком двинулся дальше. Когда оказался на середине поросшей негустой травой просеки, вдруг заметил на песчаном грунте знакомые следы буксируемого автобуса. Что за чертовщина? Неужели гитлеровцы свернули с дороги и двинулись напрямик к фронту? Это требовалось проверить.

Платонов круто повернул назад. Пришлось выйти на дорогу и осмотреть ее. Оказалось, фашисты действительно свернули с дороги на просеку.

Вдоль просеки идти было удобнее и безопаснее. Разведчики ускорили шаг. Платонов на ходу развернул карту и проследил взглядом, куда ведет просека. Выяснилось, что километров через пять она пересечет рокадную, идущую вдоль линии фронта дорогу.

«Неужели выедут на эту магистраль? — думал Платонов. — Там идти по следу будет труднее...»

Через полчаса острый слух разведчиков уло-

вил лязг железа. Где-то впереди и чуть правее в глубине леса точно стучали молотком по наковальне.

Завернули вправо от просеки. Здесь лес был погуще, с подлеском.

— Савельев и Фомушкин — в головной дозор, — распорядился сержант.

Опять пошли вслед за маячившими метрах в тридцати впереди широкоспинным, могучим Савельевым и по-мальчишески стройным, тонким Фомушкиным. Стук железа доносился все отчетливее, и дозорные держали направление прямо на него.

Вдруг Савельев и Фомушкин остановились и тут же упали на землю. Савельев поднял над головой автомат, что означало: «Замечен противник».

Отделение залегло, а Платонов вмиг перебрался к дозорным.

Впереди, в прогалине между деревьями, виднелась серая парусиновая палатка. Платонов чуть прополз в направлении к ней и увидел другие палатки, а рядом с ними несколько грузовиков, бензоцистерну и огромный серый автобус, еще не отцепленный от бронетранспортера. По лесу гулким эхом разносился стук железа, громкие голоса, урчание моторов.

Фашисты чувствовали себя в безопасности.

Отделение укрылось в глухих зарослях неподалеку от обнаруженного лагеря. Не было в отделении только Савельева и Фомушкина. Они лежали в кустах под самым носом у фашистов и наблюдали за ними.

Ровно в 18.00 радист послал в эфир свои позывные. Из штаба поступил приказ: «В квадрате 27-18, Б (это означало — у стыка просеки и

дороги, по которой гитлеровцы буксировали автобус) отделению разведчиков Платонова ждать прихода разведотряда лейтенанта Сухова.

После объединения с отрядом действовать по указанию его командира».

Ждать пришлось целую ночь. Только на рассвете очередная смена дежурных — Платонов и Зубарев — услышала, как в стороне просеки ухнул филин. Это условный сигнал. Мгновение — и все разведчики были на ногах.

— Угу-у! — ответил Платонов.

От сосны к сосне, держа на изготовку автоматы, осторожно приближались к просеке. Еще несколько шагов — и лес начал редеть. Над просекой стелился туман, незаметный в глубине леса. Вокруг — ни души. Может быть, разведчики услышали не сигнал, а крик настоящего филина, потревоженного предутренней прохладой? Несколько минут стояли, прижавшись к соснам, не выдавая себя ни единым движением. Потом Платонов, приложив ладони ко рту, снова, но уже более тихо, закричал филином.

От дерева впереди отделилась фигура человека. Платонов тотчас же узнал в ней Игната Шевченко и шагнул навстречу с распростертыми руками. Не успел обняться с ним, как сзади облапили Ивана могучие руки лейтенанта Сухова.

Из кустов высыпали остальные разведчики.

Еще не взошло солнце, не улетучились из леса сумерки, как отряд советских разведчиков приготовился к нападению на вражеский лагерь: перерезаны провода линии связи, распределены

обязанности между группами, залегшими в лесу вокруг лагеря.

В лагере тишина и безлюдье. Только несколько часовых, поеживаясь, прохаживались между палатками и возле машин.

Вдруг автоматная очередь полоснула по часовым. Казалось, лес ответил ей многоголосым эхом. Но это было не эхо. Ударили многие автоматы, застрочили пулеметы. Разведчики вихрем налетели на лагерь...

Лес звучал веселым говором птиц. Всходило солнце, осветившее пока только верхушки деревьев. И, хотя солнечные лучи еще не коснулись остывшей за ночь земли, не пробились к ней сквозь высокие наметы ветвей, разведчикам казалось, что лес сегодня не такой угрюмый и неприветливый, как обычно. Выполнив задание, они уходили в глубь лесной глухомани, в глубь болот. А впереди со связанными руками шли девять пленных — девять уцелевших в недавней схватке фашистов, которые должны были быть заброшены в тыл советских войск. И вот сегодня их ведут за линию фронта, но ведут далеко не так, как им хотелось бы.

Впереди колонны бредет обер-лейтенант Карл Герлиц. Неприглядный вид у шефа гитлеровских лазутчиков.

Радость каждой победы на войне всегда омрачается потерями. Омрачена радость и разведчиков. Савельев, Зубарев и еще два солдата из отряда лейтенанта Сухова несут на носилках, сделанных из плащ-палатки, тело Атаева. Умер он в страшных муках, но не выдал тайны, не нарушил присяги.

Сзади несут двух раненых разведчиков. Рядом с ними скачет на одной ноге и на костыле

Петр Скиба. У него забинтована голова. В бою Скиба не отстал от товарищей, не дал молчать своему автомату.

Евгений Фомушкин шагает в ногу с Игнатом Шевченко. У обоих сияют глаза. Позади ведь столько пережитого и сделанного!

Чуть ссутулившись, бесшумно ступает Иван Платонов. На его потемневшем курносом лице заметна усталость. Глаза под рыжими бровями спокойные, задумчивые. Кто знает, о чем думает Платонов: может, о девушке Полине из далекой сибирской деревни, может, о делах, которые ждут его впереди...

Тихо шумит верхушками сосен лес, вздыхает и посапывает укрытое зеленью болото, прерывисто рокочут вдали орудия. Идет война. И смелые труженики войны — разведчики — держат путь навстречу новым опасностям и победам.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

1

Полевой госпиталь разместился в небольшой полуразрушенной белорусской деревне Бугры. Такое название деревня носила потому, что раскинулась она на склонах продолговатой плоской высоты.

Пустыми проемами окон уцелевших домов деревня глядела на небольшую извилистую речушку Быстрянку — приток Припяти, на пестрый в золоте солнца сухой луг. Луг распростерся за Быстрянкой и тянулся до большака, по которому проходили в направлении притихшего фронта машины. Среди деревни возвышалось двухэтажное здание школы.

Быстрянка полукольцом огибала высоту, оттесняя деревню к сосновому лесу, с севера подступавшему могучей стеной к самым огородам и садам.

Стоял погожий июнь 1944 года. Буйная зелень вперемежку с цветами точно выплеснулась из леса, заполонив все окрест. Луг за Быстрянкой пестрел яркими красками. Опьяняющий аромат цветов и трав незримо струился над прогретой

солнцем землей. Казалось, что нет войны, нет страданий, крови, смерти. Неистребимая жизнь властвовала вокруг. Об этом говорила каждая травинка на израненном снарядами поле, каждая щепа и стружка в деревне, встававшей из пепла...

В такое время никому не сиделось в помещении. Выздоравливающие раненые, которые могли ходить, свободные от работы санитары, медсестры, врачи — все тянулись под открытое небо, на воздух, густо настоенный на весенних травах и цветах. Особенно людно было вокруг школы, в которой размещались основные отделения госпиталя.

Школьный двор был обнесен полуразвалившимся деревянным забором. В его дальнем углу, под старой грушей, сложены парты. На них расселись выздоравливающие. Дымя самокрутками, они вели бесхитростный солдатский разговор о последних новостях.

Две подружки, Сима Березина и Ирина Сорока, выбрали себе уголок в сторонке — за грудой обгорелых бревен, возле пролома в заборе. Отсюда хорошо была видна дорога, юлившая через луг от большака к селу. Сидя в траве, девушки штопали чулки и изредка бросали взгляды сквозь пролом. Пока не едут санитарные машины с ранеными, у них свободное время.

Работали молча, каждая думая об одном и том же. «Как там дома? Живы ли?..» Сима и Ирина родились и выросли в Олексино — белорусской деревне, которая раскинулась между Червонным озером и речкой Птичь — притоком Припяти, — среди живописных лесов, лугов, обширных торфяных болот.

В один из первых дней июля 1941 года на-

против дома, где жила Сима Березина, остановились две грузовые машины. В кузовах на соломе лежали раненые красноармейцы. Измученные люди просили пить, требовали, чтобы сменили на их ранах заскорузлые, причинявшие нестерпимую боль повязки. Кроме шоферов, никого с ранеными не было.

Сима, увидев, как шофер неумелыми, грубыми руками пытался поудобнее уложить раненного в грудь сержанта, предложила свою помощь. Вместе с Симой взялась за дело ее школьная подружка Ирина Сорока. Потом девушки, наспех собрав узелки и попрощавшись с родными, уехали сопровождать до госпиталя машины. Ни Сима, ни Ирина не думали тогда, что не скоро им придется вернуться домой. Вместе с госпиталем, который разыскали в Копаткевичах, дошли они до верховьев Дона. И теперь, три года спустя, военная судьба возвращала их к родным местам. От Бугров до Олексино оставалось совсем недалеко. Но, к великому горю подружек, линия фронта остановилась. Родное село находилось в руках врага.

По всему чувствовалось, что приходит конец затишью на фронте. Все больше поступало в госпиталь раненых, участвовавших в крупных разведывательных операциях, все чаще пролетали в сторону фронта советские самолеты, все оживленнее по ночам делался за лугом большак. С наступлением темноты оттуда доносился грозный рев танков.

Да и днем не затихала жизнь на большаке. Сейчас, сидя в траве и штопая чулки, Сима и Ирина видели, что над дорогой висели облака пыли, поднятые колесами идущих к фронту машин. И еще старательнее склонялись девушки

над работой. Шелковые чулки они мечтали надеть дома: хоть и в сапогах, а все же частичка чего-то довоенного, мирного.

Трудный у них путь позади... В 1941 году, когда Сима и Ирина пришли в госпиталь, их назначили палатными сестрами. Потом стали привлекать к работе в перевязочной. Они разбинтовывали и забинтовывали раненых, усваивали обязанности перевязочной сестры, обучались делать внутривенные вливания, изучали хирургический инструментарий. Потом помогали заготавливать перевязочный материал и укладывать белье, знакомились со стерилизацией, с приготовлением шовного материала, учились надевать стерильный халат и маску... А через год Симу поставили у стерильного стола на подачу хирургу инструментов.

Теперь Сима Березина уже старшая операционная сестра — правая рука хирурга.

— Какая ты счастливая! — не раз говорила ей Ирина. — А мне не доверяют...

Счастье... Разве это счастье? Ведь ни одна мечта не сбылась. Сердце изнывает от тоски по родным. Где Павел? Не забыл ли ее, думает ли о ней?

Сима, отложив в сторону недоштопанный чулок, подняла голову и сквозь раскинувшиеся над дорогой ветви ясеня посмотрела на чистое небо. На вершине ясеня заметила большое птичье гнездо, и ей сразу вспомнился один давний летний день.

Симе было тогда лет двенадцать. Захватив глиняный кувшин, вместе с подружками пошла она в лес собирать землянику. На краю большой поляны, недалеко от дороги, которая ведет на деревню Боровая, девочки встретили Пашку

Кудрина. Босоногий, вихрастый, с подвернутыми штанами, в полосатой ситцевой рубашке, Павел с клеткой в руке шагал, озабоченно всматриваясь в верхушки деревьев. По проволочным решеткам клетки беспокойно металась молоденькая белка. Павел поймал ее на дереве в старом сорочьем гнезде.

Увидев девочек, Павел насмешливо сказал:

— Нашли, где ягоды собирать! Наверное, с утра по штучке щиплете. А за грибным рвом ягоды сами в руки лезут — полным-полно!

— Так уж и лезут! — ответила Сима и строго спросила: — Ты зачем белочку посадил в коробку?

— Это не коробка, а клетка. А зачем — не твоего ума дело, — самодовольно ответил Паша и снова, закинув назад голову, устремил взгляд на вершины деревьев. Вскоре среди листвы высокого граба, почти на самой его макушке, он заметил гнездо. Подошел к стволу дерева и стукнул по нему палкой. Девочки тотчас увидели, как вверху мелькнул рыжий пушистый хвост.

— Есть! — радостно воскликнул Паша. Прицепив клетку к поясу, он ловко начал взбираться по ветвистому стволу.

Сима с подружками в сторонке присела на траву и с любопытством наблюдала за пареньком. К гнезду Павел подбирался осторожно: боялся, чтобы не разбежалась беличья мелюзга. Он был уверен, что сейчас посадит в клетку целый выводок. Вот он уже у гнезда, осторожно занес над ним руку. И вдруг:

— Ай!..

Девочки испуганно вскочили на ноги. С Павлушей что-то неладное. Закричав страшным голосом, он сорвался с ветки, упал на другую и по-

вис. Но не удержался и снова начал падать. На самой нижней ветке опять зацепился, повисел и... рухнул в траву, оставив в ветвях клетку с белкой.

Сима подбежала к нему первой. Увидела бледное, расцарапанное лицо, закрытые глаза. На мгновение она оцепенела от страха. Но тут же опомнилась. Повернулась кругом и что было сил побежала к недалекому ручью. На бегу вытряхивала из кувшина в траву землянику, которую собирала с самого утра.

Принесла воду, но Павел уже пришел в себя. Он сидел на том самом месте и покачивался из стороны в сторону. Сима дала ему попить из кувшина, промыла царапины на лице.

Как бы извиняясь перед девочками, Пашка со страхом поглядел вверх, на гнездо. И вдруг одна из девочек закричала:

— Смотрите! Уж, уж!

Все увидели, как по стволу граба скользил между ветками большой уж. Он был в гостях у белок. Девочки, глядя на Пашу, захихикали. Сима насмешливо сказала:

— Больше не будешь белочек трогать...

И часто она что-нибудь вспоминала. Всплывали в памяти давно забытые картины, случаи, разговоры. Вот и сейчас, когда в другом конце двора густой бас затянул «Катюшу», Сима вспомнила, как однажды ее мать выгнала Пашку из хаты за то, что он начал насвистывать в комнате. Потом они в саду учили алгебру.

Давно все это было. И выпускной вечер после окончания десятилетки давно был... Закончился концерт, и они с Павлом до утра бродили по дорожкам колхозного сада. У молодой яблоньки на краю сада Павел каким-то чужим, охрипшим

голосом сказал ей то, что она так хотела услышать от него... Потом началась война...

Так и жила Сима с мыслями о Пашке — вихрастом, задиристом сверстнике. Мечтала встретиться с ним...

А тут еще занял какое-то место в ее мыслях капитан Пиунов — прославленный разведчик. Не хотела Сима себе сознаться в этом, но даже подруга, Ирина Сорока, заметила, что внес сумятицу в ее девичью душу бравый, насмешливый капитан.

Пиунова привезли в госпиталь с осколочным ранением в плечо. Рана не опасная, но быстро ее не залечишь.

Капитан был «ходячим» раненым. Он целые дни слонялся по госпиталю, шутил с медсестрами и молодыми врачами, а вечерами, когда в какой-нибудь хате собиралась свободная от службы молодежь госпиталя, чтобы попеть и потанцевать под патефон, Пиунов приходил туда первым. Шутник и весельчак, он перезнакомился со всеми девушками, начинал ухаживать за одной, другой и, наконец, остановил свой выбор на Симе Березиной. Все замечали, как он ревниво следил за ее взглядом, как украдкой оглядывал с головы до ног и становился вдруг задумчивым.

Однажды рано утром Сима побежала к кастелянше Степановой получить свежие простыни для операционной. Степанова, пожилая женщина с басовитым голосом и прямолинейным характером, была всегда в курсе всех новостей, и ее острый язык не щадил никого. Когда Сима появилась на пороге просторной хаты, в которой размещалось бельевое хозяйство госпиталя, Степанова встретила ее ядовитым вопросом:

— Ну как, держишься?

— Вы о чем? — насторожилась Сима.

— Не знаешь? Капитан-то небось домогается. Да вот и он сам. За тобой спешит, — и кастелянша показала в окно.

Сима увидела, что через двор торопливо шагал к хате капитан Пиунов, и почувствовала, как загорелось ее лицо. Она перевела умоляющий взгляд на Степанову.

— Меня здесь нет, — зашептала Сима и юркнула за дверь соседней комнаты.

Сима слышала, как вошел Пиунов, поздоровался и спросил:

— Березина не у вас?

— Нет, — мрачно ответила Степанова.

— Куда же она пошла? Вроде сюда направлялась... Ну, я пойду.

— Погоди, — остановила его Степанова. — Садись да послушай, что я тебе скажу.

— Интересно, что вы мне можете сказать.

— А скажу то, что ты, капитан, повеса. Ни совести, ни стыда у тебя нет.

— Погодите, погодите! — пытался остановить Степанову Пиунов.

— Молчи!.. За сколькими девчатами ты уже охотился в госпитале? Теперь Березину приглядел? Понравилась? Хорошая дивчина, да не про тебя!

— Обождите же вы! Дайте проглотить первый заряд! — И Пиунов раскатисто захохотал, смутив своим смехом старую кастеляншу. — Теперь меня слушайте. Войне скоро конец? Скоро. Должен я жениться? Должен. Вот и ищу себе невесту.

— Не так ищешь!

— Так. Присматриваюсь к одной, ко второй, третьей. Не нравятся.

Сима вспоминает, как кольнули ее в сердце эти последние слова Пиунова. А капитан между тем продолжал:

— А потом действительно приглядел это лупоглазое чудо. Сразу понял: она, которая на всю жизнь мне суждена. Мечта моя!..

— Не говори красивых слов! — опять перебила его Степанова.

— Красивое красивым и называется. В душу мне Березина запала — вам первой об этом говорю. И еще скажу вот что. Здесь, на фронте, каждого человека можно узнать в два-три дня лучше, чем в другом месте за год. А девушку — тем более! Здесь ее и дом, и работа, и отдых. Вся она как на ладони.

— Что ж, по-твоему, всех невест на войну, посылать надо?

Капитан опять захохотал и ответил:

— Не обязательно на войну. Можно на лесозаготовки, в экспедиции разные — словом, подальше от привычных домашних условий.— И снова громко рассмеявшись, Пиунов вышел из хаты.

Так и не поняла тогда кастелянша Степанова: всерьез говорил с ней капитан или шутил. А Сима угадала, что за смехом Пиунова скрывалась правда, и это окончательно повергло ее в смятение.

Как-то вечером, когда Сима после работы шла отдыхать, ее встретил Пиунов и пригласил прогуляться по улице.

Стоял тихий апрельский вечер. Капитан взял Симу под руку, и она, поколебавшись, не отняла ее. Шли молча. Сима понимала, что Пиунов

сейчас скажет то, чего она так боялась, понимала, что рано или поздно ей придется решить трудный, очень трудный вопрос. Ведь, если сказать правду, Симе нравился Пиунов — веселый, умный двадцатитрехлетний капитан. С ним приятно говорить, танцевать, приятно чувствовать на себе его взгляд. Такой он не может не нравиться... Но ведь она любит Пашку Кудрина!..

И Симе очень хотелось как-нибудь оттянуть этот разговор. Она заметила, что ворот гимнастерки Пиунова не застегнут, а шинель из-за раненого плеча внакидку. И чтобы напомнить ему, что она все-таки госпитальный работник, а он раненый, посоветовала застегнуться. Свежо ведь.

Пиунов тщетно пытался одной рукой продеть пуговицы в петельки, и Сима предложила ему помощь. И, когда она, приблизив свое лицо к лицу Пиунова, стала застегивать ворот его гимнастерки, он неожиданно обнял ее и поцеловал в губы.

Сима вспыхнула, растерялась. До сих пор не поймет, как решилась на такое — влепила Пиунову пощечину.

Пиунов отшатнулся от нее и... бросился вслед за проходившим мимо грузовиком. Сима видела, как он на ходу кинул в кузов свою шинель, потом, ухватившись одной рукой за задний борт кузова, тут же очутился в машине.

Так, не долечившись, уехал сгоряча храбрый разведчик на передовую. Даже не выписался из госпиталя, не захватил свой вещмешок, чем привел в немалое замешательство госпитальное начальство и вызвал нарекания девушек, что Сима Березина свела с ума такого симпатичного «ходячего раненого».

Потом Сима получила от Пиунова письмо, на которое до сих пор не ответила. А в письме — славный березовый листик, почему-то красный, точно сейчас не июнь, а ноябрь. Зачем Пиунов вложил этот листик в конверт?.. Нужно ответить капитану. Должен же он знать, что она любит другого. «Где только он — этот другой?»

Мысли Симы неожиданно разлетелись, как вспугнутые воробьи. Сидевшая рядом, молча штопавшая чулок Ирина вдруг приложила козырьком руку ко лбу и уставила взгляд в сторону большака:

— Раненых везут.

Сима тоже увидела, что через луг к деревне едет санитарная машина. Нужно идти готовиться к приему.

Девушки, собрав нитки, чулки, вскочили на ноги.

Операционно-перевязочная — большая светлая комната. На ее дверях сохранилась табличка: «7-й класс». Один угол отгорожен простынями. В комнате в два ряда — операционные столы.

За занавеской Сима и Ирина надевали халаты. Тут же, у умывальника с педалью, мыл руки, готовясь к операции, ведущий хирург Николай Николаевич Рокотов — высокий, полный, уже немолодой мужчина в очках, прочно сидевших на мясистом, слегка горбатом носу.

Девушки о чем-то перешептывались и украдкой смеялись.

— Какой он славненький!..— расслышал Николай Николаевич слова Ирины. — Нос, как струнка, ровненький, на подбородке ямочка. Неужели в разведке все хлопцы такие красивые?

— Тебе каждый холостяк красив, — засмеялась Сима.

— Вот и не каждый! — Ирина надула губы.

Николай Николаевич, поняв, что речь идет о раненом лейтенанте-разведчике, тихонько хмыкнул. Девушки настороженно посмотрели в его сторону. Заметив их взгляд, хирург добродушно рассмеялся и сказал:

— Давайте-ка сюда этого вашего красавца.

В операционную внесли на носилках раненого лейтенанта. Бледное, красивое лицо, усталые глаза, болезненная улыбка. У лейтенанта раздроблена ступня.

— Где это вас? — участливо спросила Сима.

— На мину напоролся, — глаза лейтенанта оживились. — Дружка своего в тыл к фашистам переправлял, Павку Кудрина...

Все: палата, раненый на носилках, операционный стол, хирург Николай Николаевич — все поплыло перед глазами Симы, и сердце ее, кажется, остановилось. Она, пересиливая непонятную слабость в коленях, как бы превратилась вся в слух, всеми мыслями и чувствами устремилась к услышанному, точно желая угнаться за улетевшими, отзвучавшими словами, чтобы еще раз слухом прикоснуться к ним и заставить сердце поверить, что она не ослышалась.

— Как вы сказали? — прошептала Сима, опираясь похолодевшей рукой о стенку. — Павку Кудрина?.. Павла?..

2

Лесная поляна. Спокойствие и тишина царят вокруг. Слышно даже, как жужжат проворные пчелы. Они озабоченно обследуют колокольчики

медуницы — синие, фиолетовые, голубые. В воздухе, под мягкими лучами утреннего солнца, струится тонкий аромат лесных цветов и трав.

На краю поляны, в тени вековой ели, прилег на расстеленную плащ-палатку капитан Пиунов — командир разведроты. Позади бессонная, трудная ночь, но ему не спится. Положив подбородок на свой большой кулак, Пиунов посасывает сладкий стебелек перловника и следит, как муравей, пробираясь сквозь густую траву, деловито тащит куда-то белую личинку.

А недалеко от поляны, у шалаша, сложенного из сосновых веток, расположились разведчики. Сидят солдаты, и хотя бы кто слово сказал — молчат. Один прилаживает целлулоидный подворотничок к гимнастерке; другой, пристроив на кустике можжевельника маленькое зеркальце, согнулся в три погибели и скоблит бритвой щеку; третий чинит гранатную сумку. А большинство ничем не занято — сидят кто где и в землю смотрят. Тяжело у всех на душе, как и у командира. Из-за линии фронта не вернулись их товарищи — четыре разведчика, с которыми бывали в трудных поисках, переносили бомбежки и обстрелы, ели из одного котелка, укрывались одной шинелью... Еще четыре жизни... Можно вычеркнуть из ротного списка фамилии погибших или пропавших без вести, но из сердца не выбросишь. А сколько друзей сложило головы в прошлых боях! Чей теперь черед?

Целую ночь провел капитан Пиунов на переднем крае. Все ждал возвращения группы разведчиков во главе со старшим сержантом Кудриным. Не вернулись!..

Налетел легкий ветерок и, запутавшись в вершинах елей, тихонько заскулил. А Пиунову по-

сле бессонной ночи кажется, что это шумит в его голове.

«Что же случилось с Кудриным? — задавал он себе один и тот же вопрос. — Может, нарушил приказ и зашел в Олексино — в родную деревню,— а там попался в руки гитлеровцев? Может, допустил какую-либо другую оплошность?»

Но ни во что это верить не хотелось. Пиунов хорошо знал Павла Кудрина.

В подробностях помнится Пиунову день, когда он, тогда еще лейтенант, принял командование взводом и впервые познакомился с Кудриным.

Это было два года назад. Он пришел в свою еще не обжитую землянку. В руках — пахнущая клеем хрустящая топографическая карта с нанесенной на нее обстановкой. Расстелил карту на столе и начал ее рассматривать. Перед взором предстали зеленые массивы приильменских лесов, паутинки дорог и тропинок, голубая извилистая лента Ловати. Наискосок через карту переползала линия немецкого оборонительного рубежа, прикрытая синими горошинками минных полей, изломанной чертой проволочных заграждений, стрелками пулеметных гнезд, дзотов, ракетных постов. А за этой линией — флажки штабов, кружки артиллерийских и минометных батарей, квадратики пунктов боевого питания и много других знаков.

Рассматривал карту и думал о налетах на немецкие траншеи, засадах во вражеском тылу, дерзких поисках днем. И во главе разведчиков — он, лейтенант Пиунов.

Пылкие мысли Пиунова прервал шорох плащпалатки, которой был завешен вход в землянку. Раздался спокойный голос:

— Товарищ лейтенант, вас вызывает командир дивизии в землянку начальника разведки.

Пиунов окинул внимательным взглядом молодого коренастого солдата, на котором ладно сидело поношенное обмундирование, и, начав складывать карту, ответил:

— Хорошо. Можете быть свободным.

Но солдат почему-то не спешил уходить. Он (это был Павел Кудрин) переступал с ноги на ногу, что-то хотел сказать. Наконец решился:

— Товарищ лейтенант...

— Что еще? — Пиунов, пряча карту в полевую сумку, поднял голову.

— Сбрили бы вы, товарищ лейтенант, бакенбарды... Не любит этого командир дивизии.

Пиунов вспылил:

— Это что? Замечание командиру?! Идите!..

Настроение было испорчено. И правда, зачем он отпустил эти баки? От нечего делать, когда в резерве находился. Но теперь не сбреет — принципиально. И наведет порядок во взводе, чтобы младшие не смели указывать старшим.

...Когда вошел в просторную землянку начальника разведки, там уже было несколько офицеров. За столом над картой склонился генерал Рябов.

Пиунов доложил о прибытии. Генерал Рябов скользнул по нему усталым взглядом и опять уставился в карту. Вроде ни к кому не обращаясь, произнес:

— Офицер как офицер, а лицо испохабил...

Пиунову показалось, что под ним загорелась земля. Чувство неловкости, стыда перемешивалось с чувством возмущения. Хотелось выкрикнуть: «Какое вам дело до моего лица?! Уставом не запрещается...»

Но тут же снова прозвучал голос генерала:

— Сделайте, прошу вас, лейтенант, одолжение старику. Приведите себя в божеский вид...

Пиунов пробкой вылетел из землянки и опять наткнулся на Кудрина. Разведчик сидел на стволе сваленного дерева и кисточкой разводил в пластмассовом стаканчике мыло. На коленях у него лежали бритва и зеркальце.

— Товарищ лейтенант, пожалуйста... — обратился он к своему командиру.

Пиунову показалось, что глаза разведчика смеются. Скрывая смущение, лейтенант взял бритву...

В ту же ночь взвод Пиунова ушел во вражеский тыл за «языком». И случилось так, что, если бы не Павел Кудрин, не вернуться бы тогда командиру взвода из разведки. Прямо в упор в голову ему прицелился из пистолета фашистский офицер. И на какую-то долю секунды Кудрин успел опередить его — из ракетницы выстрелил в лицо офицеру...

«Да-а... Кудрин, Кудрин»,— тяжело вздохнул капитан Пиунов, отрываясь от воспоминаний.

Солнце поднялось выше, и на поляне становилось жарко. Капитан встал, оттянул свою палатку глубже в тень, ближе к шалашу, возле которого сидели разведчики, и опять улегся. Теперь ему стало слышно, что разведчики изредка перекидываются короткими, скупыми фразами.

— Нэ вэрю, чтобы нэмэц провел Кудрина! — взволнованно говорил Бакянц, щупленький солдат-чернушка, и вопросительно смотрел на товарищей своими большими темными глазами. — Нэ вэрю. Помнишь, Нэстэров...

Но Пиунов не расслышал, что должен был помнить Нестеров. Лес вдруг наполнился гулом

моторов. В небе, над поляной, пронеслись, возвращаясь с задания, краснозвездные штурмовики. Пиунов успел заметить, что крыло одного «ила», шедшего в середине строя, просвечивалось. «Снарядом продырявило», — подумал Пиунов. И почему-то вспомнился полевой госпиталь. Над ним, наверное, пролетят самолеты. Перед глазами встала Сима Березина — светлая, смеющаяся... Пиунов глубоко вздохнул: «А на письмо не отвечает...»

Стих гул штурмовиков, и стало слышно, что в шалаше звонит телефон.

— «Полюс» слушает! — отозвался телефонист.— Есть, двадцать второго к хозяину!

Пиунов вскочил на ноги и, не дожидаясь, пока телефонист передаст ему приказание, направился в глубь леса, где виднелись землянки штаба дивизии. Он знал: вызывает генерал Рябов.

— Товарищ капитан! — окликнул Пиунова знакомый голос. Он повернул голову и на лесной тропинке увидел... Симу Березину.

— Вы?..— прошептал Пиунов вдруг побелевшими губами и нетвердо шагнул навстречу девушке. — Вы решились?.. Сима-а... Я знал, что поверите мне...

Каждая клетка тела зазвенела в нем от внезапно нахлынувшего счастья, от буйной человеческой радости. Мгновения растерянности прошли, и Пиунов, с засветившимся лицом, с повлажневшими глазами, не чуя под собой ног, кинулся к Симе.

— Симочка! Я же умру от счастья! Здравствуйте!..

Сима безучастно глядела на Пиунова своими серо-голубыми глазами. Круглое лицо с загорелой матовой кожей, тонкий, чуть вздернутый

нос, упругие губы... Из-под пилотки падали на круглые плечи светлые пушистые волосы. Гимнастерка, туго затянутая солдатским ремнем, короткая синяя юбка, кирзовые сапоги на ногах. Вся ее фигура, удивительно легкая, весь ее вид — гордый и простой, печаль в ее глазах — все будто сказало капитану: «Остановись».

— Сима... — прошептал Пиунов. — Вы не рады встрече со мной?..

Сима вздохнула.

— Кудрин не вернулся... — не то спрашивая, не то утверждая, тихо произнесла она, устремив взгляд мимо Пиунова. — Мне уже сказали...

3

Что же случилось с Павлом Кудриным и его разведчиками?

В тыл противника проникли они ночью по топкому болоту. Для Павла Кудрина это были знакомые места. Не один раз зимой бродил он здесь на лыжах с двустволкой в руках. Случалось, снег перестанет идти с вечера, и к утру по пороше — замысловатые строчки звериных следов. Среди облепленных снегом кустов — следы рябчика. Местами зеленеют из-под снега веточки брусники: это рябчики добывали себе пищу. В стороне, точно вышитые бисером, дорожки, оставленные лесной мышью. Тут же петляет свежий заячий след.

Павел — опытный охотник, и разобраться в звериных следах для него не сложно...

Но то было зимой, когда все вокруг ослепляюще сверкало — даже сосновые ветви, согнувшиеся под мохнатыми папахами снега. А в темную ночь по топкому болоту, обозначенному на

карте как непроходимое, не легко найти нужную дорогу.

Еще готовясь к разведке, Павел Кудрин забрался на высокую ель и долго изучал болото, рассматривая его в стереотрубу. Он пытался угадать, в каком месте можно ступить ногой без риска для жизни.

Светло-розовые цветочки кирея, белые — багульника, пепельно-зеленые — дремлика, лилово-пурпурные — ятрышника, сочная трава, местами деревца осины, березы... Как трудно разобраться в них! А без этого не найдешь путь сквозь болота, изобилующие бездонными трясинами.

Войсковой разведчик Павел Кудрин расчетлив, смел, решителен. Каждый раз, получив задание, он, сидя над картой, мысленно разыгрывал ход операции. Он умел увидеть десятки различных осложнений, неожиданностей, которые подстерегают разведчиков, и учитывал, что обстановка может сложиться совершенно по-иному, чем он предполагал.

Слово старшего сержанта Кудрина — закон для его подчиненных. Не потому только, что он командир взвода. Каждый разведчик видел в этом парне человека дела. Хоть и молодой он, хоть нередко прорывался из-под его напускной серьезности мальчишеский задор, однако каждый был уверен: отдает старший сержант приказание — значит, оно выполнимо, если даже и сопряжено с большим риском. А главное, каждый понимал, что самую трудную часть задачи, самое опасное дело Кудрин берет на себя. Правда, это ущемляло самолюбие некоторых разведчиков. Но такое «злоупотребление» командира взвода своей властью обжалованию не подлежит.

Для выполнения задачи в тылу врага Кудрин отбирал из своего взвода наиболее надежных солдат. Старался, чтобы группа была небольшой, но боеспособной.

На этот раз разведгруппа состояла всего из четырех человек. Кроме Павла, в нее входили Петр Стреха, Семен Туркин и Михаил Лукашкин — разведчики, с которыми Кудрин уже не раз бывал за линией фронта.

На это задание и не требовалось брать много людей. Кудрин учитывал, что предстоит трудный и опасный переход через болота. А там за каждым не усмотришь. Но и такая малочисленная группа могла сделать большое дело. В Стрехе, Туркине и Лукашкине Павел Кудрин был уверен, как в самом себе.

Петр Стреха — мужчина тридцати шести лет — необычайно храбрый и сметливый разведчик. У него мягкий украинский выговор. Петр любит рассказывать, умеет при этом складно приврать. На красноватом курносом лице Стрехи, в его серых острых глазах сквозит добродушное лукавство, светится какая-то озорная мысль, от которой Петру весело. Кажется, вот-вот он поделится своей мыслью с товарищами и заразительно рассмеется. Но Стреха не смеется даже и тогда, когда ему смешно. Он только широко улыбается, хлопает ладонью себя по коленке и приговаривает: «О цэ да!..»

По красновато-матовым щекам Стрехи спадают вниз две глубокие морщины и, прикоснувшись к складке на жирноватом подбородке, образуют круг. Похоже, что лицо Петра долго давили горшком и следы от закраин горшка так и остались на нем. Когда Стреха улыбается, круг этот делается приплюснутым. И ни за что

не удержишься, чтобы не улыбнуться, когда улыбается Петр Стреха.

Родом Петр из Винницкой области. До войны работал в колхозе ездовым. В разведку пришел добровольно. Нравилась Стрехе эта военная профессия, полная приключений и опасностей. Нравилась тем, что в обороне или в наступлении — всегда он был в курсе всех дел на фронте, что не требовалось ему долго засиживаться на одном месте. Любил Петр новые места, новую обстановку. Радовался тому, что вдруг обнаружил в себе большую храбрость, о существовании которой раньше и не догадывался.

Семен Туркин и Михаил Лукашкин — люди другого склада. Семен Туркин — мешковатый, молчаливый двадцатилетний парень. Его широкое, скуластое лицо с чистой, гладкой кожей, черными глазами и правильным носом всегда задумчиво.

Миша Лукашкин старше Туркина года на два, но с виду он щупленький, хилый. Быстрые и острые глаза Миши сидят на лице чуть-чуть ближе, чем им положено, и от этого кажется, что они слегка косят, напоминают глаза какого-то шустрого узкомордого зверька.

Туркин был не очень поворотлив, Лукашкин отличался непоседливостью. «Вертлявый ты, как белка, а любопытный больше, чем сорока»,— говорил о нем Петр Стреха. Мишу старались реже посылать на наблюдательные пункты. Наблюдал он плоховато — не хватало терпения; зато в поиске никто ловче Лукашкина не мог подобраться к вражескому часовому. Ошеломлял внезапностью, стремительностью. Увертливый, как вьюн, он никогда не давал врагу схватить себя.

А Семен Туркин считался богом на наблюдательном пункте. Разведчики бывало еще только поговаривают, что фашисты думают выдвинуть куда-нибудь свою новую огневую точку, а Семен уже знает это место. По самым незначительным признакам умел он распознавать на переднем крае расположение вражеских наблюдательных пунктов, пулеметных гнезд, огневых позиций орудий и минометов. Один раз Туркин ухитрился разглядеть в стереотрубу нарукавные нашивки у гитлеровцев. Раньше этих нашивок, похожих на дубовые листья, не было. И по такой незначительной детали определил: в наблюдаемом секторе появилась свежая часть противника.

...Утро застало разведчиков в лесу, километрах в трех от деревни Боровая. Они забрались в давно не видавший топора густой подлесок и здесь, в непролазных дебрях, уселись позавтракать. Консервы, галеты казались после хлопотливой, напряженной ночи необычайно вкусными.

Петр Стреха, как всегда, начал еду с луковицы. Он очистил ее, затем насыпал на плоский бок фляги горсть соли и ладонью с хрустом раздавил на ней луковицу.

Лукашкин с ухмылкой косился на Петра и с аппетитом уминал мясные консервы; лук ему не нравился.

Семен Туркин в это время лежал в пяти шагах от товарищей и прислушивался к лесным шорохам. Он нес охранение. Семен удивлялся, что здесь, в глуши, так мало зелени. Земля почти голая, пахнет плесенью. Только кое-где зеленеет похожий на папоротник кочедыжник, стебелек лесного хвоща да пахнущий перцем грязно-пурпурный копытень — завсегдатай тенистых и сырых лесных уголков.

Кудрину есть не хотелось. Он с трудом прожевывал сухие галеты и запивал глотком воды. Перед глазами стояло родное село, такое, каким знал с детства: хаты в садах, тенистые улицы, сосновый лес, подступавший к огородам. А на краю села, у речки,— дом, в котором Павел родился, рос. Соломенная крыша, молодые ясени на подворье, узкая тропинка через огород к лугу. На лугу — криничка с прозрачной холодной до ломоты в зубах водой.

Ведь стоит только минуть Иваньковскую гать, пройти час лесом — и уже в Олексино! Живы ли его старики — отец с матерью? Изболелись, видать, сердца их по Павлуше. Может, и не чают увидеть его... А Сима... Что с Симой? Где она?..

Сима... Она вошла в его жизнь, в его мысли, в сердце как что-то не отделимое от него самого... Тяжелые походы, холод и грязь, сырые, тесные землянки, лихие налеты на передний край врага, жестокие бомбежки с воздуха, атаки фашистских танков, засады в тылу немцев, госпиталь... И никогда не забывал о ней — такой простой и далекой Симе Березиной. А не было б ее, насколько труднее казались бы ему дороги войны!

Павел представлял себе лучистые серо-голубые глаза Симы, милые, такие знакомые черты ее лица, сдержанную улыбку на упругих губах, и ему верилось, что нет такого дела, которого он не осилил бы, нет препятствия, которое не смог бы преодолеть. От этих мыслей легче становилось дышать, мускулы наливались новой силой, а сердце — храбростью.

Только сейчас в груди Павла тесно. Тесно потому, что здесь, в родных местах, чувства к этой

светловолосой девушке вспыхнули с невиданной силой. И мало им места в его груди.

Павел вздохнул. Мысли переметнулись от прошлого к сегодняшнему, и он почувствовал: не хватит сил, чтобы удержаться и не зайти в родную деревню. Ведь можно незаметно, через луг, подползти к своему огороду, а там и хата рядом. Вот только захватить пленного вначале...

Петр Строха с тревогой посматривал на командира. Уже Лукашкин сменил в охранении Туркина, и Туркин кончал завтрак, а старший сержант Кудрин все сидел, уставив глаза в землю. По его худощавому лицу с прямым носом, обветренными губами, с карими, чуть зеленоватыми глазами пробегали тени. То засветится оно на мгновение, то померкнет.

Строха осторожно, точно невзначай, прокашлялся и этим вывел Кудрина из задумчивости. Старший сержант, взглянув на часы, поднялся на ноги. Поднялись и остальные разведчики.

— За мной! — скомандовал Кудрин.

Цепочка разведчиков осторожно пробиралась сквозь лес в направлении к дороге, которая пролегала между Боровой и Выселками. Кудрин знал, что дорогу отделяет от леса широкий заболоченный луг. Значит, вероятность встречи здесь с фашистами не велика. Однако разведчики шли со всеми мерами предосторожности: держали наготове автоматы, ступали так, чтобы под ногой не треснул валежник, зорко всматривались вперед и по сторонам.

Только что настало солнечное утро, и лес шумел многоголосым говором птиц. С детства знакома Павлу эта лесная музыка, которая всецело

завладевает чувствами, подчиняет волю. Человек перестает ощущать себя, ощущать бег времени и точно растворяется в птичьем щебете, в мерном гудении верхушек деревьев, в этой неповторимой красоте, которая обступает его со всех сторон. Павел знал чарующую силу леса и старался не поддаваться ей, оградить от нее своих товарищей. Время от времени Кудрин поднимал над головой руку. Разведчики замирали на месте и прислушивались.

Наконец началось мелколесье. Березки, осины, кусты боярышника, волчьего лыка, крушины точно выбежали из векового леса и в беспорядке рассыпались по кочковатому лугу, над которым еще висела, чуть колеблясь, прозрачная пелена тумана.

За мелколесьем открылся широкий луг. Только справа, где протекала, пересекая видневшуюся впереди дорогу, крохотная речушка Ять, стеной столпились приземистые кусты. Кудрин окинул их внимательным взглядом. И всем разведчикам — Стрехе, Туркину, Лукашкину — стало ясно, что лучшего подхода к дороге, чем заросший кустами берег речушки, не найти.

Прямо перед разведчиками маячили вытянувшиеся в одну линию редкие тополя. Они росли над дорогой, к которой стремилась группа Кудрина. Капитан Пиунов сообщил Кудрину, что по имеющимся сведениям в деревне Боровая и в трех километрах от нее, на хуторе Выселки, разместился штаб немецкой дивизии. Трудно угадать, какие отделы штаба находились в Боровой, а какие в Выселках, но было известно, что между ними проезжают мотоциклисты, легковые машины, проходят пешие.

Речушка Ять протекает как раз на полпути

между Боровой, находящейся ближе к фронту, и Выселками. Это даже не речушка, а ручей, через который можно перепрыгнуть. Он берет свое начало в болотах, раскинувшихся на десяток километров впереди за дорогой, и вихляет через луга и лес к самой Припяти.

Разведчики подошли к ручью, а затем, укрываясь кустарником, разбросанным по берегу Яти, начали пробираться к дороге. Под ногами хлюпала рыжая торфяная вода. Местами берег, точно тонкая доска, прогибался под ногами и еле заметно гудел, будто под травяным покровом таилась пустота.

Дорога уже совсем близко. Виден дощатый мосток через ручей. Разведчики залегли, притаились. От Выселков на Боровую двигался большой крытый грузовик. У мостка машина затормозила и, перебирая колесами каждую доску, переехала через него. Кудрин успел рассмотреть на сером брезенте грузовика желтые скрестившиеся молнии в белом квадрате. Похоже, что проехала почтовая машина.

Не ускользнуло от его внимания и то, что мосток гремел каждой доской под колесами грузовика. Значит, давно не чиненный.

Перед разведчиками стояла задача — захватить «длинного языка». Нужно охотиться за офицером.

Остановить проезжающую машину или мотоцикл — не проблема. Любой из разведчиков, не задумываясь, назовет десяток способов. «Важно не задержаться долго на дороге, не наделать шума, не навлечь погони»,— размышлял Кудрин.

Вдалеке послышался грохот. Было похоже, что едет несколько пустых телег. Кудрин с досадой поморщился. Так и есть: от Боровой при-

ближались две пароконные подводы. Теперь пережидай их. Павел приложил к глазам бинокль. Подводы ничем не груженные. Солдаты-ездовые курят и нахлестывают лошадей, торопятся. Обычные обозники; захватить такого в плен — и толку от него, что от пня: ничего не знает, только дрожит от страха...

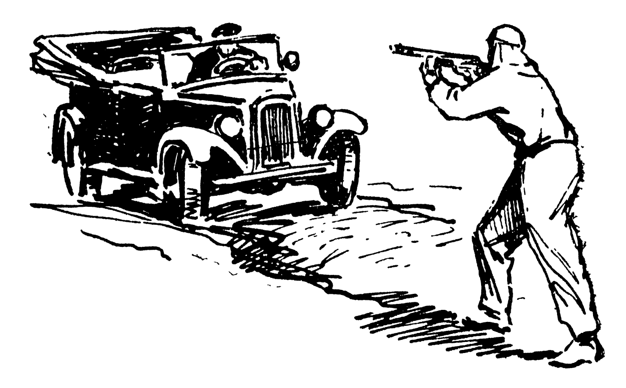
Прошел час, второй... Кудрину стало ясно, что нужно схватить первого появившегося на дороге офицера. Пока же они видели только обозников, шоферов, посыльных да санитарные машины.

План действия прост. Кудрин и Лукашкин выйдут «чинить» мост. В маскировочных костюмах они сойдут за немецких солдат.

Все случилось очень неожиданно.

На выезде из Выселок закружилась пыль. Кудрин рассмотрел в бинокль, что мчится легковая машина. В машине двое.

— К мосту,— тихо скомандовал он и, смахнув с головы пилотку со звездой, пригибаясь, первым направился на дорогу. Спокойно, не торопясь, прошелся по мосту, похлопал рукой по пе-

рилам и повернулся спиной к еще далекой машине. Лукашкин тужился выхватить из настила доску. Но без лома это было не под силу.

Немецкая машина завизжала тормозами в десятке метров от моста. Но десять метров — это тоже расстояние. Его нужно преодолеть. Пока сделаешь десять шагов, даже и стремительных, враг успеет выхватить оружие...

Из машины выскочил высокий, стройный офицер с сухим, немолодым лицом.

«Майор! — искрой мелькнула мысль в голове Кудрина.— Майор инженерных войск!» — Павел хорошо разбирался в знаках различия гитлеровской армии.

Майор, держась за кобуру с парабеллумом, нахмурив брови, что-то сердито спросил.

— Мины! — твердо выговорил по-немецки Кудрин, приближаясь к майору.— Партизаны положили мину.

— Мины?..— переспросил майор, сделав шаг назад.

В этот миг из кювета метнулись к машине Стреха и Туркин. Гитлеровский майор выхватил парабеллум, но тот полетел куда-то в бурьян, выбитый ловким ударом. Еще секунда — и к месту схватки подоспели Кудрин и Лукашкин.

Кудрин кинулся к машине, но шофер успел включить заднюю скорость и дать полный газ. Машина рванулась назад. Кудрину ничего другого не оставалось, как полоснуть по ее лобовому стеклу из автомата. Машина сделала резкий кивок в сторону и завалилась в придорожную канаву.

Майор отбивался руками, ногами, визжал, кусался, не давая заткнуть кляпом рот и опутать себя. Но Стреха, Туркин и Лукашкин быстро управились с ним. А Кудрин тем временем осмотрел машину. Шофер-солдат наполовину вывалился из полуоткрытой дверцы и так лежал, застигнутый смертью. На заднем сиденье Павел обнаружил офицерскую кожаную сумку...

Еще минута — и группа разведчиков вместе с пленным бежала от дороги вдоль ручья к лесу. И вдруг в воздухе тоненько запела мина, вторая. Взрывы ухнули в стороне.

— Стой! — скомандовал Павел.

Разведчики остановились, недоуменно глядя на командира. Мгновение Кудрин раздумывал:

«Раз стреляют, значит, заметили...»

Кудрину было известно, что многие населенные пункты в Белоруссии, где находились немецкие гарнизоны, превращены в своего рода крепости. Подступы к ним прикрывались колючей проволокой и дзотами, за ними непрерывно ве-

лось наблюдение. Возможно, наблюдатель в Выселках или Боровой услышал автоматную очередь, которую дал Кудрин по машине, и в бинокль рассмотрел свалку на дороге.

«...Значит, заметили... — Кудрин представил себе, как сейчас торопливо усаживаются в машины гитлеровские солдаты. Через несколько минут они будут здесь.— А если из Выселок бросят заслон по лесной дороге, тогда путь к отходу закрыт».

— За мной! — снова скомандовал Павел и побежал в противоположную сторону, к мостку, который только что они оставили.

Гитлеровский майор, со скрученными назад руками, понял безвыходность своего положения и, поддерживаемый Стрехой и Туркиным, расторопной рысцой бежал вслед за Кудриным.

Разведчики по колено в воде протиснулись под мостком на другую сторону дороги и, укрываясь мелким кустарником, продолжали бежать. Ручей, поворачивавший к Боровой, остался позади. Перед ними расстилалась широкая заболоченная равнина, покрытая очеретником, осокой, ситнягом. И только кое-где виднелись облесенные островки. Было ясно, что под зеленью вокруг этих островков таятся непроходимые болота. Но у разведчиков другого пути не было. Сзади, за дорогой, продолжали ухать разрывы мин, а лес, который покинули разведчики утром, наполнился автоматными очередями. К мостку мчалась группа мотоциклистов.

Предположение Кудрина оправдалось: фашисты организовали погоню. И теперь самое главное — не выдать своего истинного пути отхода.

Они шли час, другой, медленно пробираясь вперед. Сумерки сгущались все больше. Дальше

двигаться по топкому болоту стало невозможно — трудно разглядеть, где растет осока, пушица, а где — трава вперемежку с полевыми цветами. Сделаешь неверный шаг — и попадешь в трясину. Да и пленный майор окончательно выбился из сил. Он еле переставлял ноги.

Стреха время от времени озабоченно поглядывал на фашиста. В схватке на дороге гитлеровец потерял фуражку, и теперь над его лысой головой неотступно висела туча комаров. Пришлось развязать майору руки, чтобы он мог защищаться от насекомых. Но пленный и не пытался защищаться. Он весь обмяк, поник. Его обвисшие щеки посерели, точно за них налили свинца.

Кудрин облюбовал небольшой островок и здесь, среди молоденьких березок и осинок,— кто знает, как забравшихся в такое гиблое место,— приказал остановиться на привал. Ему было ясно, что перейти линию фронта в назначенное время не удастся. Ночью по болоту не пойдешь, следовательно, ночь при этих обстоятельствах не союзница разведчиков...

Первым долгом нужно было защититься от комаров. Это обязанность Туркина. Он достал из сумки предусмотрительно захваченные с собой баночку с вазелином, пакетик с нафталином и в крышке от баночки расплавил над зажженной спичкой жир. Потом начал смешивать с ним порошок. Этой смесью каждый разведчик смазал руки, лицо, шею. Вначале немножко пощипывало кожу, зато ни один комар не осмеливался прикоснуться к ней. Пленный тоже воспользовался этой удивительной мазью, хотя не без опаски.

Наломали веток и положили их где посуше —

среди отцветающего светло-розового кирея и белеющего в сумерках, дурманящего своим запахом багульника. Начали готовиться к ужину. Конец напряжению. Можно отдохнуть, перекинуться словом. Стреха устроился на ночлег рядом с Лукашкиным.

Кудрин уселся в стороне и, подсвечивая электрическим фонариком, рассматривал документы, захваченные в машине. Пленный несколько раз услужливо пытался помочь в этом, но Туркин, первым заступивший на пост, указал майору место на куче хвороста под карликовой березкой и выразительным жестом дал понять: «Сиди — и ни с места».

4

Темнота над болотом стала непроглядной. Разведчики, утолив голод, молчали, наслаждались отдыхом. Молчал и Петр Стреха, хотя был подходящий случай поговорить. А поговорить он любил. Такой уж характер у Стрехи, любит, когда его слушают. Но, наверное, крепко устал Петр. Ведь тяжелые сутки позади, не до разговоров.

Вдруг рядом заворочался Лукашкин и озабоченно проговорил:

— Как бы зубы не простудить в этой сырости.

— Зубы? — встрепенулся Петр Стреха.— Не беспокойся, Миша. Я тебе такое про зубы расскажу, что они у тебя и после смерти болеть не будут.

— А-а-а,— Туркин даже повернулся на другой бок, чтобы не слушать Петра.— У тебя на каждый случай сто баек!

— При чем тут байки? — понизив голос, шептал Стреха.— Если хочешь знать, я чуть-чуть в ученые по зубной части не выбился.

— То-то у тебя полрта без зубов,— съязвил Туркин.

— А ты слушай... Разболелся у меня зуб кутний. Мочи моей нет, так болит. И горилку лил на него, и одеколон, и отваром дубовой коры полоскал. Не помогает. Хоть на стенку лезь. А врачей зубных я тогда не признавал. Да и щипцов их боялся.

Но дело не в этом. Заболел у меня зуб как раз после какого-то праздника. А на праздник я поросенка зарезал. Ну и перестарался, когда за столом с гостями сидел. На второй день живот схватило. Но, когда начал болеть зуб, махнул я на живот. Махнул и только зуб лечу — уже пирамидоном. А живот все-таки дает о себе знать. Даже ноги гудят, так набегался я за сарай. Надоело. Взял и выпил касторки. Что после этого бывает — всякому известно. Но факт в другом: зуб перестал у меня болеть! Как рукой боль сняло.

— От касторки? — зашевелился Лукашкин.

— А ты слушай.

— Только потише,— раздался голос Кудрина.

Стреха продолжал:

— Так вот, перестал у меня зуб болеть. Удивительное дело! Два дня я все раздумывал: как могло такое случиться. И понял: это же я открытие научное совершил! До меня никто не знал, что касторкой зубы можно лечить. Раз так, надо сообщить куда следует. И сообщил: написал большое письмо в районный отдел здравоохранения. А на второй день прислали из района специального врача в село. Пришел он ко

мне в дом, заставил раздеться до пояса, глаза смотрел, язык, стучал молоточком по коленной чашечке, спрашивал, не забываю ли я свою фамилию и все такое прочее.

В темноте послышался сдавленный смешок Туркина. Он тихо, сквозь смех спросил:

— А в больницу не приглашал переселиться?

— Нет, не приглашал, — серьезно ответил Стреха.— Сказал, что я вполне здоров.

— А как же с письмом о касторке? — спросил Кудрин.

— На письмо я ответ получил. А касторку мы испробуем на Мише, когда у него зубы заболят.

Лукашкин что-то неопределенное хмыкнул и сердито засопел.

С болота тянуло сыростью. Разведчики, докурив самокрутки, притихли. Только Туркин с автоматом наготове стоял под березкой и прислушивался к ночным шорохам.

Кудрин проснулся на рассвете, почувствовав, что куча ольховых и березовых веток под ним пропиталась выступившей из почвы водой. Маскировочный костюм на боку заскоруз от сырости, холод сковал тело.

Вскочив на ноги, Павел зябко потянулся, оглянулся вокруг. Стреха и Лукашкин с автоматами в руках прохаживались среди тонкоствольных, застывших в безмолвии березок. Туркин, несмотря на предутреннюю прохладу, сладко спал в обнимку с автоматом под хилым кустом жимолости и по-детски причмокивал во сне губами. Над болотом клубился туман. Казалось, он поднимался из самых недр этой прогнившей насквозь земли.

Пленный майор неподвижно сидел на том же месте и в той же позе, как и два часа назад, когда Стреха и Лукашкин сменили на посту Кудрина и Туркина.

— Не спал? — спросил Павел у Стрехи, кивнув головой в сторону фашиста.

— Нет, не спится фону-барону. Все думает. Есть, конечно, о чем подумать их благородию. Не к теще ведь на пироги едет.

Услышав голоса, гитлеровец поднял еще больше посеревшее за ночь лицо с красными, воспаленными глазами.

— Развяжи его,— распорядился Кудрин.

Стреха распутал на руках майора веревку. Гитлеровец поднялся, поежился и вдруг неудержимо заляскал зубами, словно только сейчас предутренняя свежесть прикоснулась к его телу.

«Дрожишь здесь, как цуцик,— со злостью подумал о пленном Кудрин,— а там ждут «языка», выглядывают нас из каждой траншеи...»

Мысль о том, что в роте, в штабе дивизии беспокоятся об их судьбе, ждут нужные сведения о противнике, ждут контрольного пленного, будто подстегнула Кудрина.

— Подъем! — скомандовал он.

Туркин мгновенно вскочил на ноги и очумелыми от сна глазами оглянулся вокруг.

Разведгруппа продолжала путь.

К всеобщему удивлению, недалеко от островка, где разведчики провели короткую июньскую ночь, протекала небольшая речушка. Речка среди болота! Только Кудрин — местный житель — не удивился этому. Между зыбкими берегами речушка медленно несла прозрачную, чуть красно-

ватую воду. Этот цвет придавали воде тысячи красных, тонких, как иголки, червячков, кишевших на дне.

Препятствие показалось пустяковым: ширина речки не больше двух метров. Лукашкин с ходу попробовал перепрыгнуть на другую сторону, но... не тут-то было: нога его глубоко нырнула в густое месиво. Стреха еле успел подхватить товарища, чтобы он не плюхнулся в речку.

Потом с ехидцей спросил у него:

— Ты, Лукашкин, наверное, не знаешь, в каком случае трудно вытянуть человека из болота, застрявшего в нем по щиколотку?

— Когда его за пятку крокодил держит,— зло ответил Лукашкин, настораживаясь. Тон Петра явно насмешливый.

— А вот и нет,— возразил Стреха.— Тогда, когда этот человек застрял по щиколотки вниз головой.

Разведчики сдержанно засмеялись и начали палкой прощупывать дно речки. Но палка так ни на что не наткнулась.

Пришлось бежать к месту ночлега за ветками. И они вымостили трамплин, добрую охапку перебросили на другой берег и только потом отважились прыгать...

По ту сторону речки оказался участок кочковатого торфяного болота. Наверстывая упущенное время, разведчики ускоренным шагом двигались вперед, ловко перемахивая с кочки на кочку. Старались не ступать вслед друг другу. Податливые моховые подушки плавно уходили из-под ноги, погружаясь в рыхлую тину, и требовалось без промедления искать новую опору — прыгать на соседнюю кочку. Надо было поско-

рее добраться туда, где за колеблющейся в воздухе пеленой тумана притаилась гряда высот, на которых находились опорные пункты линии обороны врага.

Кудрин хорошо знал, что склоны этих высот изрезаны глубокими оврагами, густо заросшими колючими кустами боярышника. Там легко найти скрытую от людских глаз звериную тропу или промоину и по ним проползти между опорными пунктами...

Пленный гитлеровец понимал, что каждый его неосторожный шаг грозит ему гибелью, поэтому проворно прыгал по кочкам.

Но вот торфяное болото кончилось. Разведчики вышли на новый островок, пересекли его и увидели, что впереди — длинный и еще более трудный путь. Туман рассеялся. Гряда высот виднелась километрах в двух. Но как их преодолеть, эти два километра! Начиналось болото, покрытое редкой осокой, камышом. Нигде ни полевой травинки, ни цветка, ни кустика. Это верные признаки, что болото непроходимо.

Где-то сзади, в гуще молодых березок, раз-другой щелкнула варакуша. Павел Кудрин приложил к глазам бинокль и тотчас же увидел на нижней ветке белоствольной березки маленькую пичужку. На ее грудке и шее пестрело ярко-голубое пятно, окаймленное двойной полоской черного и красного цвета. Варакуша снова защелкала, перепрыгнула с ветки на ветку и, точно почувствовав на себе взгляд человека, камнем упала на землю. Павел проследил, как заколебалась трава, сквозь которую пробиралась проворная птичка.

«Ей и горя мало, что нам так трудно»,— подумал Кудрин.

Петр Стреха в это время напряженно всматривался вперед, что-то прикидывая в уме, Семен Туркин сосредоточенно прощупывал палкой болото, а Михаил Лукашкин вынимал из своего кармана длинную бечевку. Он готовился мастерить болотоступы, вязать кольца для палок и не хотел терять времени. Гитлеровец, присев на кочку, безразлично уставил взгляд в землю.

«Один выход — вязать болотоступы»,— решил Кудрин. Ему вспомнились недавние занятия, которые проводил с разведчиками капитан Пиунов. Вся рота участвовала в этих занятиях.

Каждый разведчик, срезав с елки шесть ветвей метровой длины, клал по три ветки на землю выпуклой стороной вниз. Затем спереди и сзади скреплял их бечевкой, а для верности проплетал длинной березовой хворостиной или лозой. Получалось что-то вроде лодочки для ноги. Привязав к обеим ногам такие «лодки», разведчики шли через самое топкое болото, не рискуя завязнуть. Для большей устойчивости брали в руки палки с двойными кольцами, подобные лыжным. Кольца без особого труда мастерили из веток березы, орешника, лозы, граба. Покрепче их связывали и крепили веревкой к концу палки с рогульками.

Кудрин еще раз посмотрел на лесистый островок. Елей там не было. Но и березовые болотоступы не хуже еловых, если взять побольше веток и хорошенько их скрепить...

— Рубите березки, — промолвил Кудрин. — Первые болотоступы для пленного. Пока будем готовить остальные, Стреха поучит майора ходить на них.

— Слушаюсь.— ответил Стреха.

Торопливо мастерили болотоступы. Острым

тесаком Петр Стреха ловко подравнивал березовые прутья. Мелкая листва на них вздрагивала, точно ей было больно. Вдруг Стреха увидел среди зеленых листьев красный, с белыми прожилками листочек. Он осторожно сорвал его, положил на большую грязную ладонь и начал рассматривать. Потом расстегнул маскхалат и спрятал листик в нагрудный карман гимнастерки.

— Зачем? — удивился Кудрин.

— Капитану Пиунову отдам. Он красные листики какой-то девчонке в госпиталь посылает,— Стреха ухмыльнулся и покачал головой.— Влюбился, видать, наш капитан... Молодость... Захожу я к нему в землянку, а он вкладывает в конверт письмо и вместе с ним вот такой же листочек березовый. Говорит, каждая березка в лесу ему эту дивчину нагадывает. Потом я понес письмо на почту и полюбопытствовал.

— Письмо прочитал? — удивился Кудрин.

— Не-ет. Адрес на конверте. И понял, почему это березки ему так по душе. Фамилия дивчины — Березина.

— Березина?..— Павел поднял на Стреху недоумевающий взгляд.

— Эге. Красиво так вывел, стервец, на конверте: «Медсестре Серафиме Березиной»...

Слова Стрехи кольнули Павла в самое сердце. Ощутил какую-то сосущую пустоту в груди. Совершенно в ином свете встал перед ним разговор с капитаном Пиуновым после того, как тот вернулся из госпиталя. Пиунов, по своему обыкновению делясь с Кудриным самым сокровенным, сказал, что раз и навсегда влюбился. Влюбился в белорусскую девушку и сокрушался, что сгоряча покинул госпиталь, не поговорив с ней как следует, но убежден: полюбит и она

его, потому что такого парня, как он, нельзя не полюбить и потому, что его чувства к ней такие, каких еще ни у кого ни к одной девушке не было...

Через час разведчики продолжали путь. Шли медленными, длинными шагами, чуть приподнимая переднюю часть болотоступов, похожих на большие необстриженные веники. Пленный гитлеровец, опираясь на палки, со страхом глядел себе под ноги. Каждый раз, как он делал шаг вперед, сквозь болотоступы фонтанчиками била вода, и казалось, что, чуть задержись на месте, болото расступится под ногой...

Камуфлированные костюмы разведчиков хорошо маскировали их на поросшей осокой и камышом равнине. Но вот пепельного цвета мундир гитлеровца мог привлечь внимание какого-нибудь наблюдателя на высотах. Поэтому Стреха разукрасил костюм майора березовыми ветками, травой, водорослями. Пленный был похож сейчас на лешего из старинных сказок...

Гряда высот становилась все ближе...

Наконец группа Кудрина достигла зарослей боярышника. Каждый шаг на твердой земле после большого перехода по зыбкому болоту доставлял наслаждение. Петр Стреха с превеликим удовольствием забросил в кусты длинную палку, с которой так долго не расставался. Лукашкин несколько раз притопнул ногой, как бы удостоверяясь, действительно ли нет больше опасности завязнуть.

Перебежали через разбитую грунтовую дорогу и углубились в дикие заросли. Чутье охотника подсказывало Кудрину, где и как лучше пройти. Он замечал звериные тропы и, согнувшись, на четвереньках, а то и ползком под густо перепле-

тавшимися над головой ветвями уверенно вел разведчиков вперед. И неотступно следовала за ним мысль: «Серафима Березина... Капитан Пиунов переписывается... А вдруг это она?.. Неужели позабыла?..»

5

Генерал Рябов ходил в полутьме землянки по скрипучим половицам и думал. Шесть шагов вперед, шесть — назад. Мысли его были напряженно-тревожные. Он чувствовал, что чего-то не сделал — очень важного, необходимого. И беспокойство давило, мешало дышать полной грудью, путало мысли.

Дивизия генерала Рябова приготовилась к наступлению. Опустели штурмовые полосы в ее тылах, где батальоны целую весну поочередно учились атаковать противника. Уже намечены границы наступления каждого полка, поставлены задачи по рубежам и определены направления главных ударов. Уже распределены поддерживающие средства, пристреляны и занумерованы цели. Уже все договорено между командирами — стрелками, артиллеристами, танкистами, саперами, связистами. Приказ о начале наступления мог прийти в любое время.

Андрей Петрович Рябов думал над тем, как сложилась обстановка на участке левофлангового полка его дивизии, и досадовал, что до сих пор нет контрольного пленного, за которым отправилась в тыл врага группа дивизионных разведчиков. Нужно было срочно подтвердить сведения, полученные по другим каналам разведки. И это мог сделать только «язык».

Он подошел к столу, поднял руку к толстому черному шнуру, на конце которого под неболь-

шим абажуром-рефлектором виднелась электрическая лампочка, и щелкнул кнопкой-выключателем. В мгновение землянка преобразилась. Казалось, яркий свет раздвинул ее стенки, обшитые фанерой, придал правильные очертания узкому топчану, двум раскладным стульям, столу, на котором громоздились бумаги.

Андрей Петрович повернулся к топографической карте, развешенной на стене землянки, и начал внимательно рассматривать ее. Стройный, затянутый в узкий китель, Рябов, несмотря на свои годы, напоминал молодого офицера, который ждал прихода большого начальника и со всем старанием позаботился о своем внешнем виде. Он неотрывно глядел на карту, где значились знакомые ему места — села, дороги, леса. По этим местам в 1941 году его молодая, еще не сколоченная дивизия отступала на восток.

Рябову вспомнилась сейчас другая карта Белоруссии, карта, на которую была нанесена обстановка первых дней войны, обстановка в районах Белостока, Гродно, Вильно. Рябов, тогда еще полковник, сосредоточенно глядел на синие ромбики с флажками, обозначавшие немецкие танковые дивизии, на грозные стрелы, вонзившиеся в советскую территорию в обхват наших малочисленных войск. Каждому человеку, знающему военное дело, если бы он попытался тогда оценить обстановку только по тем синим стрелам на карте, только по направлениям главных и вспомогательных ударов врага, по количественному превосходству его сил, могло показаться, что Советская Армия стоит перед лицом страшной, непоправимой катастрофы... Тяжелые были дни.

В памяти всплыл разговор по радио с членом

Военного совета фронта дивизионным комиссаром Лестьевым. Это было на третий день войны в лесу. Андрей Петрович сидел в автобусе — походной рации — на откидной скамеечке рядом с шифровальщиком и записывал в блокнот.

«Родина требует от нас,— говорил дивизионный комиссар,— сделать все возможное, чтобы не только измотать и обескровить врага, но и сберечь людской состав, технику, боеспособность. Нам нужны резервы, опытные кадры для будущих сражений...»

Андрей Петрович перевел взволнованный взгляд на правую сторону карты, где с юга на север, обозначенная двумя извилистыми линиями — красной и синей, тянулась линия фронта. Она передвинулась сюда с востока после жестоких боев под Москвой, Сталинградом и на Кавказе, под Курском и Смоленском, под Ленинградом и в Донбассе, на Днепре и в Крыму, в районах Правобережной Украины, Днестра и на Карельском перешейке. А теперь подготовлено новое наступление — в Белоруссии; оно должно закончиться полным разгромом группы гитлеровских армий «Центр» и всех резервов, которые будут брошены врагом на выручку этой группы...

А контрольного пленного пока нет. Где же Кудрин и его разведчики?

Пиунов застал генерала Рябова за чисткой оружия. Андрей Петрович стоял у покрытого газетой стола, на край которого были сдвинуты чернильный прибор, телефонный аппарат и стопка книг, и протирал кусочком бинта одну за другой части пистолета.

— Заходите, разведчик,— пригласил Рябов, увидев Пиунова.— Сейчас я закончу за этой иг-

рушкой ухаживать,— он указал на стол, где были разложены детали пистолета.

Пиунова неприятно поразил спокойный, добродушный тон генерала. Ведь такие неудачи... там люди гибнут...

— Своего оружия никому не доверяю чистить,— говорил между тем Рябов.— Только сам. На то оно и личным называется. А как же иначе?! — воскликнул он, хотя Пиунов и не думал возражать.

Пиунову показалось, что генерал намекает... Ведь, правда, сам он, Пиунов, никогда не чистит своего оружия, а поручает кому-нибудь из разведчиков. Но это сейчас не задело.

Андрей Петрович Рябов — в летах. Сухощавый, прямой, с порывистыми движениями, он выглядел моложаво. Даже седая шевелюра не старила его. Генерал не любил бездеятельности, не терпел скучных людей. Взглянув в нахмуренное лицо Пиунова, Рябов спросил:

— И чего вы, капитан, такой насупленный? Вроде на весь свет сердитесь...

— А чему радоваться, товарищ генерал?

— Как чему? А хотя бы тому, что мы вернулись в Белоруссию! Я, брат, по этим же дорогам отступал в сорок первом вот с этим самым пистолетом. И сейчас каждой деревне, каждому знакомому дереву кланяюсь. Мечтаю в знакомое село на Немане зайти и доложить там одной старенькой бабке, что вернулся... Здорово ругала она меня в сорок первом. «Куда,— говорила,— вы отступаете? Куда?..» Эх, хотя бы живой бабку застать!

Улыбка вдруг исчезла с лица Рябова, и он спросил:

— Кудрина не слышно?

— Не слышно. А тут еще невеста его объявилась.

— Какая невеста?

— Обыкновенная. Медсестра из госпиталя.

— Ну, знаете, капитан!.. — Рябов метнул на Пиунова недовольный взгляд.— Об этом могли и не докладывать.

— Так невеста же, товарищ генерал! — Пиунов приложил руку к груди.

— Невеста! Невеста! — Рябов сунул собранный пистолет в кобуру и, вытирая бинтом руки, вплотную подошел к Пиунову.— Фронт, брат, неподходящее место для любви.

Пиунову хотелось возражать. Но разве поймет его Рябов — престарелый генерал, который, видать, считает, что любовь была только в те давние времена, когда он сам был молод? И он махнул рукой, не стал даже доказывать, что Сима Березина — настоящая невеста старшего сержанта Кудрина...

Сознаться бы генералу, что он, капитан Пиунов, тоже любит эту девушку и попал сейчас в дурацкое положение... А вдруг Кудрин в самом деле погиб?..

И Пиунову стало не по себе. Почувствовал, что горит лицо. Не потому ли, что в глубине души шевельнулась подленькая мысль: как ему относиться к Симе, если Кудрин не вернется? Как Сима к нему станет относиться, когда утихнет боль утраты?.. Это же черт знает что! Выходит, он может стать счастливым потому, что убили Пашку Кудрина, того самого Пашку, который спас его от смерти, с которым он уже два года дружит крепкой мужской дружбой...

— Товарищ генерал, — нарушил минутное молчание Пиунов.— Товарищ генерал... Разре-

шите мне в тыл к фашистам отправиться. С Кудриным случилось недоброе, нужно выручать...

— В тыл идти надо, вы правы,— спокойно ответил генерал.— Но не Кудрина выручать — это вам не под силу, если его схватили. А «язык» нужен. Срочно!

— Товарищ генерал... И «языка» добудем... Кудрина надо спасти... Поймите...

— Кудрин вернулся!.. Кудрин вернулся!.. — орал в телефонную трубку ошалелый от радости телефонист разведроты.

— Где капитан? — устало улыбаясь, спросил Павел Кудрин у столпившихся вокруг разведчиков.

— Будэт и капитан, и всэ будут! — хлопал по плечу Павла суматошный Бакянц. — Гэнэрал капитана вызывал. Там дэвушка приехала. Хорошая дэвушка!

Все окружавшее Павла — товарищи, лес, зеленые шалаши,— все вокруг куда-то отодвинулось, исчезло. Не слышал оживленного говора разведчиков, не видел, что Бакянц стоял перед ним с котелком воды, готовый полить командиру, чтоб он умылся. Даже смертельная усталость больше не ощущалась. Был только он, Павел Кудрин, и мысль: «Нашлась Сима... Но к кому она? К нему или к капитану Пиунову?» Эта мысль стала физически ощутимой, причинявшей мучительную душевную боль. Стопудовая тяжесть легла на сердце. Не знал, куда деть себя, что сделать, как поступить. А капитан Пиунов? Острая неприязнь и даже злоба шевельнулись в груди Павла к этому человеку, за которого еще недавно он был готов пойти на любую опасность. А может, это не она, не его Сима?..

— Чего думаешь, командыр?

Голос Бакянца вывел Кудрина из оцепенения. Он с удивлением оглянулся вокруг, словно недоумевая, как попал в это знакомое место, и решительно начал снимать мешок, маскировочный халат.

Только Миша Лукашкин не спешил разамуничиваться. Не выпуская из рук автомата, он стоял возле полулежавшего в тени немецкого майора и, гордый и довольный собой, рассказывал товарищам о подробностях проведенной операции. Миша считал безрассудным заниматься сейчас чем-нибудь иным, когда вокруг гремит слава о бесстрашных разведчиках, в том числе и о нем — рядовом Лукашкине. И еще Мише хотелось, чтоб увидел его, грязного и усталого, командир роты Пиунов.

И тут Миша заметил капитана. Пиунов бежал через поляну к шалашам разведчиков, а вслед за ним спешила девушка в солдатской форме. Мгновение Лукашкин оценивающим взглядом смотрел на девушку, а потом опрометью кинулся к ведру с водой.

— Дайте умыться человеку!

Кудрин — усталый, измученный, с ног до головы в грязи,— увидев капитана, шагнул к нему навстречу и вдруг заметил приближающуюся Симу. Он узнал ее...

С трудом оторвав взгляд от родного, знакомого лица, Павел, побледневший, охрипшим голосом доложил Пиунову:

— Товарищ капитан... Задание выполнено. Потерь нет... Задержались...

Пиунов не дал ему договорить. Радостно захохотав, он крепкими руками облапил Кудрина.

— Дьяволы! Живые?! — смеялся Пиунов, то

стискивая в объятиях Павла, то отстраняя его и окидывая теплым, любящим взглядом Стреху, Туркина, Лукашкина.— Черти болотные!..

Павел осторожно оттолкнул от себя Пиунова.

— Измажетесь, товарищ капитан, — растерянно улыбаясь, проговорил он. Но глаза Павла смотрели мимо Пиунова, на Симу, которая, спотыкаясь, бежала к нему.

Пиунов перехватил взгляд Кудрина и вдруг нахмурился, лицо его приняло свирепое выражение.

— Куда смотришь?.. На меня гляди! Ну! — И капитан опять захохотал.— Вот дьявол!.. Так, говоришь, без потерь вернулся? Зато с прибылью. Гляди, какое чудо лупоглазое ждет тебя! — и Пиунов, круто повернувшись, почти столкнулся с Симой. Схватил ее за руку и остановил перед Кудриным. — Получай! Только с условием: освободим ваше село — меня с такой же познакомьте, если, конечно, лучшей там не найдется...

Капитан опять хохотнул, но после того, как Павел и Сима кинулись друг к другу, сник и, приняв озабоченный вид, крикнул на разведчиков, высыпавших из шалашей на поляну:

— Чего столпились?! Приготовиться к занятиям! Пленного — к командиру дивизии!..

СВОИМИ РУКАМИ...

Аркадий Маркович Филонов сидел рядом с шофером и, откинувшись на спинку сиденья, устало смотрел сквозь ветровое стекло на лесную дорогу. Дорога то петляла по глухо заросшей лесной вырубке, то плавными изгибами юлила между высокими медностволыми соснами.

Мимо промелькнула, точно пробежала навстречу машине, кривобедрая ель со свежими, заплывшими янтарной смолой шрамами — следами осколков. Старый хирург вздохнул.

Только сейчас, в лесу, около сгоревшей деревни Марфино, Филонов оперировал юную санитарку Веру Наварину. Надолго останется в его памяти эта операция. Почему? Ведь он оперировал тысячи людей. Может, потому, что эта славная девушка, с бледным лицом и помутневшими от нестерпимой боли глазами, с бисеринками пота над верхней губой и на лбу, напомнила ему дочь?.. Может. А может, и нет.

Перед глазами встала просторная палатка полкового медпункта. Серая парусина расцвечена желтыми пятнами. Это пробивались сквозь кроны ветвей солнечные лучи. Посредине палатки — операционный стол, на котором лежала тя-

жело раненная Вера Наварина. Молоденький врач из полковой санроты растерянно глядел на Филонова. Время упущено... Долго пролежала в лесу раненая санитарка, прежде чем ее нашли.

И главный армейский хирург, генерал медицинской службы Филонов, случайно оказавшийся в полку, начал готовиться к сложной операции.

Девушка умоляла:

— Не надо... милый доктор... Отвезите меня к отцу... Только он спасет, больше никто...

Молодой врач объяснил Аркадию Марковичу, что отец Веры Навариной — тоже хирург. Он работает начальником армейского хирургического подвижного госпиталя, который расположен не так далеко. Филонов знал об этом госпитале, но побывать в нем еще не успел, так как всего лишь неделю назад прибыл в Н-скую армию.

— Отвезите к отцу, милый доктор... Только он... — твердила Вера.

Филонов понимал, что девушка не вынесет переезда в госпиталь и что нельзя терять ни минуты. Не было гарантии, что даже немедленная операция спасет юную санитарку.

Над операционным столом вспыхнула ярким светом аккумуляторная электролампа. Заискрилась испарина на бледном лице девушки.

Аркадий Маркович начал готовиться к операции...

Дорога вильнула вправо и вынесла машину на широкую поляну. Филонов сощурился от солнца, ударившего в глаза, и вздохнул.

«Да. Время... Упустить в нашем деле время — нередко значит потерять чью-то жизнь...» Вспомнилось, что, когда ехал в деревню Марфино,

намеревался вначале завернуть к артиллеристам, но потом поехал прямо. А завернул бы?.. И опять вздыхает хирург.

«А она, глупенькая, к отцу просилась. Умерла бы!» И Аркадию Марковичу стало нестерпимо жалко незнакомого ему отца санитарки. «Нужно позвонить... Только как же его фамилия?.. Наварин?»

И вдруг Аркадий Маркович вспомнил, как два года назад, когда он замещал начальника санитарного отдела штаба Н-ской армии на Северо-Западном фронте, к ним в отдел прислали нового работника — майора медицинской службы Наварина.

«Нет, не может быть!..» Филонову очень захотелось, чтобы отец Веры оказался не тем Навариным...

В памяти всплыло пышущее здоровьем лицо. Широкая белозубая улыбка, румяные щеки, крутой лоб, на который спадала густая прядь черных с проседью волос. Из-под широких бровей смотрели чуть выпуклые карие глаза. В них — уверенность в себе, твердость и в то же время располагающее радушие... Сначала Аркадию Марковичу понравился майор медслужбы Наварин — серьезный, прошедший немалую жизнь человек. И работником оказался неплохим: подолгу засиживался в своей землянке, с педантичной придирчивостью относился к поступающей из войск документации, охотно ездил в дивизии обследовать работу медсанрот и медсанбатов, бывал в госпиталях.

Вот только докладные, которые писал Наварин, возвращаясь из очередной командировки, не по душе были Филонову. Одними черными

красками изображал майор положение в госпиталях, медсанбатах, санотделах дивизий. Конечно, недостатки, на которые указывал Наварин в докладных, не были придуманы им; они, видимо, имели место, однако, по мнению Аркадия Марковича, за недостатками нельзя было не видеть и того большого, неоценимого, что делают медицинские работники на фронте. Об этом он часто говорил Наварину.

Филонов понимал, что одних разговоров мало, нужно бы раз-другой поехать вместе с Навариным в войска и там показать ему, из чего следует исходить, оценивая работу госпиталей, медсанрот. Но до этого у него не доходили руки.

Как-то на армейском совещании хирургов один командир медсанбата прозвал Наварина «собирателем жучков». Его поддержали другие. «Ездит, выискивает недостатки, а помощи ни советом, ни делом не оказывает».

И вот поступила очередная докладная записка Наварина. Аркадий Маркович не поверил своим глазам: в выводах докладной предлагалось снять командира медсанбата майора медслужбы Михайлова с должности. Почему? Не потому ли, что Михайлов критиковал Наварина на армейском совещании хирургов? Это же он прозвал его «собирателем жучков»...

Филонов отложил дела и поехал в медсанбат. Там убедился в... несостоятельности этих выводов. Ему стало окончательно ясно, что такого человека, как Наварин, нельзя держать на руководящей работе. Об этом он откровенно заявил на партийном собрании санотдела. В ответ последовала жалоба Наварина в санитарное управление фронта — жалоба на него, Филонова. Затем появилась комиссия, обследование...

Создалась обстановка, при которой стало трудно работать.

И вдруг поступило распоряжение: выделить двух лучших хирургов на курсы в Москву.

Аркадий Маркович глубоко вздохнул и досадливо поморщился. Он вспомнил, как писал характеристику на Наварина, рекомендуя его на учебу.

«Вот так мы иногда спихиваем на чужие руки неспособных работников,— с горечью подумал он. — Даже в должностях повышаем, лишь бы избавиться от них.. Впрочем, Наварин, кажется, хирург опытный. И раз стал начальником госпиталя, значит, и руководить научился. Время-то идет...»

Впереди, в гуще леса, забелела черточка шлагбаума. Вскоре шлагбаум остался позади, и по обеим сторонам дороги замелькали зеленые холмики землянок. Здесь размещался второй эшелон штаба армии...

Филонова ждало спешное дело. По дороге в штаб фронта тяжело ранен при бомбардировке с воздуха заместитель командующего армией по тылу. И вскоре Филонов вместе с операционной сестрой сидел в тесной кабине санитарного самолета.

Возвратился Аркадий Маркович через три дня. Усталый, измученный, но удовлетворенный: жизнь раненого генерала спасена. И когда вошел в свою тесную землянку с задрапированными марлей стенами, блаженно посмотрел на застеленную койку. Две ночи не спал. Только сейчас почувствовал, как заныла спина, как загудело в голове.

Скрипнули ступеньки, ведущие в землянку. Постучав в дверь, вошла девушка в военной

форме и положила на стол папку с бумагами. Когда девушка ушла, Филонов присел к столу и открыл папку. Сверху увидел расшифрованную телеграмму из санитарного управления фронта. На ее уголке красным карандашом была выведена резолюция начальника санотдела: «Тов. Филонову — к исполнению. Срочно».

Первые же строчки телеграммы заставили Аркадия Марковича насторожиться, напрячь внимание. В телеграмме говорилось:

«Н-ский медико-санитарный батальон подвергся бомбардировке и понес потери. В это время прибыли две машины с тяжелоранеными. Раненых, без обработки, отправили в хирургический полевой подвижной госпиталь подполковника медслужбы Наварина. Госпиталь, вместо того чтобы принять раненых и срочно обработать их, завернул машины обратно в медсанбат. Двое тяжелораненых скончались в пути...»

Филонов шумно выдохнул воздух и взялся за следующую бумагу. Это было подтверждение из санотдела дивизии.

«Госпиталь завернул машины с ранеными, — читал Филонов. — На обратном пути умерли старшина Ерохин и санитарка Наварина, которая после операции, сделанной на полковом пункте, направлялась для транспортировки в госпиталь...»

Аркадий Маркович смотрел на расплывающиеся перед глазами строки, а в ушах его звучал слабый голос Веры Навариной: «Милый доктор... отвезите меня к отцу. Он спасет...»

— Умерла... — прошептал Филонов и зажал руками седую голову. — Везли в госпиталь к от-

цу... Какой же подлец завернул машины?.. Нужно ехать...

Перед Аркадием Марковичем встало лицо Наварина. Ему почему-то казалось, что это именно тот самый Наварин. И оттого, что он его знал, было еще больнее. Горе знакомого человека всегда ближе принимается к сердцу, если даже этот человек не симпатичен. Хотелось побыстрее оказаться рядом с ним, помочь, утешить. Но разве утешишь? Родная дочь!..

Филонов протянул руку к телефону, стоявшему на столе, взял трубку.

Вскоре он уже говорил с санитарным отделом штаба дивизии, в котором совсем недавно служила санитарка Вера Наварина.

— Доложите точно, кто именно завернул из госпиталя машины с ранеными,— требовал Аркадий Маркович. — Может, дежурный по госпиталю?

— Никак нет,— хриплым голосом отвечала телефонная трубка. — Раненые не приняты по личному приказанию начальника госпиталя Наварина...

— Наварин? Сам?..

* * *

Просторная комната с завешенными марлей окнами. Тишина. Ее нарушало редкое позвякивание металла и стекла. Это старшая операционная сестра Сима Березина, закончив смену, наводила порядок на инструментальном столе. Ее миловидное лицо с большими, темными от густых ресниц глазами было задумчиво. В ушах Симы еще звучала мольба раненого, которого

только что унесли из операционной. «Доктор, сохраните руку, нельзя мне без руки, я слесарь... семья большая...» Но сохранить руку не удалось. Гангрена...

Сима скосила глаза в угол, где примостился за тумбочкой хирург Николай Николаевич Рокотов; увидела его широченную спину с завязанными на ней тесемками халата, черные волосы, выбившиеся на затылке из-под белого колпака, услышала шелест бумаги: хирург заполнял карточку раненого. Сима вздохнула: «Неужели нельзя было ничего сделать?»

Из-за простынной перегородки вышла с ведром в руке стройная девушка в белом халате и косынке с красным крестиком. Это медсестра Ирина Сорока. В ведре — бинты в запекшейся крови.

Ирина остановилась у окна и попыталась сквозь сетку марли рассмотреть что-то во дворе. На ее курносом лице — недоумение. Потом Ирина подбежала к двери, распахнула ее. Два санитара осторожно внесли носилки с раненым, накрытым шинелью.

«Откуда? — в больших серых глазах Симы мелькнуло удивление. — Ведь палаточные все обработаны, а новых не поступало... Ни одна машина сегодня не приходила...»

Санитар Красов, пожилой рыжеусый солдат с морщинистым лицом, заметив недоуменный взгляд сестры, точно извиняясь, пояснил:

— Солдаты принесли. Прямо с передовой...

— Шутите?! —не поверила Сима.

— Вон посмотрите в окно. И уходить не хотят. Вчетвером несли с полкового пункта. В медсанбат и не заглянули. Говорят, слышали от одной

санитарки, что у нас знаменитый хирург есть — Наварин.

Раненый стонал. Землисто-серое лицо, заострившийся нос, вздрагивающие веки на полузакрытых глазах. У Симы тревожно сжалось сердце, и она повернулась к Николаю Николаевичу, который, оставив бумаги, подошел к рукомойнику с педалью и начал натирать стерильными щетками руки. Видит ли хирург, что раненый очень «тяжелый»?

Ирина Сорока тем временем снимала повязку с бедра раненого, которого положили на стол.

— Ой! — вдруг вскрикнула она и отшатнулась от стола. — Посмотрите...

Сима подошла к операционному столу и увидела такое, что вся кровь прихлынула к сердцу и красивое лицо девушки побледнело. Над обнаженным бедром раненого возвышался черный ребристый стабилизатор неразорвавшейся мины. Сима вспомнила случай, когда под Смоленском, в лесу, где разбил свои палатки госпиталь, один санитар поднял такую мину, чтобы отнести ее в сторону. Мина взорвалась в руках...

При виде стабилизатора мины у хирурга Рокотова выскользнула из рук стерильная щетка. Он молча, округлившимися глазами смотрел на хвост мины, и было видно, как на его виске учащенно пульсировала розовая жилка.

— Всем выйти из палаты! — наконец проговорил Николай Николаевич. — Пригласите пиротехника.

Комната опустела. У операционного стола остались хирург и Сима Березина.

— А вы? — обратился к ней Рокотов.

— Я помогу. Подготовлю рану...

* * *

Подполковник медицинской службы Вениамин Владиславович Наварин слыл в госпитале отзывчивым, добрым человеком. Зайдет к нему в кабинет начальник отделения или рядовой врач, медсестра или санитар — всякому он скажет приветливое слово, поинтересуется самочувствием. Вениамин Владиславович выслушивал подчиненных, как родной отец. И особенно душевно откликался на всякие жалобы...

Вчера санитар Красов в самую горячую пору, когда пришли машины с ранеными, оказался пьяным. Дежурный врач отстранил санитара от работы, а заместитель начальника госпиталя по политчасти майор Воронов тут же объявил ему пять суток ареста.

Сегодня утром Красов, вместо того чтобы отправиться под арест, побежал каяться к начальнику госпиталя. Вениамин Владиславович внимательно выслушал немолодого рыжеусого солдата, пожурил его и, после того как Красов, жалостливо хлюпая рыхлым лиловым носом, пообещал и не «нюхать» больше хмельного, отпустил его. Затем пригласил к себе майора Воронова.

— Поймите, дорогой Артем Федорович, — увещевал Наварин замполита,— санитар Красов — человек семейный, оторван от дома. Ну, выпил рюмку, бывает такое, может, по детям загрустил. Внушить ему нужно, прямо скажу. Но старика под арест!.. Помилуйте, у нас же госпиталь, а не рота новобранцев. Потом и о другом не забывайте. Сегодня одного накажем, завтра второго, третьего. Через месяц настроим

против себя весь госпиталь. Как же работать тогда?

Майор Воронов сидел на жестком топчане у стола и недовольно хмурил брови. В его немолодых глазах поблескивали недобрые огоньки, а скулы и подбородок худого горбоносого лица казались твердыми, точно литыми. Вениамин Владиславович начал волноваться:

— Только поймите меня правильно,— он даже привстал за своим письменным столом, заслонив спиной окно. — Я не против дисциплины, наоборот. Но, прямо скажу, я против крайних мер...

— С такими порядками согласиться не могу,— ответил Воронов, налегая плоской грудью на стол. — Ведь если придерживаться вашей точки зрения, то можно оправдать пьянку любого нашего работника, оправдать дезертира или самострела, вдруг такие окажутся. Все же оторваны от семей...

— Артем Федорович! Дорогой человек! — с дружелюбным недоумением воскликнул Наварин, усаживаясь на место и прикладывая обе руки к сердцу. — Зачем же сгущать краски? Люди-то наши, советские! Пошлите этого Красова сейчас, сию минуту, на самое опасное дело, на верную смерть, и он пойдет. Пойдет без малейшего колебания.

— Боюсь, что если я отдам ему подобное приказание, он прибежит к вам...

— Почему же?

— Мое приказание, выходит, для него не закон. Я наложил взыскание, вы отменили через мою голову, не посчитались с уставом,— Воронов отстранился от стола, и под ним жалобно, протестующе скрипнул топчан.

— А-а-а, вот тут вы правы, Артем Федоро-

вич! Прямо скажу: иногда забываю я о тонкостях устава. Каюсь. Но уставы — не главное. Душу надо иметь! Нельзя подавлять человека. Я вот родную дочь, рядовую санитарку, не могу заставить перейти из полковой санроты в госпиталь. Девчонка самовольно из дому сбежала. Не хочет под начало отца — и точка. А силой не переведешь.

Майор Воронов отвернулся к окну, в которое заглядывала со двора ветка недавно отцветшей рябины. Двор — унылый, запыленный, заросший бурьяном. Через двор виднелось пепелище давно сгоревшего дома. Воронову не по себе. В который уже раз приходится ему вести столь неприятные разговоры с начальником госпиталя...

В кабинет постучали. Вошла молодая женщина — лейтенант административной службы — и положила перед Навариным пакет с сургучными печатями.

— Распишитесь в получении, Вениамин Владиславович,— женщина раскрыла журнал, вздохнула и неодобрительно покосилась на мрачного Воронова, как бы давая понять Наварину, что она сочувствует ему.

Наварин расписался в журнале, сломал на пакете сургуч. Достав бумагу, углубился в чтение...

Майор Воронов, посасывая не набитую табаком трубку, молчал. А начальник госпиталя, уткнувшись глазами в бумагу и нахмурив густые черные брови, точно позабыл о присутствии замполита.

В приказе, который лежал перед Навариным, четко и ясно говорилось: «Хирургический полевой подвижной госпиталь подполковника медицинской службы Наварина включается в систему головного полевого эвакуационного пункта...»

Наварину предписывалось возглавить скомплектованный хирургический отряд и вместе с госпиталем быть готовым к передислокации в район тылов Н-ского полка.

— Сумасшествие! — всплеснул руками Вениамин Владиславович и торопливо начал развертывать карту с нанесенной обстановкой. Отыскав на ней у самой линии фронта красный флажок подвижного медицинского пункта Н-ского полка, он обратился к Воронову:

— Полюбуйтесь! Сюда приказано перебазироваться перед наступлением, почти на передний край.

Воронов внимательно посмотрел на карту, подумал и, не торопясь, ответил:

— Хотя и опасно немного, но, по-моему, место подходящее. Лес, пути подъезда хорошие, близко от больших дорог. Значит, и попутный транспорт будет на нас работать.

— Удивляюсь вам, Артем Федорович! — вскипел Наварин. — Дело же не в опасности. А как с взаимодействием между медсанбатами и эвакопунктом? Снаряды, бомбы, окружение — ничто нам не может помешать в работе. Ничего мы не боимся. Но нарушить взаимодействие!.. Это именно и получится, когда мы выедем вперед за линию медсанбатов. Начнется чехарда. Медсанбаты встанут на колеса, и весь поток раненых к нам устремится. А нам же спасать этих раненых нужно! Жизни человеческие нам доверяют! Жизни! Мы обязаны свести смертность раненых к минимуму!

— Вы полагаете, это не учитывали, когда составляли приказ? — сухо спросил Воронов.

— В том-то и дело,— Наварин снисходительно улыбнулся, и доброта, которая обычно светилась

в его глазах, исчезла.— Сидят в санотделе штаба армии канцеляристы и сочиняют приказы. А у нас опыт. Помню, под Смоленском... Да что далеко за примерами ходить!.. Недавно командир медсанбата Михайлов прислал к нам без обработки две машины тяжелораненых. А ведь знает же, что не имеет права этого делать. И все-таки направляет. А что будет, если поток раненых увеличится? В каком положении мы окажемся, когда вперед медсанбатов выедем?

— Постойте, постойте,— перебил Наварина майор Воронов.— О каких двух машинах вы говорите?

— Три дня назад это было... Вот вы, Артем Федорович, упрекаете меня, что я устав нарушаю. Где нужно, я за порядок костьми лягу. Михайлов хоть и мой старый знакомый, на Северо-Западном фронте тоже в одной армии были, а я его не пощадил. Завернул машины обратно и еще сообщу начальству.

— Завернули? — глаза майора Воронова потемнели, сделались колючими.— А может, медсанбат не мог?..

Во дворе хлопнула калитка и послышались чьи-то торопливые шаги. В кабинет вбежала медсестра Ирина Сорока. Запыхавшаяся от бега, взволнованная, она, не спросив, как положено, разрешения, быстро заговорила:

— Товарищ начальник! Раненого принесли, прямо с полкового медпункта. У него в правом бедре мина... в верхней части... Пиротехник говорит: трогать нельзя, может взорваться.

Наварин смотрел на взволнованную девушку, и его спокойное и твердое лицо выражало недоумение.

— Толком расскажите. Какая мина? — пере-

спросил майор Воронов, поднимаясь со своего места.

— Немецкая! Небольшая, как свеколка. Застряла в бедре и не разорвалась...

Вениамин Владиславович хмурил брови, и над ними дергались мускулы. Такого случая он еще не встречал в своей практике и даже нигде не читал о подобном. Начал осмысливать услышанное. Сразу далеко отодвинулись только что одолевавшие его заботы... «В теле человека неразорвавшаяся мина. Нужно оперировать. Но мина в любой миг может взорваться. Погибнет не только раненый, но и хирург и все, кто будет близко...»

Вениамину Владиславовичу показалось, что спинка стула, на котором он сидит, расслабленно подалась назад. И деревянные половицы под ногами вдруг показались дряблыми, скрипучими. Ему стало неприятно это состояние потерянности, и он нетерпеливо, со злостью забарабанил пальцами по столу. Ритмичная дробь пальцев как бы дала плавный ход мыслям, вернула его к действительности. Оторвав взгляд от взволнованного лица медсестры, Наварин вопросительно посмотрел на майора Воронова, который старательно набивал табаком трубку с медным ободком на мундштуке.

— Доложить в санотдел армии? — проговорил Вениамин Владиславович и потянулся рукой к телефонному аппарату, стоявшему тут же на столе. — Алло! «Сосна»? Дайте двадцать седьмой... Попрошу главного хирурга. Нет его? Наварин говорит... К нам поехал?!

Вениамин Владиславович положил трубку и пожал плечами. Брови его вскинулись вверх, и на высокий лоб легла лестничка морщин.

— Главный армейский хирург, оказывается, к нам поехал...— словно про себя, озадаченно промолвил Наварин. Повернувшись к Ирине, приказал: — Быстренько пригласите ко мне Николая Николаевича!

Ирина убежала за ведущим хирургом Рокотовым, а Наварин поднялся из-за стола и, озабоченный, начал ходить по кабинету. Воронов раскурил трубку и снова уселся на топчан у окна, время от времени кидая вопросительный взгляд на Наварина.

— Генерал Филонов только прибыл в армию,— промолвил Вениамин Владиславович, обращаясь к замполиту,— знакомиться с госпиталем едет, а тут такой случай! Небывалый...

Во дворе опять послышались шаги — уже возвращалась Ирина. Раскрасневшаяся от бега, она ворвалась в кабинет и скороговоркой выпалила:

— Николай Николаевич не могут! Раненый на операционном столе!..

— Безумие! — простонал Наварин, страдальчески сморщив лицо. — Всю ответственность взвалил на свою спину. Может, я сам оперировал бы!.. Погубит себя и людей... — И, повернувшись к Воронову, спросил: — Что теперь Филонов скажет? Знаю я этого ворчливого старика!

Вениамин Владиславович остановился у стола, точно прислушиваясь, не донесется ли со стороны школы, где размещен операционно-перевязочный блок, взрыв. И вдруг ему стало не по себе: сейчас нагрянет генерал-майор медицинской службы Филонов, а он, хирург Наварин, когда в его госпитале такое событие, вынужден быть в стороне! «И все из-за самоуправства подчиненных!..»

Наварин, сам не замечая того, почти бегал по

кабинету, заложив руки за спину. Казалось, начальник госпиталя позабыл о Воронове, о медсестре, притихшей у дверей. Потом неожиданно остановился перед Ириной, посмотрел в ее растерянное лицо и приказал:

— Бегите к пропускному пункту. Как только заметите машину генерала Филонова, немедленно позвоните мне.

— Так они уже приехали!

— Как? Когда?..

— Недавно! Приехали, узнали от солдат о мине — и в операционную. Они ж вместе с Николаем Николаевичем операцию делают...

Наварин, бросив на медсестру досадливо-негодующий взгляд, выбежал из кабинета. Без фуражки, с растрепанной шевелюрой, он крупной рысцой бежал к школе. Ему вслед строго и задумчиво смотрел в окно замполит Воронов.

Раненый, укрытый простынями, спиной вверх лежал на операционном столе. Обнажено только правое бедро. Сима Березина, промыв кожу вокруг раны и стараясь не слышать протяжного тихого стона, смазывала ее йодом. Пальцы девушки словно онемели: то не могли попасть ватой, намотанной на палочку, в склянку с йодом, то не хватало сил притронуться к ребристому хвосту мины. Вспомнилось строго-деловитое лицо пиротехника — молодого лейтенанта: «Трогать нельзя». Рокотов приказал пиротехнику удалиться...

— Быстрее, Березина! — торопил Симу хирург Рокотов, натирая спиртом руки. — Раненому плохо.

— Сейчас, сейчас, Николай Николаевич! — и Сима, обложив рану стерильными салфетками, кинулась к инструментальному столу. Ведь мно-

гое еще надо успеть сделать, прежде чем можно начать операцию.

Вдруг открылась дверь. В операционную, надевая на ходу халат, вошел незнакомый пожилой человек. На плече его сверкнул генеральский погон.

— Главный армейский хирург Филонов,— хмуро представился он.

Филонов приблизился к операционному столу, несколько мгновений молча смотрел на угрожающе торчащий среди белых марлевых салфеток стабилизатор мины, потом, откинув с ног раненого простыню, начал щупать пальцами пульс на правой голени и стопе. Аркадий Маркович уже был в курсе случившегося.

— Зовите ваших сестер,— точно продолжался ранее начатый разговор, спокойно сказал Филонов Николаю Николаевичу.

Рокотов, полагая, что главный армейский хирург не подозревает об опасности, наклонился к нему и, стараясь, чтобы не услышал раненый, тихо сказал:

— Мина может взорваться...

— Всякое может быть,— ответил генерал.— Но солдата надо спасать, время не терпит. Зовите сестер!

— Я сама управлюсь,— вмешалась в разговор Сима.

Филонов кинул на нее быстрый взгляд и промолчал, сосредоточенно натирая мылом и щетками руки.

Сима спешила. «Солдата надо спасать»,— повторила она про себя слова генерала, делая раненому укол морфия и кофеина. Теперь Сима была почти уверена, что мина обязательно взорвется, взорвется потому, что «солдата надо

спасать» прозвучало в ее сознании торжественно, и потому, что у нее прошел всякий страх. Мина взорвется, и они — Сима, Николай Николаевич, генерал Филонов — погибнут, навсегда утвердив своей смертью закон: «Солдата надо спасать...»

Но Симе все же не управиться одной. Нужно еще наложить маску, успеть приготовить для подачи инструментов свои руки. И в операционной появляется бледная от волнения девушка. Широко раскрытыми глазами она с ужасом ко-

сится на черный хвост мины и дрожащими руками берется за шприц.

Началось самое опасное

Не трудно рассечь клетчатку тела по оси раны. Но потревожить мину, взрыватель которой находится «на сносях»...

* * *

Сима стоит между инструментальным и операционным столами, подняв вверх руки. Напротив — армейский хирург Филонов и ведущий хирург госпиталя Рокотов. У них, как и у Симы, открыта только узкая полоска лица — глаза и лоб. Глаза сосредоточенные, нахмуренные, под марлевыми масками угадываются крепко сомкнутые губы.

Сима следит за мягкими движениями пальцев Филонова, в которых зажат скальпель, и без напоминания подает инструменты.

А вокруг — в коридорах, соседних комнатах, во дворе, на улице — звенящая тишина. Весь госпиталь прислушивается к тому, что происходит сейчас в операционной.

Рука Филонова ложится на хвостовое оперение мины. Сима чувствует, как в ее груди прокатывается холодок и замирает сердце, как немеют ноги. В голове бьется только одна мысль: если мина взорвется — успеть бы отвернуться, чтобы осколки не изуродовали лицо, глаза...

В этот момент в операционно-перевязочную бесшумно вошел начальник госпиталя Наварин. В его вдруг ввалившихся темных глазах светилось не то отчаяние, не то самоотреченность. Всегда твердое и независимое лицо Вениамина Владиславовича сейчас было потерянным и не-

обычайно бледным. Не обращая внимания на недовольный, сердитый взгляд генерала Филонова, Наварин кошачьими шажками подошел к операционному столу.

Сима стояла спиной к двери и не заметила, когда вошел начальник госпиталя. Она приготовилась подать Филонову хирургические ножницы, как вдруг к ее плечу прикоснулась рука Наварина. От неожиданности девушка вздрогнула. Ножницы выскользнули из ее рук и звонко ударились об пол. В напряженной тишине этот удар загремел, как выстрел, как взрыв... И тотчас же Вениамин Владиславович проворно нырнул к ногам Симы, под стол...

Сима растерялась. Вначале ей показалось, что Наварин бросился поднимать выскользнувшие у нее ножницы. И ей, виновнице всего этого, хотелось побыстрее поднять их самой. Но окрик генерала Филонова: «Не сметь!» — вовремя остановил операционную сестру. Ведь руки-то у нее стерильные, а операция не закончена...

Филонов, Николай Николаевич, Сима Березина с удивлением смотрели на Наварина. А он, длинный, в белом халате, прикрыв голову руками, несколько секунд полежав без движения, начал подниматься — медленно, с похрустыванием в коленях. Затем заплетающейся, старческой походкой зашагал к двери, прижимая правую руку к сердцу...

* * *

Наварин возвратился в свой кабинет подавленным.

— Что с вами, Вениамин Владиславович? — встревожился майор Воронов, положив телефонную трубку. Его задержал в кабинете звонок из

политотдела армии. Там уже знали о двух непринятых госпиталем машинах с ранеными...

— Сердце, Артем Федорович... — Наварин, обессиленный, опустился на табурет. — Сейчас в операционной такой приступ...

Вдруг где-то за соседними домами громыхнул взрыв.

Воронов и Наварин вскочили на ноги. По лицу Воронова разлилась бледность. Испуганный, он посмотрел на Вениамина Владиславовича, у которого непонятным блеском загорелись глаза, и кинулся к дверям.

Наварин преобразился. Куда девались его вялость и подавленность!

— Беда, Артем Федорович! — вскрикнул он, устремляясь вслед за Вороновым. Но тут же остановился, проводил глазами пробежавшего мимо окна замполита и, прикусив нижнюю губу, углубился в какие-то свои мысли.

Потом Вениамин Владиславович налил из графина стакан воды, залпом выпил ее и посветлевшим взглядом, чему-то улыбаясь, обвел свой кабинет. Тут же с деловитой решимостью он кинулся в распахнутую Вороновым дверь.

По знакомой тропинке бежал к школе, а в голове билась мысль:

«Эх, Филонов, Филонов!.. Славный был старик... Освободилась должность главного хирурга армии...»

Недалеко от школы Вениамин Владиславович столкнулся с Ириной Сорокой. С дрожащим блеском в глазах и сияющим лицом девушка выпалила:

— Все в порядке, товарищ начальник! Генерал бросил мину в старый колодец!..

Наварин остановился, точно наткнулся на не-

видимую стену, посмотрел застывшими глазами на Ирину. Девушка посторонилась, давая ему дорогу, потом заторопилась дальше. А он, поблекший, все стоял на месте, чувствуя, как от груди к ногам побежал противный холодок. Старался поймать какую-то очень нужную сейчас мысль, но никак не мог. С трудом сделал шаг вперед, потом повернул назад и медленно побрел, сам не зная куда. Некстати вспомнилось детство, провинциальный городок, в котором отец работал врачом. Однажды мальчишки играли в войну, и Вениамин объявил себя командиром. Его побили и сказали, что командиром будет самый сильный. Потом он старался выглядеть сильным и жестоко ненавидел тех, кто в это не верил...

Наварин пришел в свой кабинет, бессмысленным взглядом посмотрел на письменный стол, где лежала развернутая топографическая карта, потом направился в соседнюю комнату и, не раздеваясь, лег поверх одеяла на кровать.

Минут через двадцать пришли генерал Филонов и подполковник медслужбы Рокотов.

— Никого нет? — недовольно спросил Аркадий Маркович, увидев пустой кабинет.

Ему никто не ответил.

Аркадий Маркович придвинул к столу табуретку, уселся верхом на нее и задумался. Рокотов присел на краю скрипучего топчана.

— Не принять раненых,— с душевной болью заговорил наконец Филонов,— не поинтересоваться, что стряслось в медсанбате... Боже мой! И все из-за того, что командир медсанбата Михайлов его давнишний недруг... И недруг ли?.. На совещании критиковал... Ну, откуда такая мразь в душе человека?! — Аркадий Маркович

повернулся к Рокотову. — Откуда?.. От собственного ничтожества, от неспособности занимать то место, которое он занимает, и от стремления удержаться на нем, от трусости, что распознают его ничтожество... А мы? Где же наши глаза? Почему не хотим разглядеть таких людей, а распознав, не спешим указать им их место?..

Аркадий Маркович замолчал и углубился в какие-то свои мысли. Потом, очнувшись от них, снова обратился к Рокотову:

— Простите, дорогой Николай Николаевич. Я, кажется, увлекся грустными размышлениями. Приступим к делу: вам придется принимать госпиталь... Да, да. И немедленно... Наварин пойдет под суд.

В дверях, что вели в соседнюю комнату, послышался шорох. Филонов оглянулся и увидел Наварина. Он стоял бледный, беспомощный, с сухими дрожащими губами.

«Вот и еще одну мину обезвредили,— мелькнула мысль у Аркадия Марковича и тут же с новой болью отдалась в груди. — А ведь мину эту я, кажется, своими собственными руками вытолкнул на дорогу, людям под ноги... А мог же давно убрать ее...»

То ли от этой горькой справедливой мысли, то ли оттого, что ему предстоит еще сказать Наварину о смерти его дочери и о том, что он, Наварин, виновник ее смерти, генерал тяжело вздохнул и устало провел рукой по своему немолодому лицу.

ЛЕЙТЕНАНТ ВЕРНИДУБ

Черная нитка телефонного провода перемахивала через ручеек с заболоченными, поросшими густой осокой берегами и, прячась в ярко-зеленой траве, среди тальника, осины, уходила в сторону переднего края. Вдоль нитки торопливо шагал невысокий, стройный человек с солдатским вещевым мешком за спиной.

Это был Сергей Вернидуб — молодой лейтенант, только что прибывший на фронт после окончания Баталинского артиллерийского училища. Он спешил в первый дивизион, куда получил назначение.

Худощавый, не очень широкий в плечах, он никак не оправдывал свою необычную фамилию. Зато круглое, курносое лицо с тяжеловатым, выступавшим вперед подбородком, острые карие глаза с золотинкой да густо-черные слегка нахмуренные брови выдавали в Сергее Вернидубе человека упрямого, настойчивого.

В штабе полка Вернидубу сказали:

— Будете служить в дивизионе капитана Ломтева...

И сейчас, направляясь к месту службы, Сергей думал:

«Не тот ли это Ломтев? Неужели он?..»

Сергей Вернидуб много слышал о Ломтеве. О нем не раз вспоминали на курсантских и комсомольских собраниях. Портрет Ломтева висел в вестибюле главного учебного корпуса на Доске героев-фронтовиков — воспитанников училища.

Нитка телефонного провода вывела его к жидкой сосновой роще с густым подлеском. Сергей остановился. Впереди, в тени ветвистого орешника, увидел бугорки над накатами блиндажей. Здесь и размещался командный пункт первого дивизиона.

Вернидуб решительно зашагал в направлении блиндажей. У крайнего блиндажа лицом к лицу столкнулся с высоким офицером. Из-под его выгоревшей пилотки выбивались светлые, как конопля, волосы. На гимнастерке сверкал орден, на погонах — по четыре звездочки. Офицер вопросительно уставил на Сергея серые, чуть с зеленоватым отливом глаза.

— Лейтенант Вернидуб? — спросил он.

— Так точно! — ответил Сергей, и у него мелькнула мысль: «Командир дивизиона! Значит, не тот...»

Сергею стало вдруг горько, что этот капитан не оказался тем Ломтевым — героем, служить под командованием которого каждый выпускник их училища посчитал бы за честь. Надтреснутым баском он представился:

— Товарищ капитан, лейтенант Вернидуб прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы.

Капитан выслушал Вернидуба, потом крепко стиснул его руку и, рассматривая молодого лейтенанта цепким, изучающим взглядом, сказал:

— Ну, пошли на наблюдательный пункт.

Командир дивизиона уже звонил, справлялся о вас.

— А вы?.. — смущенно спросил Вернидуб.

— Я? Я, брат, в начальниках штаба пребываю, Гусев моя фамилия, — и капитан засмеялся.

...Наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона находился почти на противоположной опушке рощи. Сергей еще издалека заметил приставленную к могучей сосне высокую лестницу, а у сосны — блиндаж. На насыпи блиндажа сидел солдат и держал у уха телефонную трубку. Увидев приближающихся, солдат запрокинул голову вверх и крикнул:

— Товарищ капитан, идут!

Не успели еще Вернидуб и капитан Гусев подойти к блиндажу, как с вершины дерева раздался твердый, ровный голос:

— А ну, показывайтесь, товарищ лейтенант! Залезайте на площадку. Иващук, уступите место.

По лестнице начал спускаться Иващук — артиллерийский разведчик — крупный, мешковатый солдат.

— Поживей, Иващук! — подстегнул его голос с дерева.— А то вроде корзину с яйцами на голове несете!

Иващук чуть проворнее стал пересчитывать руками и ногами перекладины. Наконец он достиг земли и Вернидуб быстро взбежал по лестнице.

— Вот это дело! Узнаю выучку! — И навстречу Сергею протянулась крепкая рука.

Сергей увидел широкое, чуть скуластое добродушное лицо с прищуренными глазами и приветливой улыбкой. Узнал. Это был тот, настоящий, Ломтев.

— Лейтенант Вернидуб прибыл... — начал докладывать Сергей, но Ломтев перебил:

— Давно жду вас. Как позвонили из штаба полка, что прибыл лейтенант из Баталинского училища, так я и покой потерял. Что там у нас? Садитесь за стереотрубу: глядите и рассказывайте.

Сергей осмотрелся. На крепких сучьях сосны плотно уместилась большая треугольная рама из толстых бревен. На раме укреплены броневые щитки — один снизу и два по бокам. Над головой также щит — против шрапнели. Стереотруба двумя призмами смотрела из-за ствола сосны вперед, поверх верхушек других деревьев. Тут же, на сучке, укреплен телефонный аппарат.

Ломтев посторонился от стереотрубы, уступая место Сергею:

— Смотрите и рассказывайте, — повторил он.

— Я так не умею, — смущенно ответил Сергей: — Наблюдать нужно сосредоточенно.

— О-о!.. — воскликнул Ломтев. — Наша школа. Ну, раз так, наблюдайте.

Перед взором Сергея встала впервые увиденная им картина: верхушки сосен, за ними луг, ручей, за ручьем проволочные заграждения и зигзаги фашистских траншей. Временами над бруствером траншеи мелькали солдатские каски. И все, что попадало в поле зрения Сергея, непрерывно качалось: вниз, вверх, вниз, вверх, — как море — в такт легкому ветру, нарушавшему покой сосны.

За первой линией траншей Сергей увидел пустынную дорогу, которая на правом фланге поворачивала на восток, пересекая вражескую оборону. В том месте, где дорога была перекопана траншеей, высился телеграфный столб. Сергей разглядел на нем уцелевшие чашки изоляторов

и даже обрывки проводов. «Вот ориентирчик! — подумал Вернидуб. — Как фашисты не сообразят спилить его?»

* * *

Мелколесье — кудрявое, густое, припудренное рыжеватой, перегоревшей от снарядных взрывов землей, со всех сторон обступало огневые позиции артиллеристов. Пушки, длинноствольные, безмолвные и, казалось, разморенные жарой, дремали под широкими маскировочными сетями на круглых площадках, прильнув станинами к земле.

На огневой царил покой. Артиллеристы, натрудившись ночью при оборудовании новых запасных позиций, отдыхали в блиндажах, в ровиках — там, где их не доставали палящие лучи солнца. Редкие выстрелы за опушкой рощи были привычными.

Сергей Вернидуб сидел на траве в тени орешника и глядел в расстеленную топографическую карту. На ней условными значками были нанесены цели в секторе обстрела батареи, в состав которой входил его огневой взвод. Каждый вражеский дзот, каждое пулеметное гнездо, позиции немецких орудий и минометов занумерованы, и подготовлены данные для стрельбы по ним. Хоть сейчас открывай огонь, и снаряды метко накроют цели. Но стрелять пока нельзя. Нельзя показать врагу, насколько точно разведана его огневая система.

Стоял знойный июнь 1944 года. Над белорусскими лесами и болотами висела тишина, ничего доброго не предвещавшая гитлеровцам.

Понимал лейтенант Вернидуб, что тишина эта обманчива, не сегодня-завтра начнется насту-

пление, но не мог мириться с бездействием, с унылой тишиной. Ведь это фронт! Уже два дня командует он огневым взводом, и за это время не послал по врагу ни одного снаряда.

Сергею вспомнился разговор с капитаном Ломтевым. Командир дивизиона жадно расспрашивал об училище. Потом сказал, что обязательно напишет туда письмо. Но напишет после того, как он — лейтенант Вернидуб — проявит себя в бою. «Им нужно знать, как воюют их питомцы», — объяснил Ломтев.

Заметил ли Ломтев, как при этих словах сбежались на переносье Вернидуба и без того нахмуренные брови? Наверное, нет. Сергею не хотелось, чтобы командир дивизиона уловил его волнение. Он представил себе, как там, в училище, читают на комсомольском собрании письмо Ломтева о боевых делах бывшего курсанта Вернидуба, как одобрительно гудит зал и загораются жаждой подвига юные сердца комсомольцев. Но зачем ему волноваться? Разве не умеет он стрелять, управлять огнем орудий? Может, не лучше многих других выпускников Баталинского училища, но и не хуже. Сколько раз на артиллерийском полигоне, когда стрелял Вернидуб, старшина полигонной команды хватался руками за голову и сокрушался: «На таких стрелков никаких мишеней не наготовишь!..»

И вражеский обстрел был для Сергея не в диковинку. Еще в первый год войны он, крымский десятиклассник, мирный житель тихой деревни на мелководном Салгире, добровольцем ушел на фронт. В туманный октябрьский день его часть с тяжелыми боями отходила к Керчи. Жестокие обстрелы, бомбежки, танковые атаки. На

Таманском полуострове Сергея ранило. Потом — госпиталь, запасный полк, училище. Теперь опять фронт. Нет у Сергея такого слова, чтобы сказать, как стремился он сюда.

Сергей не хотел сознаться даже самому себе, что мечтает в первом же бою сделать что-то большое и чтоб об этом услышали там — в Баталинске.

«Но когда же? Когда начнем наступать?»

Мысли его прервал оклик телефониста:

— Товарищ лейтенант!

В два прыжка Сергей оказался в ровике, у телефона. Взял трубку и услышал хрипловатый голос командира батареи.

— Лейтенант Вернидуб? Понаблюдайте правее ориентира один. У телеграфного столба — дзот. С запасной открытой — уничтожьте!

— Есть, уничтожить! — выкрикнул Сергей и смутился. Очень уж радостно и по-мальчишески бойко прозвучали его слова. «Не похож ли я на петушка?» — подумал он и вопросительно покосился на телефониста — молодого солдатика с облупившимся носом и ясными голубыми глазами, в которых лейтенант прочитал такой же восторг, каким был охвачен сам.

— Есть работка? — сиплым, возбужденным голосом спросил телефонист.

— Есть,— сдержанно ответил Вернидуб и тут же подумал: «Дзот у телеграфного столба, это в секторе первой батареи! Почему же мне?..»

Погасил улыбку, догадался: капитан Ломтев дает возможность пострелять именно ему.

«А может, проверяет? Проверяет, как умею стрелять?.. Ну, что ж, покажу», — и властно скомандовал:

— Второе, к бою!..

Вмиг огневая позиция взвода ожила. Из блиндажа, из ровиков выскакивали солдаты. Еще секунда-две, и расчет второго орудия занял свои места.

Командир расчета — пожилой сержант с угловатым, некрасивым лицом, коричневой жилистой шеей, наморщив и без того морщинистый лоб, стоял поодаль от орудия и глядел на командира взвода, дожидаясь распоряжений. Сержант этот, Бобров, не понравился Сергею при первом же знакомстве. Сергея насторожил острый взгляд глубоко сидящих под косматыми бровями глаз Боброва. Да и все лицо его — широкий, вздернутый нос, толстая, точно вывороченная наизнанку губа, щеки, прорезанные двумя глубокими складками,— было угрюмым и недовольным. Сергею казалось, что Бобров смотрит на него с недоверием, точно на мальчишку, который взялся не за свое дело.

Сейчас, встретившись взглядом с сержантом, Сергей спохватился и точно притушил свое возбуждение и восторг, вызванные предстоящей стрельбой.

«И бобру этому покажу, как умеет стрелять лейтенант Вернидуб», — с непонятным недовольством на сержанта подумал Сергей и скомандовал:

— На колеса! Занять вторую запасную!..

* * *

Сергей стоял в окопе и, маскируясь воткнутой в бруствер веткой осины, глядел в бинокль на далекую дорогу. Сердился на себя, что долго не проходило волнение. Он хорошо видел черную полоску амбразуры вражеского дзота. Дзот

был расположен у самого телеграфного столба, на котором сверкали под лучами солнца фарфоровые изоляторы.

Сергей удивлялся непредусмотрительности гитлеровцев: телеграфный столб дает возможность любому артиллеристу накрыть дзот первым же снарядом. Каждому известно, что высота телеграфного столба равна шести метрам. Нескольких секунд достаточно, чтобы шесть разделить на его угловую величину и умножить на тысячу. А угловая величина всякого предмета вмиг устанавливается по сетке бинокля. И ничего больше не нужно артиллеристу, если стоит пушка на прямой наводке. Ставь прицел, лови цель в перекрестие панорамы и — крой!

Вернидуб повернулся, чтобы подать команду, и заметил устремленный на него пытливый взгляд сержанта Боброва. Сержант стоял за недалеким кустом можжевельника, а дальше, за еловыми ветками, — замаскированное орудие. Свали одну ветку, и можно стрелять.

Угловатое, губастое, загорелое, как хлебная корка, лицо командира расчета было сосредоточенным, но не таким угрюмым, как всегда. Сергею показалось, что Бобров смотрит на него с сочувствием, точно понимает его душевное состояние. И это не понравилось Сергею. Не любил он, когда смотрели на него, как на подростка. Ведь ему двадцать второй!

Нарочито сдержанным голосом скомандовал:

— По дзоту у столба, гранатой, взрыватель фугасный, заряд полный, прицел тридцать два, отражатель ноль, угломер тридцать ноль-ноль, наводить в амбразуру, один снаряд...

— ...Один снаряд!.. — деловито и спокойно повторял за ним сержант Бобров.

— Огонь!..

Резко ахнула пушка, взвихрив впереди себя выхваченные из травы пыль и прошлогоднюю высохшую листву. Сергей прильнул глазами к биноклю. Ощутил знакомое каждому артиллеристу томление, пока снаряд летит до цели!

Но что это? Сергей ничего не видит. В окулярах бинокля — рыжая муть.

Сергей опустил бинокль и прямо перед бруствером своего окопа заметил круглую мохнатую пышку, из которой вытекала струйка рыжей пыльцы, образуя небольшое облачко. Это волна выстрела бросила сюда прошлогодний, просохший насквозь гриб — «порхушку».

Сергей отодвинулся в сторону и опять припал глазами к биноклю. Тотчас же прямо перед собой увидел приближенное линзами бинокля клубящееся облако взрыва. Дзот и телеграфный столб исчезли в нем.

Сергей повернулся к орудию и, удостоверившись, что наводчик уточняет наводку, чуть помедлил и снова скомандовал:

— Огонь!

«Для верности»,— подумал он и опять поднял бинокль.

Вернидуб был убежден, что снаряды точно легли в цель, и хотел увидеть это. Но пыль и дым, поднятые взрывами снарядов, как назло, долго не рассеивались. Будь он, Сергей, сейчас где-нибудь в стороне от пушки, мог бы сразу уточнить, куда упали его «гостинцы».

В воздухе тоненько завыла мина. Сергей понял, что немцы засекли его пушку.

— Отбой! Орудие в укрытие! — подал команду.

Солдаты впряглись в лямки и быстро покатили орудие в глубь мелколесья, к заранее под-

готовленному окопу. Вернидуб же остался на прежнем месте, чтобы посмотреть результаты стрельбы.

Вокруг огневой позиции, где недавно стояла пушка сержанта Боброва, рвались вражеские мины, а Сергей все всматривался вперед. Он точно окаменел, точно прирос к стенке окопа. Там, на линии вражеских траншей, уже осела пыль, поднятая разрывами снарядов, растаял дым, и Сергей отчетливо видел в бинокль, что дзот и телеграфный столб — невредимы. Снаряды не долетели до цели метров сто. А пушка уже в укрытии...

Такого с ним еще не бывало.

«В чем дело? Что подумают подчиненные, капитан Ломтев?..»

Сергей представил себе наблюдательный пункт командира дивизиона. Был убежден, что Ломтев наверняка следил в стереотрубу за его стрельбой.

Собравшись с мыслями, Сергей опять высчитал расстояние до цели. Все правильно, ошибки быть не может. Значит, подкачал наводчик или с зарядами неблагополучно...

Минометный обстрел утихал, и Вернидуб, выскочив из окопа, побежал в тыл, куда расчет укатил пушку.

Сержанта Боброва он нашел в ровике, вырытом под кустом можжевельника. Бобров сидел там вместе с наводчиком — молодым черноглазым пареньком, у которого на погонах краснели ефрейторские лычки, и молча курил самокрутку. Остальные номера расчета укрылись в щелях по соседству.

— С каким прицелом вели огонь? — строго спросил у наводчика Вернидуб.

— Как было приказано, — ответил за ефрейтора Бобров. — Только, товарищ лейтенант, мне кажется, что цель находится дальше. Просчет получился.

Сергей метнул на сержанта негодующий взгляд.

«Верно, — подумал, — надо было промерить расстояние по другим ориентирам...» Резко подал команду:

— К бою! На колеса!

Расчет бросился к широкому окопу с высоким бруствером и выкатил оттуда пушку. Вернидуб, ухватившись за щит, вместе с солдатами начал неистово толкать ее вперед.

В этот момент услышал голос связного:

— Товарищ лейтенант, к телефону. Командир дивизиона вызывает.

— Отставить, — глухо сказал Сергей расчету и, уронив голову, побрел на основную огневую позицию взвода.

Молча сел на землю возле окопчика телефониста, молча взял трубку и каким-то чужим, надломленным голосом сказал:

— Лейтенант Вернидуб у телефона.

В ответ услышал спокойный, твердый голос Ломтева:

— Вернидуб, фашисты надули нас с вами. А стреляете хорошо. Снаряды положили в одну точку и в створе цели.

Сергей приготовился услышать что угодно: упрек, ругань, насмешку — только не этот спокойный голос да еще похвалу. За что?! Он хотел возразить, но уловил в голосе Ломтева жесткие нотки:

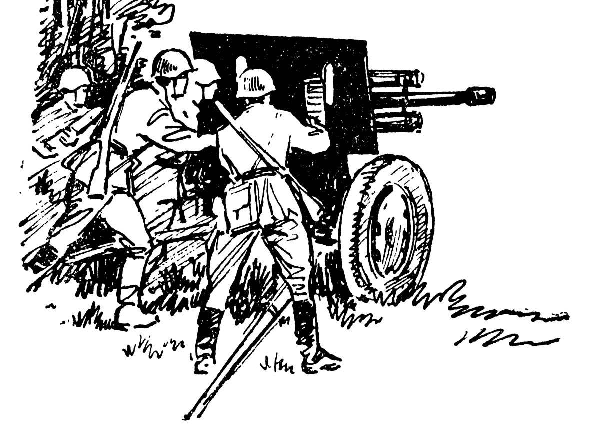
— Приказываю уничтожить дзот. Только не нервничать! — затем голос командира дивизиона

зазвучал совсем мягко: — А телеграфный столб, когда вновь будете определять расстояние до цели, в расчет не принимать? Ясно?

* * *

Командир дивизиона не отрывал глаз от стереотрубы. Ветер тихо качал дерево, и в окулярах оптического прибора мерно колебались земля и небо. Ломтев наблюдал за дзотом, расположенным у столба. По его расчетам, лейтенант Вернидуб вот-вот должен был опять открыть огонь.

Вдруг Ломтев увидел, как чуть правее дзота взметнулось серое облачко разрыва. Пред-

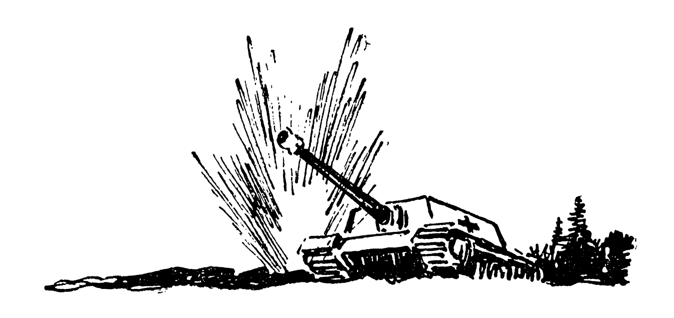

ставил себе, что делается сейчас на огневой позиции. Вернидуб, наверное, скомандовал: «Отметиться по разрыву!» Наводчик снова ловит амбразуру дзота в перекрестие панорамы. Потом кладет пальцы на шершавые насечки барабанчиков угломера и отражателя, подводит центр перекрестия панорамы к центру разрыва снаряда и опять лихорадочно крутит обеими руками ручки подъемного и поворотного механизмов, снова наводит перекрестие прицела в амбразуру. Наверное, уже навел.

Словно в подтверждение мыслей Ломтева, над тем местом, где находился фашистский дзот, вскинулись вверх глыбы земли, в клубах дыма и пыли мелькнули бревна. Через некоторое время донесся звук выстрела.

— Молодец, — спокойно промолвил Ломтев.— Вторым снарядом поднял цель на воздух...

Вдруг капитан увидел, как на опушке рощицы, которая раскинулась за вражескими траншеями, зашевелились кусты. Крадучись, из них выползла самоходная пушка — бронированная коробка на гусеницах. На ее бортах были закреплены зеленые ветки для маскировки, и даже

на длинном стволе висели какие-то букеты из зелени.

Ломтеву было ясно, что фашисты намеревались уничтожить орудие Вернидуба.

«Видит лейтенант опасность или нет? Вдруг не видит? Тогда — каюк...»

Капитан схватился за телефонную трубку:

— Срочно «Звезду»!

«Звезда» — первая батарея — отозвалась без промедления.

— Батарея, к бою! — скомандовал ей Ломтев.

Не успел он передать данные для стрельбы, как заметил, что у самого борта немецкой самоходки, смахнув с нее маскировку, взорвался снаряд.

«Вернидуб бьет», — Ломтев с облегчением вздохнул и умолк, позабыв, что там, на батарее, ждут его дальнейшей команды.

На конце ствола самоходки сверкнула вспышка выстрела. В тот же миг ее окутало облако разрыва. Когда облако развеялось, Ломтев увидел: самоходная пушка, вскинув ствол к небу, стояла недвижимо. От нее убегал к роще экипаж. Вскоре струйка дыма над пушкой превратилась в столб...

— Вот это по-нашему! — воскликнул Ломтев и начал поспешно спускаться по лестнице на землю. Ему хотелось сейчас же побывать у лейтенанта Вернидуба.

* * *

Предутреннюю тишину разорвал артиллерийский шквал. На позиции фашистских батарей, на траншеи, опорные пункты, на дзоты посыпались сотни снарядов и мин. Артиллерийская подготовка была мощной и длительной.

После того как пехота и танки углубились в оборону фашистов, капитан Ломтев покинул свой наблюдательный пункт. Сев на лошадь, он поехал вперед, на новый, заранее намеченный НП, куда связисты уже потянули телефонную линию.

Вокруг простиралась местность, так хорошо изученная с вершины сосны, но совсем неузнаваемая сейчас. Обгорелые кусты, скрюченная проволока, заваленные траншеи. В воздухе висела рыжеватая пыль и пахло сгоревшей краской. Справа по дороге мчалась артиллерийская упряжка, за ней — вторая... Это батареи его дивизиона начали менять огневые позиции. Первым устремился вперед огневой взвод лейтенанта Вернидуба.

Повернув лошадь к дороге, Ломтев дал шпоры. Впереди дымились два «тигра», и он был уверен, что артиллеристы Вернидуба хоть на минутку задержатся около подбитых ими танков.

Однако капитан ошибся. Сергей Вернидуб спешил к злополучному телеграфному столбу. Столб лежал на боку, сваленный снарядным взрывом, исклеванный осколками.

У самого столба дорогу пересекала полуобвалившаяся траншея. Солдаты, вынув лопатки, начали зарывать ее, чтобы перевезти пушки. А лейтенант Вернидуб топтался у лежавшего на боку столба и скреб огрубелыми пальцами затылок...

Когда Ломтев приблизился к месту, где работали артиллеристы, Вернидуб поспешил ему навстречу.

— Товарищ капитан, — доложил Сергей. — Второй огневой взвод второй батареи следует на

новую позицию.— Потом менее официально добавил: — А загадку столба раскрыл...

— Ну и как?

— Схитрили фашисты! Нарастили столб. Свалили, наточали и опять вкопали. Стреляйте, мол!.. Вот посмотрите.

— Хитро! — засмеялся Ломтев.— Я так и подумал, когда вы первый раз не дотянулись снарядами до дзота... Хитро! Вот об этом и напишу я в училище. Пусть и там учат нашего брата в оба смотреть. И о самоходке и двух «тиграх», которые вы подбили, напишу. Идет?

— Так не я же, товарищ капитан! — возразил Вернидуб.— Расчеты стреляли. Особенно расчет сержанта Боброва бьет здорово.

— Значит, общий язык с расчетами нашли,— не то спрашивая, не то утверждая, сказал Ломтев.

— Нашел! — Сергей посмотрел на дорогу, где через заваленную траншею переезжали его пушки, и встретился взглядом с сержантом Бобровым; губастое лицо командира орудия расплылось в доброй, теплой улыбке.

„ПАН“ ПЕЧЕРИЦА И ЛОПАТКА

Михась Печерица — рядовой третьей роты — не чуял под собой ног. Он шел по родным местам, шел на запад. Тяжело было видеть разоренные города и села Белоруссии. Но враг, разгромленный под Витебском, Бобруйском и восточнее Минска, бежит без оглядки, и впереди ждет Михася родной дом.

Стоял жаркий июль 1944 года. Солдаты третьей роты, вытянувшись в две длинные цепочки, устало брели по обочинам проселочной, но очень оживленной дороги. Дорога стелилась меж полей, зеленевших сорняками и редкими посевами. По ней катились повозки полкового обоза, проезжали, надрывно гудя,— требуя, чтобы обозники уступали дорогу,— грузовики.

— Дышать нечем от пылищи,— ворчал сосед Михася Печерицы, высокий и худой Василий Ивлев, и утирал рукавом на лбу пот.

Михась Печерица только улыбался в ответ. Ему повезло. Он шел по родному району. Был уверен, что хоть на часок, но заглянет в свое село. Ведь рота держит путь прямо на Бобовню. А не доходя этого городка — его Клиничи. Три года, как покинул их Михась. А три года — не шутка. За это время Михась не раз бывал

на волосок от смерти, дважды получал в бою тяжелые раны, успел залечить их, успел и навоеваться досыта — насидеться в землянках и траншеях, находиться по разбитым дорогам, натерпеться и насмотреться такого, что никогда не забывается. Но не в нем дело. Как там сейчас родные Клиничи, как старики — отец, мать? Выжили ли?..

Старался отогнать от себя страшные мысли. Хотелось верить, что впереди — только хорошее...

На очередном большом привале, в запущенном вишняке разрушенного войной села, Михась Печерица заменил на своей пилотке маленькую звездочку большой звездой; приладил под погоны тонкую проволочку, чтобы они выглядели ровными, аккуратными; вынул новый кожаный ремень, который долго носил в своем вещевом мешке. Михасю хотелось войти в родное село принаряженным, бравым, похожим на командира. Даже снял часы с руки — подарок отца — и тщательно протер их платочком.

Василий Ивлев, лежа в тени старой вишни, молча наблюдал за хлопотами Михася и улыбался.

— Хочешь, попрошу у нашего генерала фуражку напрокат? — спросил он.

— Не хочу...

— Ну, машину. Легковую. То-то удивятся твои земляки!..

— Отстань! Дойду без машины. Меньше бы только привалов было.

— Ишь, какой прыткий! — засмеялся Ивлев.— До твоих Клиничей еще два дня ходу. Неужели готов без передышки шпарить?

— Так разве это много? — удивился Ми-

хась.— Три года топал к ним. А два дня — не срок, не расстояние...

Но Михась кривил душой. Каждый час ему казался необычайно долгим и нудным. Он то и дело вздыхал и с завистью поглядывал на проезжавшие мимо грузовики.

Раздалась команда: «Становись!» Торопливо надевая вещмешок, скатку, Михась заметил в траве чехол для лопатки. Может, и не обратил бы внимания на тот чехол, если бы он был обычный — брезентовый. Но чехол, который валялся в траве, оказался кожаным, куда лучше, чем у Михася. Михась подобрал его и, когда рота снова зашагала по обочинам дороги, внимательно рассмотрел находку.

«Самодельный, что ли?» — недоумевал он. Попробовал вложить в него лопатку. Кажется — в аккурат! Только петля для ремня немного длинновата. Лопатка больше обычного болталась на ходу. Но это сущий пустяк. И Михась, оглядев свой старый, потертый верхними загибами лопатки брезентовый чехол, без сожаления зашвырнул его в бурьян.

— Пан Печерица! Чего сердишься? — крикнул, погоняя лошадей, ездовой Петр Козев, у которого над ухом просвистел летящий чехол.

...Один, второй, третий привал позади. Солнце начало клониться к горизонту, но жара все еще стояла нестерпимая. Трудно было пошевельнуть языком в пересохшем рту, на зубах скрипел песок. А фляга была пустая.

Уже ни о чем не хотелось думать. Даже мечты, всегда сопровождающие солдата в походе, когда нужно долго и молча шагать в строю, теперь не волновали Михася. Позади — далекий,

пройденный пешком путь. Спать приходилось мало. И усталость невероятной тяжестью наваливалась на Михася. Лямки вещмешка, ремень винтовки все больше впивались в плечи; скатка казалась, как никогда, громоздкой и неудобной. Много хлопот доставлял поясной ремень, на который были надеты сумка с гранатами, фляга, чехол с лопаткой. Туго затянешь его — дышать нечем, ослабишь — вниз ползет. Даже часы на руке казались тяжелыми.

Михась покосился на своего дружка Василия Ивлева. Он шагал рядом — высокий, молчаливый, согнувшийся под тяжестью боевой выкладки. Как и у Михася, гимнастерка его потемнела от пота на плечах, на спине, а по обе стороны впившегося в плечо оружейного ремня сверкали мельчайшие кристаллики соли.

Еще осталось позади несколько километров. А жáра не спадала. Но больше всего мучений причиняла лопатка. Найденный чехол оказался большим, петля, в которую продет ремень, — слишком длинная. И черенок лопатки в такт каждому шагу больно бил по ноге. Правда, боль почувствовал Михась только теперь. Раньше удары черенка казались пустяковыми.

Михась начал подсчитывать в уме, сколько уже раз ударил его черенок. От вишняка, в котором останавливались на большой привал, отошли километров двадцать. Каждый километр — тысяча метров, каждые два метра равны трем Михасевым шагам.

Михасю стало не по себе: каждый пройденный им километр означал полторы тысячи ударов по ноге!.. А если умножить на двадцать!

В глазах Михася потемнело. Ему показалось, что нога его одеревенела и тихонько гудит под

ударами черенка, вот-вот треснет. Десятки иголок пронизывают тело.

Еще шаг, второй — и Печерица свернул в сторону. Сел в придорожный кювет, на запыленную траву.

Мимо Михася шли все новые отделения, взводы. Вот уже клубится пыль под ногами солдат четвертой роты... Михась с трудом поднялся, проковылял шагов двадцать и остановился. Проклятый черенок еще немилосерднее лупил по ноге.

Солдат растерянно посмотрел вокруг. Он понял, что не догнать ему теперь свое отделение. И неожиданно на одной из проезжавших мимо повозок увидел Петра Козева — немолодого солдата из своей роты.

«Так это ж наша повозка»,— обрадовался Михась и окликнул Козева.

— Что, пан Печерица, поотстал малость? — спросил тот.

Михась обычно огрызался на шутки Козева. А сейчас вместо ответа цепко ухватился за край повозки и молча пошел рядом с ней.

— Садись, подвезу трохи,— предложил Козев.

«Это уж дудки, — подумал Михась. — Все идут, а меня, как барышню, в карете... Засмеют хлопцы...»

Но тут у него возникла другая мысль:

«А что если лопатку положить в повозку? Догоним фашиста, сразу и заберу ее».

— Дядько Петро, удружи, — попросил Михась,— чехол лопатки у меня неисправен. Замучил черенок солдата. Припрячь-ка лопатку, потом отдашь...

* * *

Ночь настигла третью роту недалеко от переправы через довольно широкую речку.

Михась Печерица лежал на обочине дороги, наслаждаясь отдыхом и мечтая о той счастливой минуте, когда придет он в родное село. Вокруг него слышались в темноте приглушенные разговоры, раздавалось покашливание, вспыхивали светлячки папирос. Третья рота дожидалась своей очереди идти через мост.

И вдруг яркие вспышки озарили поле, дорогу, реку. Загрохотали тяжелые взрывы...

Как очень часто бывает на войне, случилось непредвиденное. К этой же самой переправе устремились из недалекого леса вырвавшиеся из окружения остатки фашистской группировки. Враг под прикрытием минометного и пулеметного огня надеялся смять двигавшиеся по дороге подразделения советских войск, завладеть переправой и проскочить на западный берег речки.

Воздух наполнился знакомым воем мин. Над головой Михася с шипением пронеслись осколки. Одновременно со стороны леса ударили пулеметные очереди, и над полем скрестились огненные нити — следы трассирующих пуль.

На дороге послышались команды, выкрики, стоны раненых.

— Чего к земле прирос? — в самое ухо крикнул Печерице Василий Ивлев.— Вперед!

Михась понял, что «вперед» — это не вперед, через мост, к родным Клиничам, а почти назад, где появился враг. Он только сейчас заметил, что солдаты его отделения, как и всей роты, развернувшись в цепь, побежали к лесу. Еще

минута, и их полусогнувшиеся фигуры растворятся в темноте.

Михась вскочил на ноги и устремился вслед за Ивлевым, навстречу вспышкам выстрелов, светлячкам пуль, сердито взвизгивавшим у самого уха.

Уставшие ноги спотыкались о кочки, скользили по траве. Дорога осталась далеко позади, а Михась все бежал. Он уже догнал развернувщуюся цепь роты, снял с предохранителя курок и, на миг останавливаясь, стрелял в темноту. Он понимал, что врага нужно задержать, оттеснить от переправы, сковать боем, а потом разгромить. Иначе не пройти ему в Клиничи. У Михася не было страха, хотя он знал, ощущал всем своим телом, что любой из пролетавших в темноте светлячков может угодить в него и потухнуть вместе с его, Михасевой, жизнью. По правде говоря, ему не верилось, что так близко от родного села, от той минуты, когда распахнет он знакомую дверь, его может сразить пуля.

Рота залегла на ровном поле. Дальше двигаться нельзя — противник стреляет в упор. В небо то и дело взмывают, оставляя огненные следы, ракеты и затем ослепляют ярким светом все живое.

По цепи передали команду: «Окопаться!» Михась отполз немножко в сторону за кусты полыни, выбирая лучшее место для наблюдения, затем привычно потянулся правой рукой за лопаткой... И только тут он вспомнил, что его малая саперная осталась в повозке Петра Козева.

А враг словно догадался, что солдату Печерице нечем окопаться. Пули все гуще начали

долбить вокруг землю, осколки с шипением вычерчивали борозды.

Михась надеялся, что скоро последует команда «Вперед» и тогда не придется окапываться. Но такой команды не было. Да и сам он начал понимать, что рота сблизилась с противником и атаковать, не разведав его сил, бессмысленно.

Михась отполз в сторону, потом перебежал чуть вперед и уткнулся головой под другой куст полыни. Надеялся отыскать поблизости воронку. Но где ее найдешь, когда поле большое, а мины и снаряды ложатся позади цепи.

Никому, наверное, из солдат никогда не хотелось, чтобы снаряд упал поближе к нему. А Михасю первый раз в жизни захотелось: ему нужна воронка. Но разве можно укрыться от смерти под полой смерти?!

Справа и слева от куста полыни вскидывались вверх фонтанчики земли. Это окапывались товарищи. Эх, узнали бы они, что бывалый солдат Михась Печерица дал такого маху: пришел в бой без лопатки. Ведь лопатка в бою, что ложка за обедом...

Попробовал почву руками. Твердая, давно не паханная. И тут его осенило: нож! Он достал свой перочинный нож, открыл его и торопливо начал ковырять впереди себя, вырезать квадратики земли и выворачивать их пальцами.

А враг бесновался. Видимо, на опушку леса выходило все больше гитлеровцев: пулеметный огонь с той стороны усиливался. Михась понял, что ножом ему не окопаться.

«Неужели убьют?» — впервые мелькнула в его голове мысль. Огляделся. Товарищи продолжали зарываться в землю; а он, невидимый за полынью, лежал беспомощный, растерянный. Еще

одна мысль пришла ему в голову. Михась быстро снял с винтовки штык и принялся ковырять им землю. Дело пошло быстрей. Он чувствовал, как горят его руки, как лопается на них кожа, но, прикусив губу, продолжал копать впереди себя и выгребать пальцами землю.

Если бы кто раньше сказал Михасю, что штыком можно окопаться, как и саперной лопаткой, он ни за что не поверил бы... А вот же окопался.

Утро встретил Михась в глубоком окопе. Солдат был готов к отражению вражеской атаки, но далеко не спокоен. А если опять команда вперед? Неужели снова придется окапываться штыком?

Михась знал, что нужно доложить о своем положении командиру отделения. Но стыд жег его щеки, и он медлил, откладывая доклад с минуты на минуту.

Вдруг он увидел, что недалеко от его окопа ползет незнакомый солдат с окровавленной на правом плече гимнастеркой.

— Браток! — позвал Михась раненого. Но солдат не слышал. Тогда Михась, невзирая на обстрел, выбрался из своего окопчика, в несколько шагов настиг раненого и упал рядом с ним.

— Браток! — прямо в ухо ему горячо зашептал Михась.— Отдай мне свою лопатку, зачем она тебе в санбате?

Раненый удивленно поднял брови на бледном, покрытом капельками пота лбу, не понимая, что от него хотят.

— Лопатку, оставь лопатку!..

— Ну, нет. Это имущество казенное. Как отчитаюсь? Да и мне пригодится... Перевяжусь — и вернусь в цепь...

Михась умолк, не зная, что ответить. А солдат ждал, пока тот уступит ему дорогу.

— Браток! — опять зашептал Михась.— Дай, браток. Возьми мои часы за это. Почти новенькие, батька подарил...— Михась торопливо отстегнул часы и сунул их к глазам раненого.

Солдат оторопело поглядел на ярко сверкавшие часы, потом посмотрел в лицо Михасю и сказал:

— Без надобности мне чужие часы. Дай дорогу...— Но потом, подумав, добавил: — Ладно, отстегивай лопатку, вояка... А подарок батьки беречь надо...

* * *

Бой закончился. Через переправу потянулись колонны нашей пехоты, которой после стычки с «бродячим котлом» охотно уступали дорогу обозы. И шоферы на своих грузовиках уже так не рвались вперед.

А третья рота, принявшая на себя основной удар гитлеровцев, расположилась на опушке леса. Солдаты, рассевшись на траве, одни чистили оружие, другие гремели котелками, готовясь к завтраку. На лесной дороге дымилась кухня.

Со стороны походной кухни показался Петр Козев. В руках он держал малую саперную лопату. Увидев Михася Печерицу, что-то колдовавшего под кустом орешника над своим вещмешком, Козев повернулся к нему спиной и, обращаясь к солдатам, громко спросил:

— Кто может сказать, где пребывает сейчас пан Печерица?!

Михась вскочил на ноги, подбежал к Козеву.

— Дядько Петро,— зашептал он.— Это между нами... Давайте лопату.

Козев, вручив Михасю малую саперную, что-то еще хотел сказать, но, встретившись взглядом с глазами Печерицы, только крякнул и промолвил:

— Так-то оно...

Василий Ивлев, вытянув свои длинные ноги, лежал на боку и с усмешкой наблюдал, как Михась отпарывал, подрезал, а затем снова пришивал к кожаному чехлу лопатки петлю, которая надевается на ремень. Ивлеву была известна история, приключившаяся с Печерицей ночью. Михась не удержался — рассказал все дружку.

— Обе будешь таскать? — спросил он у Михася.

— А то как же? — удивился Печерица.— Объявится хозяин, возвратить нужно.— И он начал подгонять снаряжение — надел ремень с двумя лопатками, подсумками, гранатной сумкой, приладил за спиной вещмешок, взялся за скатку.

— На верблюда похож,— хмыкнул Ивлев.— А почему ж командирский ремень спрятал?

— Ни к чему он мне,— хмуро ответил Михась.— Солдат должен быть солдатом.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Стаднюк

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ — ФРОНТ

Редактор *Ильинская Е. А.*
Художник *Воробьев Н. А.* Художественный редактор *Гречихо Г. В.*
Технический редактор *Буковская Н. А.*
Корректор *Заостровцева В. Ф.*

Сдано в набор 31.12.59 г. Подписано к печати 10.5.60 г.
Г-60346
Формат бумаги $70\times92^1/_{32}$ — $13^3/_4$ печ. л. = 16,088 усл. печ. л.
17,071 уч.-изд. л.
Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, Центр, Тверской бульвар, 18
Изд. № 12/2172 Цена 5 р. 75 к. Зак. № 1049.

2-я типография Военного издательства
Министерства обороны Союза ССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Цена 5 р. 75 к.

И. СТАДНЮК ★ МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ—ФРОНТ